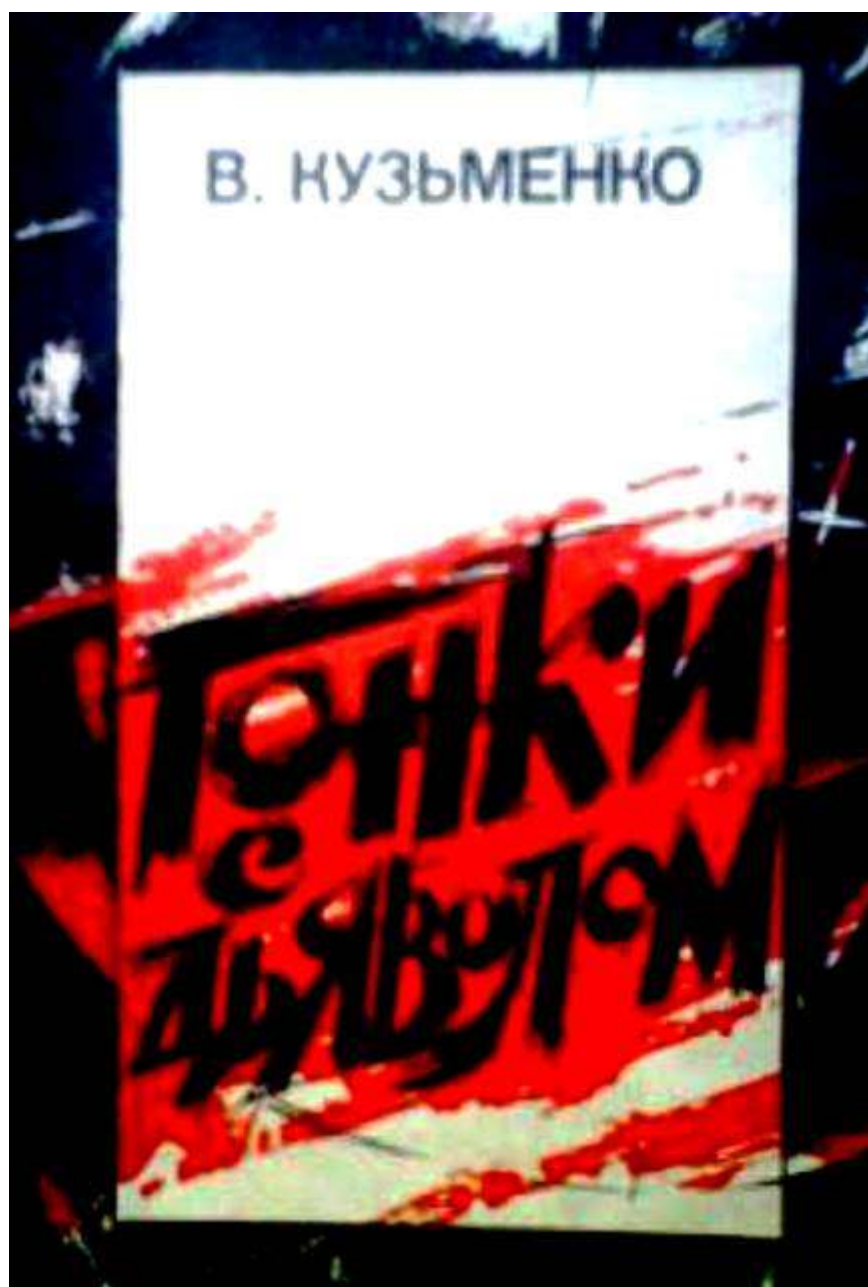

Владимир Кузьменко

Гонки с дьяволом

ТРЕВОГИ ПОЛНЫЕ НАДЕЖД, ИЛИ ПЕРМАНЕНТНОЕ СРАЖЕНИЕ СО СВОИМ ПРОШЛЫМ

(Предисловие литературного редактора)

Увидела свет вторая книга В Кузьменко. За автора можно порадоваться: трилогия «Древо жизни» пришлась по душе многим читателям. Будем справедливы, появились у новорожденного писателя-фантаста и свои противники. Но, что любопытно, и те и другие довольно эмоционально отстаивают свою точку зрения. Значит, не остались равнодушными. Поклонников больше. Об этом говорит и тот факт, что «Древо жизни» вышло 300-тысячным тиражом, а в адрес редакции «Книжного обозрения» продолжают и по сей день поступать письма читателей, желающих приобрести трехтомник. Мы же решили поступить несколько иначе: выпускаем новый роман В. Кузьменко, открывающий еще одну грань его творчества. По крайней мере, на первый взгляд это может показаться именно так. Действие происходит не где-то на иных планетах, и с внеземным разумом мы с вами не сталкиваемся. Все здесь, у нас, на земле. В нашей стране... Стоп! Не в стране, а в странах, именуемых чуждо и непривычно — СНГ. Но это — пока я пишу эти строки. Кто знает, что еще будет, когда книга выйдет в свет. Все так стремительно меняется. Увы, не только в политике, но и в природе.

Время начала катастрофы в романе обозначено четко и жутко: 1992-й год. Жутко еще и оттого, что события, происходящие в нем мало напоминают фантастику. Скорее — это репортаж с места события. События, признаки которого уже сегодня сопутствуют нашей жизни.

Да, мы сегодня листаем страницы наших растерянных газет в надежде узнать, что с нами происходит и еще больше запутываемся в вавилонском столкновении мнений и прогнозов. Достоверность фантастики В. Кузьменко в дилогии «Гонки с дьяволом» опирается на реалии нашей жизни и ей веришь не как гипотетическому взгляду ученого, а как человеку, тянущему себя за волосы из водоворота.

Взрыв эпидемии СПИДа, вирусы которого, войдя в «содружество» с вирусами других инфекционных заболеваний, порою созданных самим человеком как биологическое оружие, мутируют, становятся непобедимыми, выкашивают население планеты. Природа не щадит человека, безжалостно мстя ему за такое же безжалостное надругательство над собою. Создается впечатление, что она попросту избавляется от наиболее опасного для нее биологического вида.

Эпидемия сопровождается стихийными бедствиями — землетрясениями, тайфунами, разливами рек, извержениями вулканов.

Смываются плотины, взрываются атомные электростанции, вырываются из хранилищ смертоносные газы, химическая и биологическая смерть, пылают города. Рушатся зыбкие нравственные бастионы общества. Человечество

агонизирует... Небольшим группам людей, волею случая оказавшимся в живых, предстоит либо начать новую жизнь на изуродованной и враждебной планете, либо погибнуть в схватках с ней, друг с другом, а, возможно, и каждому с самим собой...

Роман-катастрофа, роман-предупреждение — направление в фантастической литературе не новое. Тема мировых катаклизмов привлекала фантастов еще в прошлом веке. Родоначальник этого жанра — англичанка Мэри Шелли с ее «Последним человеком» (1826 г.), оказавшимся действительно последним на нашей планете в 2092 году (видимо писательница ошиблась на сотню лет?) из-за губельных последствий эпидемии чумы. Даже Джек Лондон в 1915 году испытал из притягательной чашки этого жанра в своей «Алой чуме».

Впрочем, это и понятно. Для большинства серьезных писателей сама фантастическая посылка, как правило, служит лишь предлогом высказать свои воззрения на окружающий мир, оценить Человека через призму дня «Д», Дня гнева, Судного дня.

Целая волна романов-катастроф хлынула в мировую фантастику после взрывов Хиросимы и Нагасаки, приоткрывших дорогу в ад, сооруженный человеческим гением. Вспомним произведения К. Воннегута, Ф. Нибела, «Обезьяну и сущность» О. Хаксли, «На берегу» Н. Шюта, «День триффидов» Д. Уиндема, конечно же классика фантастики о последствиях мировой ядерной войны Уолта Миллера-младшего с его знаменитой эпопеей «Гимн Лейбовицу» и, безусловно, «Мальвиль» Робера Мёрля.

У дилогии «Гонки с дьяволом» В. Кузьменко есть существенное преимущество перед этими западными шедеврами. Проигрывая им по художественному уровню, роман кажется понятней и ближе нам, встревоженным читателям Содружества Независимых Государств.

Взыскательного читателя многое может раздражать в книге В. Кузьменко — от стиля изложения, до рассуждений главного героя о необходимости демократического устройства общества, которые нередко кажутся ханжескими, т. е. сам он действует как самый настоящий диктатор, утверждая свои принципы «огнем и мечом», не гнушаясь расправляться с насильниками не цивилизованным способом, а самыми изощренно-зверскими методами, упорно стремится к постоянному преимуществу над окружающими, в том числе и над ближайшими друзьями. За ним всегда последний аргумент в споре, он постоянный победитель в схватках с противником и все самые красивые женщины, безусловно, влюбляются в него, безропотно обретая личное счастье в гареме своего супер-героя.

Конечно, к этому можно отнестись со снисходительной иронией, но... Но, где же он — супер-герой нашей отечественной приключенческой литературы? Не надо рыться в памяти, можно утонуть до начала века... Да, пусть он вызывает улыбку. Но такую, как ребенок, делающий свой первый в жизни шаг.

К тому же на дороге, полной ям, рытвин и колдобин. Герой В. Кузьменко — сын (или продукт?) нашего беспокойного времени, когда взоры многих людей устремлены на экраны телевизоров и трибуны митингов с тревогой и надеждой: кто он, этот супер-герой, который выведет нас из правового хаоса, поднимет с колен, с гордым презрением отдернет руку от гуманитарных подачек Запада нищим бывшей великой державы — Горбачев? Ельцин? Руцкой? Назарбаев? Кравчук? Жириновский? Дудаев? Гамсахурдия? Кого еще выбросит пенная волна времени на замусоренный берег нашей истории? Поэтому разве не логично, что черты каждого из них в той или иной степени мы можем обнаружить и в супер-герое В. Кузьменко.

И есть еще одно обстоятельство, которое привлекло меня к этой книге, заставило готовить ее к печати. Это — даже не ощущение захватившей в свой поток катастрофы, о которой предупреждает автор, а скорее то, какими мы оказались в ее водовороте, сколько неожиданного и непредсказуемого обнаружили в себе,

Неужели все будет так...

Станислав Яценко

Книга 1
КАТАСТРОФА
Глава I
НАКАНУНЕ

— Ты — неудачник! — сообщила мне жена перед тем, как мы навсегда расстались.

В чем-то она была права.

Мне было 33 года. Лет пять назад я успешно защитил кандидатскую диссертацию, затем сравнительно легко получил доцентуру и стал работать над докторской. Прошло немало времени, а цель — получение степени доктора медицинских наук и профессорского звания удалялась в непредвиденное будущее. Вместе с моими неудачами весьма сомнительной становилась мечта моей супруги — стать женой профессора и в этом качестве уехать за рубеж. Она полагала, что профессорского звания для этого вполне достаточно.

В стране проходил процесс, широко известный под названием «утечка умов», но я в этом марафоне не участвовал. Супругу я не разубеждал в ее мечтах, так как не принимал их всерьез

Мои научные неурядицы начались с выбора темы. Работая с моделями центральной нервной системы, я обнаружил интересную закономерность, которую мне хотелось проверить. Дело в том, что на моделях результат обработки сенсорной информации во многом зависел от исходной фоновой

активности нейронных сетей. Я подумал, что характер принятия решений, а отсюда и поступки человека, зависят не только от того, какая информация поступает на его органы чувств и что содержит его память, но и от того типа исходной фоновой активности, на которую накладываются потоки входной информации. Моя догадка совпала с пиком кампании по борьбе с алкоголизмом и наркоманией. И тут меня осенило: ведь эти недуги рода человеческого могут извращать фоновую активность. А не исправив ее, невозможно исправить и само поведение человека. На моделях и на бумаге все получалось отлично. Но, чтобы проверить все это на человеке, необходимы были две вещи, которыми я не располагал: квантовый магнитометр и сурдокамера. Только в сурдокамере, при отсутствии всяких информационных входных сигналов, можно было надеяться на получение фоновой активности головного мозга в чистом виде. Магнитометр же позволял проводить бесконтактное снятие энцефалограмм, а в данном эксперименте это было обязательным.

Ректору моя идея понравилась. Но помочь институт ничем не мог.

— Ищи партнеров, — посоветовал он мне. — С моей стороны ты будешь иметь полную поддержку.

Поиск партнеров привел меня в одно из крупных научно-производственных объединений Москвы, которое как раз занималось выпуском магнитометров и сходными научными исследованиями. Но чисто научное сотрудничество с периферийным мединститутом москвичей не привлекало. Они соглашались построить сурдокамеру, но где-нибудь в живописной местности, с тем, чтобы на долевых началах создать там свою базу отдыха. Для этой цели как нельзя лучше подходил наш спортивный лагерь, располагавшийся в районе живописных озер Прикарпатья. Там прекрасно ловилась рыба, а в окрестных лесах водились ягоды и грибы. Однако план не вызвал особого энтузиазма в нашем институте и дело зашло в тупик.

Я уже совсем было отказался от идеи построить сурдокамеру, но совершенно случайно познакомился с интересным человеком. Он был президентом одной из ассоциаций, в которую входило несколько совместных предприятий.

— Вы напрасно пытаетесь получить помощь от государства, — сказал он. — Оно вам ничем не поможет, так как само разваливается на глазах. Тем не менее, проблема ваша интересна. Особенно, если это касается лечения алкоголизма и наркомании у подростков. Наша ассоциация могла бы вложить часть своих средств в создание образцовой детской школы-интерната. Хотите заведовать им? Но предупреждаю: дети там будут трудные! Как раз на них сможете попробовать свои методы.

Я согласился.

Учредители интерната или, как они его стали называть, стационара, купили участок земли неподалеку от нашего спортивного лагеря и за год построили два больших спальных корпуса и десяток коттеджей. Быстрота приобретения земли

и строительства объяснялась просто — за все платили долларами. Эти зелененькие бумажки становились в нашей стране волшебным ключиком, открывающим многие двери. Пока шло строительство, я мог убедиться, что на них можно было купить не только оборудование и материалы, но и расположение правительственных чиновников.

На территории стационара была заложена сурдокамера с набором необходимой измерительной аппаратуры. Особую радость мне доставляла небольшая поликлиника, оборудованная по последнему слову техники. В ней работали двое врачей, согласившихся покинуть город, чтобы жить в живописной, не загрязненной промышленными отходами местности.

Мой уход из института и вызвал соответствующую реакцию жены. Когда женщина говорит вам, что вы не тот, кто ей нужен, не пытайтесь ее в этом разуверить. Она права дважды: вы не тот и она не та. Расставайтесь легко, без обиды. Поэтому я не стал возражать, а забрал свои бритвенные принадлежности, несколько рубашек, сложил все это в дорожную сумку и вышел, сказав, что за остальными личными вещами заеду позже.

Честно говоря, все эти четыре года совместной жизни были не такими, о которых можно было бы сожалеть.

Я спустился по лестнице и вдруг вспомнил, что забыл главное. Вернулся и позвонил. Елена Михайловна, так звали мою теперь уже бывшую супругу, открыла дверь и вопросительно посмотрела на меня.

Я достал бумажник и отсчитал пять сотен.

— Передашь Николаю и Юрке. На первое время им хватит, потом еще подкину.

Юрка и Николай — это мои племянники, сыновья погибшего в Афганистане брата. Они приехали ко мне в прошлом году после поступления на первый курс политехнического института. Оба перед этим прошли службу в армии. Николай был старше своего брата на год и после армии работал некоторое время механиком в гараже. Они жили со своей матерью в Одессе. Мы с Еленой два раза были у них летом и теперь настала наша очередь дать приют родственникам. Впрочем, я успел к ним сильно привязаться, хотя оба были порядочными оболтусами и больше уделяли времени юбкам, чем учебникам.

— Ты что, так мне ничего и не скажешь? — почти обиженно проговорила Елена. Она смотрела вниз, мне под ноги.

— Ты во всем права! — ответил я.

— Если бы ты захотел...

Но я уже сбегал по лестнице.

Внизу меня ждал Борис Иванович — завхоз нашего стационара. Он успел загрузить УАЗик спортивным инвентарем. Здесь были десятка три пар лыж, спортивные луки, ботинки с коньками, ящика три со школьными тетрадами.

Последнее меня очень обрадовало, так как с бумагой было довольно трудно.

— Ну что, поехали? — встретил он меня, уступая место в кабине.

— Да сидите, пожалуйста. Я с удовольствием поеду в кузове.

Я уселся поудобнее на грудку мягких узлов.

— Что здесь?

— Одежда, простыни. Будете курить? Я достал ваши любимые, — он протянул мне пачку «Лигерос».

— Вот спасибо! — обрадовался я.

С куревом становилось все хуже, а что касается кубинских, которые я предпочитал всем остальным за их крепость, то их вообще невозможно было достать.

— Как там без меня? Все в порядке?

— Не совсем.

— Что такое?

— Опять мак!

— Что?! Весной? Откуда?

— Вероятно, у местных остался запас коробочек.

— И кто же?

— Все та же Светка!

Эта Светка, вернее Светлана Шевцова, восьмиклассница, была настоящим бичом нашей школы. Здоровая шестнадцатилетняя девка, сидевшая по два года в шестом и седьмом классах, была дочерью весьма почтенных родителей. Ее папа, известный конструктор и членкор, привез ее в школу прошлой осенью.

— Я уже ни на что не надеюсь! — признался он. — Попробуйте своими методами. Может что-то получится. Заприте ее в сурдокамеру хоть на месяц, хоть на год, делайте с нею что хотите, только вылечите!

Светлана начала свою жизнь в нашей школе с того, что переспала со всеми мальчиками из десятого класса. Как она ухитрилась не забеременеть — уму не постижимо. Но это — мелочь! С собою из дома она привезла изрядный запас маковой соломки. Этой соложкой была туго набита ее ковровая подушечка. Конечно, никому и в голову не пришло, что Светкина подушечка содержит в себе адское зелье. Его присутствие в школе было обнаружено лишь после того, когда Светлана и две ее подруги по комнате стали проявлять характерные признаки «балдения». Светку трижды закрывали в сурдокамеру. Кстати, я обнаружил, что процесс «ломки» в ней протекает гораздо слабее. После третьего раза, когда она просидела там целую неделю и к ней были применены методы направленного информационного воздействия, корректирующие фоновую ритмику, поведение ее значительно улучшилось и она стала проявлять

интерес к учебе. Теперь вот снова произошел срыв.

— В милицию сообщили?

— Не успели.

— И не надо! Это мало что даст. Начнутся обыски, а это только поссорит нас с местными.

— Что же, мириться с тем, что какая-то сволочь торгует соломкой?

— Я переговорю с местным священником. Думаю, что он меня поймет и поможет. Светку же придется снова посадить в сурдокамеру. Она уже успела уколоться?

— Наверное нет. Ее поймали, когда она собиралась ее только варить. Перед этим ездила в Остров. — Что ей там нужно было?

— Говорила, что заказывала телефонный разговор с домом... Может подождем с сурдокамерой? Пусть хоть экзамены сдаст за восьмой класс?

— Ладно, посмотрим. Виталия Степановича придется строго предупредить, чтобы лучше следил за своими подопечными.

Виталий Степанович Копытко был завучем нашей школы. Так получилось, что среди учителей он был единственным мужчиной. Остальные учителя еще недавно числились студентками Пригорского университета. Откликнулись они на наше объявление о наборе учителей в «лесную школу». К сожалению, не пришел ни один мужчина. После того, как было отменено государственное распределение на работу выпускников высших учебных заведений, среди женщин, имеющих высшее образование, появилось много безработных. Руководители предприятий и других учреждений, в том числе и школ, охотнее принимали на работу мужчин. Единственным мужчиной, который захотел покинуть город и приступить к работе в «трудной школе», был Виталий Степанович. Согласился он, видимо, потому, что вместе с должностью завуча ему предоставлялась и квартира, которую он, несмотря на свой продолжительный педагогический стаж, так и не дождался на своей прежней работе. Ему было около сорока двух. Он так и не женился и, как всякий старый холостяк, был крайне озабочен своим здоровьем. Может быть и эта озабоченность тоже сыграла свою роль в решении переселиться в «курортную зону».

Через некоторое время мы оба начали испытывать разочарование. Он, потому что блага курортной местности и полного обеспечения (бесплатное жилье и питание) не компенсировали все неудобства и волнения, связанные с составом и характером учеников; меня уже всерьез стала раздражать его мнительность, истеричность, неумение создать атмосферу взаимного доверия с учениками и полное безразличие ко всему тому, что непосредственно не касалось его собственного здоровья.

Как-то, случайно зайдя к нему в комнату, я обнаружил работающий дистиллятор. Грешным делом я принял его за самогонный аппарат.

— Что это?!

— Это только дистиллятор! Уверяю вас! — поспешил успокоить меня Виталий Степанович. — Дело в том, что я пью только дистиллированную воду. У меня, видите ли, почки!

— Да вас наша озерная вода вылечит лучше всякого лекарства.

— Я понимаю, но так безопаснее. Потом, я привык.

Это была не единственная странность Виталия Степановича. Он был самым частым посетителем нашей поликлиники и перепробовал чуть ли не все лекарства, разве что не принимал противозачаточных пилюль. Я еще не встречал другого такого человека, который бы так любил лечиться, как Виталий Степанович Копытко.

И все-таки, надо отдать ему должное. Свой предмет, а преподавал он физику, знал он преотлично и когда читал ее, то буквально преображался. Вне физики же он был нуднейшим человеком, вздорным в своей чрезмерной мнительности, скупым до анекдотичности. Если бы мне тогда сказали, что Виталий Степанович способен совершить, если не героический, то по крайней мере, смелый поступок, я бы ни за что не поверил. И оказался бы не прав...

Ученики, как уже говорилось, были «трудные» дети, которым следовало сменить среду обитания, порвать все связи с прежним окружением.

Проблема подростков к концу 80-х годов стала одной из самых болезненных социальных проблем нашего общества. По-видимому, некая часть вины в создавшейся неблагоприятной ситуации относится и к так называемой акселерации, когда физическое развитие ребенка, как правило, опережает духовное, что и ведет к неадекватности его поведения. Основная же вина заключается в самой социальной структуре нашего общества, в том обесценивании личности, которое неизбежно вытекает из установившейся у нас приоритетности интересов государства над интересами личности. Наше социалистическое государство было вором. Оно обкрадывало народ в том, что платило мизерную плату за труд. Этой заработной платы было мало для содержания семьи. Женщина вынуждена была работать. Но, уходя на работу, она уходила из семьи и семья — это основа основ любого общества, разрушалась, а с нею разрушалось и само общество. Детей вместо матери воспитывала улица. В государстве-воре воровали все и воровали тем больше, чем выше была занимаемая социальная ступень. Воровали чиновники, воровало и само государство и стоящая во главе государства партия. Не могло не сложиться так, чтобы в таком воровском государстве не стала преобладать воровская этика, которая пронизала все институты общества: правительство, армию, торговлю, улицы. В армии процветала дедовщина, а улица стала университетом криминогенного воспитания подростка. Рабочие, крестьяне, служащие были зажаты в тиски между двумя крупнейшими в мире криминогенными образованиями — верхней и нижней уголовными мафиями. Между этими мафиями, казалось, шло «социалистическое» соревнование — кто

больше нанесет вреда своей стране.

В такой социальной среде дети стали самыми беззащитными существами. Направляя своих детей в наш стационар, или, как часто говорили, в «лесную школу», родители стремились спасти их как от влияния улицы, так и от воздействия нашего неблагополучного государства с его бездумным карательным аппаратом. Среди многотысячного коллектива ассоциации — учредителя стационара было немало семей, в которых дети были источником стрессов и неприятностей. Это не только разрушало здоровье родителей, но и, как показали социологические исследования, становилось причиной снижения производительности труда, оказывало существенное влияние на производство. Нередко причиной задержек конструкторских разработок, а то и ошибок в них, были такие вот семейные неурядицы. Поэтому учредители дали мне понять, что если мой эксперимент, как они говорили, будет успешным, то в дальнейшем они будут к нам присылать побольше детишек, да и увеличат финансирование.

В школе было четыре класса, начиная с седьмого. В первый год приехали сто пятьдесят подростков, примерно равное число мальчишек и девчонок. Правда, последние больше походили на взрослых девиц. Девчонками они перестали быть еще в пятом классе. С собой они принесли массу вредных привычек, тягу к алкоголю. Первые шесть месяцев показались мне сплошным кошмаром. Иной раз начинало казаться, что вместо школы я добился организации публичного дома. Плюс наркотики, алкоголь, порнофильмы. Но работа именно с таким контингентом входила в мои планы. Проверая свою догадку о роли фоновой активности нервных сетей головного мозга в определении поведения и поступков человека, я хотел иметь в своем распоряжении как раз такой материал для изучения и лечения. Это должны быть начинающие алкоголики и наркоманы, применение к которым новых методов лечения должно было дать стойкий и ощутимый эффект.

Мои ожидания оправдались. Постепенно новые методы лечения, да еще прекрасная природа, спорт, отсутствие контактов с привычными компаниями сделали свое дело. Конечно, помогала и культивируемая в школе атмосфера терпимости и взаимоуважения между старшими и младшими. Например, ни я, ни учителя не позволяли себе говорить «ты» даже самому младшему из учеников. Это уже потом, когда мы прожили вместе несколько лет, я позволял себе обращаться с некоторыми на «ты». Но это «ты» теперь воспринималось совсем иначе, можно сказать, как отличие, которое надо заслужить.

Итак, после шестимесячного периода неприятностей, дела в школе пошли неплохо и первый выпуск принес восторженные отзывы несчастных, потерявших надежду родителей, которые приехали в июне навестить своих чад.

Лето 1992 года протекало в трудах и заботах по подготовке новых мест в школе. Осенью мы ожидали прибытия большой группы новых детей. Занятые своими делами, мы мало следили за событиями в остальном мире. Политические баталии и межнациональные конфликты были далеко и практически нас не затрагивали. Меня больше беспокоило ускорившееся в этом

году распространение СПИДа. Новые «неблагополучные» дети, которых мы ожидали к себе осенью, вполне могли занести к нам это заболевание. Еще в первый год открытия школы я настоял на обязательной проверке на инфицирование СПИДом всех новоприбывающих. Без особого труда нам удалось добыть все необходимые материалы для диагностики и соответствующую аппаратуру. В первом заезде детей-вирусоносителей не было. Теперь же ситуация резко изменилась. Все чаще появлялись сообщения о бытовом заражении вирусом СПИДа. Этот вирус быстро мутировал и открывались (или появлялись?) все новые и новые его формы. Создавалось впечатление, что он становится все более агрессивным. Надежды на то, что в ближайшем будущем будут найдены эффективные методы лечения, было мало. Может быть я и ошибаюсь, но мне представлялось, что слабость этих методов заключалась в том, что Т-лимфоциты, которые инфицируются вирусом, возможно, в большей части фиксированы в лимфатических узлах и селезенке, а не циркулируют свободно по кровяному руслу. Дело в том, что эти лимфоциты, составляющие основу иммунитета человека, не воспроизводятся в течение жизни и в таком случае, если бы они свободно циркулировали в кровяном русле, периодические кровопотери (у доноров, женщин, при ранениях) приводили бы к резкому нарушению иммунитета, но ведь этого не происходит! Значит, можно предположить их фиксированное состояние. Поэтому воздействие на кровь и не дает эффекта. Впрочем, теперь этот вопрос уже не имеет значения. Лавинообразное нарастание заболеваний СПИДом объяснялось, по-видимому, тем, что инфицирование вирусом шло значительно быстрее, чем мы предполагали и методы выявления вирусоносителей были далеки от совершенства. Вскоре выяснилось, что вирусы других болезней, пройдя через организм, ослабленный СПИДом, приобретали новые свойства, становились более агрессивными. Появились комплексы вируса СПИДа с другими вирусами. Вирус СПИДа как бы «оседлывал» вирус гриппа, холеры и проникал вместе с ними в организм через дыхательные пути и кишечник.

В конце июля пришли сообщения о вспышке эпидемии холеры в южных районах страны. Холера перебралась к нам из Ирана и Турции, в которых она бушевала с начала лета. На юге такие эпидемии случались не редко. Но их обычно удавалось локализовать. Однако на этот раз эпидемия стала приобретать черты пандемии и мора. Холерный вибрион отличался своей необычайной устойчивостью к действию антибиотиков и большей вирулентностью. Счет умерших пошел сначала на сотни, потом на тысячи и десятки тысяч. Эпидемия привела к еще большему хаосу в управлении и хозяйстве бывших союзных республик, а теперь государств Содружества. Города, области и даже целые регионы стран СНГ оставались без воды, топлива, электричества, продовольствия и медицинской помощи. Все это сопровождалось вспышками насилия, приобретающего самые отвратительные формы. Правительства России и Украины вынуждены были ввести жесткий карантин. Все пути сообщения с югом были перекрыты войсками. Однако это не помогало. Холерный вибрион вместе с зараженной рыбой проникал все

дальше и дальше на север. Радиостанция «Свобода» передавала, что холера быстро распространяется и по обоим американским континентам, бушует на юге Европы. Сколько погибло людей по всему земному шару в эту первую эпидемию никто и никогда уже не скажет. Эпидемия стала было затихать с началом морозов, но зато еще больше разгорелась в южном полушарии. Зима, в свою очередь, принесла две опустошительные эпидемии гриппа. Люди гибли тысячами. Эпидемия сопровождалась авариями на ряде АЭС, а также авариями на хранилищах боевых отравляющих веществ. Это заставило, наконец, Совет Безопасности ООН принять решение о немедленном и срочном закрытии всех действующих АЭС. Что же делать с сотнями тысяч тонн смертоносных газов, которые в условиях дезорганизации общества могут вырваться наружу — никто не знал. Подготовка их ликвидации требовала длительного времени.

Природа словно ополчилась на человека. По Кавказу, Средней Азии, Ирану и некоторым районам Китая прошла волна сильнейших землетрясений. Сотни городов в течение нескольких минут превратились в горы щебня. Реки Индии вышли из берегов, начались наводнения.

Лето следующего года принесло новые эпидемии. На этот раз радио, которое еще иногда работало, сообщило о каком-то комплексе вирусов, распространяющихся капельным путем и через кишечник. Ни антибиотики, ни сульфамиды не оказывали на них никакого воздействия. Речь шла сразу о нескольких болезнях, отличающихся только продолжительностью скрытого периода от заражения до проявления первых симптомов. В одних случаях вирус поражал в течение нескольких часов, в других скрытый период тянулся месяц.

Это стало началом конца. У меня, как врача, не было сомнений в этом. Мы слишком долго издевались над Природой, отравляя ее ядерными взрывами, выхлопными газами автомобилей, ядохимикатами, выбрасывая во внешнюю среду миллионы тонн мутагенов — активных химических веществ, способных вызвать мутации генетического аппарата клетки. Что же удивительного в том, что в природе образовались новые вирусы-мутанты. А впрочем, может быть, сама Природа позаботилась о том, чтобы навсегда покончить с наиболее вредным для нее биологическим видом. Не так ли она покончила с динозаврами, когда «убедилась», что их существование несовместимо с существованием других видов. Помню, несколько лет назад я написал статью, в которой шла речь о большой вероятности бактериологической катастрофы, необходимости на этот случай иметь общий генеральный план и методы остановки и разгрузки АЭС. Иначе, предупреждал я, биологическая катастрофа превратится в ядерную. Я отослал статью в газету «Труд», но она так и не появилась. Может быть, редактора испугала описываемая перспектива, а может, виною всему был мой запальчивый тон.

Сейчас думаю, а что если бы лет семь-восемь назад был установлен жесткий международный контроль за состоянием внешней среды — разразилась бы в этом случае катастрофа? Скорее всего — да! Ее пусковые механизмы были включены давно. Трудно сказать когда. Вполне возможно, что очень давно.

Ведь ни один из существующих на Земле биологических видов не подвергался такой жестокой атаке со стороны микромира как человек. Ни один вид не имеет в своем багаже столько инфекционных заболеваний как мы с вами. Более того, тысячи других видов в своей совокупности имеют меньше врагов в мире вирусов и микробов, чем человек. Вполне возможно, что Природа давно пробует различные средства, чтобы остановить рост населения Земли и спасти ее и все живущее на ней от нашей разрушительной деятельности. Она применила самое эффективное свое оружие. Собственно, это оружие и есть ее основная биомасса, основной регулятор внутреннего гомеостаза. Как ни парадоксально, но именно сам человек создал все условия для того, чтобы это оружие приобрело для него сверхразрушительную силу. Мало того, что он подбрасывал во внешнюю среду агенты, вызывающие изменчивость микробов, он еще и в своих лабораториях создавал новые вирусы и бактерии и, может быть, один или несколько из них вырвались оттуда и начали действовать.

Эфир был переполнен помехами. Сквозь треск и злое гудение едва пробивался голос диктора. Радио сообщало о миллионах погибших на юге Евразийского континента, в Африке и Латинской Америке, о разгаре эпидемии в Италии и на Юге Франции. Я понимал, что вскоре и наши города превратятся в гигантские свалки трупов. Странно, ловил я себя на мысли, почему-то нет ни страха, ни растерянности. Было какое-то чувство отрешенности, осознание неизбежности происходящего. Может быть, я сейчас себе это так представляю, это было следствием сознания своей полной беспомощности и того, что этому обществу уже ничто не может помочь.

Но в этом хаосе и разрушении было и мое, личное... И это личное стало единственной реальностью в этом гибнущем мире.

Потом я узнал, что такое состояние охватило многих, когда катастрофа разразилась. Наверное, сработал инстинкт самосохранения и, как следствие наступившей общественной дезорганизации, началась и дезорганизация самосознания, которое приняло более древнюю, но, возможно, более подходящую к сложившейся ситуации форму.

Вполне естественно, что в этот период родители стремились укрыть своих детей от надвигающейся опасности в нашей «лесной школе». Поэтому их стали привозить летом, не дожидаясь сентября. Однако в начале августа прием пришлось прекратить, так как началась эпидемия в Киеве и Москве. Мы успели принять пока двести человек. Я установил внутренний карантин, временно запретив встречи между прибывшими, расселив каждого в отдельной комнате. Предосторожность оказалась не лишней. Четверо мальчиков вскоре заболели. Заболевших обслуживал врач, который входил в их комнаты в костюме высшей биологической защиты.

Двадцать таких костюмов мы приобрели на одной из распродаж военного имущества. Врач остался здоровым, но дети, несмотря на введение доз антибиотиков, умерли.

К счастью, этим наши потери ограничились. Тогда я не обратил внимание на

то, что заболели только мальчики. Но последующие события воскресили в памяти легенду, появившуюся в конце 80-х годов. Тогда прошел слух, что якобы методами генной инженерии был создан вирус, имеющий сродство с «Y»-хромосомой. По замыслу его создателей, вирус должен был поражать исключительно мужское население, подрывая таким образом обороноспособность враждебного государства. Такое сродство с генотипом человека в конце 80-х годов стали использовать в тайных военных бактериологических лабораториях. Я даже где-то слышал такой термин: «вирус точного наведения». Под ним подразумевался такой вирус, который имел сродство, то есть общие участки цепей генетической информации, с какими-то доминантными генами. В результате такой общности он поражал только или преимущественно носителей этого гена. Говорили, что разрабатывался вирус, поражающий только чернокожее население. Были ли это досужие выдумки обитателей или результат утечки информации, никто толком не знал.

Сейчас, много лет спустя, когда я пишу эти строки, никто не может сказать, были ли эпидемии 90-х годов следствием случайного мутирования вирусов или же следствием преступных научных экспериментов. Во всяком случае, в разразившейся эпидемии смертность среди мужчин была выше. Были ли какие-то отличия в поражении по расовым признакам, не могу сказать, так как вскоре радиопередачи прекратились вовсе, и что делалось в других странах и на иных континентах мы не знали. Хотя сам факт молчания радио и телевидения говорил о многом.

Август и сентябрь 1993 года у нас прошли относительно спокойно. Причиной была малонаселенность этого региона, да и инфекция еще не успела сюда проникнуть.

Всего на нашем попечении в стационаре, как я уже говорил, было двести детей. Из них, к сожалению, только пятьдесят мальчиков в возрасте от 15 до 17 лет. На их долю и пришлось все тяготы последующей жизни. Из мужчин, кроме меня и Бориса Ивановича, были уже известный вам учитель физики, кладовщик, шофер и несколько рабочих. Шофер и рабочие были из местного населения и не жили в стационаре. В предстоящих условиях нехватка рабочих рук создавала немалые трудности.

Введя карантин и учитывая будущие затруднения, я предложил рабочим перебраться на жительство вместе с семьями в стационар. Каждой семье предоставлялся в этом случае отдельный коттедж. На мое предложение откликнулся только шофер Василий Петрович Ярош и через день привез жену, двоих детишек — мальчиков десяти и двенадцати лет — и своего отца — Петра Федоровича, который в последующем оказал нашей колонии немалые услуги своим знанием сельского хозяйства.

То же самое я предложил и остальному персоналу.

Речь шла только о тех семьях, которые жили в зоне, не затронутой эпидемией. Несколько человек, в том числе и я, послали домой приглашения приехать близким.

Я написал, чтобы Елена Михайловна и мои племянники немедленно бросали все и приезжали ко мне. Борис Иванович, который как раз собирался ехать в Остров — городишко, расположенный на Брестской трассе, километрах в десяти от нашего стационара, обещал зайти на почту и отправить письмо заказным.

Для тех, кто к нам захочет переехать, мы поначалу освободили несколько коттеджей, но потом поразмыслив, решили, что все прибывшие побудут месяца два на карантине в помещениях пустующей базы отдыха мединститута. База эта, правда, не отапливалась, но до начала холодов оставалось еще много времени. Я был почти уверен, что через месяц, а то и раньше, ситуация примет такой характер, что брать разрешение у хозяев базы не будет необходимости.

Тем временем, ожидая прибытия членов семей, мы с Борисом Ивановичем собрали всю нашу наличность и то, что удалось снять со счетов в банке, и стали запасаться продуктами, платя за все не торгуясь. Борис Иванович предложил купить пять коров, за что я ему по сей день благодарен. Эти коровы нас здорово выручили. Мы приобрели также породистого бычка, который стал впоследствии родоначальником большого стада.

В сентябре в окрестных хозяйствах должны были копать картошку. Я решил закупить ее тонн тридцать и послал Бориса Ивановича для переговоров, отдав ему все оставшиеся деньги, строго-настрого наказав платить не скупясь, так как вскоре деньги превратятся в ненужный хлам. Борис Иванович вернулся на второй день и сообщил, что картофель будут копать через неделю. Он обо всем договорился, в том числе и о доставке его на место.

Ответа на письмо все еще не было. Я особенно не волновался, зная, что племянники не любят писать письма, и ждал их приезда со дня на день. У них был мотоцикл с коляской и я уже начал ловить себя на том, что к концу каждого дня начинаю прислушиваться, стараясь уловить треск его мотора.

Глава II

НАЧАЛО КОНЦА

Сначала исчезла телефонная связь, затем электроэнергия. Такие аварии случались часто и мы держали на этот случай мощный движок, работающий на солярке, запасы которой хранились в большой цистерне.

Вспомнив эту цистерну, я не могу не помянуть добрым словом Бориса Ивановича. Именно он «достал» ее.

Борис Иванович был незаменимым человеком по части налаживания неформальных деловых связей. При первом же знакомстве он поставил условие — один свободный финский домик, желательнее на отшибе и ближе к воде. Кто там был у него, кто отдыхал? Никто этого не знал, да и не интересовался, но всегда нужные материалы для стационара, мебель, продукты питания и

прочее-прочее «доставалось» им быстро и безотказно.

Эту цистерну, полную солянки, привезли солдаты. Я помню, что подписал какую-то бумажку с просьбой «оказания технической помощи» и уплатил смехотворную сумму. Иногда я спрашивал себя: «Не доведут ли меня хозяйственные операции Бориса Ивановича до суда?», утешаясь при этом, что отсутствие личной материальной выгоды будет расценено как смягчающее вину обстоятельство.

Когда я пишу эти строки, Бориса Ивановича уже нет в живых. Но в том, что мы остались живы в кошмаре последующих событий, немалая его заслуга.

Последняя телевизионная передача, еще до выключения электроэнергии, сообщала о повальной эпидемии во всех странах мира. Свободными от нее были некоторые области Сибири и Северной Канады. Затем передачи прекратились. Мы вечерами просиживали у радиоприемников, ловя немногочисленные станции, которые продолжали работать. Каждый день приносил новые трагические известия. Во многих городах начались беспорядки. Сообщалось, что полиция совершает акты насилия над населением. Затем в действие вступили армейские части. Сначала военные перебили полицейских, потом сами начали грабить, убивать, насиловать.

Больше недели мы жили в полной изоляции. Никто из вызванных родственников не приехал. Меня все больше охватывало беспокойство за моих ребят. После смерти их матери я был для них единственным близким человеком.

Утром 6 октября вернулся Вася, которого Борис Иванович зачем-то посылал в Остров.

Его грузовик влетел во двор на большой скорости и резко затормозил.

— Все! — закричал он, вывалившись из кабины и сядя на землю возле грузовика. — В Острове и Грибовичах эпидемия. На улице трупы... Их даже не убирают. Я вернулся через Грибовичи, так как трасса забита машинами. Возле «Лесной сказки» авария. Горят десятки машин.

— Что же тогда делается в Пригорске?! — вырвалось у меня.

Мне никто не ответил.

— Я должен ехать!

— Не дурите! — грубо оборвал меня Борис Иванович.

— Я вернусь через день. Я обязан забрать своих хлопцев! Если все обойдется, то пару месяцев поживу с ними на карантине. Оставайтесь за меня.

— Тогда возьмите УАЗик. Он надежнее вашего «Жигуленка».

— Да, конечно. Я захвачу с собой несколько защитных костюмов. Вы мне одолжите ружье?.. Спасибо!.. Да! Вот что еще... Поставьте в УАЗик канистру с карболкой...

Миновав Грибовичи, я выехал на трассу и невольно остановился. За обочиной дороги через каждые десять-пятнадцать метров валялись перевернутые автомашины. Многие из них уже сгорели, другие догорали. В воздухе стоял смрад горящей резины. В основном это были «Жигули», хотя встречались и «Волги», «Нивы», даже грузовики. На несгоревших машинах можно было прочесть брестские номера. По-видимому, здесь ночью прошел поток беженцев из Бреста, где эпидемия началась раньше. Все машины шли на юг, к Пригорску. Я двинулся дальше.

Меня часто обгоняли идущие на предельной скорости «Лады». Я пытался сигналом остановить кого-нибудь, чтобы расспросить, но ни одна из машин даже не притормозила. Не доезжая до Грибовичей, я на всякий случай облачился в защитный костюм. Может быть, мой вид пугал водителей, а может быть, что более вероятно, никто не хотел вступать в контакт, опасаясь заражения.

Остров встретил меня тишиной. Скорее всего жители прятались по домам. Трупов на улице было немного, меньше, чем на трассе. Я тогда же обратил внимание, что некоторые из погибших были с огнестрельными ранами.

Проехав километра три, я заметил стоящих на обочине у мотоцикла с коляской двух милиционеров. Не знаю, какое чувство подсказало мне нырнуть под руль, но это спасло мне жизнь. Автоматная очередь прорезала стекло там, где должна была находиться моя голова.

Я круто вывернул руль и тотчас почувствовал удар и услышал крик. Через несколько метров я притормозил и взглянул в боковое зеркало. Мотоцикл стоял чуть сбитый в сторону. Рядом с ним лежал один из милиционеров, второй был отброшен на середину проезжей части. Я выждал немного и включил заднюю передачу. Подогнав машину ближе, осторожно выглянул. Те двое не шевелились. Один из них был в форме капитана милиции, другой — в форме, но без погон. Рядом с ним валялся автомат Калашникова. Я поискал второй и нашел его на левой обочине.

От обоих убитых сильно несло спиртным. В коляске мотоцикла лежало несколько бутылок коньяка, ящик Львовского пива и какой-то мешок. Открыв его, я обнаружил запасные магазины к автомату. Смочив тряпку карболкой, я тщательно протер оружие. Один автомат и пару запасных магазинов я положил на сидение рядом с собой, а все остальное спрятал в кузове.

Вскоре мне стали попадаться поставленные недалеке от трассы палатки. Особенно много их было у озера. Тут же стояли автомобили, горели костры. Люди готовили пищу.

Я остановился и вылез из кабины. Возле ближайшей ярко-оранжевой палатки сидел на корточках мужчина лет сорока и пытался разжечь походный примус. Я подошел и поздоровался. Он ошалело глянул на меня. Я понял, что его поразил мой костюм, и отбросил шлем.

— Вы из Бреста?

— Бреста больше нет! Когда мы выезжали, он горел!

— Давно это у вас началось?

— Недели три назад. Многие покинули город раньше. Мы хотим укрыться в Карпатах, может, туда эпидемия не дойдет.

— Среди вас нет больных?

— Кто знает. Эта штука поражает внезапно. Вон, взгляните. — Он указал на палатку, стоящую от нас метрах в двадцати. От нее отделились двое. Они несли тело.

— Я уже привык к этому, — сообщил мне собеседник. — Ко всему человек может привыкнуть.

Я молча повернулся и пошел к машине.

Мне все чаще стали попадаться машины, стоящие на обочине. Хозяева отчаянно размахивали руками, показывая пустые канистры. Возле черной «Волги» с киевским номером стоял толстяк в сером добротном костюме. В левой руке он держал пустую канистру, а правой размахивал толстой пачкой денежных купюр. Я мысленно поблагодарил Бориса Ивановича, который не только залил бензином оба бака машины, но и предусмотрительно положил две полные канистры в кузов.

«Каждый за себя и один против всех», — вспомнил я не то услышанную, не то прочитанную где-то фразу. Человеческая сущность познается в экстремальных условиях. Героизм и самопожертвование во имя общества могут быть тогда, когда это общество существует.

Мое внимание привлекла фигура, одиноко стоящая на обочине. Я притормозил. Подъехав ближе, увидел, что это молодая женщина. Она держала на руках ребенка. Странно, что возле нее не было машины. Я остановился. Женщина подошла к кабине. Ей было не больше двадцати-двадцати двух лет.

— Я еду в Пригорск! — сообщил я, откидывая «забрало».

— Мне все равно. Если можете...

— Садитесь. — Я вылез из кабины и открыл дверь кузова. — Лучше сюда. Здесь безопасней.

Я помог ей войти и мы поехали дальше.

— Как вы очутились здесь, одна, на дороге, без машины?

— Машину у меня отобрали.

— Как это?

— Самым глупым образом. Девочка захотела... — она замялась стесняясь произнести нужное слово. — В общем, мы вышли. Тут, — продолжала она, — из-за кустов вышел мужчина, оттолкнул меня, сел в машину и уехал. Я уже три

часа жду, что кто-нибудь меня подберет.

— А ваш муж?

— Умер, — просто ответила она.

— Простите.

— Ничего. Теперь это обычное дело... Да вы не бойтесь! — вдруг спохватилась она. — Мы не заразны! Муж просто не вернулся из командировки в Москву...

— Почему же вы думаете, что он умер? Может быть он жив и разыскивает вас?

— У меня в Москве родственники, они-то и сообщили о его смерти.

— Куда же вы?

— Сама не знаю. Все кинулись в Карпаты. Я тоже.

— А у вас нет никого из близких?

— Все мои близкие остались в Москве. Я москвичка.

— А жили в Бресте?

— Да, мой муж служил на таможне. Сама я кончила сельхозакадемию, но не работала по профессии, а преподавала в школе ботанику, биологию и зоологию.

— Как зовут вашу малышку?

— Наташей... так же, как и меня, — добавила она, слегка покраснев.

— Ну, а меня можете звать Владимиром. Знаете, у меня есть предложение... — Я кратко описал ей наше положение.

— Так это замечательно! — обрадовалась она. — Я, хотя и не работала агрономом, но кое-что понимаю в сельском хозяйстве и буду вам полезна. Во всяком случае, не стану есть хлеб даром.

— Вот и договорились!

Вскоре мы попали в плотную колонну машин. Особенно трудно было пробраться по мосту через реку. На выезде к машине подскочили три молодчика и стали рвать дверцу. Но, когда я показал автомат, их как ветром сдуло.

Чтобы не проезжать очередной населенный пункт, я свернул на проселочную дорогу. Помню, что ехал через какие-то села. В одном из них остановился у крайнего Дома, рассчитывая узнать, как ехать дальше, но из окна выглянул ствол ружья и по кузову шарахнуло картечью.

Начинало смеркаться, когда я снова выехал на шоссе. Теперь поток машин двигался мне навстречу. Машины были в основном с пригорскими номерами. Значит в Пригорске то же самое.

За спиной послышался плач ребенка и тихий шепот Наташи. Я обернулся:

— Дочка, видно, проголодалась?

— Да, наши продукты уехали вместе с машиной...

— Под сиденьем в сумке вы найдете все необходимое. Я просто не хочу останавливаться. Там, в сумке бутылка со спиртом. Перед тем как есть, хорошо протрите руки себе и дочке.

— А вы все предусмотрели...

— Всего не предусмотреть! — ответил я, резко сворачивая на обочину.

Навстречу на большой скорости мчался военный ЗИЛ. Еще секунду и он смял бы нашу машину как яичную скорлупу. ЗИЛ с шумом промчался мимо, едва не задев бортом мой УАЗик.

Вскоре поток машин уменьшился. В Пригорск мы въехали глубокой ночью. Фонари не горели. Темные окна домов говорили о том, что и здесь нет электроэнергии. Пришлось включить дальний свет.

Объехав «розу», я свернул на окраинную улицу, не рискуя ехать через центр. На вершине холма я остановил машину и вышел. Странно, непривычно выглядел родной город сейчас, с этой самой верхней точки. Глухая темнота. Тишина иногда прерывалась выстрелами, звоном разбиваемых стекол, криками. Временами темноту прорезали фары проезжающих автомашин.

Я снова сел в машину и спустился вниз до Люблинской. Здесь было совсем тихо. По-видимому, основные события разворачивались в центре города, откуда доносились выстрелы и крики.

Мой дом, по сегодняшним меркам, находился в неприятном соседстве: рядом с мединститутом, у инфекционной больницы. Подъехав к нему, я остановился и всмотрелся в окна своей квартиры. В гостиной, сквозь занавеску слабо пробивался свет. Возможно от свечи или карманного фонаря. Я облегченно вздохнул.

Ворота во двор были открыты. Я загнал в него УАЗик и, захватив оружие, вышел из кабины, помог выйти Наташе.

Глава III В ГОРОДЕ

Картина, представшая перед нами в моей квартире, была весьма живописная: заставленный бутылками стол, свеча, вставленная в горлышко одной из них, спящий за столом Николай с недопитым стаканом коньяка в руках, Юрка лежал на диване в объятиях какой-то полуголой девицы.

Я повернулся к Наташе и развел руками. Она только вымученно улыбнулась.

— Сейчас я вас устрою, — пообещал я. — Поскольку эти оболтусы здесь, то их комната свободна.

Однако на Юркиной кровати кто-то спал. Я подошел поближе и вздрогнул от неожиданности. Это был Фантомас, в миру Александр Иванович Паскевич, мой старинный друг и сокурсник, блестящий хирург-травматолог, трижды женатый и трижды разведенный, сложный конгломерат достоинств и пороков. Он лежал в одежде, уткнувшись носом в подушку и мелодично похрапывал. Густой запах перегара заполнил комнату. Наташа-маленькая заплакала.

— Сейчас, сейчас! — Успокоил я ее. — Сейчас ты поспишь, а завтра мы поедем смотреть лебедей.

— А где они? — спросила она, перестав плакать.

— На большом-большом озере! Там ты будешь жить с мамой в домике и к тебе приплывут лебеди.

— А они знают сказки?

— Наверное! Наташа, вам придется устроиться на диване в кабинете.

— Мне все равно. Где-нибудь... я и так уже причинила вам много хлопот...

Устроив маму с дочкой, я прошел в спальню.

Я уже понимал, что Елены нет дома, но какая-то смутная надежда оставалась. Собственно, она была неплохим человеком, если бы не это настойчивое стремление попасть за рубеж.

Огарок почти догорел. В спальне кто-то спал, развалившись поперек кроватей. Это была не Елена, скорее всего, одна из подружек моих племянников.

Я прошел на кухню, так как страшно хотелось пить. Воды в кране, конечно, не было, но я нашел целую батарею бутылок минеральной воды. На столе лежала груда копченых колбас и две головки сыра. В углу стояли три ящика с банками консервов. Грабеж торговли был в полном разгаре.

Сердиться мне или радоваться? Пожалуй, радоваться, так как племянники были живы и, надо надеяться, здоровы.

Я вернулся в спальню, бесцеремонно подвинул девицу на одну из кроватей, отодвинул другую и сбросил свой защитный костюм. Одежда была мокрой от пота.

Я порылся в шкафу, нашел чистое белье и переоделся. Затем лег и мгновенно заснул.

Проснулся я, когда уже вошло солнце. Часы показывали одиннадцать. За дверью спальни слышались голоса и шаги. Одежда моя еще не просохла. Я нашел спортивный костюм, оделся и вышел.

Мои «обормоты» встретили меня опухшими физиономиями. Я взял бутылку коньяка и протянул ее Юрке.

— Иди, слей мне на руки.

Когда я вернулся в гостиную, на столе было прибрано. Обе девицы успели привести себя в порядок и скромно сидели на диване.

— Ну что ж! Будем знакомиться! — я назвал себя.

— Мы уже знаем, — ответила высокая блондинка, бывшая моя соседка по спальне. — Простите нас, что так получилось...

Ее звали Верой, а подругу, коротко стриженную брюнетку, Ириной.

— Так, что здесь произошло? — спросил я. — Где Елена, Александр Иванович?

— Он сейчас придет, — ответил Николай, — а Елена месяца два назад уехала, не сказав куда.

— Она месяц ждала от тебя ответа на письмо, — добавил Юра. — А кто это с тобой?

— Так, случайная попутчица. Кстати, где она?

— Спят еще. Разбудить?

— Нет, пусть спят. Вы мне пока расскажите, что здесь происходит, большая в городе смертность?

— Не знаем. Скорее всего, не очень. Но дело не в ней. Знаешь, когда прекратили работать радио и телевидение, потом и электричество пропало, люди будто с ума посходили. Начали грабить магазины, склады... Мы вот тоже притащили...

— Ну, а милиция?

— Ха! Милиция и начала! — вмешался Юрка.

— Потом пришли солдаты и стали стрелять в милицию. Мы, конечно, заперлись дома. В нашем районе более или менее спокойно. Правда... — он замялся.

— Что?

— Там, — он кивнул в сторону корпусов больницы, — много мертвых.

— Мое письмо получили? Я же написал вам еще месяц назад, чтобы вы немедленно ехали ко мне.

— Письмо мы не получали, а вот вчера пришел Александр Иванович и мы вместе с ним хотели ехать, но пока не раздобыли транспорт.

В это время в дверь трижды стукнули. Юрка пошел открывать. В гостиную вошел Сашка.

— Привет! — спокойно сказал он, будто мы с ним виделись только вчера и полез, как обычно, обниматься.

— Привет! Только объятия, ввиду осадного положения, отменяются!

— Вас понял!

— Ну, что там? — вопросительно взглянул на него Юрка.

— Стоит на месте. Никого нет, но кто его знает... может быть они спрятались... Надо подождать до темноты. Жаль, что нет оружия, кроме моего ружья.

— Оружие есть! — сообщил я. — Но, может быть, вы мне объясните о чем идет речь?

— Мы тут наметили подходящую тачку, но ее трудно взять!

— Ты имеешь в виду транспорт? Я ведь приехал на УАЗе, мы там все поместимся. Сейчас, пожалуй, и поедем.

Сашка снял зачем-то очки, протер и без того чистые стекла и бросил на меня загадочный взгляд. «Сейчас будет распускать павлиний хвост», — подумал я и не ошибся. Что-то, а производить эффект Александр Иванович обожал. Он выдержал паузу, все еще продолжая пристально смотреть на меня. Наконец произнес:

— В твой УАЗ, уважаемый профессор (он всегда в торжественные минуты называл меня так, хотя профессором я так и не стал), мы может быть и поместимся, но нам надо будет кое-что прихватить с собой для будущей жизни. Кроме того, вряд ли мы доедем на твоей машине благополучно, если учитывать, что в городе, да и за городом, полагаю, стреляют.

— Что же ты предлагаешь?

— Не я! Это заслуга нашего юного друга, — Саша церемонно поклонился Юре.

— Ну и что же предлагает наш юный друг?

«Граф» Паскевич начал было выдерживать новую паузу, но его опередил Юрка:

— Бронетранспортер!

Сашка обиженно глянул на него и сокрушенно покачал головой.

— Где же ты его возьмешь? — удивился я.

— Тут, рядом.

— Ты имеешь в виду воинскую часть?

— Угу. Там во дворе стоит эта штука.

— Ведь там охрана!

— Все уже давно разбежались. Кто пьянствует, кто грабит, а кто отправился домой. Может быть с десяток солдат, а то и меньше осталось. Ночью никто мешать не будет. Ворота там такие, что можно сходу сбить.

— Рискнем?! — оживился Николай.

Я задумался. Действительно, в такой ситуации бронетранспортер являлся лучшим видом транспорта. Но риск был велик!

— Мы рискуем большим, если будем возвращаться на УАЗе, — настаивал Юра. — Любой подвыпивший солдат может насквозь прошить его автоматной очередью.

— Но я не умею его водить, — возразил я.

— Не забывай, я служил в армии.

— Тут нечего уметь, я... — открыл было рот Сашка, но я его прервал:

— Я знаю, Саша, что у тебя масса достоинств, но их надо правильно распределять! Ты отлично стреляешь, но, насколько мне известно, едешь ты только на велосипеде, да и то с риском для жизни окружающих.

Сашка окончательно обиделся, но в это время дверь кабинета открылась и в гостиную вошли Наташа с дочкой.

— Вот мы все и в сборе, — сказал я, познакомив Наталью с собравшимися. — Девочки! Займитесь пока нашими гостями, а мы тут продолжим обсуждение.

Я заметил, что появление Натальи произвело на моего друга впечатление. Он буквально преобразился. В лице появилось что-то орлиное, значительное... Вообще он был красивым мужчиной и прозвище «Фантомас» ему явно не подходило. Скорее оно было дано ему за крайнюю самоуверенность, которую люди, не знающие его так близко, как я, принимали за надменность. Его же павлинье самолюбование меня только забавляло. Сашку надо было принимать таким, каким он был. Я даже делал вид, что верю в его графское происхождение.

Год назад мы с ним поссорились. Я был у него на дне рождения. Жил он в маленькой холостяцкой квартирке на улице Топольной. Гостей пригласил он много и за столом было тесно. Я сидел стиснутый между районным депутатом и заведующим большим гастрономом. Знакомства у Паскевича были обширные и, как он показывал всем своим видом, «значительные». Напротив меня сидел певец не то из филармонии, не то из оперного театра. Он представлялся, но я не запомнил. Вскоре певец начал петь. Пел он так громко, что у меня разболелась голова и, не дождавшись окончания «концерта», я ушел домой. Сашка страшно обиделся. С тех пор мы не виделись.

— Ну, ладно! — продолжил я прерванный разговор. — Уговорили. Сегодня ночью попробуем, но со всеми предосторожностями. План разработаем на месте. Если все пройдет удачно, то мы задержимся в городе на несколько дней. Нужно будет найти еще несколько защитных костюмов... Ну, и посмотреть, что тут и как...

— А что с нами будет?

Я повернулся. В дверях стояли «подружки» моих племянников.

— С вами? Честно говоря, не знаю!

— Возьмите нас с собой!

Я переглянулся со своими ребятами.

— У вас здесь никого нет?

— Мы не местные. Я из Белоруссии, а Ира из Молдавии. Нам теперь не добраться домой. Да и вряд ли... — она замолчала.

День прошел относительно спокойно. Со стороны центра временами доносились выстрелы. Из окна были видны столбы черного дыма. В городе начались пожары. У нас же было спокойно. Люди старались обходить это место как можно дальше. Дом стоял отделенный от больничных корпусов густым парком. Деревья уже наполовину сбросили листву. Из окна кабинета можно было разглядеть подъезд большого больничного корпуса. У его крыльца обычно целый день сновали люди в белых халатах. Теперь там было пусто. За больничными корпусами тянулся высокий кирпичный забор, отделяющий больницу от воинской части. Через этот забор нам предстояло ночью проникнуть туда и угнать, если это удастся, бронетранспортер.

По всем канонам государства и права мы готовили особо опасное государственное преступление. Но ведь государства больше не существовало! Вряд ли в обозримое время оно вообще возродится. А раз не существовало государства, то не существовали армия, милиция, суд. Более того, армия и милиция, превратившись в группы вооруженных людей и разжившись как государственные органы, представляли собой особую опасность для безоружного населения. Именно солдаты, милиция и уголовные элементы — бывшие отбросы общества — в условиях отмены социальных законов, при общем экстремальном состоянии человечества, которое можно бы назвать социальным шоком, являлись основными источниками насилия и тех ужасов, которые сейчас разыгрывались в жилых кварталах города.

Поразительно, какой неустойчивой оказалась наша цивилизация! Случись такая эпидемия где-то в XIV–XV веках, человечество имело бы реальный шанс не только выжить, но и относительно быстро справиться с последствиями катастрофы. Чем дальше мы развивались, тем более ранимой оказывалась цивилизация. Чем больше росли мегаполисы, тем чувствительнее становились они к малейшим нарушениям снабжения водой, электричеством, авариям канализации и т. п. Парижу, например, потребовалось всего четыре дня, чтобы погибнуть. Мне вспомнился телерепортаж, запечатлевший дикие сцены трагедии, разыгравшейся на улицах этой столицы мира. Английскому корреспонденту удалось записать на пленку агонию города и передать запись в эфир.

Нарушения в системе управления привели к вспышке волны насилия со стороны вооруженных групп и формирований. В тех странах, где население

имело право носить оружие, как ни странно, эти вспышки не имели столь пагубных последствий. Люди сами могли оказать сопротивление бандам насильников. После спада эпидемии небольшие изоляты, образовавшиеся повсеместно, подвергались нападению вооруженных шаяк и, как правило, погибали. Выжили только те, кто успел обзавестись оружием.

Встреча с пьяными милиционерами на выезде из Острова рассеяла у меня последние иллюзии. Поэтому предложение Юрия, несмотря на всю рискованность и противозаконность предприятия, казалось мне оптимальным в нашем нынешнем положении.

Дождавшись ночи, мы вышли из дома и двинулись к забору воинской части. В котельной инфекционной больницы мы захватили лестницу. Бронетранспортер стоял там, где его раньше видел Юра. Было тихо. Окна казармы были темными. Мы с Николаем выбрали удобное место для прикрытия, взяв на прицел выходы из здания и ворота. Юра осторожно перелез через забор и, упав на землю, замер. Все тихо. Извиваясь ужом, он подполз к люку кабины бронетранспортера, встал и подергал ручку. Было так темно, что я не заметил, как он исчез в кабине машины. Минуты тянулись вечно. Наконец послышался шум двигателя. Бронетранспортер двинулся и, набрав скорость, врезался в ворота. Замки не выдержали и машина стремительно вылетела на улицу. Я думал, что сейчас из казармы выбегут солдаты и начнется пальба. Но во дворе было тихо.

Выехать из города этой ночью так и не пришлось. Убедившись, что казармы покинуты, мы вернулись в часть и основательно обшарили все склады. Замки на многих из них были сбиты. В помещениях царил разгром и беспорядок. В жилых помещениях одной из казарм я обнаружил мертвых. Некоторые из них лежали на лестничной клетке, другие во дворе. Рядом валялись автоматы. Те, которым удалось уйти с этого кладбища, в которое превратилась казарма, не стали даже подбирать оружие. Хорошо, что мы предварительно надели костюмы биозащиты. Иначе эта вылазка закончилась бы для нас так же, как и для хозяев части.

В гараже мы обнаружили несколько машин, в том числе два мощных ЗИЛа с крытыми брезентом кузовами. Из нас четверо могли водить машины, если считать Наталью. Поэтому, кроме бронетранспортера, мы решили захватить и эту пару ЗИЛов.

Кузов одной из них мы загрузили канистрами, оружием, боеприпасами. Самым ценным приобретением стали три десятка костюмов высшей биологической защиты, которые мы обнаружили в глубине одного из складов.

Было уже десять часов утра, когда мы закончили грабеж воинской части. Как говорится, аппетит приходит во время еды, и поэтому мы опорожнили еще несколько продовольственных и промтоварных магазинов. Когда мы ехали по городу, картина со стороны казалась, вероятно, впечатляющей.

Впереди шел бронетранспортер, башня которого угрожающе поворачивалась из стороны в сторону. За ним следовали ЗИЛы. Увидев нас, люди прятались в подъездах и подворотнях. Мы же подъезжали к магазину, сбивали замки, брали то, что считали нужным. К слову сказать, большинство магазинов уже были разграблены. Было много убитых.

Наконец нам посчастливилось найти совсем нетронутый склад и мы в течение трех часов загружали наш караван мукой, сахаром, бочками подсолнечного масла, ящиками с консервами и банками кофе. Наши дамы довольно активно участвовали в грабеже.

Мы уже заканчивали погрузку, как вдруг раздался пронзительный крик. Из-за угла выскочила девушка, а за нею, громыхая тяжелыми ботинками по асфальту и нещадно матерясь, бежали трое мужчин. Один из них уже догонял свою жертву. Я рванул с плеча автомат, но в это время рядом прозвучала очередь. Меня опередил Александр Иванович. Бежавший впереди упал. Двое других остановились на мгновение, а потом стремительно бросились в сторону. Одного пуля настигла на углу, другой успел скрыться. Девушка тоже упала. Я подбежал к ней, думая, что она ранена. Рядом со мной просвистела пуля. Я упал и послал автоматную очередь на звук выстрела. Стреляя из автомата мимо меня пробежал Юра. Через минуту он вернулся, держа в руках пистолет.

Теперь я мог внимательно рассмотреть спасенную. Это была девочка лет шестнадцати-семнадцати. Она не была ранена, но от страха потеряла сознание. Лицо ее было выпачкано, платье впереди разорвано почти до пояса, густые светлые волосы растрепаны, глаза прикрыты длинными темными ресницами. Она была красива той редкой красотой, которая обычно называется классической и с годами не меркнет.

К нам подошла Вера с бутылкой минеральной воды. Я прислонил горлышко бутылки к губам девушки. Она вздохнула и открыла глаза. Увидев склонившуюся над ней зеленую резиновую маску, испуганно вскрикнула. Я откинул шлем:

— Вы сможете подняться?

Она встала, но едва не упала снова. Я подхватил ее на руки и понес к машине. Оставив девушку на попечение женщин, я снова занялся погрузкой. Оставалось захватить соль.

Вскоре ко мне подошла Наталья.

— Какой ужас! Бедная девочка!

— Что с ней произошло?

— К ним в квартиру ворвались бандиты. Мать и отца убили, ее пытались изнасиловать. Она чудом вырвалась. Ее нельзя здесь оставлять!

— Я не против, но...

— Ни с кем в эти дни ни она, ни ее родители не контактировали, — быстро

ответила Наталья.

— Ладно! — наконец решил я. — Только вот что! На складе есть несколько ящиков водки. Пусть вымоется ею и наденет защитный костюм. Ехать она будет одна в кузове. Там надо что-нибудь постелить. Пусть поспит, ей сейчас это необходимо.

Вскоре все было готово к отъезду. Евгения, так звали нашу спасенную, одетая в неуклюжий защитный костюм, заняла свое место и я уже хотел дать команду двигаться дальше, как вдруг меня за плечо тронул Николай.

— Посмотри, — он указал стволом автомата на перекресток.

Там, где лежал убитый Александром Ивановичем бандит, собралась свора собак.

— Они лижут кровь! — Николай хотел дать очередь, но его остановил Саша.

— Оставь!

— Нет, я не могу...

Николай дал очередь. Две собаки остались на месте, остальные разбежались.

— Напрасно! — пожал плечами Паскевич. — Чем мы лучше их?

— Что ты имеешь в виду? — повернулся к нему я.

— Ну, этот грабеж магазинов. Мы фактически занимаемся мародерством.

— То есть, грабим труп государства?

— Конечно! Я не вижу особой разницы в морали между ограблением трупа и его пожиранием!

— Что же ты предлагаешь?

— Ничего! Все правильно! Только нам придется выработать новую мораль...

— Мне кажется, что этот выбор сделан! Ладно! Поехали...

Мы посетили еще несколько магазинов, на этот раз промтоварных. В одном из них мы набрали ворох спортивной одежды, в том числе около сотни отличных лыжных костюмов, которые в нашем положении должны стать самой удобной одеждой.

Затем я, несмотря на протест своей команды, зашел в республиканскую библиотеку. Там мы отобрали несколько сот книг, в том числе и художественных, и погрузили все это в кузов.

— Будет ли у нас время читать все это? — скептически бросил Александр Иванович.

— Если не у нас, то у наших внуков! Знаешь, Саша, мне кажется, что эти книги — наиболее ценный груз из всего, что мы взяли... Жаль, что нельзя

захватить больше...

Рядом с библиотекой пылало здание главпочтамта. Пожаров было больше в центре города. Горело прекрасное здание университета. В самом центре догорала древняя ратуша, еще две недели назад бывшая мэрией.

Под самый вечер, уже на выезде из города, мы остановились возле большой аптеки и пополнили груз медикаментами.

Если бы меня спросили, испытывал ли я хоть на мгновение угрызения совести, совершая грабежи магазинов и складов, скажу, что нет, ни малейшего. Мораль, как известно, — продукт социального развития и соответствует его уровню. С гибелью социальной организации мораль не гибнет вообще, ибо мораль, хотя и зависит от социального устройства общества, не является все же продуктом интеллекта личности. В сложившихся условиях социальная мораль превращается в протомораль, то есть, возвращается к своей первооснове, где моральным становится все то, что помогает выживанию в новых условиях существования. Если бы наше общество перед началом катастрофы достигло высшего социального и интеллектуального развития, допустим, некоего идеального уровня, возможно, что события не сопровождалось бы социальным шоком и волной насилия. К сожалению, общество не однородно, как не однороден уровень протоморали. Многие люди, освобожденные от социальной организации общества, становятся источниками насилия по отношению к другим и дают начало цепной реакции варварства и беззакония, которая завершает катастрофу.

Вспоминая те дни, скажу, что у нас не было желания убивать или совершать насилие, но мы были готовы в любую минуту открыть огонь, если бы почувствовали хоть какую-то малейшую угрозу по отношению к себе. У нас не было выбора. Опоздать на секунду — значило погибнуть. А умирать никто не хотел.

Несмотря на то, что было довольно прохладно, в воздухе ощущался трупный запах. Он задерживался фильтрами защитных костюмов, но в них было так жарко! Синтетическая прорезиненная ткань не пропускала воздуха. Время от времени мы открывали шлемы и, зажимая носы, протирали запотевшие стекла.

Людей в городе не было видно. Мы без помех выехали из города и, остановившись километров через пятьдесят у небольшого леса, впервые за этот день поели.

— Вот уже никогда не думал, что буду мыть руки водкой! — Юра откупорил бутылку «Столичной» и отдал ее Николаю, подставляя руки для умывания.

Александр Иванович тоже вымылся и держал над огнем большой круг копченой колбасы, нацепив его на прут.

— Может, выпьем?

— Я за рулем.

— Вряд ли автоинспекция тебя задержит.

— Просто не хочется. Жарко. Может можно снять эти костюмы?

— Лучше не рисковать. А я все-таки немного выпью!

Паскевич полез в кузов ЗИЛа и вскоре вернулся, держа бутылку армянского коньяка.

— Будешь? — обратился он к Николаю.

— Нет.

Александр Иванович пожал плечами, откупорил бутылку и, слив немного на ладонь, тщательно протер горлышко. Но сделал только пару глотков.

— Что это с вами? Вчера вы так лихо пили. — Коля внимательно посмотрел на Паскевича, а потом неожиданно добавил:

— Знаете, я, наверное, вообще никогда пить не буду!

— Что так?

— Просто так, — ответил тот, не вдаваясь в подробности.

Александр Иванович задумчиво посмотрел на бутылку, затем, размахнувшись, бросил ее в кусты.

— Пожалуй, ты прав.

Небо было покрыто облаками. Только кое-где в их разрыве виднелись звезды. Те же звезды, что светили вчера, месяц, тысячелетия назад. Что нас ждало в будущем? Никто не знал.

Мы потушили костер и поехали дальше.

Глава IV ВСТРЕЧА

Продвигались мы медленно. То и дело попадались брошенные, а то и перевернутые машины. Иногда объезжать их было трудно и приходилось расчищать дорогу. Легковые автомобили сталкивали в кювет бронетранспортером. Грузовики приходилось цеплять тросом и оттаскивать в сторону. Целый час мы провозились с огромным «Икарусом», пока удалось стащить его на обочину.

Уже светало, когда мы подъехали к мосту через Буг. Здесь Пригорская область заканчивалась и начиналась Волынь. Проезд через мост оказался забит брошенным транспортом. Оставался лишь коридор. Мы двинулись в него. Я вел замыкающую машину. И, когда она выехала на мост, у идущего впереди ЗИЛа, за рулем которого сидел Николай, зажегся тормозной сигнал. Из кабины

не было видно, что случилось на дороге. Я решился пройти вперед. Пройдя немного, я остановился, как вкопанный, а затем инстинктивно метнулся под защиту бронетранспортера. Там, впереди, метрах в десяти-пятнадцати стоял другой бронетранспортер, но больше нашего, к тому же оснащенный автоматической пушкой, ствол которой был нацелен на нас.

Потом оказалось, что прошло лишь несколько минут. Нам же это противостояние показалось вечным. Противник ожил первым. Люк бронетранспортера приоткрылся и из него высунулась рука с белым платком. Немного помедлив, я вышел из-под прикрытия, оставив автомат в кабине. Остановился я метрах в пяти от бронетранспортера, намеренно представляя из себя удобную мишень. Люк открылся полностью и оттуда вылез высокий парень в гражданском костюме, сплошь покрытом пятнами смазки и машинного масла.

— Как бы нам разъехаться? — довольно дружелюбно спросил он.

— Если вы сдадите немного назад. У нас сзади еще две машины с неопытными водителями.

— Вы с Пригорска?

— Да, но там то же, что и здесь! А вы откуда?

— Из Прибалтики.

— В Карпаты?

— Туда...

Он приветственно махнул рукой и захлопнул люк. Бронетранспортер стал медленно сдавать назад, освобождая проезд. Съехав с моста, он стал, ожидая, когда мы освободим дорогу.

Проезжая мимо, я просигналил своим и остановил машину. Он тоже вылез из люка и, ожидая меня, вытащил пачку сигарет. Я подошел. Он закурил и протянул пачку «Явы».

— Спасибо. Я лучше свои.

— Бойтесь заразиться? — понял он меня. — Да, вы правы. Сейчас лучше избегать контактов. Но у меня есть пара вопросов, если вы не возражаете?

— Давайте.

— Знаете, — он широко улыбнулся, — чертовски приятно встретить человека, с которым можно нормально поговорить в этом кошмаре. Я еду пятые сутки, но кроме мата ничего не слышал. Кто вы по профессии?

— Врач.

— А я инженер-механик, — он нахмурился. — Так это по вашей милости началось это безобразие.

— Не понял.

— Что тут понимать! Вы, врачи, придумали эту самую гениальную инженерию! А теперь вирус, созданный вами, приканчивает человечество...

— Думаю, это вопрос спорный, — возразил я, — на мой взгляд ответственность за это, как вы изволили сказать, безобразия, лежит на политиках. Именно они толкали науку на путь преступлений. С таким же успехом можно обвинять инженеров в создании атомной бомбы.

— Возможно, вы правы! — Он глубоко затянулся и щелчком послал сигарету через обочину. Она описала полукруг, и упав в лужицу, погасла.

— Так вот и с нашей цивилизацией, — проговорил он, — мелькнула и погасла. А вы куда?

— У нас есть неподалеку небольшое изолированное местечко. Нечто вроде маленькой колонии.

— И вас эпидемия не затронула? — недоверчиво спросил он.

— Было несколько случаев. Но мы больных изолировали... Потом все нормализовалось. Насколько я знаю, три дня назад у нас никто не болел.

Я хотел попрощаться, но парень задержал меня. По его виду было ясно, о чем он хочет попросить, но не решался.

— Послушайте, — наконец решился он, — можно мне с вами? — Он покраснел. Видно было, что этот человек не привык просить о помощи.

Парень мне нравился. Его большие серые глаза смотрели прямо и открыто. «Такой не подведет», — подумал я.

— Кто с вами?

— Жена с дочкой и со своим младшим братом. И еще, — он замялся, — мать с отцом. Словом, вся семья.

— Вам придется пожить два месяца в карантине!

— Да хоть три, хоть год! — обрадовался он.

— Как вы раздобыли бронетранспортер?

— Наверное, как и вы! Чисто случайно!

— У вас есть оружие?

— Двустволка отца.

— Добро! Пристраивайтесь за нами.

Я крикнул Юре, который вышел из бронетранспортера и наблюдал за нами, чтобы он начал движение.

Перед железнодорожным переездом я обогнал колонну и поехал впереди. У меня возник один план.

За переездом я свернул на дорогу, ведущую к бензозаправочной станции. Остальные последовали за мной. Напротив бензозаправки было хозяйство

автоколонны. Я надеялся найти там необходимые запчасти, запастись маслом и, если удастся, добыть еще бензина.

Ворота были раскрыты настежь.

Мы взяли несколько ящичков с банками жировой смазки и бочку солидола. Бензина обнаружить не удалось. Пока мы рыскали по двору среди брошенных машин в поисках бензина, Александр Иванович с Николаем отправились через дорогу к автозаправке. Через некоторое время прибежал Коля:

— Там целая автоцистерна! — еще издали кричал он.

Я повернулся к Алексею, так звали моего нового знакомого:

— У вас есть еще кто-нибудь, кто умеет водить машину?

— К сожалению! — он развел руками.

— Послушайте, зачем нам второй бронетранспортер? Давайте лучше прихватим цистерну. Вы сядете за руль, а ваших мы разместим у себя.

— А может быть я? — вмешалась в разговор подошедшая Наталья.

— Вы справитесь с грузовой машиной? — удивился я, недоверчиво оглядывая ее хрупкую фигуру, на которой большой комбинезон висел словно на вешалке.

— А почему бы нет? Ведь я хорошо водила свой автомобиль, пока его не угнали.

— Грузовик это не «Лада», но можно попробовать.

— Это было бы прекрасно! — оживился Алексей. — Я тут хотел использовать бронетранспортер для буксирования прицепа.

— Зачем вам прицеп? — не понял я.

— Здесь я обнаружил небольшую кузницу. Ее можно загрузить в прицеп.

— Кузница?!

— А как вы думаете ремонтировать свой инвентарь в будущем?

— Черт возьми, вы правы! Я и не подумал. Спасибо!

С кузницей мы провозились часа четыре. Особые хлопоты доставила тяжелая наковальня. К счастью, мы нашли автокран и с его помощью погрузили ее и все то, что нашлось полезного в ремонтных мастерских.

Здесь командовал Алексей, который больше всех понимал в механике. Его отец, несмотря на свои шестьдесят лет, оказался довольно крепким мужчиной и активно участвовал в погрузке.

Когда мы, наконец, погрузили все, то почувствовали, что валимся с ног от усталости. Это было понятно, ведь уже более суток никто не смыкал глаз. Поэтому решили заночевать тут же, во дворе автохозяйства. Машины загнали во двор, не забыв и автоцистерну, закрыли ворота и приперли их изнутри

бронетранспортером. Дежурить взялись женщины, которые успели поспать, пока мы вели машины.

Мне снился мой ректор. Мы сидели в кафе и о чем-то дружески беседовали. Когда мне снится ректор, то на следующий день жди неприятностей. Особенно, когда мы ведем дружеские беседы. Проснулся я внезапно. Ночь еще не кончилась. Темнота была густой как чернила. Я зажег фонарь и осветил вокруг. Из тьмы вырвались силуэты машин. У одной из них на ступеньке сидела женщина. Она ответила мне вспышкой своего фонаря. Я подошел.

— Что, не спится? — услышал я голос Натальи.

— А, это вы... А это кто с вами? — спросил я, увидев, что кто-то спит, положив голову на ее колени.

— Евгения. Пусть спит, — тихо ответила Наталья.

Я присел рядом.

— Не холодно? Там, в кузове, есть одеяла.

— Так лучше, не уснешь.

— Идите, я подежурю.

— Меня скоро сменят. Через полчаса придут Вера с Ирой. Бедняжка, — продолжала она, глядя на спящую Евгению. — Немного успокоилась. Всю прошлую ночь кричала во сне.

— Как? Разве вы ехали вместе? Я же запретил!

— Все в порядке. Поверьте, она вполне здорова!

— Будем надеяться. Как ваша малышка?

— Все хорошо, — она вздохнула. — Если бы не вы...

— Не будем об этом!

— Я никогда... слышите, никогда не забуду...

— Вы совсем замерзли. Я пойду принесу одеяло...

— Не нужно. Посидите рядом... Так мне теплее...

Евгения зашевелилась во сне. Луч фонарика Натальи скользнул по ее лицу.

— Красивая девочка, — тихо прошептала она.

— Сколько ей?

— В сентябре исполнилось шестнадцать.

— Да? Я думал, ей лет девятнадцать.

— Акселерация! Она только перешла в девятый класс.

— У нас есть школа и учителя. Она может закончить десять классов.

— К чему теперь образование? Через год вы сможете на ней жениться!

— Вы шутите...

— Нисколько...

— Мне тридцать пять!

— Ой, не могу! — Наталья рассмеялась. — Вы, мужчины, бываете до того смешными... Мой муж был старше меня на двадцать лет, а знали бы вы, как я его любила! — голос ее сорвался и я услышал приглушенные рыдания.

— Простите...

— Сейчас пройдет...

Я молчал, не находя нужных слов утешения. Так мы сидели еще некоторое время.

— Поцелуйте меня, — вдруг услышал я. Я наклонился и почувствовал прикосновение теплых влажных губ. Лицо ее было мокрым от слез. Я провел по нему рукой. Она перехватила руку и прижала ее к щеке. Евгения снова зашевелилась во сне, застонала.

— Как все это быстро... — прошептала Наталья.

— Что? — не понял я.

— Как быстро, — повторила она, — погиб наш мир.

— Может быть, еще не все потеряно, где-нибудь же осталось организованное общество, которое сможет взять на себя... — начал было я, но она меня перебила:

— Не надо! Вы сами не верите в это!

— Если честно, то да.

— Ну, вот видите. Знаете, — продолжала она, — мне теперь кажется, что вся моя прежняя жизнь... — она говорила отрывисто, делая паузы, как бы спрашивая себя и сама отыскивая ответ, — наш прежний мир... все это в далеком прошлом и, вообще, какой-то он нереальный. Вроде бы все, что со мной происходило, происходило не со мной, а с кем-то другим... Вы не чувствуете нечто подобное?

Я не успел ответить. Евгения проснулась, разбуженная нашими голосами.

— Кто здесь? — испуганно спросила она. Я зажег фонарик.

— Как вы себя чувствуете?

— Это вы! Почему вы не спите?

— Выспался! Часа через два мы двинемся в путь. Уже недолго...

В темноте вспыхнул еще один фонарик. К нам кто-то шел.

— Ты чего не спишь? — спросил я, узнав в подходящем Александра Ивановича.

— А который час? — он с хрустом потянулся.

— Половина седьмого.

— Пора вставать. Пока суд да дело, совсем рассветет. Пойду будить остальных. Если дорога будет такая же как и вчера, мы доберемся только к вечеру.

— Давай, буди.

Вскоре все были на ногах и через полчаса мы покинули свою стоянку.

Как и предполагал Паскевич, дорога оказалась трудной. До ближайшего населенного пункта было всего километров десять, а преодолели мы их часа за три, если не больше. А до Острова оставалось еще около сотни километров. Но дорога была уже посвободнее, так что к месту, где мы собирались остановиться на карантин, мы подъехали в наступивших сумерках и остановили машины перед воротами лагеря мединститута.

Завтра, думал я, свяжусь с Борисом Ивановичем и тогда решим, что делать дальше. В общей сложности я отсутствовал пять суток. Договорившись об очередности дежурства возле машин, мы разместились в пустующих домиках и легли спать.

Я почувствовал, что меня трясут за плечо. Открыв глаза, я увидел Николая. Было уже светло.

— Что случилось?

— Пошли, узнаешь.

Я быстро вскочил и, надев лыжный костюм, вышел из домика. Первое, что бросилось мне в глаза, была толпа, стоящая на спортплощадке. От толпы отделился человек и быстро пошел к нам. Я узнал Бориса Ивановича.

— Что случилось?

— Беда! Стационар захвачен!

— Кем захвачен? Объясните толком!

Борис Иванович начал рассказывать. Вчера вечером в то самое время, когда мы были где-то километрах в тридцати от Острова, во двор стационара внезапно въехали три грузовика, полные вооруженных людей. Они быстро рассыпались по жилым помещениям, выгнали всех во двор и велели построиться на площади перед главным корпусом. Затем отделили мужчин от женщин. Всех, кто пытался оказать малейшее сопротивление, тут же убивали. Так погибли девять ребят из старших классов и совсем не героический Виталий Степанович Копытко, который бросился на бандитов с голыми руками. Затем мальчиков и мужчин вывели за ограду и приказали бежать в лес. Когда те замешкались, дали пару очередей и убили еще троих. Всю ночь Борис Иванович и несколько старшеклассников разыскивали по лесу обезумевших от страха детей. Под утро ему удалось собрать их и он повел всех к лагерю мединститута. Увидев стоящие возле его ворот бронетранспортеры и ЗИЛы, он велел ребятам спрятаться в лесу, а сам подкрался ближе. К счастью, машины

охранял в это время Юра, которого Борис Иванович сразу же узнал.

— Сколько их было? — спросил я.

— Человек тридцать.

— В форме?

— Нет! — понял меня мой завхоз.

— Это уже легче. Мы имеем дело не с воинской частью, а с обычной бандой.

— Что же мы будем делать?

— Для начала покормим детей. В машинах есть продукты. А через тридцать минут всем собраться здесь.

Эти слова были адресованы моим спутникам, которые молча стояли рядом.

Глава V СРАЖЕНИЕ В ЛЕСУ

То, что наш противник действовал по заранее намеченному плану, не вызывало сомнений. Очевидно, кто-то из них знал о нашем стационаре и хотел использовать его как базу, где можно переждать эпидемию. Чувствовалось, что бандиты были хорошо осведомлены о наших хозяйственных запасах и о том, что в стационаре нет оружия. Словно монгольские захватчики они уничтожали мужчин и оставляли себе женщин, так как изгнание в лес безоружных ребят было равносильно убийству.

По всей вероятности, они рассчитывали обосноваться в нашем доме, если не навсегда, то надолго.

Конечно, применив бронетранспортеры, один из которых имел пушку, мы могли рассчитывать на победу, но нам пришлось бы стрелять по корпусам, где засядут бандиты, а там были наши девочки.

Необходимо было принудить противника выйти наружу и заманить его в засаду, используя фактор неожиданности. Нас было восемь человек взрослых, включая шофера Василия, который только что вернулся из лесу, разыскав, наконец, своих детей. Жена его осталась в плену вместе с остальными женщинами. Кроме этих восьми человек было еще около сорока ребят из старших классов, которым можно было дать оружие. Их предстояло наскоро обучить владеть им, чем и занялся сейчас Николай. Обучение пока проводилось без выстрелов, чтобы не выдать себя противнику.

Кроме автоматов у нас было два тяжелых пулемета и три винтовки с оптическими прицелами. Именно на снайперские винтовки я и рассчитывал в первую очередь. Кроме Александра Ивановича, который, как я не раз мог

убедиться, прекрасно стрелял, обнаружился еще один снайпер. Это был отец Алексея. По уверению сына, старик, коренной сибиряк-охотник, бил белку в глаз. Он переехал на жительство к сыну всего два года назад. Третью винтовку с оптическим прицелом я отдал Николаю, который стрелял тоже неплохо.

Мы решили обложить стационар с трех сторон и ждать, пока снайперы не вынудят противника выйти наружу под пулеметный и автоматный огонь. Противник наш был вооружен только автоматами, дальность прицельного огня которых значительно уступала винтовкам. Задача облегчалась тем, что подступы к колодцу во дворе и к озеру простреливались с трех сторон. Если бандиты пошлют за водой к колодцу женщин, то, подойдя к нему, те выйдут из зоны обстрела со стороны окон стационара, так как колодец закрыт невысокой стеной. Пригнувшись за ней, можно убежать в лес.

Через оптические прицелы винтовок, находясь в укрытии зарослей, мы могли наблюдать даже за тем, что происходит в комнатах стационара. На окнах не было занавесок. Если бандитам надоест быть под непрерывным обстрелом снайперов и они попытаются сделать вылазку, то нарвутся на прикрытие и будут скошены пулеметным огнем. Если они попытаются уйти на машинах, то на лесной дороге их встретит бронетранспортер и в упор расстреляет из пушки. Два десятка снарядов, которыми мы располагали, должно хватить на это.

— Ни один не должен уйти! — подвел я итог обсуждения плана.

— Так что, пленных не брать? — спросил Борис Иванович.

Я вспомнил, что он во время войны служил в полковой разведке и не раз доставал «языков».

— Судите сами, Борис Иванович! У нас нет тюрьмы, чтобы держать пленных, нет лишних людей, чтобы их охранять. Мы будем вынуждены отпустить их на волю или расстрелять. Есть вопросы?

Вопросов не было.

— Тогда приступаем.

Мы разбились на четыре отряда. Пять человек мы оставили в лагере с женщинами, машины и бронетранспортеры загнали в лес, тщательно замаскировали и отправились занимать намеченные позиции. В это время со стороны лесной дороги послышался гул грузовиков. А еще через три минуты на тропинке, идущей в зарослях вокруг озера, показался бегущий со всех ног мальчишка. Это был один из тех ребят, кого Борис Иванович оставил следить за противником. Он сообщил, что двадцать пять человек на двух грузовиках выехали из стационара и направились по лесной дороге к трассе. В стационаре осталось пять человек. Это в корне меняло дело.

Кратко посоветовавшись, мы решили направить к стационару трех снайперов под прикрытием семи человек с автоматами. План их действий оставался без изменений. Остальных я повел назад.

Мы подошли к оставленным машинам.

— Итак! Ваше мнение? — обратился я к своему отряду.

— Можно мне?

— Пожалуйста, Борис Иванович.

— Я думаю, что они где-то имеют склады продовольствия. Вероятно большие, поскольку отправились почти все. Можно ожидать, что вернуться с грузом.

— Тогда есть смысл встретить их на обратном пути...

— Да, на узкой лесной дороге...

— И расстреливать в упор с двух сторон!

— Для гарантии поставить один бронетранспортер на дороге в лесу, чтобы не дать им прорваться к стационару, а другой спрятать неподалеку от выезда с трассы. Когда колонна пройдет мимо него, он закроет им дорогу назад.

— Вот видите! Мы не зря его сохранили! — заметил Алексей.

— Выходит, не зря!

Нам понадобилось немногим более часа, чтобы выполнить свой план и устроить засаду. В это время донеслись глухие звуки выстрелов со стороны стационара. Я подсчитал: выстрелов было четыре. Три прозвучали один за другим, а четвертый — секунд пять спустя. Если наши снайперы не промазали, то четверых бандитов уже нет.

Прошли два часа томительного ожидания. Я вдруг подумал, а что, если бандиты вернуться другой дорогой, через Грибовичи? Правда, дорога там была в отвратительном состоянии. Но чем черт не шутит! Если это так, то надо немедленно кончать с пятым бандитом и готовить стационар к обороне. Я уже хотел дать соответствующее распоряжение, как показались наши снайперы, а за ними — вооруженные автоматами школьники. Они вели незнакомого человека. Голова его была повязана окровавленной тряпкой, руки связаны сзади.

— Все о'кей, шеф! Враг уничтожен, стационар наш! — Александр Иванович сиял.

— Два твои? — спросил я.

— Естественно! Одного ухандокал Николай, а другого — Петр Тихонович, — указал он на отца Алексея. — Точно в лоб!

— А этого? — я показал на забинтованную голову бандита.

— А этого? — Сашка засмеялся, — Пушкин!

— Какой Пушкин?

— Чугунный!

Я вспомнил, что у меня в кабинете стоял на столе небольшой бюст Александра Сергеевича.

— И как это?

— Я ее не знаю. Она просила передать тебе, что ее зовут Светлана!

— Светка! — не поверил я своим ушам, переглянувшись с Борисом Ивановичем.

— А что! Она может!

— Ладно! Потом узнаем подробности. А сейчас вот что! Саша, тебе придется вернуться. Бери пулемет и установи его на крыше корпуса. С собой захвати человек пятнадцать. Это на тот случай, если бандиты вернутся через Грибовичи. Встретишь их! А этого давай сюда, — я указал на пленного.

Это был мужчина лет сорока. Его худая длинная шея была сплошь покрыта рыжей щетиной.

— Я не спрашиваю вас, кто вы. Это безразлично. В любом случае вы сегодня умрете, — предупредил я его. — Вы ответите на несколько моих вопросов и вас тут повесят.

Пленный побледнел:

— Зачем же мне тогда отвечать?

— Чтобы заслужить легкую смерть. Если вы будете молчать, вас зароят в муравейник. Через пару суток они очистят ваш скелет от мяса и внутренностей.

— Вы этого не сделаете! — вскричал несчастный.

— Почему? — искренне удивился я. — Кто нам помешает?

— Это бесчеловечно!

— Ага. Человечно было перебить автоматной очередью ноги восьмилетнему ребенку и оставить его умирать посреди двора?

— Он кидал в нас камни...

— Да? Вот вы и определили соразмерность поступка и наказания.

Пленник молчал.

Я подозвал троих ребят из тех, что были свидетелями расстрела своих товарищей.

— Снимите ему брюки и посадите на муравейник.

— Может, не надо? — Алексей смотрел на меня осуждающе.

— Надо!

Через десять минут со стороны поляны, где под большим дубом стоял огромный муравейник, раздались вопли. Спустя еще пять минут мне сообщили, что пленник согласился отвечать на вопросы.

— Так-то лучше! — встретил я его. — Итак, первый вопрос: куда направились ваши товарищи и зачем?

— За продуктами, пошарить на складах.

— Когда вернутся? С ними еще кто-нибудь придет? — наугад спросил я и, заметив как он вздрогнул, добавил, — мы сохраним вам жизнь до их возвращения.

— Да! Еще наш начальник и с ним десять человек.

Выходит, бандитов было значительно больше.

— Кто же ваш начальник?

Он назвал имя, которое заставило вздрогнуть уже меня.

— Свяжите его покрепче и отнесите подальше в лес, — приказал я ребятам.

Теперь оставалось ждать. Сколько? День? Два?

Несколько человек отправились в лагерь за едой, а мы залегли на своих местах и приготовились к встрече.

Ждать пришлось трое суток. Спали по очереди. Костров разжигать было нельзя. Мы ели холодные консервы, большинство из которых оказались рыбными. В первую ночь пошел дождь, который лил весь следующий день. Ни обсушиться, ни согреться было негде. Хорошо еще, что песчаная почва быстро впитывала влагу. Опасаясь за здоровье детей, разве можно было иначе назвать пятнадцати- и шестнадцатилетних мальчиков, я разрешил, когда дождь кончился, разжечь в чаще леса небольшой костер, куда по очереди бегали ребята сушить промокшую одежду.

Если никто не заболел, то наверное из-за невероятного нервного напряжения. Нас ожидала схватка с тридцатью шестью вооруженными до зубов бандитами, и единственно, что мы могли им противопоставить — это неожиданность. Поэтому приходилось быть начеку и ждать. Ждать, ждать и ждать!

Несмотря на запрет, в нашем расположении появились девочки и женщины из стационара. Они пробрались со стороны чащи и принесли термосы с горячим кофе. Таких термосов у нас в стационаре было много. Мне пришлось благодарить и ругать наших помощниц.

— Мы осторожно! — оправдывались они. Что и говорить, горячий кофе нас сильно поддержал, но девушки могли нас демаскировать и их пришлось немедленно удалить. Надо отдать им должное — ушли они совсем бесшумно.

Я с наслаждением отхлебывал горячий кофе и вдруг заметил, что рядом кто-то лежит. Это была Евгения.

Она затаилась за бугорком, выставив перед собой автомат.

— Ты что здесь делаешь? Почему не ушла с остальными? Где ты взяла автомат? — зашипел я на нее.

— Позвольте мне остаться!

— Уходи немедленно! Это не женское дело!

— Я умею стрелять и я еще не рассчиталась с ними за отца и мать!

— Это совсем другие.

— Нет, те самые! — упрямо возразила она. — Это те же самые и я хочу их убивать, убивать и убивать!

Я понял ее. Да, это были те же. Те, кто использовал людскую трагедию, чтобы дать волю своим животным инстинктам. Это они врываются в квартиры и насиловали жен на глазах мужей, дочерей на глазах отцов и, испохабив юное тело, вспарывали им животы. Я вспомнил омерзительные картины, которые видел по дороге и в городах.

Я подполз к ней ближе и, обняв за шею, поцеловал в затылок.

— Милая моя девочка, — как можно ласковее сказал я. — Ты права! Это те же. Но позволь нам самим рассчитаться с ними. Если тебя убьют, — добавил я, — я не переживу этого!

— Правда? — в ее голосе послышалось такое, что заставило сжаться мое сердце.

— Правда!

— Тогда я ухожу!

Я почувствовал прикосновение ее губ.

— Ты только береги себя... не лезь под пули... — она отползла в сторону и исчезла в зарослях.

Утром третьего дня со стороны магистрали послышался гул моторов. Я прислушался, гул шел с севера. Это возвращалась группа, которая направлялась в Белоруссию.

Гул сначала приближался, но потом вдруг затих. Колонна остановилась на шоссе. Через некоторое время прибежал парнишка, которого поставили наблюдать за дорогой.

— Что там? — нетерпеливо спросил я его.

— Стоят, ждут чего-то. Вышли из машин, курят.

— Сколько машин?

— Четырнадцать. Да, вот еще... там пушки!

— Какие пушки?!

— Небольшие. Две пушки. Прицеплены сзади к машинам. К первой и ко второй, — пояснил он.

— Ладно! Отправляйся назад. В случае чего — сразу сюда.

Тишина длилась недолго. Вскоре снова послышался шум моторов. На этот раз он шел с юга. Это возвращалась вторая группа. Соединившись, они

двинулись дальше по лесной дороге.

Оставалось ждать сигнала. Когда колонна дойдет до стоящего на дороге бронетранспортера, тот откроет огонь и его поддержит оставшийся в тылу врага бронетранспортер Алексея. Там за пулеметом сидел его отец. В первом бронетранспортере за рычагами был Юра, а у пулемета — Николай.

Как только раздадутся первые пулеметные очереди, мы должны будем открыть огонь с обеих сторон дороги. Мы рассчитали сектора обстрела так, чтобы не перестрелять друг друга. Хотя и в таком расположении риск попасть в своих был велик.

— Бить по кабинам, — еще раз напомнил я своим ребятам. — Нельзя дать им возможность выскочить и залечь.

Гул моторов приближался. Я вздрогнул от неожиданности. Из-за поворота показался бронетранспортер. Он был немного меньше нашего, это была амфибия. К ней была прицеплена пушка. А следом шли крытые брезентом ЗИЛы и УРАЛы. Я насчитал их десяток. Затем показался автобус. Самый настоящий автобус. «Икарус».

— Это еще что такое? — пробормотал я про себя.

Вслед за автобусом показались еще ЗИЛы с пушками на прицепе. В это время подал голос пулемет Николая. Лес взорвался автоматными очередями. Я полоснул по кабине ближайшего ЗИЛа. Он вильнул в сторону и врезался в дерево.

Нападение было настолько неожиданным, что в ответ успели раздаться только две или три автоматные очереди. Сквозь треск выстрелов мне показалось, что я слышал пронзительный женский визг. Вскоре выстрелы по всей протяженности дороги почти прекратились. Однако в голове колонны бой продолжался. Я метнулся туда.

Башня вражеского бронетранспортера бешено вращалась, поливая лес вокруг свинцовым дождем. Наш бронетранспортер безуспешно вел огонь по вражескому. Пули отскакивали от брони, не причиняя ей вреда. На мою голову посыпались срезанные пулями ветки. Я упал на землю и стал подползать ближе.

Вдруг я заметил, что наш бронетранспортер начинает медленно пятиться назад. Отойдя метров на двадцать, он ринулся вперед, набирая скорость, и врезался во вражеский, тараня его корпусом. Тот содрогнулся и стал поперек дороги. Пулемет его замолчал, но ненадолго. Наш снова отъехал назад и на этот раз нанес удар в борт. Удар был настолько сильным, что амфибия подскочила на месте, но не перевернулась, на что, очевидно, рассчитывал Юрий. Пулемет однако заглох.

Я бросился к вражеской машине, но меня опередил Борис Иванович. С неожиданной для его возраста быстротой, он взобрался на броню и стал молотить неизвестно откуда добытой кувалдой по стволу пулемета и башне.

— Эй! Вылезай! Приехали!

Завхоз приостановил свою работу и приложил ухо к броне.

— Жив! — сообщил он.

Действительно, из амфибии донеслись шорохи и легкое позвякивание металла.

— Как его оттуда выкурить? — подумал я.

— Очень просто.

Я обернулся. Сзади с канистрой в руке стоял наш шофер Вася.

— Только не здесь! — предупредил вылезший из своего бронетранспортера Юрий. — Огонь может перекинуться на другие машины. Сейчас отбуксирую к концу дороги.

Он нырнул в люк и через минуту появился, держа в руке толстый стальной трос.

Я уже догадывался, кто сидит в амфибии. Мне не хотелось с ним встречаться. Поэтому, с одной стороны, я предпочел бы, чтоб он был убит. Но, с другой... Я не мог понять, как этот человек с его умом и характером мог связать себя с бандой насильников. И не только связать, но стать ее организатором и главою. Это не укладывалось в голове. Я чувствовал, что этот вопрос будет мучить меня всю оставшуюся жизнь, если не поговорю с ним лично. Но если мы встретимся с ним, смогу ли я отдать приказ расстрелять его? Не одержит ли тогда личное перед чувством долга? Но как я смогу смотреть в лицо товарищам, если отпущу его на волю? Да и послушаются ли они меня? Допустим, что послушаются. Но в нашей ситуации отдать неразумный и несправедливый приказ, значит сделать первый шаг к подрыву нашей организации, к ее будущему развалу. Я отдавал себе в этом отчет. Сохранить организацию в условиях общей деградации можно лишь в том случае, если все твои распоряжения будут продиктованы необходимостью и разумом, не вызывая протест, пусть даже скрытый, твоих товарищей. «В нынешних условиях, — думал я, — организация может сохраниться либо в условиях абсолютной демократии, либо при абсолютном терроре. Середины между этими крайними состояниями не может быть».

Обычно местные органы могут совершать ошибки и, несмотря на это, сохранять свою власть над «вверенным им населением», так как могут апеллировать к высшим органам власти и получить поддержку. Мне, если я совершу ошибку, апеллировать не к кому. В принципе, любая государственность содержит элементы скрытого террора. И именно этот скрытый, но реальный в потенци, террор удерживает людей в рамках государственной законности. В условиях погибшей государственной организации, люди, пытающиеся восстановить власть, построенную на привычных принципах, должны будут сконцентрировать в своей организации суть государственности и в этом случае скрытый террор неизбежно

превратится в явный.

Я начал понимать своего противника...

Я шел вдоль колонны машин. Бойцы собирали оружие, оттаскивали трупы бандитов в сторону. Поодаль, под охраной трех автоматчиков, пятеро пленников рыли яму. Всем этим распоряжался Алексей.

Возле «Икаруса» толпились бойцы. Я подошел ближе.

— Что здесь происходит? — обратился я, к стоящему сзади пареньку.

— Черти-что, — скороговоркой проговорил он, — черти-что!

— А все-таки?

— А вы сами загляните туда!

Я растолкал бойцов и открыл дверцу автобуса. Меня встретили вопли и визг. На полу автобуса колыхалась какая-то бесформенная масса. Окна были зашторены и там царил полумрак. После яркого полуденного солнца глаза не сразу привыкли к слабому освещению, а когда я, наконец, понял, в чем дело, заорал что было сил:

— А ну, замолчать! Тихо! — и когда вопли стихли, добавил уже спокойно. — Все свободны! Выходите! Можете отправляться домой. Вас никто не обидит!

Я вышел из автобуса, оставив дверь открытой и дал знак ребятам, чтобы они посторонились. Некоторое время из автобуса доносились приглушенный разговор и возня, затем на выходе стали появляться девушки. Они прыгали на землю, пугливо озираясь по сторонам. Некоторые держали в руках небольшие узелки. Лица их были заплаканы, глаза наполнены страхом. Самой старшей из них, пожалуй, не было и двадцати.

Сзади кто-то выругался. Я обернулся. Это был Борис Иванович.

— Какие сволочи! Какие сволочи! — повторял он, имея в виду бандитов.

— Вы еще не видели того, что делалось в городах. Нам с вами придется нарастить толстую шкуру, Борис Иванович!

— Это же дети!

— Да... Позаботьтесь, чтобы их накормили.

Борис Иванович вышел вперед и приблизился к толпе дрожащих еще от страха бывших пленниц:

— А ну, девчата! Пошли со мною. Мы сейчас что-нибудь сообразим насчет еды!

Увидев перед собой пожилого человека с добродушной улыбкой, девочки немного успокоились.

Борис Иванович послал куда-то двоих ребят. Те бросились в лес и через минуту пришли, сгибаясь под тяжестью мешков.

— Пошли, пошли! Тут неподалеку поляна. Поедите и можете идти домой!
Он пошел в глубь леса, а они гуськом потянулись за ним.

Глава VI

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

— Так ты жив! — были первые его слова. Я сидел на сосновом пеньке посреди широкой поляны в стороне от дороги, куда приказал доставить его, как только узнал, что он покинул бронетранспортер. Поняв, что сейчас сторит вместе с машиной, он открыл люк и сдался.

— Развяжите ему руки! — приказал я сопровождающим. — И оставьте нас одних.

Они выполнили мое приказание, отошли к краю поляны, не спуская с пленника глаз.

— Так ты жив! — повторил он и сделал движение рукой, как-будто хотел протянуть ее мне, но вовремя сдержался.

Я молчал.

— Я это понял уже тогда, когда моя машина уперлась в бронетранспортер. Нет, вру! Сначала я подумал, что это воинская часть. Но потом, когда стало ясно, что это засада, сообразил: твоя работа. Мне надо было... — он замолчал.

— Что же тебе надо было?

— Выслать вперед разведку.

— Да, ты совершил грубую тактическую ошибку, — согласился я, — но я это предвидел. Если бы ты выслал вдоль дороги людей, мы бы их пропустили, не обнаружив себя и дождались пока вы въедете на дорогу всей колонной. Правда, мы понесли бы тогда потери и, возможно, большие, но все равно бы вас уничтожили.

— Выходит, я бы в любом случае проиграл? Вы меня расстреляете?

— А ты как думаешь?

— Да, конечно...

Надо было отдать ему должное: ни один мускул его лица не дрогнул и голос оставался спокойным. Можно было подумать, что мы с ним мирно беседуем как в былые времена за чашкой кофе.

И все-таки он спросил. Правда, спросил спокойно:

— Другой вариант возможен?

Я молчал.

— Ладно! Не будем больше об этом. И все-таки я хотел, чтобы ты меня

понял.

— Я это стараюсь сделать... Кое о чем я догадываюсь, но не уверен...

— Можно я сяду?

— Садись.

Он опустился на траву и с наслаждением вытянул ноги. Глубоко вздохнул.

— Какой, право, здесь чистый воздух. Помнишь, как мы здесь...

— Я все помню, — прервал я его.

— Да, конечно. Мало времени... Ах! Если бы мы были вместе... Но ты всегда был идеалистом... Да пойми же ты, наконец! Человечество летит в пропасть!

— А ты, что?! Помогаешь ему спастись?

— Да, помогаю. Вернее, хотел помочь, но теперь... — он махнул рукой.

— А в помощники взял себе уголовников?

— У меня не все были уголовники, — быстро возразил он, — а, впрочем, какая разница! Нужны решительные исполнители моего плана. Интеллигенты для этого не подходили.

— Естественно! Они не стали бы стрелять в восьмилетних детей.

— В каждом великом деле есть свои издержки.

— В чем же величие твоего дела?

— Не надо! Если хочешь со мной говорить, то говори на равных! Если нет — кончай и все...

— А я и не иронизирую. Напротив, даже допускаю, что твои конечные цели были направлены на благо. Конечно, в твоем понимании. Не думаю, что твоей мечтой было стать атаманом шайки бандитов.

— Постой! Помнишь, мы как-то обсуждали с тобой возможность такого варианта и ты сказал, что в случае катастрофы оставшиеся в живых организуются в небольшие изоляты?

— Ну, и?

— Так вот! Я проанализировал ситуацию и понял, что выжить смогут только крупные изоляты. Вернее, изоляты, превратившиеся в племена с основой государственного порядка. Именно они в дальнейшем смогут объединить все человечество и спасти его от вырождения.

— Почти согласен. Тем более, что мелким изолятам грозит генетическое вырождение.

— Да! Да! Ты же сам это говорил раньше!

— И что?

— Как что?! Исходя из этого, надо было создать уже сейчас ядро такого объединения. А как его создать, если кругом паника? Следовательно, единственный вариант — это создать насильственно! Кто раньше создаст ядро, тот и будет диктовать условия. Мы, живущие в индустриально развитом обществе с городской организацией, в новых условиях не только теряем наше преимущество, но и попадаем в невыгодные условия в сравнении со скотоводческими районами с негустым населением. Они будут развиваться, ибо их крах меньший, чем наш! Пройдет некоторое время и они оправятся от последствий катастрофы. Еще немного времени и сюда хлынут полчища кочевников, установится иго монголов или турков, или еще кого-то в этом роде. И снова они будут насиловать наших жен и убивать мужчин.

— Поэтому твои уголовники начали заниматься этим, чтобы успеть до прихода монголов? За этим вы набрали полный «Икарус» девушек?

— А как достичь роста численности изоляты? Ты знаешь другой способ? Да, мы действительно набрали их около полусотни и собирались еще набрать. Мы их тщательно отбирали. Это все молодые, здоровые, красивые, если хочешь знать. Они могли бы дать жизнь многочисленному и здоровому поколению. Разве лучше было оставить их погибать в городах и селах? Да, вот еще что! — Он помолчал, видимо колеблясь, но потом решительно произнес:

— После того, как вы меня расстреляете (голос его не дрогнул), пошли людей в Любомль. Там в здании райсовета сидят еще человек тридцать. Их охраняют, но я дам записку... Там же сложены еще различные припасы. Мы не могли увезти все сразу.

— Хорошо! Допустим, вам удалось создать такую большую изоляту. Что дальше?

— А дальше мы бы стали подчинять себе другие, восстанавливая таким образом государство.

— Каким же образом вы подчинили бы себе других и на какой основе строилось бы государство?

— Подчиняли бы, конечно, силой. А основа... Видишь ли, деревянная соха или даже плуг и правовое общество несовместимы. Каждая общественная формация требует определенного развития производительных сил. Скоро весь сельскохозяйственный инвентарь придет в негодность, станки работают на электричестве. Его мы лишились надолго. Придется возродить кузнечное дело. Горючее тоже иссякнет. Впрягать в плуг лошадь? Ты согласен?

— Вполне!

— И какие же социальные отношения могут развиваться при таком способе производства? Будь реалистом! Ты же хорошо знаешь историю! Только феодальные. Даже на первых порах — рабство!

— Следовательно, население соседних изолят будет превращено в рабов или крепостных?

— Но это неизбежно! Социальная организация человечества обязательно пройдет через разделение на классы. Рабов и рабовладельцев, помещиков и крепостных, потом — капиталистов и т. д... До полного возрождения.

— Возрождения к чему? К государству, к войнам, к атомным бомбам? Стоит ли вступать на путь этих страданий, чтобы прийти к тому же, чем только что кончили?

— У тебя другие предложения? Четкая программа, план?

— Четкой программы, признаюсь, нет. Но думаю, что человечеству не обязательно проходить вновь эти стадии развития. У нас есть то, чего не было у древних.

— Интересно, что же это такое?

— Информация!

— Ну, знаешь, через поколение люди разучатся читать. Им будет просто некогда учиться читать, не говоря уже о физике, математике.

— Постараюсь, чтобы они не разучились.

— Знаешь кто ты? Ты вредный идеалист. Ты отвергаешь реальный путь развития и возрождения, морочишь людям голову проектами, не имеющими под собой научной основы. Я с тобой никогда не соглашусь!

— Я это знаю.

Он досадливо поморщился, по-видимому, пожалев о вырвавшемся у него признании. Он хотел жить и делал ставку на то, что сможет убедить меня в своей правоте, не понимая, что его жизнь несколько от этого не зависит. Если бы я мог, то, несомненно, сохранил бы ему жизнь.

— Ты идеализируешь человека! Пойми, что основная побудительная сила, вынуждающая человека действовать — это возможность творить насилие над своими ближними. Именно это объединяло Племена и народы, побуждало творческую фантазию, стимулировало развитие науки и промышленности.

Власть, власть и власть — вот чего жаждет каждый из нас. Ибо власть дает все! Для интеллектуала — возможность действовать и претворять в жизнь свои замыслы. Для других — возможность получать от общества максимум материальных благ и самых красивых женщин. Эти бандиты, которых я сам презираю не меньше тебя, пошли за мною и приняли мой план только потому, что это давало им власть над себе подобными. Нельзя идти против законов природы. Природу можно подчинить только путем использования этих законов в своих целях!

— Я не против власти, как некоего организующего механизма. Не принимай меня за анархиста. Но я вижу власть не как результат насилия, а как результат целесообразности, признаваемой большинством. А в наших условиях — всеми входящими в общество. Ибо любой, не согласный с большинством, может уйти из данного общества, поскольку теперь освободились огромные пространства.

Мне претит насилие большинства над меньшинством и даже над отдельным человеком. Безразлично, физическое оно, духовное или идеологическое.

— Толстовщина!

— Вот тут ты не прав. Лев Николаевич призывал к непротивлению злу насилием. Я же говорю совсем о другом. О неприемлемости насилия, а это значит, что оправдать насилие может только насилие по отношению к другому насилию. Здесь, я считаю, насилие должно быть применено быстро, эффективно и беспощадно.

— Но зло против зла само становится злом! Так, кажется, учили гуманисты?

— Думаю, не так. Минус на минус, как известно, дает плюс. По-моему, эту формулу, которую ты только что произнес, придумало само зло, чтобы, не встречая сопротивления, безнаказанно творить свои дела. Знаешь, какое самое отвратительное свойство было у нашего народа? Его долготерпение. Помнишь, как у Некрасова:

Люди холопского званья

Сущие псы иногда:

Чем тяжелей наказанье -

Тем им милей господа!

— Что же изменилось?

— Надеюсь, что многое.

Он некоторое время молчал. Затем продолжил, но уже не так уверенно:

— Хорошо. Пусть даже будет так, хотя я сильно сомневаюсь. Ты говорил о власти, как следствии целесообразности. А если вдруг все решат, что она нецелесообразна? Что ты, например, как носитель власти нецелесообразен. Что тогда? Ты уступишь власть тому, кто будет в глазах толпы более целесообразен?

— Во-первых, люди, которые принимают решение о целесообразности власти — уже не толпа, а демократическое общество. Во-вторых, если ты говоришь лично обо мне, то власть для меня никогда не была привлекательной. Ты это хорошо знаешь.

— Но это ты! А если другой, для которого власть — это все? И он, займет твое место?

— Вот как раз я и хочу избежать этого, заложив общество на таких основах, которые никогда не позволят прийти к власти такому типу.

— Ну-ну! Ты остаешься верен себе. Ты даже не стал писать докторскую, хотя имел для нее материал, а занялся чепухой — стационаром и какой-то

сурдокамерой.

— Но, как видишь, я выиграл!

— Чисто случайно.

— Надеюсь, что и дальше так будет.

Он хотел еще что-то добавить, но его прервал звук донесшейся до нас пулеметной очереди. Это был тяжелый пулемет. Я вспомнил, что с ним ушел Саша. Выстрелы доносились со стороны расположенного в трех километрах от нас стационара.

Я вопросительно посмотрел на своего собеседника. Он взглянул на часы и успокаивающе махнул рукой:

— Сейчас все кончится.

Действительно, пулемет замолчал. Потом раздалась короткая автоматная очередь и все стихло.

— Что это значит?

— Это значит, что ты приобрел три десятка голов скота и столько же лошадей, если, конечно, их не перебили пулеметным огнем. Трое моих бандитов, как ты их справедливо называешь, должны были пригнать через Грибовичи скот для нашего будущего стада.

— Ты, я вижу, основательно все организовал.

— Кроме главного! — усмехнулся он и вытащил из кармана авторучку и записную книжку. — Придется тебе быть моим наследником.

Написав несколько строк, он вырвал из книжки листок и протянул мне:

— Пошли человек пять-шесть в Любомль. Захватите с собой пару грузовиков. В записке приказ во всем подчиняться подателю. Но будьте осторожны. Те двое, которые охраняют девушек, — отъявленные бандиты. Советую сразу их прикончить. Они это заслужили! Во дворе стоят три грузовика под брезентом. С одним из них будьте осторожны. В нем взрывчатка и несколько ящиков гранат и снарядов. Пусть за руль сядет самый опытный водитель. Девчат не гоните. Им все равно некуда податься. Их родители или убиты, или умерли. В основном, они из Польши.

— Вы что и туда забрались?

— А почему бы и нет? Границ-то больше не существует!

Я подозвал одного из бойцов и послал его за Алексеем. Алексей внимательно выслушал меня, кивнул головой, что все понял, и хотел было идти, но его окликнул мой пленник:

— Постойте, я совсем забыл! Там же, но на заднем дворе, стоят три автоцистерны с горючим, так что возьмите еще трех водителей.

Алексей отозвал меня в сторону:

— Вы его раньше знали?

— Да, он был моим другом.

Алексей присвистнул и еще раз внимательно посмотрел на пленника.

— М-да... А нельзя ли его отпустить, ведь он уже, по сути, не опасен?

Типичный русский характер. Когда враг повержен, то к нему уже не чувствуют ненависти, даже жалеют.

— В душе я с тобой согласен, но имею ли я на это право. Что скажут остальные? Особенно, когда узнают, что раньше мы с ним были друзьями.

— Они уже забыли о нем. Он же не участвовал в нападении на стационар.

— Но был его организатором.

— Не думаю, что именно он отдал приказ стрелять в детей. У него для этого слишком интеллигентное лицо.

— Люди с такими лицами часто создают такие учения и мировоззрения, которые приносят больше горя и вреда, чем тысячи отъявленных бандитов.

— Ну, это когда было! — не сдавался Алексей. — Теперь нет ни радио, ни печати! Откровенно, меня уже мутит от крови.

— Как-будто я ее жажду! — мне стало немного обидно.

— Да нет, я понимаю! Когда необходимо, то вопросов нет, но сейчас... Я бы отпустил его... А?

— Ладно, иди и делай свое дело!

Мне все больше и больше нравился этот парень. Я чувствовал, что он будет самым надежным помощником. Именно такие люди — бесстрашные в бою, сильные в своей доброте, нужны были мне в осуществлении задуманного.

Я вернулся к пленнику.

— Послушай, ты сам участвовал в набегах?

— Нет, конечно. Я только говорил, что нам нужно, а добывали остальные. Я все эти дни был в Любомле.

— Когда ты приказал захватить стационар?

— Я узнал, что ты уехал и не возвращаешься уже четыре дня. Значит, погиб. Под рукой не было подходящей базы. Если бы я знал, что ты вернулся, я бы не пошел на это.

Он говорил искренне.

— Но ты приказал выгнать детей?

— Вот уж нет! Ты можешь спросить пленных, если их еще не расстреляли. Я как раз хотел сохранить людей, ибо это входило в мои планы создания большой изоляты. Ты посмотри, сколько я собрал продуктов! Я как раз рассчитывал, что кормить придется больше народа. Когда я узнал, что детей

выгнали, я чуть не расстрелял командира группы захвата.

— Почему же ты мне об этом не сказал раньше?

— Ты бы подумал, что я изворачиваюсь, чтобы спасти себе жизнь!

— А почему сказал сейчас?

— Ты спрашиваешь — я отвечаю.

Он оставался верен себе до конца. Гордый даже перед лицом близкой смерти.

— Кроме того... — он замолчал, видимо не решаясь говорить...

— Что? Договаривай.

— Со временем, когда эти ребята подросли бы, я хотел иметь в их лице противовес своей команде, в которой, как ты верно заметил, большинство были уголовниками.

— Что же, это логично! — согласился я. «Итак, будем считать, что из уголовных преступников тебя можно перевести в политические противники», — решил я и подозвал бойца.

— Пойди, — шепнул я ему так, чтобы пленник не слышал, — к Борису Ивановичу и скажи ему, чтобы собрал в рюкзак продуктов на три дня, да не забыл положить в него флягу с водой и бутылку водки. Принеси сюда один автомат и два магазина к нему.

Боец побежал выполнять распоряжение, а я вернулся к пленнику. Он встал, истолковав мои действия по-своему.

— Я не держу на тебя зла. Уверен, что у тебя ничего не получится с твоей затеей, но все равно желаю успеха... Прощай!

— Я тоже не держу больше на тебя зла. Что вскочил? Посидим еще, мы ведь так давно не виделись.

— Вот это ты зря. Так хорошо было... Зачем издеваться на прощание?

— С чего ты это взял?

Он ничего не стал отвечать, но послушно сел. На его лице была написана полная отрешенность.

Вернулся боец и принес то, за чем его послали.

— Это тебе. Советую идти прямо на восток. — Я достал из кармана компас и протянул ему. — Километрах в тридцати отсюда есть сторожка лесника. Запомни, его зовут Иван Акимович. Передай ему от меня привет. У него, между прочим, молодая и красивая дочь. Думаю, что эпидемия их не затронула. Можешь переждать зиму там. Это совет, не приказ. Прощай!

Я резко повернулся и пошел к дороге. За мною последовали бойцы.

Глава VII

ЗИМОВКА

После разгрома банды прошло два месяца. Стоял декабрь. Морозы в этом году ударили сразу и озеро вскоре покрылось толстым слоем льда.

Я и мои спутники, то есть, те, кто прибыл со мною из Пригорска, включая семью Алексея, жили в спальном корпусе лагеря мединститута. Собственно, после сражения с бандитами вводить длительный карантин вроде бы и не имело смысла. Однако, как говорится, береженого и Бог бережет. Мы все-таки решили выдержать трехмесячный карантин. В случае заболевания кого-нибудь из нас остальные могли надеяться, что болезнь не распространится дальше.

Плохо, что из всех врачей, которые раньше были с нами, остался один стоматолог. Остальные уехали, как только появилось первое сообщение о начавшейся эпидемии, за своими семьями, да так и не вернулись. Мария Ивановна Бунь осталась, наверное, потому, что была одинокой, ей некуда было ехать. Когда нагрянули бандиты, ее вместе с учителями захватили в плен. Это была пожилая женщина и бандиты задержали ее только потому, что она врач.

Саша был хирургом. Я, хотя и теоретик, разбирался в терапии. Самое досадное было то, что среди нас не было ни одного инфекциониста. В стационаре во время карантина жили те, кто находился там и раньше, т. е. наши школьники, Борис Иванович, учителя и шофер со своей семьей. Всем новоприбывшим предстояло прожить эти три месяца вне стационара.

Труднее всего было разместить бывших пленниц банды. Вечером Борис Иванович отвел их в находившийся рядом лагерь университета и предоставил им пока устраиваться самим. Мы все были загружены работой. Необходимо было отогнать захваченные машины в стационар и разгрузить их. Работа осложнялась тем, что у многих были пробиты пулями скаты. Это все заняло немало времени. В одной из машин были обнаружены связки теплых одеял. Борис Иванович отвез сразу же часть их и несколько ящиков продуктов в лагерь к девчатам. На второй день мы попросили собратъся их на спортплощадке. Борис Иванович предложил желающим содействовать в возвращении домой.

— Мы, — сказал он, — выделим для этого транспорт и сможем развезти постепенно всех по домам. Кто пожелает, может остаться с нами. Обижать никого не будем. Но три месяца придется пожить на карантине, без особых удобств. Решайте сами!

— Что будет, если они все решат остаться? — спросил я, когда он вернулся. — Не будем же мы их выгонять?

— А хватит ли нам продуктов? Как-никак, лишних восемьдесят ртов.

— Я еще не подсчитал наши запасы. Но, если расходувать экономию, то должно хватить. Кроме того, у нас есть скот.

— А чем вы его будете кормить? Вы об этом подумали? Мы отбили около тридцати коров. У нас даже нет места, где их держать, не говоря уже о фураже.

— Я уже думал об этом. Если в Любомле не сгорел элеватор, то мы будем обеспечены кормами. Кроме того, можно пошарить на складах колхозов.

— Но там люди! Вряд ли они разрешат нам «шарить» в их хозяйстве.

— Если бы там были люди... Я начинаю подозревать, что на тридцать-сорок километров от нас мы не найдем ни одного живого человека.

— Почему здесь была такая вспышка эпидемии?

— Дело в том, что многие горожане бросились в села, рассчитывая найти приют и укрыться от эпидемии. Они и занесли заразу. Нам повезло, что мы стоим в стороне от дороги и о нашем расположении мало кто знал. А с продуктами, я думаю, выйдем из положения.

— Я вижу, вам хочется оставить этих девчат.

— Жалко ведь! Если мы отошлем их домой, они погибнут. Да и остались ли у них дом и родные?

Разговор этот происходил по дороге от лагеря мединститута к стационару.

— А вот и место для скота, — он указал на обширную площадь, огороженную сеткой. Это была учебная база лесотехнического института. Она примыкала к университетскому лагерю и шла вдоль озера почти до нашего расположения.

— Если использовать материал этих «колыб», то можно построить сараи, в которых скот проведет зиму.

— Ладно, занимайтесь. Теперь насчет зимней одежды.

— С этим все в порядке. Ее много в захваченных машинах. Видно было, что их предводитель, — он имел в виду бандитов, — был весьма предусмотрительным человеком. Кстати, где он?

Я все ему рассказал. Он выслушал внимательно и долго молчал. Я подумал, что он осуждает меня, но ошибся.

— Вы поступили правильно, — сказал он после долгого молчания. — По всему видно, что это незаурядный человек! Жаль, что он связался с бандой.

— Ему казалось, что он руководит ею. На самом же деле, он сам попал в зависимость от них и, если бы он попытался в будущем их сдерживать, они бы его просто убрали.

— Вы это ему сказали?

— Нет. Я думаю, со временем он придет к такому выводу.

— И все же, — Борис Иванович остановился и повернулся ко мне. — Ведь он фактически спас этих девчат от смерти, вырвав их из очага эпидемии.

— Постучите по дереву! Эпидемия не кончилась!

— Тем более бесчеловечно отсылать их назад.

— Да не считайте меня каким-то зверем! Я что, против?!

— Но он же говорил, что их тщательно отбирали!

— Как отбирали? По возрасту и по внешности, а не по тому, больной человек или здоровый. Да и как они могли это определить? Уже в этом он допустил просчет. Я уверен, что если бы их план и удался, то отсутствие элементарных медицинских знаний привело бы в создавшихся условиях к краху всего их предприятия. Так что карантин должен быть жестким! Входить к девушкам только в защитных костюмах. Кстати, почему вы не подобрали себе по росту?

Борис Иванович смущенно развел руками:

— Не нашел! Все слишком большие. Зато не так жарко.

Избежать эпидемии так и не удалось. Сначала заболели две девочки из вновь прибывших. Их сейчас же изолировали. Мы с Александром Ивановичем, облаченные в защитные костюмы, осмотрели их. Сомнений не оставалось — это была та же самая болезнь, которая унесла у нас пятерых. Тотчас же карантинные меры были ужесточены. Был наложен строгий запрет на встречи между здоровыми. Всех девушек удалось разместить так, что каждая жила в отдельном помещении.

Мы привезли десять костюмов для тех, в чью обязанность входила раздача пищи. Три раза в неделю возле университетского лагеря останавливался грузовик и ребята выставляли на землю ящики и бидоны с едой. Их забирали те, кто был внутри. Через неделю заболели еще десять девчат. Все они умерли в течение нескольких дней. Но на этом, к счастью, все кончилось. Декабрь прошел благополучно и в конце января карантин был снят. Мы все переехали в благоустроенные помещения стационара.

Бог мой! С какой радостью я вернулся в свою квартиру. Она у меня была небольшая: кабинет, спальня и кухня. Но главная ее прелесть была в том, что в ней тепло! После холодов в лагере медицинского института это тепло казалось чем-то божественным. Холод снаружи не так ощущается, как холод в помещении. От него никуда не спрячешься. Это какой-то сырой, изматывающий холод. Сырость тебя преследует и в постели. Простыни всегда остаются влажными. Нельзя согреться даже под двумя ватными одеялами. Тебя достает снизу, дрожь проникает в самую твою середину вместе с сыростью постельного белья. Жилье становится омерзительным. Делать ничего не хочется. Нет, уют — это, прежде всего, тепло! Если вы сомневаетесь в этом, попробуйте прожить два долгих зимних месяца в неотопляемом помещении.

Приятно смотреть, как в камине горят, потрескивая, поленья, слышать, как на кухне звенит посуда. Это Евгения готовит ужин. Она пришла ко мне после сражения в лесу. Пришла как полноправная хозяйка, ни на минуту не

сомневаясь, что ее здесь ждут. Я не мог ее прогнать, даже если бы захотел. Но я этого не хотел. Мы прожили с ней почти всю зиму в холоде и сырости, согревая друг друга долгими зимними ночами, вслушиваясь в вой диких собак. Их с каждым днем становилось все больше и больше. Они собирались в большие стаи и обступали наше жилье со всех сторон. В отличие от волков, собаки приходили не только ночью, но и днем. Иногда приходилось стрелять, посылая в темноту очередь за очередью, пока стая не разбежалась. Днем они не решались подходить слишком близко. Особенно после того, как Александр Иванович вместе с отцом Алексея устроили им побоище. Они убили тогда около сорока собак. Остальные разбежались. Среди убитых встречались самые различные породы. Огромный сенбернар лежал рядом с дворняжкой, черный доберман-пинчер — с боксером. Но больше всего было, конечно, дворняг. Лохматые, разношерстные, со следами ошейников, а то и с обрывками цепей, они собирались в стаи, резали еще уцелевший домашний скот, охотились за зайцами, устраивали облавы на лосей. А может быть, кто знает, и на человека. Человек перестал быть хозяином земли, перестал давать пищу. И собаки сделали открытие, которое их ошеломило. Человек оказался съедобным! Его можно было есть так же, как зайца или корову. Постепенно любовь и страх — эти постоянные чувства к хозяину, уступили место другим. И, может быть, самым сильным чувством оказалась ненависть. Ведь давно известно, что самый ненавистный враг — это бывший друг. Мы никогда не задумывались, сколько же живет в наших городах и селах собак. В городе они обычно сидят в квартирах своих хозяев, которые только поутру да вечером выводят своих четвероногих друзей на прогулку. На улицах днем их почти не видно. Теперь же они вышли на улицу. Они не могли вскрывать консервные банки. А есть хотелось. Сначала они попробовали трупы. Ведь голод! От него не уйдешь. Затем, когда трупы были съедены, собаки покинули города и устремились в села. Здесь они помогли местным собакам вырезать домашний скот, а заодно и прикончить его хозяев, которые уцелели после эпидемии.

Собаки стали хозяевами Земли. Сильные своим множеством, они не имели соперников среди диких зверей, которые бежали в страхе, слышав их лай. Даже могучий зубр и тот уступал им дорогу. Только там, где человек имел оружие, собаки встречали сопротивление и вынуждены были временно отступить. Но на долго ли хватит огнестрельных зарядов? Начиная с декабря, эта мысль все чаще меня беспокоила. Мы расстреливали в день по несколько магазинов, а собаки не только не исчезали из нашего расположения, но, казалось, что их становилось все больше и больше.

Что будет, когда настанет пора сельскохозяйственных работ и нам понадобится выйти в поле, выпустить скот на пастбища? Скорее всего, они опустошили окрестности, и наш скот постоянно дразнил их и привлекал внимание.

— Экономьте заряды! — постоянно требовал я от ребят, которые жили на территории лесотехнического лагеря и ухаживали за скотом вместе с десятком девчат. — Жгите костры всю ночь!

— Но они не боятся огня!

Действительно, собаки, в отличие от своего серого собрата волка, не боялись огня. Только выстрелы пугали их, да и то ненадолго.

— А что, если применять гранаты? — предложил Николай. — У нас их почти сотня ящиков!

— А ведь верно! Надо попробовать.

С тех пор ночью нас периодически будили взрывы. Но гранаты помогли. После первого же их применения, собаки три дня не показывались в нашем расположении. Но потом появились снова.

Я не поверил своим ушам, когда мне сказали, что собаки стали применять другую тактику. Раньше они собирались в густые стаи и так шли в атаку. Теперь же они рассредоточивались небольшими группками и нападали со всех сторон.

Осенью мы не успели заготовить достаточно дров. Теперь поездка в лес напоминала военную экспедицию. Пока дровосеки делали свое дело, вокруг стояла цепь автоматчиков.

— Нет! Шансов выжить у человека становится все меньше, — заявил как-то Алексей.

Мы собрались в клубе стационара и сидели близ камина, в котором весело полыхали ольховые поленья.

— Сначала эпидемия, — продолжал он, — затем — волна насилия, то, что вы, — он повернулся ко мне, — называли социальным шоком. Теперь вот собаки...

— Может быть, есть какое-то средство против них? — Борис Иванович подбросил в камин пару поленьев и вопросительно оглядел присутствовавших.

— Какое?! — досадливо махнул рукой Саша. — Я вот все думаю, что мы будем делать весной.

— И когда у нас кончатся заряды, — продолжил его мысль Николай.

— Может быть, отравы? — вмешался в разговор Юрий.

— А что это даст? Они вскоре перестанут ее брать. Ты заметил, что они учатся!

— Как учатся?

— А история с гранатами?! Как они быстро сообразили, что нельзя скапливаться в стаи!

— Как бы там ни было, — решительно заявил Борис Иванович, — весной мы должны выйти на полевые работы. Иначе конец. Надо же что-то придумать!

— А что, если оградить поля проволокой и пропустить через нее ток? — раздался неожиданно женский голос.

Мы обернулись. В дверях стояла Наталья. В руках она держала поднос с чашками и кофейником. Александр Иванович мгновенно вскочил и взял поднос.

После той памятной ночи, последовавшей за разгромом банды, между ними быстро установилось взаимопонимание и Наталья вскоре стала женою моего друга. Саша, что на него вообще было не похоже, если вспомнить три предыдущие женитьбы, на этот раз оказался внимательным и любящим мужем. Девочке он заменил отца и она сильно к нему привязалась.

— Ничего не выйдет из этого! — ответил Алексей, — у нас нет столько проволоки. Даже если допустить, что мы ее раздобудем, то мы быстренько израсходуем все горючее на работу генератора. Нет! Это не выход!

— Тогда что же? — не унимался Борис Иванович. Все посмотрели на меня.

— Сколько у нас осталось магазинов для автоматов? — спросил я Николая, который у нас теперь ведал вооружением.

— Не больше тысячи! В последнее время мы их по-израсходовали.

— Пополнить возможно? — я взглянул на Алексея. — Ты не разузнал, откуда бандиты взяли оружие?

— Они называли мне несколько складов. Думаю, что туда можно будет съездить.

— Не будем откладывать! Бери ребят и поезжай на трех ЗиЛх. На всякий случай возьмите бронетранспортер.

Борис Иванович сделал нетерпеливое движение.

— Ты что-то хочешь сказать? — спросил я его.

— Хочу. Это тоже не выход! Сколько бы мы ни стреляли, их все равно будет с каждым днем все больше. Когда-нибудь мы истратим все заряды и что тогда?

— Я еще не все сказал! Дело в том, что нам надо выдержать два-три, от силы — четыре года. Потом число собак начнет уменьшаться с каждым годом.

— Куда же они денутся?

— Законы популяции, а, вернее, обратной связи и правила Вольтерра. Создалось противоестественное неравновесие в природе. Вернее, его создал человек. Пока человек владел положением, он кормил собак, разводил их, а также регулировал численность популяции. Теперь популяция собак возросла. Еды много. В том числе и трупы, как это ни прискорбно. Извечный страх перед человеком, естественно, пропал. Ну, и домашний скот... Тоже — пища. Значит, популяция в этом году еще больше возрастет. Но именно рост и станет камнем преткновения. Начнется голод, затем — эпидемии. Такое случается при слишком большой популяции. Потом дикие животные приспособятся к новым условиям и пища, таким образом, станет менее доступной. Тогда-то собак станет меньше.

— Следовательно, года четыре, — покачал головой Борис Иванович.

— Но я думаю, что уже этим летом собаки перестанут нам досаждать.

— Каким это образом?!

— Надо изменить тактику нам. До сих пор мы были в обороне. Перейдем в наступление. Коля напомнил нам, что они учатся. Как раз это и надо использовать в полной мере. Не мы их, а они нас должны бояться. Теперь мы сами будем нападать и охотиться на них! И так до тех пор, пока собаки не проникнутся страхом перед человеком. После твоего приезда, Алексей, мы создадим конные охотничьи бригады по пять-шесть человек, которые будут разыскивать стаи и уничтожать их. Привези только побольше боеприпасов. И так каждый день, в две смены. И не только стрелять в стаи, но и преследовать их. И еще одно! Дикае собаки, как правило, селятся так называемыми «городищами». Они находят холмы и роют в них норы, где выкармливают щенков. Скоро начнутся их свадьбы и расселения по этим городищам. Жаль, что у нас нет огнеметов.

— Мы их поищем, — пообещал Алексей.

— Поищите. Придется разыскивать эти «городища» и уничтожать.

— А они видны с воздуха? — быстро спросил Алексей.

— Конечно! Это пространство все изрыто норами.

— Тогда я задержусь на несколько дней и попытаюсь найти вертолет.

— А ты умеешь управлять им?

— Я служил в летных войсках.

— Тогда за дело!

Этот разговор происходил в начале февраля, а в конце месяца уже сказались результаты изменения нашей тактики. Ежедневно отряды или бригады охотников, вооруженные автоматами и гранатами, выезжали на патрулирование окрестностей. Сначала собаки вели себя агрессивно. Но, получив хороший ливень свинца, быстро охладели. Теперь уже охотникам приходилось гоняться за ними по полям и лесным тропам. Увидев верховых, собаки мгновенно рассеивались и исчезали. Скоро они вообще перестали попадаться вокруг стационара и наши охотники расширили зону патрулирования вплоть до Грибовичей и близлежащих озер.

Алексей, как и обещал, разыскал вертолет и теперь тот стоял посреди площади, дожидаясь своей очереди. Из первого полета Алексей вернулся мрачный.

— Пусто! — сообщил он мне. — Я специально сделал на вертолете круг в радиусе шестидесяти километров, рассчитывая увидеть хотя бы дымок из трубы. Ничего! Неужели все погибли?!

— Вряд ли. Люди должны где-то оставаться...

— Если их не сожрали собаки.

— Нас же не сожрали.

— Не забывайте, что мы заранее были подготовлены к катастрофе.

— Скажите, вы предвидели катастрофу?

— В общем, да. Но не думал, что она разразится так скоро.

— И поэтому решили организовать такой стационар?

— Да нет! Здесь были другие, тогда более существенные причины. Если бы в то время я заикнулся о такой необходимости, меня посчитали бы свихнувшимся. Хотя, должен признаться, в тайне я имел в виду такой вариант.

— Вот-вот. Если бы по стране были заранее созданы такие группы, то катастрофа не нанесла бы такого сокрушительного разгрома нашей цивилизации. Заранее подготовленные изоляторы могли в будущем стать очагами культуры и сохранить научную и техническую информацию.

— Кстати, об информации, — поддержал я его, — необходимо будет, пока еще не начались полевые работы, поехать по ближайшим городам, порыться в библиотеках. Все, что удастся найти, надо привезти сюда. Я думаю, что города уже не представляют эпидемической опасности.

— Я сейчас побывал в Волынске. Он пуст!

— Что делается в других странах? У нас есть приемник и, кажется, есть еще не вышедшая из строя батарейка. Давайте попробуем включить.

Мы разыскали радиоприемник, вставили в него батарейки. Приемник молчал. Мы обшарили все диапазоны и все безрезультатно. Я уже хотел выключить его, но Алексей взял его у меня из рук и снова стал прокручивать ручку настройки волны на диапазоне УКВ. И вдруг в комнату ворвался голос.

— Кто жив — отзовитесь... Кто жив — отзовитесь... — без конца твердил голос. — Прием! Кто жив — отзовитесь...

— Надо добыть мощную рацию, — проговорил Алексей, выключая радио. — Наверное, какой-то оставшийся в живых радиолобитель или кто-то из военных. Наш приемник не уловит слабомощные рации. Надо более чувствительный.

Как ни странно, но именно этот голос, прозвучавший в динамике приемника, раскрыл нам всю глубину постигшей нас катастрофы. До этого сознание как-то не могло согласиться с тем, что погибли миллиарды людей и на всей планете остались небольшие группы, которые из последних сил стремятся выжить.

Весна наступила ранняя. Уже в первых числах марта установилась плюсовая температура. Видимо, с южной Атлантики пришел мощный циклон. Мокрый снег сменился дождем. В лесах появились проталины. Озеро было еще сковано льдом, но поверх него уже проступала вода. Снег сошел к первому апреля и,

как по заказу, наступили теплые солнечные дни. Песчаная почва быстро впитывала влагу и трава на лесных полянах, пригретых теплым весенним солнцем, пошла в рост, набирая с каждым днем силу.

Пришла пора начинать полевые работы. У нас были уже готовы два трактора и прицепы с дисковыми плугами. Но сначала предстояло покончить с опасными соседями. Несмотря на патрулирования, время от времени появлялись бродячие стаи собак, пытались нападать на пасшийся скот. Как я и предполагал, наши враги стали селиться в свои «городища». Алексей обнаружил три таких холма, сплошь покрытых норами.

— Когда начнем? — спросил он меня.

— Надо подождать пока они выведут щенков. Иначе все разбегутся и тогда в лесу трудно будет разыскать логова.

— А ведь вы оказались правы. Мы и раньше стреляли в них, забрасывали гранатами, а они все-таки продолжали нападать. Теперь же боятся и разбегаются только при виде патрульных. Прямо, парасихология!

— Вполне возможно. Собаки тысячелетиями жили рядом с человеком и научились читать его мысли. Вернее, не мысли, это слишком громко сказано, а чувства, т.е. отношение к себе. У животных способности к этому, по-видимому, более развиты, чем у человека. Я помню, что меня совершенно игнорировали зайцы, которых я встречал в лесу, когда ходил по грибы. Они подпускали меня на пять-шесть шагов и не спеша удалялись. Именно удалялись, а не бежали.

— Вы не охотник?

— Нет. Не могу стрелять в этих зверушек, которых и так мало.

Алексей внимательно посмотрел на меня.

— Ты что?

— А как же тот муравейник?!

— Ах, вот ты о чем. Это была жестокая необходимость. Тут не место колебаниям. Надо было действовать быстро и решительно.

— Ну этого у вас предостаточно! Я заметил, — продолжал он, все еще пристально глядя мне в лицо, — что, в принципе, вы добрый человек, но можете быть предельно жестким. Помните пленных бандитов? Вы отдали приказ расстрелять их так же спокойно, как будто речь шла о чем-то обыденном...

— Что же, я должен был орать?!

— Да нет! Меня поразило ваше спокойствие при этом и то, что вы тут же забыли о них.

— Других дел было предостаточно.

— А вы не верите, что их можно было бы исправить?

— Нет! А что до спокойствия, то... У меня тогда, да и сейчас вот стоит перед глазами мальчик с ногами, перебитыми автоматной очередью... И не будем больше об этом!

Голос мой против воли прозвучал резко и зло.

— Простите! — смутился Алексей.

Он помялся и, видимо, желая сгладить неловкость, заговорил о чем-то другом. Я его не слышал. Мысли мои вернулись к событиям недавней осени. Всю свою жизнь я ничто не ненавидел так неистово, как насилие. Я считал, что нет выбора средств и запрещенных приемов по отношению к неспровоцированному насилию. Помню, что в разговоре со своим пленником на лесной поляне я весь похолодел от возмущения и ненависти, когда он стал излагать свои планы создания рабовладельческого или крепостнического общества. Нет ничего более ценного в жизни, чем свобода. «А Родина, общество?» — шепнул мне внутренний голос. Сейчас эти понятия были почти абстрактными. Не было ни Родины, ни общества. Была небольшая группа людей, затерянная среди безмолвия Земли, пережившей только что сокрушительную катастрофу.

Но даже если так, может ли считаться Родиной страна, которая отнимает у своих сынов свободу? Мне никогда не были понятны патриотизм крепостных крестьян, преданность рабов своим господам. Подлый раб, подсыпаящий яд своему господину, был мне более понятен, чем раб, спасающий ему жизнь. Может, я согласен, это чувство свободы и ненависть к насилию были гипертрофированы у меня, но я ничего не мог с собой поделать. Неспособный к насилию над ближним, я был готов на все, чтобы отстоять свою личную свободу и свободу тех, кто доверял мне в это трудное время.

Мне всегда казалось, что общество карабкается в своем развитии на ту вершину, где каждый будет свободен, где не будет отвратительного насилия над телом и душой человека. Возможно ли это вообще? Или же это несбыточная мечта? Не потому ли этот путь был так труден, что оружие зла, лжи и насилия было всегда более совершенным и жестоким, чем оружие добра и правды? А почему нельзя сделать иначе? Но не противоречу ли я сам себе? Не скатываюсь ли я к той, скомпрометировавшей себя формуле, что великая цель оправдывает любые средства?

Глава VIII

ПЕРВИЧНЫЕ НАКОПЛЕНИЯ

Дела нашей изоляты, или колонии, как ее стали называть, хотя это название мне и не нравилось, так как напоминало прошлые времена, с каждой неделей шли все лучше. Во-первых, мы, кажется, если не окончательно, то надолго избавились от своих врагов. С вертолета было обнаружено в радиусе ста

километров свыше двух десятков собачьих городищ. Мы их стали планомерно и тщательно уничтожать. Кажется, что всю свою историю человек недооценивал интеллект животных. Когда мы уничтожили восемь городищ и остались только два, вдруг обнаружилось, что они пусты. Собаки исчезли.

Из предпоследней экспедиции ребята принесли трех серых пушистых щенков, тупорылых, с толстыми лапами и щенячьими, еще голубыми, глазами.

— Попытаемся снова сделать из них друзей, — сообщили они.

Их намерение осуществилось. Воспитанные человеком, псы снова стали его преданными друзьями.

В апреле начались полевые работы. Пшеницу решили пока не сеять. У нас еще хранились ее запасы, которые пополнялись с элеватора. Пока посадили картофель, овощи и овес для лошадей. Работали в поле все. Можно сказать, что этот труд, несмотря на то, что он был тяжелым, доставлял удовольствие. Это понятно, возделывая почву, мы утверждались на Земле, доказывая себе, что с нами еще не покончено, что человечество еще живо и будет жить.

Большая часть коров принесла приплод. Появилось молоко. Алексей соорудил маслобойку и вскоре на завтрак стали давать свежее сливочное масло. Хуже обстояло дело со свиньями. В нашем хозяйстве были пять свиней и два кабана. Увы, эти кабанчики были кастрированы и ожидать прироста не приходилось. Хавроньи наши жирели, но толка от них не было. Пустить их на мясо Борис Иванович решительно воспротивился.

— Посмотрим, может быть еще... — что «еще», он не договорил, но, видно, рассчитывал раздобыть где-то производителя.

Однажды он спросил:

— А нельзя ли использовать дикого кабана?

— В принципе, можно, — ответила Наталья, которая у нас теперь стояла во главе всего «агропрома». — Но где его взять? Собаки распугали всю живность, а может быть, и успели ее всю уничтожить. Потом, как его поймать?

— Как-нибудь поймаем. Хотя бы поросенка, — вздохнул Борис Иванович.

— Кстати, насчет дичи, — вмешался в разговор Николай, — звери возвращаются. Я недавно видел лосей.

— Ясно! — обрадовалась Наталья. — Возвращаются потому, что мы уничтожили вокруг нашей колонии собак и они теперь чувствуют себя в безопасности здесь.

Еще в феврале мы с Алексеем хотели побывать в Пригорске. Но потом начались полевые работы, где каждая пара мужских рук была, как говорится, на вес золота. Только 10 мая мы взяли три крытых ЗИЛа и, посадив в них двадцать ребят с автоматами, отправились в путь.

Почти все ребята научились водить машины. В Пригорске мы надеялись найти не поврежденные временем грузовики, за руль которых на обратном пути

сядут наши водители. Так оно и получилось. Мы побывали в знакомой нам воинской части, в ее гараже нашли все необходимое. Там было все без изменений, разве что исчезли трупы.

Пригорск поразил меня своим видом. Все стоки воды по обочинам мостовых были забиты прошлогодней листвой. Проезжая часть и тротуары потрескались под напором растущей травы. Она росла повсюду: на тротуарах, карнизах домов. Даже стены были покрыты какой-то растительностью. Не то мхом, не то лишайником.

Въехав в жилые кварталы, Алексей включил сирену, рассчитывая, что на ее вой придет кто-нибудь из оставшихся в живых жителей. Сирена выла более получаса, но никто так и не пришел. Город был мертв. Одни только коты прохаживались по улицам. Странно, что мало было птиц. Перед катастрофой они, напротив, собирались в города. Помню, что было много сорок, которые вили гнезда в институтском саду. Теперь сороки исчезли. Остались одни воробьи. Да и тех было немного.

— Что же тут удивительного? — сказал Алексей. — Птицы в городе кормились остатками пищи человека. Теперь человека нет. Они вернулись в поля, которые уже не отравляются химией...

— Чем же здесь промышляют коты?

— А мыши? В подвалах, на складах осталось довольно много продуктов. Посмотрите! — он указал на подъезд гастронома.

Присмотревшись, я заметил серую массу. Это действительно были мыши. Они торопливо и деловито сновали туда-сюда. То появлялись, то исчезали в многочисленных норках у стен дома. Видно было, что для них еще оставалось достаточно поживы.

Как ни странно, но пожары не причинили городу большого урона. Я ожидал большего. Сгорело около сотни крупных зданий. Возможно, что проливные дожди, начавшиеся сразу же после нашего бегства из города, потушили возникшие было пожары.

Республиканская библиотека была цела. Мы провозились там до самых сумерек и заночевали тут же, в здании. Спал я плохо. Мне постоянно чудились какие-то звуки и шорохи. Кто-то ходил по комнатам, поскрипывая половицами. За окном раздавались вздохи. Казалось, мертвый город ожил и наполнился тенями умерших. Крики кошек воспринимались как плач детей. Было жутко.

Внезапно до нас донесся пронзительный крик. Это был крик тоски и ужаса. Он то затихал, то снова звучал на какой-то застывшей ноте. Что это было? Не знаю. Один из наших ребят, дежуривших у машин, не выдержал и пустил в воздух длинную очередь из автомата. Крик прекратился.

Так, ворочаясь с боку на бок, не в состоянии заснуть, я пролежал до утра и, как только за окнами забрезжил рассвет, встал и вышел наружу. Вскоре поднялись и мои спутники.

— Ты спал? — спросил я Алексея, когда он появился на крыльце.

— Нет, я слышал, как и вы всю ночь ворочались. Жуткое место.

— Жуткое!

— Фактически мы провели ночь на кладбище. Сколько здесь было жителей?

— Около восьмисот тысяч!

— Да-а! Люди жили здесь, спорили, работали, чего-то ждали, надеялись, любили... Как это все быстро! Вы заметили, что в городе совсем нет трупов?

— Собаки!

— И не только собаки, — вмешался в разговор один из сопровождающих нас ребят. — Вы, наверное, обратили внимание на огромные стаи ворон, которые сопровождали нас всю дорогу.

— Неужели они сожрали все трупы? — покачал головой Алексей.

— Может быть в закрытых квартирах лежат до сих пор...

— Б-р-р! Я ни за что не согласился бы зайти туда!

— Кто же это вопил ночью?

— Мне показалось, что кричит человек.

— Мне тоже, — признался я.

— Может быть, какой-то несчастный, чудом уцелевший и потерявший рассудок...

Напротив республиканской библиотеки была картинная галерея. В прошлые времена я часто бывал в ней. Здесь, наряду с современной живописью, были картины Матейки, Рембрандта, Веласкеса, Гойи, из наших мастеров — полотна Шишкина, Айвазовского, Семирадского и Верещагина. Мне хотелось сохранить для будущего хотя бы часть нашей прошлой культуры. Многие из картин уже были основательно подпорчены сыростью. Потолки галереи протекали, штукатурка осыпалась. Мы отобрали наиболее ценные полотна, несколько скульптур и загрузили их в кузов одного из ЗИЛов. Мне хотелось взять их побольше, но на этот раз нам были необходимы другие, более насущные в данной ситуации, вещи. Еще раз с сожалением посмотрев на оставшиеся полотна, мы покинули здание картинной галереи и направились на товарную станцию.

— Все-таки какое варварство! — вздохнул Алексей, садясь за руль. — Иногда мне кажется, что человек заслужил свою участь. Сколько же в нем звериного и животного!

Я молчал. Картина разгрома, которую мы застали в картинной галерее, была омерзительной. Многие полотна порезаны в клочья. Скульптуры расстреляны автоматными очередями. Освободившаяся от пут условностей культуры

серость и невежество вымещали на ней злость за свое вековое рабство. Мне вспомнилась история уничтожения памятников античной культуры толпами фанатиков-христиан, разрушение древних соборов, осквернение могил. За несколько лет до катастрофы я прочитал в одной из газет, что на Московском автомобильном заводе была разрыта и осквернена могила Пересвета — героя Куликовской битвы. На ее месте был установлен компрессор. Чего же можно ожидать теперь, если тогда невежество и серость могли позволить себе уничтожать и осквернять памятники культуры и истории. Истории собственного народа! Самоутверждение невежества — вот, пожалуй, самая страшная черта человеческого характера. Герострат, сжигающий одно из чудес света — храм Артемиды, святой Кирилл, по наущению которого погибает еще одно чудо человечества — прекрасная Ипатия, подвыпивший купчик, сжигающий сторублевые ассигнации, высокопоставленный бонза, запрещающий генетику — все они чем-то похожи друг на друга и всех их объединяет чувство самоутверждающего невежества. Что же ждать от обезумевших, пьяных от сознания вседозволенности людей, потерявших человеческий облик перед лицом страшной трагедии, перечеркнувшей вмиг всю историю человечества?

На товарной станции Алексей быстро нашел то, что искал. Это были цистерны с бензином. Они стояли в тупике.

— Мы должны взять на учет все источники горючего. Если не удастся найти их на товарных станциях ближних к нам городов, то надо будет использовать эти.

— Как мы его будем доставлять? Нашими автоцистернами? Дорога из Острова до Пригорка скоро придет в негодность. Если делать запасы, то надо делать в этом году, — заметил я.

— Я сначала съезжу все-таки в Брест. Горючее для нас — это все! Хочу попытаться создать хорошую механическую мастерскую. Мотор ЗИЛа можно использовать как двигатель.

Ребята рассеялись по станции и сбивали замки с вагонов и контейнеров. Катастрофа развивалась так быстро, что станцию не успели разграбить. Мы нашли теплую одежду, меховые шубы. Здесь были норковые, каракулевые женские пальто, югославские дубленки на медвежьем меху. Все это представляло для нас немалую ценность, если учесть, что собственное производство шерсти и одежды мы освоим не скоро. Возможно, даже не в этом поколении. Поэтому мы брали все: рулоны полотна, шерсти, кожу, обувь...

— А что с этим делать? Брать или оставить? — я обернулся.

Один из ребят держал связки белоснежных песцов.

— Бери! Пусть девчата сошьют себе шапки на зиму.

— Там их несколько контейнеров.

— Тяжесть невелика.

Подошел Алексей. Он критически осмотрел мех.

— Хорош! Наверное, везли немцам. Ничего, — вдруг зло сказал он, — пусть теперь наши их поносят. Я вот не раз думал, кто же, собственно, выиграл войну? Понимаете, был я в ФРГ. У них в магазинах на прилавке наша икра, крабы.

— Что теперь об этом говорить?

— Я понимаю. Все в прошлом, но все равно обидно! Могли быть самой богатой страной в мире... Сначала одно... Потом этот дележ на удельные княжества, национальные амбиции...

— Теперь это уже не имеет значения!

— Да. Беда общая... всех уравнила. Послушайте! — он остановился. — Вы говорили, что здесь, где-то рядом, был штаб округа?

— Да.

— Так ведь там же должны быть карты с расположением воинских частей!

— Точно! Только боюсь, что в этих бумагах мы ничего не поймем. Да и найдем ли их?

— Должны найти. Знаете, я специально поеду с Александром Ивановичем. Мы побудем там несколько дней и постараемся разобраться.

— Хорошо. А почему вам вдруг пришла эта мысль? — поинтересовался я.

— Я снова подумал о рации.

— Понятно.

— Должны же, черт возьми, где-то быть люди!

— Люди, конечно, сохранились, но имеют ли они радиосвязь... Хотя, должны были выжить те, что находились на подводных лодках, на кораблях. У них должны быть и рации.

— Если, конечно, не прихватили инфекцию, высадившись на берег.

— Думаю, что нет. Во всяком случае, не все. О эпидемии широко информировало радио и телевидение.

— Сколько, вы думаете, сохранилось в живых?

— Трудно сказать. Не больше десятой доли процента...

— То-есть, что-то около пяти миллионов?!

— Пожалуй.

— Меньше, чем было в Москве!

— Я думаю, что эпидемия мало затронула горцев, скотоводческие районы, где не было скученности людей. В основном, удар пришелся по крупным городам и индустриальным, густо заселенным районам. Такие народы, как наши якуты, чукчи, киргизы, индейцы Канады, может быть совсем не

пострадали.

— Так что? В будущем эти народы заселят Европу?

— Вполне возможно. Если, конечно, оставшиеся в живых европейцы не увеличат свою численность. Но на это уйдут столетия.

— Так что единственная наша надежда — дети?!

— Выходит, что так. Но это не все. Мы должны сохранить культуру и дать нашим детям образование. В этом я вижу сейчас нашу главную задачу. Сохранить! Сохранить во что бы то ни стало. Хоть часть культурного наследия, письменность, знания. Собственно, поэтому мы здесь. Мы должны не только собрать как можно больше информации в книгах, что мы и сделали, но и сделать значительные запасы материальных ресурсов, чтобы высвободить время для обучения детей. Если мы сейчас не будем иметь, скажем, одежду, то нам придется изготавливать ее самим. А это займет время и не оставит его для учебы.

— Выходит, что наш грабеж имеет под собой высокую моральную основу?

— Конечно! Тем более, что это не грабеж, а законное вступление в наследство.

— А! Теперь мне легче заниматься всем этим, а то, знаете, нет-нет, да и появляются нехорошие мысли.

Мы снова принялись за работу. Нам предстояло загрузить еще восемь больших грузовиков.

— За день не управимся, — вздохнул Алексей.

— Что ж, придется еще раз заночевать.

Ночь мы провели в пустом товарном вагоне. Ребята нанесли откуда-то ковров, постелили их на пол теплушки и, укрывшись такими же коврами, расположились на ночлег и быстро заснули.

Мне опять не спалось и я вышел покурить. Минуты через три из теплушки выпрыгнул Алексей и, чиркнув спичкой, стал раскуривать сигарету. Я подошел.

— Что, не спится?

— Я вот все думаю о нашем недавнем разговоре, — он глубоко затянулся и медленно выпустил дым. Сигарета сразу уменьшилась на треть.

— Ты очень много куришь, — упрекнул я его.

— Да, надо бросать, — согласился он, — все равно запасы табака скоро кончатся. А вы заметили, — он еще раз затянулся и выбросил окурочек, — что из ребят мало кто курит?

— И никто давно не употребляет спиртного, хотя склад с ним не охраняется!

— Чем вы это объясните? Судя по тому, что мне рассказывали, публика у

вас тут собралась не очень благополучная. Казалось, напротив, эта ситуация должна была бы способствовать пьянству.

— Боюсь, что мое объяснение покажется неубедительным.

— А все-таки?

— Ну, хорошо. Только учтите, я могу и ошибаться. Я бы назвал это грузом социальной зависимости. В обществе человек все больше и больше начинает зависеть от других, от их поступков, деятельности, положения и т. д. Понимаете? Меньше от себя самого, а от других. Общество давит на психику человека... Я ясно объясняю?

— Не очень, но я стараюсь понять. Продолжайте пожалуйста!

— У меня самого это еще не совсем сформулировано. Я давно обратил внимание на то, что поведение ребят, да и девочек тоже, значительно улучшилось. Мне в свое время пришлось с ними хлебнуть немало горя. Так вот, эта зависимость и невозможность точно, заранее моделировать в своем сознании результаты этой зависимости, создает большую неопределенность в принятии мозгом человека решений. Фактически, в такой неопределенности мозг производит большую работу, но работу, как правило, малопродуктивную.

— Как вычислительная машина, которой поставили некорректную задачу?

— Приблизительно, хотя мозг человека несравненно сложнее самой совершенной и мощной машины. В результате такой непродуктивной и изнуряющей работы появляется потребность и желание отключиться. Одни этого достигают тем, что читают фантастику, детективы, другие ищут для себя возможность отключиться в алкогольном или наркотическом опьянении. Причем, все это происходит подсознательно. Начинаящий пить не собирается стать алкоголиком, так же как и наркоман тешит себя иллюзиями, что может в любое время бросить это занятие. Но я отвлекся. Такое состояние можно назвать скрытым массовым неврозом. В начале столетия академик Павлов получил такие неврозы у собак, ставя перед ними некорректные, как вы их назвали, задачи. Скорее, их можно назвать иначе — задачи, превышающие возможности вычислительной системы мозга. В общем, это почти одно и то же. Так вот, — продолжал я, сам не замечая, что впадаю в лекторский тон, — все это и явилось одной из главных причин роста алкоголизма и наркомании в нашем обществе. Само общество и та социальная тяжесть, которую оно создало для каждого индивидуума, породило условия для распространения этих пороков. Согласитесь, что сейчас проблем у наших мальчишек не уменьшилось, но нет той неопределенной социальной тяжести. В наших условиях человек теперь зависит главным образом от себя самого. Следовательно, может с большей точностью предвидеть результаты своей деятельности и поступков.

— Винтик!

— Не понял.

— Я говорю: человек-винтик! А человек, в принципе своем, не может быть винтиком. Он ломается. И в результате ломается машина.

— Совершенно верно. Здесь что ясно прослеживается? По мере роста организации, общества, государства происходит уменьшение степени свободы для каждой составляющей эту организацию подсистемы. Помните формулу Шеннона?

— Это насчет относительной избыточности?

— Да. Так вот, там система становится полностью детерминированной при нулевой энтропии, т. е. когда вероятность перехода из одного состояния в другое равняется 1 и 0. Но такая система уже не может развиваться и адаптироваться. Она исчерпала свои возможности и тогда должен быть создан совершенно новый принцип организации.

— Стойте, стойте! Давайте на технической аналогии. Так мне будет более понятно. Скажем, в эпоху расцвета паровых двигателей решение проблемы транспорта представляли как сплошную сеть железных дорог, опоясывающих земной шар, но потом появились двигатели внутреннего сгорания, электродвигатели, ракеты. Или в начале эпохи воздухоплавания... сплошные воздушные шары... — он говорил отрывисто, как бы отыскивая нужные слова. — Так что же? Выходит, что здесь то же самое? Выходит, что общая масса, будем так называть для простоты, человечества превысила тот предел, при котором старая форма его организации уже не могла функционировать, а новую форму так и не нашла. То есть, она осталась на уровне развития «парового двигателя» и не «изобрела» двигатель внутреннего сгорания.

— Да, форма, как учит диалектика, должна соответствовать содержанию. Развитие содержания, конечно, опережает развитие формы, но потом все должно приходить в соответствие. Вначале автомобиль копировал форму пролетки. Но попробуйте поставить на такую пролетку мощный двигатель ЗИЛа и пустить его на полные обороты. Что будет с пролеткой?

— Она разлетится на части! — он вытащил пачку «Явы», я заметил, что он курил только эти сигареты, и снова зажег спичку. Пламя ее показалось ярким в густой темноте ночи. Мне захотелось тоже закурить и я взял у него одну.

— У вас еще много осталось?

— Да, пачек сто. Я их прихватил в Бресте.

— Я, к сожалению, не позаботился. Впрочем, здесь рядом, в Пригорске табачная фабрика. Если она не сгорела, то мы можем пополнить свой запас. Нам это будет просто сделать.

— Ну что, будем спать? — спросил я, кончив курить.

Он размахнулся и далеко бросил окурочек. Тот описал дугу и, ударившись о шпалы, рассыпался яркими искрами.

— Пошли, пожалуй!

Глава IX

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Лето пришло сильными июньскими грозами. С пятого по двадцатое дождь лил беспрестанно. С утра чистое без единого облачка, вселяло надежду на хорошую погоду, но уже к одиннадцати часам покрывалось черными башнеобразными тучами, потом налетал шквальный порывистый ветер, раскатисто гремел гром и снова, в который раз, шел проливной дождь.

Дожди и грозы принесли нам немало помех в налаживании хозяйства. Дороги приходили в негодность. Асфальтовое шоссе между Островом и Пригорском было все в выбоинах, которые размывались проливными дождями.

Наша «трофейная команда», как мы ее в шутку называли, во главе с Алексеем, испытывала теперь немалые трудности. Все чаще в дороге происходили поломки, пока еще незначительные, но забравшие много времени. Обычно эти поездки занимали три-четыре дня. Вести, которые доставляли они нам из своих экскурсий, удручали. Встретить людей, выживших после катастрофы, не удалось. Села и их окрестности пустовали. Казалось, единственными их обитателями стали собаки. Дважды их стаи появлялись и в нашем расположении. Раз они напали на стадо и загрызли двух коров и несколько телят. Километрах в десяти от нас было обнаружено новое их городище, которое мы сразу же уничтожили. Вообще в нашем расположении они предпочитали не появляться, но на расстоянии километров тридцати их было еще много.

— Совсем не мудрено, что мы не встречаем людей, — говорил мне Алексей. — Человек оказался беззащитным перед стаями голодных псов. Что-то меньше их не становится.

— Не так скоро. Я же говорил, что должно пройти три-четыре года. В этом году, напротив, численность собак должна увеличиться.

— Ну, тогда на Земле скоро не останется других животных.

В его словах была доля правды. Оставалась надежда на неисчерпаемые силы природы, на то, что пройдет время и она оправится от последовавшего за катастрофой опустошения. Но так ли неисчерпаемы ее силы? Сначала их подрывал человек. Природа уничтожила человека. Но человек сказал свое последнее «прощай!», оставив после себя полчища собак, которые прежде чем сами погибнут от голода, уничтожат на Земле большинство видов животных. До чего же прожорливы эти твари! Все живое бежит от них. Под нашу защиту собиралось все больше и больше дичи. Особенно много было лосей и косуль.

К концу июня дожди прекратились и установилась солнечная и жаркая погода. Поля дали отличные всходы. Картошка уже цвела и мы понемногу копали ее.

Борис Иванович и Наталья с головой погрузились в сельскохозяйственные хлопоты. Среди освобожденных пленниц несколько девочек были студентками сельхозтехникума. Они помогали Наталье. Часто они седлали лошадей и уезжали осматривать земли, планируя в будущем расширить свои владения.

Запасов горючего, по нашим расчетам, должно было хватить лет на пять-шесть. Дальше мы планировали перейти на конную тягу. «Трофейная команда» навезла много тракторов, комбайнов и прочих машин для запасных частей. Взявшись за обеспечение, эти ребята делали свое дело добросовестно и, как мне казалось, со слишком большим рвением. Много из того, что они доставили, было, как мне казалось, лишним и только загромождало территорию. Зачем, например, нам три танка и десяток различных пушек? Все это произошло после того, как они, порывшись в бумагах штаба округа, разыскали расположение воинских частей и их склады.

Мы теперь могли не только вооружить, но и полностью обмундировать не меньше трех батальонов. Ну, форма — куда ни шло. В крайнем случае, ее можно было использовать как рабочую одежду. Но зачем столько оружия?

— С кем ты собираешься воевать? — спросил я Николая, когда в который раз были доставлены грузовики с оружием.

— Мало ли что? — ответил он мне. — Разве мы знаем, что нас ждет?

— И где это хранить?

— Есть место тут рядом. В санатории «Лесная сказка».

— Ну, как хотите! Только больше, по-моему, не надо. Лучше подумать о вещах, которые нужны в повседневной жизни. Словом, пора заканчивать. Тем более, что скоро уборка урожая.

Однако, как показало будущее, Николай оказался прав. Оружие нам все таки пригодилось.

В июле произошло радостное событие. Это случилось утром пятого. Дата эта стала потом нашим «государственным» праздником и была объявлена Днем возрождения. Виновником этих событий, вернее, виновницей стала первая новорожденная нашей общины, Юлия, получившая это имя в честь месяца, в котором родилась. Мать девочки, одна из старожилов стационара, и предполагаемый папа принимали поздравления и подарки. Я говорю «предполагаемый», так как брачные отношения в нашей колонии приобрели весьма своеобразную форму. Слишком много было женщин и мало мужчин. Это стало источником постоянных скрытых конфликтов, которых, к сожалению, невозможно было избежать. По этому поводу мы, взрослые, не раз спорили, но, увы, безрезультатно. Я не вмешивался, хотя понимал, что когда-нибудь эта «бомба замедленного действия» взорвется.

Борис Иванович, настроенный радикально, предлагал ввести брачную регистрацию. Его поддерживали учительницы, хотя, впрочем, не особенно активно.

— А что будет с теми, кто останется не замужем? — резонно возражал ему Александр Иванович.

— Может ты хочешь ввести полигамию? — горячился завхоз.

— А что? — с невозмутимым видом отвечал «Фантомас».

Учительницы при этом возмущались и все начиналось сызнова.

Мне это надоело. И, когда в очередной раз зашел разговор об этом, я не выдержал:

— Оставьте! Пусть разбираются сами. В нашей ситуации лучше не прибегать к каким-либо жестким правилам. Более разумно предоставить системе самой организовать в оптимальную структуру. Я почему то уверен, что, какое бы решение мы не приняли — оно будет ошибочным. Поймите, наша система находится в необычном, я бы сказал, в экстремальном, состоянии. Она ищет решение. Предоставим ей самой найти его и адаптироваться. Не будем мешать. Нам это нужно чтобы выжить!

Сашка не выдержал и сморозил что-то насчет потребности в удовлетворении инстинктов у женщин, что меня окончательно разозлило:

— В таком случае, мы тебя назначаем дежурным! Будешь оказывать неотложную помощь!

— И выделим ему повышенное питание! — поддержал меня Борис Иванович.

В общем, все свелось к шутке, но, если честно, то положение было серьезным.

Рождение Юлии отпраздновали всей колонией. В большой столовой были накрыты столы. Повара постарались на совесть. Выпили за здоровье новорожденной и ее родителей. Александр Иванович произнес блестящий тост, который, как говорится, был выслушан с большим вниманием и прерывался аплодисментами.

За Юлией последовали другие новорожденные. К концу августа мы уже начали думать, а не организовать ли нам ясли? Тревожило одно: рождались только девочки.

Не сыграл ли здесь свою зловещую роль вирус, который, как выяснилось, поражал больше мужской организм, потому что имел, мы подозревали, сродство к Y-хромосоме. Об этом туманно говорилось в печати до катастрофы. Возможно, что некоторые женщины стали носителями такого ослабленного вируса?

Не имея ни соответствующей аппаратуры, ни достаточных знаний, мы не могли ответить на этот вопрос. Если это было действительно так, то с человечеством покончено бесповоротно. Зачем тогда разводить хозяйство, думать о каком-то будущем? Эти мысли вызывали тоску и все начинало валиться из рук.

Осенью, после уборки урожая, мы должны были начать занятия в школе и в «университете». Александр Иванович, Бунь и я должны начать читать «медицину»; Наталья и Борис Иванович — агро- и зоотехнику; Алексей вызвался подготовить группу «инженеров». Вот и все научно-педагогические кадры, которыми мы располагали.

Было отобрано всего двадцать пять слушателей из наиболее способных учеников школы и бывших пленниц — наша надежда, наша будущая интеллигенция. Со временем, конечно, их станет больше, но пока это было то, что мы могли осилить. Ведь не могли же мы остальные обязанности переложить на плечи товарищей.

Для будущего поколения, если оно появится, решено было ввести обязательное четырехклассное образование. А из тех, кто проявит хорошие способности — отбирать детей для дальнейшей учебы. Само собой, к реализации нашей «университетской» программы были привлечены и школьные учителя. Но они не были практиками, а в нашем положении нужно было давать студентам именно практические навыки.

— Нам надо будет завести виварий, — заявил Паскевич во время одного из совещаний по делам «университета».

— Виварий? — удивился Борис Иванович. — Зачем?

— А на чем же я буду учить студентов неотложной хирургии? Придется отлавливать собак! Другого выхода нет!

— Есть еще один вопрос, который надо обсудить, — заметил Алексей. — Я имею в виду создание более надежного источника электроэнергии. Запасы топлива скоро подойдут к концу.

— Построить паровую машину! — предложила Наталья.

— В принципе, это можно, но очень трудно. Я предлагаю солнечные батареи. Если их найти и привезти сюда, то мы могли бы иметь постоянный источник электричества, зависящий, правда, от погоды, но не нуждающийся в топливе.

— Насколько я знаю, их устанавливали в южных районах! — вспомнил я.

— Значит, надо организовать туда экспедицию.

— Но это в будущем! Хотя, должен признать, что вопрос поставлен своевременно! Мне известно, что их устанавливали в Краснодарском крае, но сможем ли мы, учитывая состояние дорог, добраться туда и привезти их?

— Как бы там ни было, но это потребует меньшего труда, чем превращение энергии пара в электричество, что, кстати, не снимает вопрос о топливе. Сомнительно, чтобы современные котлы могли дать пар необходимого давления на дровяном топливе.

— А зачем дрова? — возразил Борис Иванович. — в Соколе стоят несколько составов с углем.

— Да! Действительно! Я совсем забыл, что здесь угольный бассейн. И все-таки, я настаиваю на своем предложении.

— Решено! — согласился я с Алексеем. — В этом году мы не успеем, но в следующем обязательно пошлем в Краснодарский край экспедицию, если, конечно не удастся раздобыть солнечные батареи где-нибудь ближе.

— Вспомнил! — вдруг обрадовался Борис Иванович. — Под Одессой недавно была построена опреснительная станция, работающая как раз на солнечной энергии!

— Вот это уже ближе! — обрадовался Алексей. — До Одессы мы сможем добраться дней за пять, от силы — за неделю. Неделю назад и там — две, итого: не больше месяца.

— И все же мы думаем только о завтрашнем дне! — задумчиво произнес Николай, который до сих пор молчал и внимательно вслушивался в спор.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Алексей.

— Надо думать о дне послезавтрашнем! — ответил он и пояснил. — Нам надо думать о том, как создать такую технику, такие источники энергии, которыми смогут пользоваться те, кто будет жить после нас. Да и мы сами. Ну, поставим мы солнечные батареи. Сможем ли мы заменить вышедшие из строя элементы, создать новые? Нет, конечно! А без электроэнергии не будут работать станки. И станки тоже выйдут из строя! Когда будут израсходованы все запчасти, сможем ли мы отремонтировать вышедший из строя трактор, грузовик, комбайн? Уже сейчас надо думать о том, чтобы создавать примитивную технику. Обучаться самим и обучать других кузнечному мастерству, плавке металла и всему тому, чем придется заниматься нашим внукам, у которых не будет нашей техники и, возможно, наших знаний.

— А он прав! — поддержал брата Юрий, — пройдет несколько лет и вся наша техника будет годиться разве что на переплавку. Я не спорил здесь, когда вы обсуждали программу своего университета. Но нам нужно добывать хлеб! Именно хлеб! Одной охотой не прокормимся ни мы, ни те, кто придет за нами. Неизвестно, как после нашествия собак восстановится животный мир планеты. Сельское хозяйство станет едва ли не единственным источником существования. Скот мы сохраним, только если сумеем добиться приплода. Я не против этих первичных накоплений, которыми так усиленно занимается наша «трофейная команда», но надо думать и о том, чтобы самим производить необходимые вещи теми средствами, которыми мы будем располагать в будущем.

— Все это так! Только вот мальчики не рождаются. А без них...

— Борис Иванович! — рассердился я. — Мы же решили эту тему не затрагивать.

Естественно, если будут рождаться только девочки, то все наши усилия и вся наша работа теряют смысл. Это прекрасно понимал каждый. Оставалось

только надеяться, что вирус не поразил всех и сохранились женщины, организм которых остался от него свободен. Поэтому мы решили пока не затрагивать эту тему, чтобы не сеять апатию и безразличие.

Но слово было сказано, и я заметил, как мои товарищи сразу как-то потускнели, потеряли интерес к дальнейшему разговору. Однако то, о чем говорил Юра, должно стать в ближайшее время нашей главной заботой.

Глава X СОБРАНИЕ

Признаться, я сильно волновался. Задуманное могло обернуться и против меня. Но, тем не менее, это необходимо было сделать.

Небольшой актовый зал, вернее, зал кинотеатра, был переполнен. Пришли все. Я заметил, что, девчата принарядились. Почти все нацепили доставшиеся им после разгрома банды украшения. Ящик с ювелирными изделиями мы нашли в кузове одной из грузовых машин. Здесь были перстни, серьги, кольцо, золотые часы, браслеты. Я не очень-то разбираюсь в ювелирных изделиях, но по-моему, там были вещи и с драгоценными камнями, во всяком случае, я видел изумруды. Ценности они, конечно, теперь не представляли.

— Что с этим делать? — спросил тогда Борис Иванович.

— Раздайте девчатам, пусть носят!

Так и сделали. Теперь, по особо торжественному случаю, они цепляли эти побрякушки.

Ждали, видимо, только меня, так как, только я вошел, воцарилась тишина.

Я прошел на трибуну и оглядел собравшихся. В первом ряду сидели взрослые — то есть, мои помощники и школьные учителя. Отдельно, большой группой разместились бывшие пленницы. Ребята предпочли расположиться сзади. Левое, самое крайнее, «радикальное» крыло занимали старожилки стационара во главе со Светкой. Она что то яростно доказывала им.

— Друзья мои, — начал я, — было время, когда тяжелые обстоятельства принудили нас действовать быстро и решительно. Нам предстояло собрать запасы, развернуть хозяйство, наконец, закончить сельскохозяйственные работы. Теперь мы имеем все. Мы собрали хороший урожай и обеспечили на зиму продовольствием себя и кормами скот. Пришло время подумать об организации нашей общины. До сих пор, на правах бывшего начальника стационара, ею руководил я и назначенные мною помощники. Теперь нет стационара, нет прежнего общества. Мы должны создать новое общество, утвердить его законы в соответствии с нынешними условиями нашей жизни. От того, какие мы здесь примем решения, зависит не только наша судьба, но и судьба будущих поколений. Первое, на чем я особенно настаиваю — это то,

чтобы наше общество развивалось на демократической основе, на уважении прав каждого человека и это мы должны будем закрепить и передать нашим потомкам. История человечества обогрета кровью и омрачена насилием. Я не знаю и даже не могу предполагать, как будут организованы другие общины, сохранившиеся на нашей планете. Но я хочу, чтобы наша была тем очагом свободы и демократии, который, надеюсь, сможет со временем оказать влияние на остальное общество. По крайней мере, попытаться следует. Мы сохранили какие-то источники информации и знаний. Возможно, это поможет нам не опуститься до уровня дикости, чтобы затем в течение глухих тысячелетий карабкаться вновь к цивилизации и культуре.

Перед нами нелегкая дорога. С каждым годом мы будем испытывать все больше и больше трудностей, но эти трудности легче преодолеваются, если сохранить и использовать хоть часть знаний и культуры, которые оставила нам погибшая цивилизация. Этого нельзя достичь принуждением! Здесь необходима сознательная воля всех членов общины. Поэтому первое, что мы должны установить у нас — это принцип демократической организации.

Две недели назад я поставил вас в известность, что слагаю с себя обязанности руководителя общины и предлагаю выбрать себе нового. Я думаю, что в наших условиях следует предоставить право новому руководителю самому подобрать себе помощников. Но мы должны избрать своего рода Трибунов или контролеров, как вам будет угодно их называть, которые были бы уполномочены общиной контролировать действия руководителя. Это может стать зачатком будущего парламента или совета. Не в названии дело, а в его сути. Власть не должна быть вне контроля. Полагаю, что руководство должно избираться, скажем, на четыре года. Потом должны проходить новые выборы. Нас слишком мало. Поэтому управленческий корпус должен быть небольшим. Возможно, что мы ограничимся пока выборами руководителя и четырех Трибунов.

Понимаю, что мое присутствие может помешать вам при выборе. Поэтому я пока уйду. Хочу уверить вас, что буду так же охотно подчиняться тому, на кого падет ваш выбор, как вы все это время подчинялись мне.

Благодарю за внимание...

Я вышел. За дверью некоторое время стояла тишина. Потом начался шум. Я пошел к берегу озера. Стояла тихая солнечная погода. Вода напоминала огромное зеркало. На мелководье шныряли стайки мелкой рыбешки. Справа у камышей пара белоснежных лебедей не спеша и величаво плыла во главе своего подросткового выводка. Из года в год эта пара прилетает к нам. Они совсем ручные. Иногда, когда я, урвав время, занимался своим любимым развлечением — ловлей рыбы с лодки, они приплывали ко мне на традиционное угощение. Обычно, на него шел завтрак, прихваченный из дому. Вот и сейчас, завидев меня на берегу, они подплыли ко мне, взмахивая крыльями и изгибая шеи. Я сожалеюще развел руками: не обессудьте — ничего нет и пошел дальше вдоль берега. Ноги вязли в рыхлом белом песке. Ни о чем не думалось.

Величественный вид озера на меня так обычно и действовал. Может быть поэтому я так любил выезжать в лодке на рыбалку и, если позволяли обстоятельства, просиживать в одиночестве несколько часов кряду. Вдруг сзади послышались крики. Я обернулся и увидел Бориса Ивановича с группой ребят. Они звали меня.

— Далековато вы забрались! — упрекнул меня Борис Иванович, — еле нашли...

Мы вернулись в зал. За столом президиума уже сидел новоизбранный Трибунал. В него вошли двое ребят и две девушки. Одна из них была из бывших пленниц. Насколько я помню, ее звали Оксана. Она была уроженкой какого-то небольшого села и успела окончить девять классов. Это была высокая и красивая девушка с толстой русой косой и светлосерыми глазами. Второй, к моему удивлению, оказалась Светка. В последнее время она развила бурную общественную деятельность. Надо сказать, что она пользовалась большим авторитетом среди девушек — старожилы стационара. Особенно, после того случая, когда она оглушила бандита чугунным бюстом Пушкина. Светка всегда была возмутителем спокойствия и лидером всякой оппозиции. Я ее в шутку потом стал называть «главою теневого кабинета».

Мне снова пришлось выйти на трибуну и поблагодарить собравшихся за доверие. Зал ответил, как полагается в этих случаях, аплодисментами. Когда они стихли, я представил членов будущего «правительства». Ими стали все мои бывшие помощники. Между ними и были распределены «министерские портфели». Все они заняли места в президиуме. Я невольно «залюбовался» Александром Ивановичем, уж очень торжественный у него был вид, когда он величественно шествовал на сцену. При распределении обязанностей ему достался «портфель» министра внутренних дел и госбезопасности и, разумеется, — министра здравоохранения. Слово «министр» употребляется мною безусловно в ироническом смысле. Но, право, если бы к Александру Ивановичу кто-то всерьез обратился, называя его министром, он бы принял это как должное.

И все же, несмотря на некоторую комичность ситуации, назначение правительства не было игрой. Закладывались основы нашего общества и по лицам присутствующих в зале я видел, что они это понимают. Когда-нибудь, если мы выживем в этом изменчивом мире, наши потомки будут изучать на уроках истории это первое законное избрание правительства, окружая все это, как полагается, героикой и вымыслом. Ведь любому народу ужасно хочется иметь героическое прошлое! Возможно, найдется и новый Гомер. И воспоеет он наш бой на лесной дороге и подвиги, которые совершали в этой битве герои. Не исключено, что сражение по его воле растянется на несколько дней. Каждый из которых будет описан отдельной главой или песней. Так рождаются мифы. И кто знает, может быть в этих мифах, будет фигурировать новая прекрасная Елена, похищенная коварными «тройцами»-бандитами, во главе с подлым Парисом-Виктором. Я вдруг поймал себя на мысли, что вновь называю его по

имени. «Да, Виктор, — мысленно обратился я к нему, — то, что мы сейчас делаем, это как раз противовес тому, что ты считал неизбежным в развитии общества после катастрофы. И все, что я буду делать — будет продолжением нашего спора там, на лесной поляне. Может быть, этот спор продлится и в будущих поколениях...»

От размышлений меня оторвал голос председательствующего. Борис Иванович предоставил слово Наталье, которая должна была выступить с первыми законопроектами. Хотя я всегда был против всяких «сценариев» в подобных случаях, но на этот раз мы заранее обсудили между собой некоторые положения нашей организации и решили поручить выступить с ними Наталье. На тот случай, если пройдет моя кандидатура, в чем, впрочем, никто не сомневался.

— Предлагаемые законы, — начала Наталья, — войдут со временем в содержание конституции. Пока это первооснова. Остальные законы будут выработываться в соответствии с обстоятельствами нашей жизни. Первое, что нам надо решить, это то, как мы будем называть себя. Я имею в виду социальную основу нашего будущего строя.

Зал зашумел, посыпались предложения.

— Мы, — Наталья дала понять, что она сейчас говорит от имени правительства, — предлагаем считать наш строй демократическим по существу. Поэтому, назваться демократической республикой, видимо, будет правильно.

Поднялся Борис Иванович:

— Других предложений нет? Ставлю на голосование. Кто за? Против? Принято единогласно. Отныне мы уже не колония, а демократическая республика.

Наталья продолжала:

— Первый вопрос о власти. Предлагается избрать Президента республики на четыре года, и на этот же срок — Трибунал.

Возражений не было.

— Теперь, — Наталья бросила взгляд на меня, — теперь есть еще одно предложение. Каждый гражданин республики, — читала она, — имеет право в любое время покинуть ее всей семьей и со всем своим имуществом. Никто не должен чинить ему никаких препятствий.

Зал недоуменно затих, потом посыпались вопросы:

— Зачем покидать? Куда?

Наталья посмотрела на меня. Пришлось разъяснить. Дело в том, что этот законопроект вызвал поначалу сомнения и среди моих товарищей-помощников.

— Любая демократия, — обратился я к собранию, — подразумевает свободу передвижения. Эта свобода дает личности гарантию не только от тирании

правительства, но и от тирании большинства. Если личность не ограждена от такой тирании, то ни о какой демократии не может быть и речи. Поэтому, несогласный с формой организации общества, с его законами и порядками, может беспрепятственно покинуть его.

— А как же армия? — послышался вопрос из зала.

— Служба в армии является долгом и привилегией граждан республики. Но, если гражданин республики считает, что республика ведет несправедливую, захватническую войну, он вправе отказаться от участия в ней и от гражданства тоже. Это должно быть предостережением будущим правительствам от различного рода авантюр.

— А если он просто трус?

— Тогда республика ничего не потеряет, лишившись такого гражданина.

— Не будет ли это подрывом всякой государственности? — спросил один из избранных Трибунов.

— Не будет, если считать, что государство существует для людей, а не люди для государства.

— А если, — продолжал Трибун, видимо еще не убежденный в правоте моего предложения, — если человек совершил преступление и, используя этот закон попытается уйти от наказания?

— Здесь я с вами согласен! Необходимо ввести поправку и после слов «...и всем своим имуществом...» добавить «если к моменту отказа от гражданства и жительства он не совершил никаких преступлений, караемых законами республики».

Трибун сел, удовлетворенно улыбаясь. Я тоже был рад. Наша демократия начинала действовать. Семнадцатилетний мальчишка внес существенную поправку в законопроект. Это было очень хорошо!

— Какие еще будут поправки? — обратился к залу Борис Иванович.

— А если семья не захочет уехать? — встрепенулась вдруг Светка. — Что тогда?

— В законе сказано: «каждый человек», следовательно, это распространяется на всех членов семьи, за исключением, конечно, несовершеннолетних.

В общем, законопроект прошел и стал отныне Законом. Пока у нас не было других предложений. Мы не хотели заниматься законотворчеством и ждали, когда сама жизнь подскажет нам, какие предложения и изменения в правила нашей жизни мы должны будем внести.

Я сел на место и уже хотел шепнуть Борису Ивановичу, чтобы он закрывал конференцию, как вдруг, неожиданно для меня, с места встал Алексей и попросил слова. Я вопросительно посмотрел на него: вроде бы обо всем договорились.

— Я вот что хочу! Нам надо четко очертить права главы правительства. Это необходимо, так как бывают случаи, когда глава правительства должен заранее знать свои полномочия. Я буду краток! Предложение такое: Президент имеет всю полноту исполнительной власти, является главнокомандующим армии и в законодательной сфере может приостановить на год принятие законопроекта.

Возражений не последовало и предложение было утверждено. Борис Иванович хотел закрыть конференцию, однако, на трибуне внезапно появилась Светка,

— Я тоже имею предложение! — заявила она, вытаскивая из кармана бумажку с текстом.

Глава XI

БУНТ

— По поручению моих избирательниц, — она поправилась, — избирателей (сзади кто-то из ребят фыркнул) предлагаю обсудить и принять следующий закон.

Я посмотрел в зал. Светкина «партия» заметно оживилась. Ребята же сидели с недоуменными лицами. По-видимому, то, что сейчас последует, обсуждалось в узком кругу Светкиных подруг, которые и протасили ее кандидатуру в Трибуна́т. Ну, посмотрим, что же она сейчас выдаст... И Светка «выдала»:

— Брак отменяется. Провозглашается свободная любовь. Дети этой любви считаются общими детьми и никто из мужчин не может на них претендовать. Отныне род ведется по материнской линии, — продолжала Светка. — Поскольку нас, то есть, женщин, здесь большинство, то будет справедливо, если брачные отношения будут носить характер матриархата!

Зал взорвался. Возмущенные крики смешались возгласами одобрения и аплодисментами. Я заметил, что Светку, в основном, поддерживают ее подруги по бывшему стационару. Новоприбывшие женщины, видимо, не были посвящены в «заговор» и поэтому сейчас оживленно между собою переговаривались. Ребята топали ногами, улюлюкали, смеялись и кричали Светке, видимо, что-то не совсем безобидное. Больше всего возмутились замужние и, особенно, Клава — жена нашего шофера. Ее я прекрасно понимал. Светка давно подбиралась к Васе и, кажется, не совсем безуспешно.

— Садитесь! Я лишаю вас слова! — раздался возмущенный крик Бориса Ивановича.

— Так вот она какая, ваша демократия! — окрысилась Светка. — Если вы даже мне, Трибуну, не дадите возможности высказаться.

— При чем здесь демократия?! — по слогам произнес Борис Иванович. — То, что вы предлагаете, носит другое название, — он задыхался от

возмущения, — это самый настоящий разврат!

Но Светку не так-то легко было сбить с толку. Она уничтожающе смерила нашего председателя с головы до ног:

— Вот как? Разврат? Скажите пожалуйста! Вы просто не знаете истории. Матриархат существовал около двухсот тысяч лет, значительно дольше чем ваш патриархат. И, если он существовал так долго, то значит тому были основания! Не так ли? — она обратилась к залу, вернее, к своим сторонницам.

— Говори, Светка! Говори! — послышались ободряющие голоса наших феминисток.

— Так вот! — продолжала ободренная ими Светка. — При матриархате не существовал брак и род велся по женской линии. Мария Федоровна! — обратилась она к сидящей в первом ряду учительнице истории, — подтвердите, пожалуйста!

Та поднялась со стула, краснея от смущения:

— Да, это, действительно так! — засвидетельствовала она и быстро села на место.

Светка хотела продолжать, но на трибуну фурией ворвалась Клава — жена шофера. Она оттолкнула Светку, которая не удержалась на ногах и упала на пол. Зал приветствовал это падение хохотом.

— Не слушайте ее! — закричала в зал Клава. — Это она курва все из-за моего Васыля! Бесстыжа! — обратилась она к Светке, которая уже успела подняться. — И как же тебе не соромно?! От чому вас учат в школи, — ее гнев уже был направлен на учительницу, которая имела неосторожность подтвердить историческую истинность Светкиного заявления.

— Все! — продолжала Клава, — все! Я выходжу з республики! Закону такого нэма, щоб у живой жинки чоловіка выдбыраты! Все! — Она бросила негодующий взгляд на Светку и пошла на свое место. Там, подойдя к мужу, она схватила его за руку и попыталась вывести из зала. Она что-то ему негодующе говорила, но что, из-за хохота не было слышно.

Борис Иванович поднялся и стал призывать зал к порядку, то есть колотить по столу молотком, неизвестно как попавшим ему в руки. «Наверное припас заранее», — мысленно усмехнулся я предусмотрительности завхоза. Однако надо было что-то делать. У Светки, без сомнения, было немало сторонников. Если дело дойдет до голосования, то неизвестно, чья точка зрения одержит верх. Это надо было учитывать. В то же время я не имел права лишать слова избранного общим голосованием Трибуна. Необходимо было искать выход из положения. Но сначала пусть выскажется. Конечно, она несла чушь! Но, если ей сразу заткнуть рот, то тем самым будет создан прецедент, которого я больше всего хотел избежать. Поэтому я встал со своего места, показывая собравшимся, что хочу говорить.

Зал постепенно утих. Сторонницы Светки притихли, но по их

разочарованным лицам было видно, что они не одобряют моего вмешательства. Я повернулся к Светке, которая стояла у трибуны.

— Если вы не закончили свое выступление, попрошу вас, пожалуйста, продолжайте!

Пожалуй, никто не ожидал такого и меньше всего — Светка. Поэтому, вместо того, чтобы продолжать свою речь, она громко пискнула, чем вызвала новую бурю веселья, но я снова успокоил зал и ободряюще кивнул ей, чтобы она говорила.

Сунув руку в карман за платком, я неожиданно обнаружил в нем листок бумаги. Это была записка Алексея. «Я случайно узнал, что так будет, — писал он, — поэтому протащил на собрании право „вето“. Не сердись!» Я мысленно поблагодарил его за предусмотрительность. Действительно, теперь я в полном праве смогу отложить принятие закона, не прибегая к голосованию. Но, все-таки, надо попробовать переубедить ее сторонниц.

Светка тем временем почти оправилась и продолжала свое выступление. Если быть объективным, то речь ее могла затронуть за живое.

— Я вам скажу, почему я за матриархат и против брака! — пообещала она собранию. — Семья, — это, конечно, хорошо. Папа, мама и я! Только вот я тоже хочу быть мамой! А Клавка, например, не хочет, чтобы я тоже мамой стала. Что же выходит? Одним — все, а другим — ничего! Это при нашем-то бедственном соотношении (она так и сказала — «соотношении», а не «положении»). Вон, — продолжала она, бросив укоризненный взгляд на Клаву, — Клавка держится за своего Василя. Ни на шаг не отпускает! Была я с ним! Была! Ну и что?! Чего тут стыдиться? Только что же это за удовольствие, если дрожит он мелкой дрожью от страха: «Ах! Как бы Клавочка не узнала! Ах! Как бы не увидела!» Да разве я одна?! — и снова посмотрела на Клаву, но уже с явной насмешкой и злорадством. — Гуляет твой Васенька. Ох, как гуляет! Видишь, как осунулся, как кот в марте!

Клава взвыла от обиды и выбежала из зала, увлекая за собой Васю.

— Я ведь как хочу? — проникновенно, почти ласково, растягивая каждое слово, протянула Светка. — По справедливости!

— Это как же? По карточкам? — крикнул кто-то из зала.

— Можно и по карточкам! Только вот что я скажу вам! По карточкам или купонам — не важно. Важно, чтобы не было этого страха! Ведь страх при этом деле для мужика это все равно, что серпом по этим самым...

— Не забываетесь! — снова вмешался Борис Иванович, не выдержав Светкиной откровенности. Но Светку уже нельзя было остановить:

— Вас-то, Борис Иванович, я не трогаю, нет смысла...

Борис Иванович открыл было рот, чтобы ответить, но густо покраснел и быстро сел.

Светка, как ни в чем не бывало, собралась продолжить речь. В это время дверь приоткрылась и в зал тихонько скользнул Вася. Светка, завидев его, приветливо помахала рукой:

— Вот и Вася вернулся! Сбежал от Клавы. Значит, интересно ему послушать, чем же это кончится!

— А кончится тем, — снова крикнули из зала, — что у Васи Клава главный талон отрежет!

Зал грохнул смехом. Вася, красный, как рак, вскочил со своего места:

— Дался вам Вася! Как-будто никого другого нету! — и бросился вон из зала.

— В том-то и дело, — крикнула ему вслед Светка, — что нету! Что бы вы, мужики делали, — она критически обвела зал взглядом, — если бы все не так как сейчас, а наоборот... на тридцать мужиков — одна баба? Да вы бы передавили друг друга. А нам что прикажете делать? Или вы хотите, чтобы мы, бабы, топить друг друга в озере начали? Отвечайте! Чего молчите?! Вот вы, — она повернулась к Наталье, — вы тут очень хорошо говорили про республику, про демократию... а на хрена мне ваша демократия, если я при ней буду, как засохшая ветка? Вон у вас дочка растет и я вижу, еще кто-то скоро будет, а я? Я ведь тоже хочу ребеночка! И она хочет! — она показала пальцем на одну из своих подруг, — и она! И она! — она по очереди показывала то на одну, то на другую девушку, — Все мы хотим. И что, мы не имеем на это права? Так, чтобы по закону, без страха?!

Светка закончила выступление и села на место. В зале воцарилась тишина. Давая ей слово, я думал, что легко смогу опровергнуть ее доводы. Но сейчас мне не приходило в голову ничего кроме банальных фраз, которые никак не подходили к создавшейся обстановке. Кто мог подумать, что эта «малявка» сможет овладеть аудиторией и говорить так красноречиво, убедительно. Конечно, я принципиально не принимал ее концепцию, но и не мог не признать справедливости ее доводов.

Чтобы выиграть время, я предоставил возможность высказаться желающим. Ребята говорили осторожно и было непонятно, соглашаются ли они со Светкой или, напротив, отвергают ее предложение. Девушки почти не поддерживали Светлану, правда, не в столь решительной форме. Одна даже сказала, что матриархат не надо понимать как власть женщин. Нет! Они готовы оставить власть в руках уже избранного правительства, тем более, что в технике и оружии, сказала она, мы, женщины, совсем не разбираемся. Но, — продолжала она решительным тоном, — брачные отношения и их регулирование должно находиться исключительно в руках женщин.

Тут вдруг не выдержал Александр Иванович. Он поднялся, поправил пенсне:

— Можно мне? — солидно спросил он, как подобает министру

правительства и, получив согласие, медленно направился к трибуне и уже оттуда строгим взором окинул зал.

— Извините, что значит — регулировать? Это меня? Регулировать?! — он снял пенсне и тщательно протер стекла. Затем, надев их, еще раз осмотрел зал.

— Если мне, — он сделал ударение на последнем слове, — женщина не нравится, то... — он не договорил и так же медленно и солидно прошел на место.

Мужчины встретили его заявление одобрительным смехом. Кое-где раздались хлопки. Однако Паскевичу этого было достаточно, чтобы принять их за всеобщее одобрение. Он приостановился и, повернувшись к залу, благосклонно кивнул головой.

По существу, его выступление было грубым и бестактным, но он, надо признаться, был бесподобен в своем апломбе. После краткого, но выразительного выступления Паскевича в дискуссии наступила пауза и я решил ею воспользоваться.

— Я думаю, что мы пока закончим наш разговор. Вопрос сложный, и, не спорю, существенный. Его надо спокойно обдумать, а потом уже решать.

— Но решать придется! — подала с места реплику Светка.

— Возможно! — стараясь быть спокойным, ответил я. — Но, не исключено, что все уладится само собой. Это слишком интимный вопрос, чтобы по нему принимать какие-то официальные решения.

— А без них возможны конфликты! — не сдавалась Светка.

— Хорошо, если вы так настаиваете, то давайте создадим комиссию, которая объективно изучит общественное мнение и предоставит нам свои соображения.

Это была капитуляция. В комиссию изберут, конечно, Светку и ее сторонниц. Надо было что-то придумать.

— Однако, — продолжал я, — перед тем, как создать комиссию, мы можем принять предварительные условия. Первое: в нее не должны входить сторонники крайних мер, как с той, так и с другой стороны (этим самым я сразу же исключил Светку из состава комиссии). Второе: в комиссию должны войти также мужчины и замужние женщины. И третье: решения, выработанные комиссией, ни в коем случае не должны покушаться на права человека, его достоинства и личную свободу. Согласны?

Поднялся Алексей:

— Я думаю, что последний пункт должен распространяться и на детей. А именно: в любом случае ребенок должен знать своих родителей — и мать, и отца.

Светка пыталась что-то возразить, но ее слова потонули в одобрительном гуле.

— Принято! Есть еще дополнения или поправки?

— Я против! — Светка вскочила со своего места и горячо заговорила. — Эта поправка уничтожает достоинство женщины! Выходит что? Мужчина может с кем угодно, а женщина должна быть только с одним! Это несправедливо! Я протестую!

— Интересы женщины не должны противоречить интересам ребенка!

Кто это сказал? Голос послышался сзади. Ах, это Оксана. Умница!

— Итак, — обратился я к собранию, — есть поправка и есть протест против поправки. Голосуем! Кто за то, чтобы принять предложение с поправкой? Почти единогласно. — Теперь приступим к выборам комиссии.

В комиссию избрали пятерых девчат, одного парня и Наталью, как представительницу замужних женщин.

На этом собрание закончилось.

Через два часа новоиспеченное «правительство» собралось, как обычно, «у камина». Нужно было обсудить результаты собрания и на этой основе внести поправки в свои планы.

— В общем, все получилось довольно глупо! — высказал свое мнение Александр Иванович. — Все пошло как-то по-детски! Не надо было никакого собрания, а следовало оставить все как было раньше. Ведь, фактически, ничего не изменилось. Только какая-то игра в государство.

Конечно, я сам чувствовал, что вышло как-то не так и несколько напоминало глупый камуфляж или, еще хуже, буффонаду?

— Ну, не все сразу получается так, как надо! — попыталась смягчить выводы своего мужа Наталья. — На все нужно время.

— Вот здесь я согласен! — проговорил Алексей. — Нужно время. Года через два такое собрание было бы более уместно. Но с другой стороны... — он задумался, подыскивая слова, — с другой стороны, — повторил он, — кто знает, что будет с нами через два года? Я понимаю намерение нашего Президента. Чего он хотел? Он хотел, — продолжал Алексей, как-будто меня не было с нами, — заложить основы будущего демократического устройства. Поймите! Сейчас, в нашей ситуации, весьма неустойчивой, развитие дальнейших событий может пойти непредсказуемо. Одно из таких направлений нам уже известно. Мы в прошлом году столкнулись с этим. У нас пока все было благополучно. Но это видимость благополучия. Через год-два наши ребята подрастут, многим из них исполнится по двадцать лет. Появятся свои лидеры, за которыми пойдут остальные. Этого нельзя сбрасывать со счетов. Кто знает, какие фантазии придут в головы их лидеров, если не будет заложена прочная основа будущей организации, если не будут выработаны законы, ставящие барьер на пути авантюризма, диктатуры и тирании. Тираны могут быть и в маленьких общинах. Мы все смертны. Никто не знает, когда и при каких обстоятельствах мы можем погибнуть. Вдобавок, в такой ситуации, как наша.

Ты, Саша, обратил внимание только на внешние обстоятельства. Но есть и другая сторона сегодняшнего мероприятия. Там закладывался первый камень фундамента нашего будущего.

Слово взял Борис Иванович:

— Ну, что я скажу! — он обвел нас взглядом, как бы заранее извиняясь, — в общем, я согласен с Алексеем. Все правильно! Вот только финал все подпортил. Я имею в виду Светку с ее бредовыми идеями матриархата. — Он усмехнулся. — С одной стороны, конечно, в чем-то она и права. Но с другой — это же... — он замолчал, пожал плечами и, смущенно улыбаясь, сел на свое место.

— Послушай, Николай, ты ближе, подбрось пару поленьев в камин, — попросил Паскевич, — вечера что-то стали холодные.

— Пора, осень ведь, — заметил Борис Иванович. — А, действительно, похолодало. — Он поежился. — Скоро пора будет доставать зимнюю одежду. То-то девчата обрадуются шубкам.

— Им сейчас не шубки надобны, а кое-что другое, потеплее! — отпустил шутку Юрий.

— М-да! — глубокомысленно произнес Борис Иванович. — Жизнь есть жизнь. От нее никуда не денешься!

— Да что тут долго думать! — снова вскочил Паскевич. — Все решается довольно просто! Надо разделить женщин между мужчинами поровну и дело с концом!

— А может быть не поровну, а по потребности? — съязвил Алексей.

— Можно и по потребностям! А что? — Сашка высокомерно оглядел присутствующих.

— Интересно, какие же у тебя потребности? — Наталья насмешливо посмотрела на мужа. Тот сразу скис и сел на место.

— Я думаю, — продолжала Наталья, — коль скоро мы создали комиссию, то давайте не обсуждать этот вопрос до ее выводов.

— Что комиссия? — недовольно вдруг заговорил Николай. — Вам не кажется, что мы просто сняли с себя ответственность?

— Так демократия — это, прежде всего, разделение ответственности, — сказал я. — Мы и впредь будем придерживаться такого принципа. Во всех важных делах. Если нам это удастся, то мы, когда придет время, можем спокойно уйти с чувством исполненного долга.

Меня прервал осторожный стук в дверь.

— Войдите!

Дверь открылась и на пороге появилась Светка, сопровождаемая тремя другими членами Трибуната.

— У вас здесь совещание? — не то вопросительно, не то утвердительно произнесла она. — Мы, как члены Трибуната, хотим присутствовать на ваших совещаниях, если, — она запнулась, — если вы не возражаете?

Она остановилась, еще не решаясь войти в комнату. Остальные стояли за нею. Лицо каждого из них выражало один и тот же вопрос, видимо, сильно их волнующий. На лице Оксаны была написана решительность, двое же ребят были крайне смущены. Скорее всего девушки уговорили их идти к нам.

— Входите, конечно! Это ваше законное право! — я посторонился, давая пройти членам Трибуната. — Садитесь ближе. От имени всех здесь присутствующих я приношу вам извинения, что не поставили вас в известность о совещании!

Мы переглянулись с Алексеем. Демократия начинала действовать! «Вот первый ответ на твои возражения, Виктор! — мысленно обратился я к своему идеологическому противнику. Люди не хотят быть „винтиками“, не хотят по своей природе. „Винтиками“ делаете их вы! Что надо сделать, чтобы навсегда, на все грядущие поколения вытравить в людях чувство „маленького человека“? Это даже хорошо, что Светлана настроена оппозиционно. Сейчас не столь важно, чего она добивается и каковы ее взгляды. Важно то, что она может свободно их защищать. Цели и взгляды будут меняться, но останется свобода их изложения и эта свобода будет воспитывать терпимость к инакомыслию. Ибо без инакомыслия невозможна демократия, а, следовательно, невозможно сохранить цивилизацию».

Мы поговорили еще час, обсуждая текущие дела, и разошлись по домам.

— Так, джин выпущен из бутылки! — сказал на прощание Алексей.

— Это добрый джин, Алеша! — ответил я. — Надо только, чтобы никто не смог его снова загнать в бутылку.

— А помните тот мост через Буг? — спросил он, казалось, вне всякой связи с предыдущим.

— Помню, конечно.

— Я чертовски рад, что половина проезжей части была загромождена разбитыми машинами!

— Я тоже!

Глава XII ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Вторая зима выдалась лютой. Снег выпал еще в конце ноября, укрыв надежно поля. Мы могли не опасаться за озимые. Толщина льда в озере уже в конце декабря достигала сантиметров шестидесяти. Чтобы избежать замора

рыбы, мы прорубили множество прорубей и регулярно разбивали замерзавшие за ночь полыньи.

Еще летом мы изготовили несколько саней, которые теперь оченьгодились. В январе на нашу молочную ферму вновь напали собаки. Мы потеряли трех бычков и одну телку. Пришлось возобновить патрулирование.

Ребята за лето подросли, возмужали. Многие из них «поженились». Слово «поженились» я беру в кавычки, так как комиссия наша так и не пришла к какому-то конкретному выводу и бесславно прекратила существование. «Семьи» стали образовываться спонтанно. Иногда это была парная семья, а иногда в нее входили две-три женщины. Это стало настолько привычным, что даже Борис Иванович смирился.

Последняя бурная дискуссия произошла у него с «лидером оппозиции», т. е. со Светкой, в конце декабря на одном из совещаний.

— Я понимаю! — заявила Светка, когда Борис Иванович неодобрительно отозвался о таких «множественных», как он выразился, семьях. — Вы все здесь воспитанные люди и воспитание не позволяет вам называть вещи своими именами. Но не кажется ли вам, что вы хотите принести в жертву своему воспитанию нечто более существенное? Возможно, судьбу всей нашей общины. Подумайте об этом, воспитанные люди! Вы хотите сохранить этические и моральные ценности прошлой цивилизации. Но как вы можете забывать при этом, что самой большой ценностью является жизнь и все другие остаются ими до тех пор, пока не входят в противоречие с ней!

— Но драки?!

Дело в том, что Светка добила своего и вошла теперь уже полуофициально в семью шофера Васи. Между нею и Клавой иногда возникали «разногласия» и сейчас их последствия были запечатлены на лице Светланы в виде двух глубоких царапин. В других семьях разногласия, как правило, заканчивались более мирно. Во всяком случае, о них мы ничего не слышали. Так или иначе, сложившиеся отношения, хотя и не получили юридического признания, были приняты, «де факто». Сомневаюсь, конечно, что этот вариант был лучшим решением проблемы. Но существует ли таковой вообще?!

В том обществе, которое планировал создать Виктор, проблем такого характера не существовало бы в принципе. Женщин попросту разделили бы между собой. Причем, «верхушке» достались бы помоложе и покрасивее. Общество же, которое хотело сохранить остатки цивилизации, не могло принять такого решения, не вступая в противоречие с принципами этики и морали. Любое волевое решение этой проблемы содержало в себе эти неразрешимые противоречия. Создалась парадоксальная, даже несколько комическая ситуация. Женщины, в большинстве своем, требовали полигамии. Мужчины, которых женщины в течение столетий называли «бабниками», энергично этому сопротивлялись. Впрочем, не все. Первым сдался Паскевич. По этому поводу у него с Натальей произошел бурный разговор, но потом все

вроде бы уладилось. Когда мы остались наедине, я решил поговорить с ним.

— Я, конечно, не могу тебе запретить, — начал я, но...

— Что «но»? — прервал меня Паскевич, — Что «но»?! Что ты предлагаешь взамен?

— Но все-таки!.. — попытался возразить я.

— Вот именно, что «все-таки!» Как ты не понимаешь? Отказываясь утвердить полигамию, ты тем самым толкаешь общину на установление самых примитивных брачных отношений, а именно — на групповой брак! Так лет через двадцать каждый старший сможет сказать младшему известную формулу (он произнес весьма распространенное ругательство), тем самым намекая на кровное родство! Ты этого добиваешься? В таком случае ты как раз действуешь на руку Светке, которая только об этом и мечтает.

— Зачем ты так о ней говоришь? Она просто хочет иметь ребенка и это ее право!

— Ребенка? Она никогда его не будет иметь и сама об этом прекрасно знает. Слишком много в свое время она глотала противозачаточных пилюль.

— Что ты предлагаешь?

— Ввести регистрацию брака!

— Полигамного!

— А ты доставишь сюда недостающих мужчин?

— Это так необходимо?

— Естественно, иначе наша община превратится в гигантский бардак! А так, по крайней мере, дети будут знать своих отцов!

— А, делайте, что хотите! — я отрешенно махнул рукой.

— Нет, ты не увливай! Ишь ты какой! Хочешь остаться чистеньким. А имеешь ли ты на это право? Ты наш руководитель и должен принимать решения. Иначе, какой ты, к черту, руководитель!

— Послушай, Сашка! Честное слово, я не могу. Меня с детства воспитывали в уважении к женщине. Это — оскорбительно, в конце концов.

— Тю! Ты что? Какое же здесь оскорбление? Напротив! Все только и ждут, чтобы, наконец, как-то определиться!

— Ты меня не понял. Я не имею в виду конкретных женщин нашей общины, а женщину вообще! Впрочем, тебе этого не понять! Словом, сделаем так. Скажи Наталье, пусть снова собирает комиссию и выносят окончательное решение. Я не буду возражать и дам утверждение любого решения. Но только с одним условием: женщина имеет свободу выбора.

— Несомненно! — фыркнул Сашка, — у нее будет очень «широкий» выбор!

На этот раз Паскевич, как говорится, «глядел в воду». Приняв таким

образом вынужденное решение, я почувствовал большое облегчение. Вероятно, в каждом мужчине сидит где-то под внешней оболочкой «джентльмена» рыжий. Мне почему-то представлялось, что он покрыт обязательно рыжей шерстью, «неандерталец». На этот раз «джентльмен» уступил «неандертальцу». Но уступил вынуждаемый обстоятельствами и был доволен, что сохранил этим самым видимость приличия. То есть отступил с достоинством перед неизбежным.

Занятия в школе и университете начались в сентябре. Я читал в университете основы теоретической медицины, соединяя в одном курсе анатомию, физиологию, фармакологию и основы общей патологии. Александр Иванович преподавал неотложную помощь и основы хирургии. Мы отловили десяток собак, на которых он со студентами проводил операции.

— При достаточном воображении и желании, — говорил он, удаляя червеобразный отросток у собаки, — вы сможете, при необходимости, найти его и у человека. Если у нас появятся трупы, — «обнадеживал» он учеников, — мы обязательно повторим на них эти операции.

— Если я умру, — голос его при этом становился грустным, — вы, я надеюсь, не забудете, что аппендикс справа.

Кроме апендектомии, он учил их сращивать переломы, вправлять вывихи, делать трахеотомию и трепанацию черепа, удалять пули, сшивать печень и так далее. Надо отметить, что хирург он был блестящий.

Наталья в январе родила девочку и пока не вела занятия.

Что касается Алексея, он, памятуя наш разговор о необходимости научиться вести примитивное хозяйство, соорудил с Николаем кузницу, поставил там механические меха, горн — словом, все необходимое. Первое, что они изготовили — подковы для лошадей.

Кроме кузницы мы построили небольшую плавильную печь. Я не вдавался подробно в технологию производства, но первая пробная плавка, сырьем для которой послужил металлолом, прошла вполне успешно. Несмотря на то, что мы пока еще могли использовать технику, был изготовлен опытный образец плуга. Под руководством Алексея ребята постепенно осваивали премудрости кузнечного дела и днем из кузницы доносились стук кувалды и перезвон молотков. Неподалеку от нее находилась столярная мастерская. Здесь готовились части будущей ветряной мельницы. Труднее всего оказалось сделать жернова. Еще в августе Алексей ездил за сотню километров в песчаный карьер, где с большим трудом, при помощи направленных взрывов, удалось отколоть несколько песчаных валунов. Они и пошли в дело. Мельница была кстати, так как запасы муки неуклонно истощались. Будущей осенью придется самим молоть зерно.

В Одессу за солнечными батареями мы не поехали. Во время облетов окрестностей Алексей обнаружил несколько ветряков. Их разобрали и доставили на место. Весной мы установим их на открытой местности, и они

смогут давать достаточно энергии для освещения и работы токарного и фрезерного станков. Избыток энергии будет подзаряжать аккумуляторы. Мы навезли их целую кучу. Алексей после нескольких неудачных попыток все-таки смог сделать форму для изготовления пластин. Теперь, когда аккумуляторы выйдут из строя, их можно будет перебрать, заменить пластины. Серной кислоты для электролита у нас хватало.

— Не бог весть какой источник энергии, но лучше, чем ничего. Ветра здесь предостаточно. В крайнем случае, поищем еще ветряки. Они должны быть чуть ли не в каждом колхозе, — говорил Алексей.

— Когда поедете, не забудьте набрать побольше досок. Нам надо отремонтировать коровник, — заметил Борис Иванович, — кроме того, в стаде ожидается приплод, и зима на носу.

— Эх! Раздобыть где-нибудь кабанчика! — в какой раз мечтательно произнес наш завхоз.

Он категорически запретил резать свиней, все еще надеясь добыть производителя. С мясом у нас, действительно, было туго. Консервы давно кончились. Стадо наше было не настолько большим, чтобы мы могли позволить себе роскошь забивать скот. Основными источниками белка были рыба и молоко. Зимой, естественно, их было мало. Мы ощущали белковое голодание. Препотвратное, скажу вам состояние. Пища начинала внушать отвращение. В ногах появлялась противная слабость. Зимой молока хватало только кормящим и беременным женщинам. Мужчины питались, в основном, картошкой, которой было в изобилии. Запасы подсолнечного масла начинали портиться и к белковому голоданию грозило прибавиться еще и жировое с сопровождающим его авитаминозом. Пока спасали большие запасы витаминов. Дичь мы старались не трогать, прекрасно понимая, что ее надо сохранить. Придет время и популяция собак уменьшится. Тогда из нашего очага дичь начнет распространяться дальше.

— Года через три мы уже сможем забивать скот, — обещал Борис Иванович.

Больше всех без мяса страдал Паскевич.

— Я знаю, почему у нас рождаются только девочки! — заявил как-то он на совещании «у камина». — Мы мало едим мяса! Энергии не хватает.

— Где я возьму сейчас мясо? — почему-то обиделся Борис Иванович.

Вообще, все наши хозяйственные неудачи он воспринимал крайне болезненно. Вставал он раньше всех и позже всех ложился. Я ни разу не видел его отдыхающим.

— Может быть... — начала было Светка, и замолкла, не решаясь продолжать.

С тех пор, как комиссия вынесла свое решение и тем самым узаконила ее семейное положение, Светлана сильно изменилась. Она как-то остепенилась,

стала скромнее и ее голос уже не так часто раздавался на наших совещаниях. Я знал, что она отдает свою порцию рыбы Васе. Глядя на нее, остальные жены стали делать то же. Если не считать Бориса Ивановича, то в моногамном состоянии остались только мы вдвоем с Алексеем, хотя в «невестах» и соответствующих предложениях не было недостатка, Алексей был однолюб, а я... я просто не хотел огорчать свою жену, которая ждала ребенка, да и не мог еще побороть своего предубеждения. В связи с этим мы с Алексеем оказались без лишних порций рыбы.

— От каждого — по способности, каждому — по труду, — назидательно заметил по этому поводу Паскевич, который получал в день три порции.

— Так что ты хотела предложить? — подозрительно спросил Светку Паскевич.

— Я хотела... может быть нам попробовать, — она сделала паузу и, наконец, выпалила: — использовать для этого мясо собак!

— Что? — возмущенный рев Паскевича потонул в общих возгласах негодования.

— А что? — окрысилась Светка. — Ведь едят же их эскимосы и даже корейцы!

— Вот и ешь со своими корейцами, а я не эскимос! — немного успокоившись, сердито проворчал Сашка.

— И не только эскимосы. Вы почитайте Джека Лондона. Там и европейцы съедали своих собак на Аляске, когда начинался голод!

— Может быть, там другие собаки? Хотя, что я говорю! — Сашка уже успокоился.

Он помолчал, а затем, как бы разговаривая сам с собой, продолжил:

— Хотя, если мясо хорошо вымочить в уксусе... то можно попробовать.

— Ты это серьезно? — спросил я.

— А что? Мясо есть мясо. А при такой собачьей жизни и собачье мясо сгодится!

— У нас нет уксуса! — приняв все всерьез, сообщил Борис Иванович.

— Что, совсем нет? — поинтересовался Паскевич.

— Бутылок десять наберется. Но это даже на одну собаку не хватит!

— Ничего! — подсказал Алексей. — Будем коптить!

Мы все так и покатались со смеху.

— Мы все пленники предрассудков! — заговорил Паскевич, когда смех умолк. — Возьмите, например, евреев и арабов. Они не едят свинины.

— Теперь едят, да еще как! Я хотел сказать, ели, когда были живы, — поправился Николай.

— Неважно! Свинины они не ели, но зато ели собак!

— Это не евреи, а финикийцы, — уточнил я.

— Какая разница! Финикийцы — это те же евреи, но в древности.

Саша любил приводить исторические примеры, но постоянно путал Юлия Цезаря с Александром Македонским, а Карла Великого с Карлом XII. Пипина Короткого он почему-то считал Римским папой, а Робеспьера — итальянским художником. Причем, переубедить его было почти невозможно. Как-то мы сильно поспорили об Аристотеле, которого он упорно считал узбеком. Потом выяснилось, что он перепутал Аристотеля с Авиценной.

С ним было невозможно спорить. Во время спора он напускал на себя такой апломб, что у его противника невольно начинало закрадываться сомнение в собственной правоте.

Саша был неподражаем! Бывало, когда нужно было «достать» дефицитный товар, он шел прямо к директору магазина и, небрежно подавая руку для пожатия, называл свою фамилию. Но как называл! Он называл ее так, что тот поспешно вскакивал с кресла и смущенно лепетал о том, что ему приятно познакомиться с Паскевичем, причем на лице директора была написана мучительная борьба мысли, пытающейся извлечь из памяти столь известную фамилию, в значительности которой не было сомнения. Товар быстро появлялся уже в упаковке. На прощание Паскевич снисходительно говорил: «Если что надо — звоните». Директор провожал его до выхода и, когда возвращался назад в свой кабинет, бросал многозначительный взгляд на продавцов, застывших в почтительных позах.

Его жены, я имею в виду жен, оставшихся в прошлой цивилизации, обязаны были беспрестанно им восхищаться. Сашка требовал восхищения и, когда оно, наконец, иссякало, а в семейной жизни это может случиться быстро, любовь к жене сменялась обидой, которую он уже не прощал. Женщин он любил потому, что они любили его. Больше всех Сашка любил себя. Любил страстно. И вместе с тем, он был весьма интересным человеком, преданным другом и, я уже не хочу повторяться, прекрасным специалистом.

— Так ты что, серьезно думаешь, что девочки у нас рождаются от белкового голодания? — вывел меня из размышления вопрос Алексея к Паскевичу.

— Точно! От крахмала! — безапелляционно подтвердил Паскевич.

— Я тебя серьезно спрашиваю!

— А я тебе серьезно отвечаю!

Сашка пустился в «глубокомысленные» рассуждения в области генетики и обмена веществ, законов популяции и сексологии. «Если его не прервать, то он будет говорить до утра», — подумал я.

— Таким образом, — тоном профессионального лектора продолжал тем временем Паскевич, — как только мы решим проблему белковой

недостаточности, мы, тем самым, решим проблему нормального соотношения полов в рождаемости!

— Должен тебя огорчить! — прервал я его. — Боюсь, что мы имеем дело с более сложным и более грозным для нас явлением. Что мы можем сказать о прошедшей эпидемии? Первое: вирусы, я говорю, вирусы, потому что эпидемия носила комплексный характер и в ней были задействованы несколько вирусов, не имеют другого носителя, кроме человека. То есть, не был создан резервуар вируса. И это большое счастье! Если бы его переносили животные или насекомые, то эпидемия бы на этом не закончилась. Но второе: среди вирусов, по-видимому, был один искусственно созданный и содержащий в себе информацию близкую с информацией, закодированной в «у»-хромосоме. Поэтому смертность среди мужчин была выше.

— Но тогда, — возразил мне Алексей, — должно было остаться в живых много женщин.

— Так оно и случилось. Потери среди женщин произошли позже. Дезорганизация, волна насилия и террора, а затем — собаки. Собаки закончили уничтожение беззащитного населения. Теперь, что касается соотношения полов в рождаемости. Инфицирование вирусом «у», назовем его условно так, не вызывало смерти женского организма, но иммунизировало его по той белково-полимерной информации, которая содержится также в «у»-хромосоме. Таким образом, многие женщины, я не говорю, все, иммунизированы как против вируса, так и против мужских половых клеток. Вируса нет. Он, скорее всего, погиб. Но осталась иммунизация к нему. Если это так, то вновь рожденные девочки не иммунизированы и, следовательно, в будущем будут способны рожать младенцев мужского пола. Впрочем, можно надеяться, что и среди оставшихся женщин есть такие, которые не имели контакта с вирусом. Подождем. Я надеюсь, что в нашей общине такие есть.

— В таком случае, — вставил свое слово Борис Иванович, — жизнь на планете будет продолжаться?!

— Конечно. Ведь если бы женщины были носителями этого вируса, то они заражали бы мужчин, и те гибли бы. А у нас, с тех пор как затихла эпидемия, никто не заболел!

— Какая же сволочь придумала такой вирус!

— Вряд ли мы когда-нибудь узнаем это! Экологическое оружие, а этот вирус именно такое оружие, готовилось давно. Я не думаю, что его сознательно применили. Скорее всего, произошла утечка.

— Почему вы так думаете? — спросила Оксана. — Да потому, что применить экологическое оружие можно в том случае, если предварительно иммунизировалось против него свое население. Такая иммунизация была принципиально невозможна, так как это значило прийти к тому результату, который мы имеем сейчас — нарушению соотношения полов в рождаемости. Мы несколько десятилетий до эпидемии жили в такой ситуации, при которой

не только применение, но даже разработка нового оружия представляла смертельную угрозу для человечества. Еще тогда предупреждали, что оружие может выйти из-под контроля. И это случилось.

— Все-таки я думаю, — задумчиво проговорил Николай, который до этого не проронил ни слова, но внимательно прислушивался к разговору, — что сознательное применение этого вируса не исключалось. Страна-агрессор, — пояснил он свою мысль, — могла бы избежать эпидемии без иммунизации, введя жесткий карантин.

— Это исключается, так как карантин не вводился. Кроме того, в современных условиях введение карантина чревато большими экономическими трудностями. Во всяком случае, готовилось ли применение этого вируса или нет — факты свидетельствуют о утечке его из лаборатории, которая этот вирус создала. Теперь о белковом голодании. По прогнозам Бориса Ивановича мы будем иметь достаточно мяса года через два. Поэтому нам надо компенсировать его пока рыбой. Мы создадим летом две рыболовецкие команды, снабдив их сетями и моторными катерами. Я думаю, Свитязь поддержит нас. Необходимо только подумать, как ее сохранить на зиму.

— Что ж, это мы сделаем! — заверил Борис Иванович. — Я вот только хочу вернуться к предыдущему вопросу. Что будет, если все наши женщины иммунизированы?

— Тогда надо ждать, чтобы подросли те девочки, которые родились сейчас и будут рождаться. Те мальчики, которым сейчас лет по четырнадцать, будут их мужьями и отцами будущих поколений. Мы уже не будем иметь сыновей.

— Так или иначе, но жизнь продолжается! — подвел итог Борис Иванович.

Глава XIII

БЕГЛЕЦ

Свитязь по чистоте воды не уступает Байкалу. Глубина в нем достигает пятидесяти метров. Ширина семь, а длина — пятнадцать километров. В центре его есть небольшой островок, поросший мелким кустарником и деревьями. Там лет сорок назад был построен большой благоустроенный коттедж. Он принадлежал то лесничеству, то еще какой-то организации. В былые времена туда заезжало крупное начальство, чтобы вдали от посторонних глаз предаться мирским забавам.

На берегу раскинулось большое село. Жители его промышляли рыбной ловлей. С рыбой в последние годы стало хуже. Лет тридцать назад рыболовецкий комбинат начал применять электрический трал. В конце восьмидесятых комбинат закрыли, но последствия его деятельности так опустошили озеро, что его былая слава самого рыбного озера европейской части Союза померкла. Теперь изредка рыбакам удавалось поймать

десятикилограммовую щуку или вытянуть леща килограммов на пять. Чаше на удочку шла плотва да мелкий подлещик.

Когда началась эпидемия, а за эпидемией пришли полчища голодных собак, на острове укрылось несколько семей. Вода надежно защищала людей от озверелых псов и давала пищу. У каждого жителя были припасены сети, которые, несмотря на строжайшие запреты, время от времени все-таки шли в ход. Сейчас сети дали возможность выжить, так как почва на острове была скудная и почти ничего не родила.

Мы обнаружили этих людей случайно, на второй год их робинзонады. Обычно, когда мы с вертолета разыскивали «городища» собак, над островом не пролетали. На этот раз вертолет отклонился в сторону, и Алексей заметил легкий дымок над островом. Он подлетел ближе и увидел на берегу людей, сбежавшихся на шум мотора. Их было человек десять. Алексей посадил машину на прибрежный песок.

Люди были в крайне бедственном положении. Запасы муки и других продуктов у них кончились еще год назад. Спасала только рыба. Из двух десятков кур, бывших на острове, сохранилось лишь пять. Остальных потаскали ястребы. На исходе была соль.

Зимой, когда озеро покрылось льдом, собаки начали жестокую осаду жилищ. Погибли четыре человека и островитяне лишились трех коз.

Они показали Алексею оружие, с помощью которого отбивались от собак. Это были длинные тонкие жерди с насаженными на них острыми ножами. Одно-единственное ружье было без патронов. Узнав, что неподалеку от них живет большая группа людей, а близлежащая местность очищена от собак, островитяне с радостью приняли предложение переселиться к нам.

В Грибовичах сохранилось много домов в хорошем состоянии. А, главное, там была плодородная почва. Мы дали новичкам трех коров, снабдили продуктами и семенами для посевов. Борис Иванович помялся-помялся, но все-таки дал им еще и лошадь.

Один из новоприбывших, Афанасий Иванович Цыба или попросту дед Афанасий, оказался отличным пчеловодом. С ним жили сын Степан и невестка. Раньше у них было трое детей. Но мальчик погиб во время эпидемии, а двух девочек загрызли собаки. Сам же дед Афанасий, несмотря на то, что уже давно разменял седьмой десяток, был крепким, подвижным стариком. С его помощью мы разбили большую пасеку. Затем туда был перенесен дом и дед Афанасий стал пасечником. Новое предприятие обещало в будущем году заменить нам сахар, запасы которого подходили к концу.

К лету второго года после катастрофы все уцелевшие от грабежей продовольственные склады пришли в негодность из-за нашествия мышей и муравьев. Если бы мне кто-то раньше сказал, что мелкие козявки могут производить такие опустошения, я ни за что бы не поверил. На одном таком складе, который, казалось, был не тронут, так как замки на дверях были в

полном порядке, перед нами предстала удручающая картина. Мешки с сахаром оказались прогрызены во многих местах. Вернее, это были уже не мешки, а тряпки, лежащие на кучах сахара, покрытых кишашей черной муравьиной массой.

Борис Иванович предложил метод очистки. Мы растворяли такой сахар в воде, фильтровали и затем выпаривали в больших чанах. Но было ясно, что и этот источник вскоре иссякнет.

Поэтому пасека нам была просто необходима. Дед Афанасий знал всех окрестных пчеловодов. Их ульи мы и перевезли на свою пасеку. Поля вокруг нее засеяли клевером и гречихой, а осенью собрались посадить рядом липы и разбить большой фруктовый сад. Иногда я заезжал на пасеку во время своих верховых поездок по хозяйству. Пробовал молодой мед и слушал рассказы Афанасия Ивановича, партизанившего в этих краях. Во время одной из таких поездок, было это в конце августа, я встретился с Виктором. Да, тем самым Виктором, моим бывшим другом, потом — врагом и пленником. Его, едва живого, дед нашел рано утром неподалеку от пасеки. Правда, узнать в нем прежнего Виктора было трудно. Грязный, обросший, в лохмотьях, с кровоточащими укусами на руках и ногах, он был едва жив. Прежний мой знакомый был всегда подтянут, подчеркнуто аккуратен. Аккуратность эта граничила с некой брезгливостью по отношению к окружающим, прикрытой подчеркнутой вежливостью. Он не курил и, насколько я знаю, никогда не употреблял спиртного. Суждения его были четкими, холодно расчетливыми, без эмоций. Когда мы сошлись поближе, он не стал скрывать от меня своего презрения к людям и, как он говорил, ко всему человеческому, погрязшему в пьянстве, наркомании и коррупции. По многим проблемам современности у нас были разные точки зрения, но мне было интересно с ним. И ему со мной, кажется, тоже.

Три дня он не приходил в сознание, бредил, пытался вскочить с постели, искал что-то подле себя и снова впадал в забытие.

Пока он был в бессознательном состоянии, мы с Александром Ивановичем тщательно осмотрели его. К счастью, признаков инфекции у него не оказалось. Скорее, он был крайне психически и физически истощен, да еще жестоко искусан собаками.

На третий день он пришел в себя, но был настолько слаб, что не мог говорить. Через неделю он вполне оправился и мне передали, что он просит меня приехать. Вот что он рассказал.

Последовав тогда моему совету, он после трехдневных блужданий по лесу, вышел к сторожке лесника. Лесник принял его настороженно, однако не прогнал, а пустил жить в сарай. Каждое утро у порога ему оставляли еду, но в контакт не вступали. Через месяц, убедившись в том, что пришелец не заразный, лесник пустил его в дом. Еще через два месяца Виктор вошел в его семью на правах зятя.

Собак в окрестности не было. По-видимому, они предпочитали обитать вблизи сел, где легче было добывать пищу. Поэтому здесь еще сохранилась дичь.

Как-то в марте Виктор ушел на охоту и заблудился. Потом выяснилось, что он отклонился на восток. После двух дней блужданий Виктор очутился на заснеженной дороге и пошел по ней. Стояла пасмурная погода. Небо заволочло тучами. Виктор, как назло, забыл дома компас и, вместо того, чтобы идти на запад, все больше углублялся в лес в противоположном направлении.

Снег подтаивал и прилипал к лыжам. Идти становилось все труднее. Скоро лес кончился, пошли поля. Он забрел в какое-то полуразрушенное безлюдное село и чуть не стал жертвой голодной собачьей стаи. К счастью, собак было немного. Отстреливаясь от них, он окончательно сбился с пути, и, что еще хуже, сломал лыжу. Продукты, взятые из дому, кончились. Дичь не попадалась. На пятый день ему удалось подстрелить белку. Мясо ее было жестким, с неприятным запахом, но он съел все в один присест.

Следующие три дня он брел мимо каких-то озер, речушек, не представляя даже, где он находится. На седьмой день в небе появились просветы и по ним уже можно было определить, где находится солнце. Ориентируясь на него он решил выйти к Припяти и по берегу дойти до истока, вблизи которого было наше расположение. По пути попадались занесенные снегом дороги, но куда они идут — он не знал. Помня встречу с собачьей стаей, он обходил деревни стороной, так как это могло кончиться для него гибелью. Осталось всего три патрона да и то два из них были заряжены мелкой дробью.

Может быть ему и удалось бы осуществить свой план, но на десятый день пути он неожиданно уловил в воздухе запах дыма. Идя навстречу ветру, Виктор вышел к небольшому хутору и остановился, пораженный увиденным.

Хутор состоял из пяти домов. Из трубы крайнего вилась струйка дыма. Но поразило другое. Возле одного из домов стояли три крытые воинские машины на гусеничном ходу. Вокруг них сновали солдаты.

Не помня себя от радости, он, собрав последние силы, кинулся к ним, крича что-то бессвязное. Его накормили и посадили в машину. В другую машину погрузили пару свиней и корову с телятком, съестные припасы.

Хозяина, здоровенного мужика, который пробовал было сопротивляться, быстро связали и бросили на пол первой машины. Здесь уже находилась его жена и трехлетний мальчуган. Виктор скоро понял, что его ожидает такая же участь, если он вдруг вздумает отказаться от приглашения следовать вместе с ними.

Когда прибыли в военный городок, Виктору объявили, что он мобилизован, выдали форму и зачислили в учебную команду. Часть эта находилась неподалеку от Энска. Высокий кирпичный забор, по углам которого стояли сторожевые вышки, окружал территорию. Потянулись дни, похожие один на другой. В шесть часов подъем, зарядка. Затем — политучеба. После

политучебы — завтрак и строевая подготовка. Затем, обед и снова учения.

В учебной команде было тридцать человек, в том числе и хозяин хутора, которого звали Иван Куценко. Жену его пристроили работать на кухне. Все остальные были «мобилизованы» точно таким же образом.

Через месяц карантина, так называлось их пребывание в учебной команде, их привели к присяге, выдали оружие и стали обучать стрельбе и тактике боя. Виктор здесь проявил способности и был произведен в сержанты. В апреле он уже участвовал в «операциях».

О них стоит рассказать особо. В результате регулярной воздушной разведки военные постоянно пополняли свои сведения о сохранившихся очагах жилья. Все это наносилось на карту.

— Ты видел эту карту?

— Она хранится в штабе под большим секретом. Не все офицеры имеют к ней доступ, — ответил он и продолжил рассказ.

«Операции» мало отличались от бандитских налетов, хотя эта воинская часть носила громкое название «Армии Возрождения». Итак, когда обнаруженное жилье наносилось на карту, туда посылались взвод солдат под командованием офицера. Иногда из поселения забирали всех, но чаще — молодых мужчин. Оставшихся облагали натуральным налогом, сбор которого напоминал грабеж.

— А как поступали с семьями «мобилизованных»?

— Некоторые работали в части, как, например, жена Куценко. Других селили поблизости, давали участок земли для обработки. Половину урожая затем забирали. Кроме того, почти все они работали и в самой части.

— И много таких вокруг этой части?

— Да что-то около пятидесяти семей.

— А солдат в армии?

— Человек двести, да офицеров с полсотни...

— Разве могут пятьдесят семей прокормить такую ораву, даже если будут отдавать половину урожая?!

— Нас, в основном, кормили консервами.

— А почему забирали не всех?

— Знаешь, оставляли, в основном, те поселения, где было налажено хозяйство. Это резонно.

— На каком же основании вводился налог?

— На основании преимущества государственной власти.

— Вот как?

— Да! В тексте присяги, которую нас заставили принимать, было сказано о преданности Верховному Командованию, как преемнику государственной власти.

— Значит, командиры этой части считают себя Верховным Командованием?

— Выходит, что так. Офицеры говорили, что наше подразделение единственное в стране, не потерявшее организацию и сохранившее боеспособность. Но, думаю, они лукавят. Многие из солдат были из других частей. Похоже, что это сборище распавшихся воинских частей, которое объявило себя армией и преемником верховной государственной власти.

— Кто же эту власть избирал?

— Это самая настоящая военная диктатура. Даже на политзанятиях учили, что военная диктатура в создавшихся условиях — единственная форма организации.

— С феодальными производственными отношениями?

— Именно! Фактически поселенцы находились на положении крепостных крестьян!

Я внимательно посмотрел на него:

— Тебя это возмущает?

Виктор покраснел и опустил глаза. Видя, что он молчит, я хотел было уйти, но он остановил меня.

— Тебе нужно, чтобы я непременно высек себя? Да! Возмущает. Более того, то, что я говорил, было еще более отвратительно, так как моими солдатами, моими соратниками, были уголовники. Я много думал об этом. Но тогда... тогда мне казалось, что это единственная возможность...

— Ты так считал потому, что стоял наверху иерархической лестницы задуманного тобою общества. А здесь ты очутился в самом низу. Может быть это помогло тебе сделать правильный выбор!

— Ты можешь так думать. Но это не совсем так. Но сейчас мои слова бездоказательны...

— Напротив, у тебя есть доказательства твоей искренности! Ты ведь ничего не сказал о нашей колонии?!

— Нет, я сбежал для того, чтобы предупредить вас...

— Ладно... Скажи, как вооружена эта «Армия Возрождения»?

— В основном — стрелковое оружие. Есть вертолеты, бронетранспортеры, минометы, много грузовиков, ракетные установки, типа противотанковых. Да, вот еще — мощная радиостанция.

— А кто всем этим руководит?

— Какой-то генерал. Я его всего-то один раз и видел. И то издали. Есть

несколько полковников.

— «Мобилизовывали» только молодых мужчин?

— Нет! И девушек тоже. Якобы для работы в штабе. Но многие офицеры брали их к себе в дом.

— А если девушка не хотела работать в штабе или «идти в дом»?

— Да кто их спрашивал? Один старик заступился за дочь, так его до полусмерти забили.

— Словом, как это было у тебя?

— Я лично этим не занимался. Хотя представляю, что позволяли себе уголовники...

— Ну, это ты еще сам услышишь от потерпевших.

— А это обязательно?

— Да! Ты ведь хочешь привезти сюда семью. Значит, надо будет получить согласие остальных колонистов. В том числе и твоих бывших пленниц. Так что, готовься.

— И когда же этот экзамен?

— Как только поправишься.

— Быстрее бы... Сторожка моего тестя может быть обнаружена в любой момент.

— Да! Тогда твоя жена может стать «крепостной девкой» какого-нибудь майора!

— А ты все-таки жесток!

— Иногда! Но ты не беспокойся за семью. Мы завтра же вышлем туда вертолет и человек пять для охраны. Твой тесть — мой старый приятель. Жену заберет вертолет, а тестя, вместе с хозяйством вывезем на грузовиках.

— Тогда я напишу письмо жене. Она, наверное, думает, что я погиб.

— Как? Ты не виделся со своими?

— Не пришлось. Я бежал во время одной из «операций». Она проходила к югу отсюда, километрах в ста пятидесяти.

— Они уже начинают подбираться к нам?

— Выходит, что так!

— Хорошо! Мы обдумаем, как нам встретить гостей. Так говоришь, что их около трехсот?

— Что-то около этого!

— Многовато, но что-нибудь придумаем. Кстати, как ты бежал?

— Знаешь, задумал бежать уже в первый день. Но нужен был случай...

— А что, были побеги? — перебил я его.

— В том-то и дело, что были... Еще в мае бежали двое. Один скрылся, а второго поймали и расстреляли перед строем. Совсем мальчишка. Лет восемнадцати... Через месяц я участвовал в одной операции. Еще весной с вертолета было обнаружено около десяти мелких очагов жилья. Их решили не трогать до сбора урожая, а в конце августа послали три команды, чтобы забрать жителей и урожай.

Я был за рулем второй машины. Когда мы приехали на место, то нашли две семьи — пять человек. Пока солдаты грузили мою машину, я сделал вид, что копаюсь в моторе. Второй грузовик стоял метрах в пяти впереди моей. Кабина его была свободна и ключи остались в замке зажигания. Я незаметно снял крышку трамблера на своей машине и вытащил распределитель зажигания. Затем сделал короткое замыкание аккумулятора и перерезал провода, идущие к генератору. В общем, если бы за мной хотели организовать погоню, то им, даже если бы у них оказался запасной распределитель зажигания, пришлось бы потратить не меньше часа. Спокойно закрыв капот, я подошел ко второй машине, сел в кабину и уехал. Стреляли, конечно, кто-то даже кинул гранату. Но обошлось. Правда, через час мотор стал глохнуть — бензин кончился. Хотя, когда садился в кабину, бак был почти полный. Оказывается, его пробило осколком. Кое-как загнал машину в лес и спрятал между деревьями. И это спасло меня, так как часа через четыре появился вертолет. Наверное, сообщили по радию о моем бегстве. Вертолет сделал несколько кругов над лесом и улетел на запад.

Лес кончился и я не стал рисковать. Шел ночью. Неподалеку от Волынска на меня напали собаки. Патроны скоро кончились. Я едва успел заскочить в какой-то дом. Здесь меня псы продержали в осаде трое суток, а потом куда-то исчезли.

Труднее всего было пройти расстояние от Волынска до Любомля. От собак прятался в кабинах валяющихся вдоль дороги машин. Дней через десять снова начались леса. Перед самым Островом меня атаковала большая стая. К несчастью, кабина перевернутого автобуса, куда я успел заскочить, была без стекол. Пришлось отбиваться ножом и найденной под сиденьем монтировкой. После часа такого сражения мне удалось, наконец, отбиться от нападающих. Но покусали они меня сильно. Я думал, что мне уже конец. Силы на исходе — большая потеря крови... Если бы псы повторили свое нападение, я не смог бы сопротивляться. Они и начали собираться снова, но тут неожиданно пришла помощь, Я до сих пор не знаю, чей это был вертолет. Он шел низко, поливая собак из пулемета. Они разбежались.

Я подождал еще немного. До Острова оставалось каких-нибудь два километра. Не помню, как я их прошел. Рядом с дорогой стоял магазин. Окна и двери его были разбиты. Я нашел подсобное помещение и закрылся там. На полках я обнаружил несколько банок с компотом. Отдохнул и, дождавшись следующего дня, пошел дальше. Но, видно, переоценил свои силы. Очнулся

уже здесь.

Глава XIV КАТЮША

Ба-бах, трах-тарарах... — один за другим глухо прозвучали выстрелы. Стреляли где-то неподалеку, к северу.

Я выбежал из избы, вскочил на коня и поскакал домой. Навстречу мне попался конный разъезд из пяти автоматчиков.

— Где стреляли? — крикнул я.

Они махнули рукой на северо-восток и поскакали дальше. Я хотел было двинуться за ними, но, заметив у одного из них на шее рацию, решил вернуться домой.

Стреляли явно не наши, так как на охоту был наложен строжайший запрет. Мы берегли дичь и даже подкармливали зимой стада лосей, которых в этом году стало больше. Появились и косули. Зубры не особенно пострадали от собак. Те просто не решались нападать на этих могучих зверей. Весной мы встретили в лесу семейство оленей. Они и раньше были большой редкостью, а теперь и подавно. Изредка встречались зайцы. Но больше всего было белок. Мы их не трогали. Они жили повсюду и даже забирались к нам на кухню.

Стреляли, несомненно, чужие. Но кто? Бывшие приятели Виктора из «Армии Возрождения»? Я прислушался. Выстрелов больше не было. Не успел сойти с коня, как ко мне подбежал Николай, в обязанности которого входило командование охраной и разъездами, и сообщил, что в лесу задержали четырех браконьеров и уже ведут их сюда.

Приблизительно через час показалась пароконная телега, окруженная верховыми. Правил лошадьми щупленький мужичок лет сорока пяти, а на самой телеге сидели, свесив ноги, трое молодых женщин в цветастых платках, плотно повязанных вокруг шеи. На телеге лежала туша убитого лося и три корзины с грибами.

Один из ребят протянул мне трофей — две видавшие виды двухстволки. Мужичок бросил вожжи и пугливо озирался, громко шмыгая носом. Женщины же, напротив, не высказывали никакого страха, а только с нескрываемым любопытством оглядывались вокруг и о чем то между собой перешептывались.

— Кто такие? — спросил я мужичка.

Тот продолжал шмыгать носом. То ли он, действительно, был напуган, то ли просто придурился. Ему на помощь пришла сидевшая рядом молодуха лет двадцати, с толстой косой, упрятанной под косынку.

— Люди мы! — категорически заявила она. — Кто же еще? Разве не видно?

— Кто тебя знает, может, ты кикимора лесная?! — шутливо произнес Борис Иванович.

Он неслышно подошел к телеге и с сожалением рассматривал убитого лесного великана.

— Ох, уморил! Кикимора! Да ты сам — старый леший, если я кикимора, — она развязала платок и тряхнула головой.

На плечи упали толстые русые косы. Всем своим видом она показывала: «Смотрите, дескать, какая я кикимора!» Она спрыгнула с телеги и неожиданно оказалась довольно рослой, длинноногой, с высокой грудью и тонкой талией, перехваченной матерчатым поясом.

— Как звать-то тебя? — спросил я, невольно залюбовавшись ее сильным и стройным телом.

— Катериной, — внезапно зардевшись, ответила она и опустила глаза.

— Скажи, пожалуйста, Катюша, кто вы и откуда сюда пришли? Ты понимаешь, что теперь такие встречи большая редкость.

— Что правда, то правда! — согласилась она, — мало людей осталось. Мы живем там! — Она махнула рукой на юго-восток, — у Припяти.

— И много вас?

— Да человек пятьдесят... В основном — бабы, — пожаловалась она. — Мужиков-то — раз-два и обчелся. Да все вот такие, как Егор, квелые. Вон у вас какие орлы! Может быть, одолжите парочку для развода?

— Я бы может и дал. Да самим не хватает! — поддержал я ее шутливый тон.

— Так у вас то же самое? — поняла она.

— Как видишь! Вы-то как уцелели?

— Кто как! Мы из разных сел собрались. Из тех, кто жив остался. Вместе — оно сподручнее. Собаки житья не давали. Сейчас их меньше. А тогда! Что ироды натворили! Скотины много порезали и на людей бросались!

— Ну что, девчата, перекусите? — обратился я к остальным, решив не форсировать события и расспросить более подробно потом.

— Если угостите, — заулыбались те.

Мужичок перестал шмыгать носом, видимо, успокоился: «Бить не будут!». Соскочив с телеги, поплевал на руки, пригладил волосы, затем подтянул ремень на брюках и застыл в ожидании.

— Борис Иванович! — попросил я нашего завхоза. — Распорядитесь, чтобы покормили наших гостей, — я сделал ударение на последнем слове, определяя тем самым наше отношение к прибывшим. Затем повернулся к девушке:

— Потом, Катюша, мы с тобой еще немного побеседуем, если не возражаешь.

— Отчего же! Пожалуйста! С вежливым да ласковым отчего же не побеседовать!

Борис Иванович все не мог успокоиться.

— Эх, за такого зверя-красавца вкатить бы им по паре горячих!

Вторая молодка сожалеюще смирила нашего завхоза взглядом.

— Эх, диду! Да ты хоть помнишь, когда ты в последний раз эти горячие вкатывал?

Бедный Борис Иванович так и остался с открытым ртом.

Алексей, как бы невзначай, наклонился к нему и тихо сказал:

— Вы, Борис Иванович, с женками поосторожнее! Видите, они все теперь к одному сводят...

Борис Иванович покачал головой, усмехнулся и пошел на кухню кормить приезжих. Часа через два мы с Катериной снова встретились. Ее привел Борис Иванович.

— А где остальные? — спросил я.

— Сидят во дворе, беседуют с нашей молодежью!

— Ну, пусть сидят. А ты проходи, Катюша, садись вот сюда, — я придвинул кресло ближе к камину. Она непринужденно села, огляделась.

— Богато живете! — оценила она обстановку комнаты и, застеснявшись своих грубых ботинок, поджала ноги под кресло.

Борис Иванович потоптался у двери и, видя, что его не приглашают, тихо исчез. Я не стал сразу забрасывать ее вопросами, а сначала рассказал о том, кто мы и что собой представляем, как здесь очутились. Она слушала внимательно, не перебивала. Только, когда я дошел до сражения на лесной дороге, невольно вздрогнула, выдавая свой неподдельный интерес. Продолжая рассказывать, я всматривался в ее лицо. В ее глазах светился незаурядный ум. Это ощущалось и по тому, как она сидит, слушает, по скупым, сдержанным и, в то же время, выразительным движениям. Не умолчал я и о рассказе Виктора, опасности для всех от соседства «Армии Возрождения».

Когда я кончил свой рассказ, она некоторое время сидела молча, как бы повторяя его в памяти, затем не спеша, обстоятельно, тщательно подбирая слова, стала рассказывать о себе.

Ей было двадцать два года. До эпидемии училась на втором курсе Киевского инфиза. После сдачи экзаменов и перехода на третий курс поехала навестить деда. Здесь ее застала эпидемия. В соседних селах осталось человек пятьдесят женщин, восемь мужчин и что-то около сорока детей в возрасте от трех до четырнадцати лет. К сожалению, добавила она, большинство — девочки. Села эти находились неподалеку друг от друга. Собрала оставшихся в живых и как-то организовала их жизнь и хозяйство председатель одного из колхозов

Мария Семеновна Чубарь. В селах было раньше много охотников. После них остались ружья и патроны. Это помогло им как-то сдержать нападение псиних стай. Но скота погибло много.

— А что осталось?

— Сотни полторы коров, немного птицы, свиньи.

— А у вас есть кабан?

— Даже три!

— Зачем столько?

— Да из соседних колхозов. Вначале хотели забить, но потом решили оставить на всякий случай.

Я подошел к окну, раскрыл его и выглянул наружу.

— Срочно найдите Бориса Ивановича! — крикнул я ребятам.

Пока его разыскивали, я вернулся на место и, не зная как начать интересующий меня разговор, вопросительно посмотрел на Катюшу. Она сразу поняла меня.

— Вам нужен производитель?

— Вот так! — Я провел ладонью по шее.

— Что ж, это можно. Надо поговорить с Марией Семеновной. Я думаю, она согласится.

— Мы не даром! — поспешно заверил я. — Мы можем дать в обмен... — я задумался, что мы можем дать в обмен, но Катюша помогла мне и в этом:

— Если бы что-нибудь из одежды, — вопросительно проговорила она. — Мы, знаете, не смогли запастись и сильно пообносились. Ну, хотя бы материала на платья... Немного...

— Сколько вам нужно?

— Хотя бы метров тридцать — сорок. Или это много?

— Мы дадим вам двести метров шерстяной ткани и столько же полотна.

— Вы серьезно?

— Вполне!

— Ну, тогда считайте, что кабан ваш. Кроме того, мы вам можем подбросить птицы. Ну, там, кур, гусей. У нас они есть.

— Как вы их уберегли?

— У нас птицефабрика. Она огорожена бетонной стеной и собаки туда не забрались. Правда, теперь донимают ястребы! Но с ними легче. Ружья у нас есть.

Вошел Борис Иванович.

— Вот, — я жестом указал на Катю, — нам предлагают кабана-производителя!

— Милая моя! — вскричал завхоз, мгновенно приходя в отличное расположение духа. — Да мы тебе за это! — он замолчал, почему-то оглядываясь по сторонам, — все что угодно!

— Мы уже обо всем договорились! — сообщил я завхозу.

— Да? И что же? — сразу насторожился Борис Иванович.

— Пару мужиков! — незаметно подмигнув мне, сообщила Катя.

Борис Иванович открыл рот, глотнул воздуха, поочередно посмотрел на меня, затем на Катю, стараясь определить, шутка или всерьез. Я хмуро молчал.

— Это как же? — запинаясь, наконец, выдал из себя Борис Иванович. — Людей на свиней?! Ну и ну!

— Так вам нужен производитель или нет? — продолжала Катя разыгрывать завхоза.

— Нужен то нужен, но...

— Видите ли, Борис Иванович! — вступил я в игру, — им тоже нужны производители...

— Я знаю?.. — завхоз был совершенно ошеломлен. — Может быть, кто добровольно...

Катюша не выдержала и рассмеялась. Я тоже. Вид Бориса Ивановича, действительно, был комичен. Еще немного, и он, казалось, согласится на обмен. Кабан-производитель был его заветной мечтой уже два года.

— А-а... — протянул он, когда я объяснил ему суть дела. — А я-то думал, всерьез... Ну так что? Я пойду выдам!

Я еще раз окинул взглядом нашу гостью и у меня возникла идея.

— Успеется. Завтра... — я глянул на часы, было около восьми вечера, — а пока вот что...

Я отошел к окну и подозвал к себе завхоза.

— Возьмите с собой Катю и пройдите в свои «закрома», — я кратко проинструктировал его, что надо сделать.

— Хорошо! — чему-то обрадовался Борис Иванович. — Это мы сейчас! Пройдемся со мною! — позвал он нашу гостью.

Пока они отсутствовали, я зашел домой и предупредил Женю, что у нас будут гости и попросил ее пригласить Алексея и Паскевича с женами. У меня начал созревать план и я хотел, прежде, чем выносить его на общее обсуждение, посоветоваться в кругу друзей. Немалую роль в этом плане занимала моя новая знакомая. Мне надо было, чтобы она присутствовала при этом разговоре. Я не сомневался, что содержание его будет передано этой

самой, как ее... Марье Семеновне. Это, как раз, и входило в мои намерения.

Переговорив с Женей, я вернулся в комнату «у камина». Ждать пришлось довольно долго. Наконец, дверь раскрылась и вошел Борис Иванович, за ним — она.

Я застыл пораженный. Передо мною стояла сказочная красавица. Это была Василиса Прекрасная, Марья-Моревна из прочитанных мною в детстве сказок. Именно такой я представлял их. Казалось, сейчас раздастся гром и прилетит Змей-Горыныч, чтобы унести это чудо дивное за моря и океаны в тридевятое царство.

Возможно, вид у меня был довольно глупый, потому что Катюша улыбнулась и в этой улыбке было уже нечто снисходительное, сочувствующее. Так улыбается женщина, когда она сознает свое превосходство.

Борис Иванович, видя мою растерянность, удовлетворенно фыркнул, словно старый кот, и понимающе, чуть заметно, подмигнул. По-видимому, он был удовлетворен произведенным эффектом, к которому имел отношение.

Я не буду описывать наряд, потому что ровным счетом ничего не понимаю в этом, но чувствовалось, что наш завхоз не поскупился ни в чем, предоставив ей свободный выбор. А она, видимо, хорошо знала, что выбирать. Так неотшлифованный алмаз кажется простой стекляшкой, но стоит его огранить и заключить в оправу, как он начинает сверкать неповторимой светоигрой граней.

Бог ты мой! Сколько в нашей прошлой, социально организованной жизни, оказалось таких «алмазов» вдавленными в песок и глину! И сколько «булыжников» было заключено в драгоценную оправу! Сможет ли когда-нибудь общество подняться на такую высоту своего умственного и нравственного развития, когда красивая женщина станет получать от него должное, вне зависимости от того, чья она дочь или жена, а просто потому, что она красивая? Будет ли человечество когда-нибудь достойно ценить те дары, которые дает ему природа?

— Ну, я пойду? — спросил Борис Иванович. Он положил на стул объемистый узел. — Здесь шуба и пара лыжных костюмов.

Я кивнул головой, еще не в состоянии произнести ни слова.

Когда я, наконец, пришел в себя и заговорил, голос мой предательски дрожал. Чтобы как-то справиться с этим, я вытащил трубку и набил ее табаком.

— Вы разрешите?

— Вы курите трубку? — удивилась она.

— Да, иногда...

— У меня отец тоже курил трубку. Но он был старше вас.

— Надеюсь!

Она весело улыбнулась. Затем погрузилась.

— Моему отцу сейчас было бы около семидесяти. Я пятый ребенок в семье...

— У него было так много детей? — удивился я.

— Он был геологом. Зарабатывал много. С матерью виделись по месяцу в год, ну и, каждый раз...

— Понимаю...

— Так что мы будем делать дальше? — поинтересовалась она.

— Вы погостите у нас с день. Вернее, только вы с подругами. Ваш Егор, — так, кажется, его зовут, — пусть возвращается сейчас, иначе туша лося пропадет, и предупредит ваших о том, что вы приедете позже, вместе с моим завхозом. Как, туда, к вам машины еще могут пройти? Я имею в виду состояние дорог.

— Если грузовик, то пройдет!

— Ну хорошо! Подробности потом. А сейчас пойдём ко мне. Я прошу вас быть моей гостьей, то есть, я хотел сказать, нашей гостьей. Моей и моей жены.

— Так вы женаты?

Мы шли лесной тропинкой. Почти из под ног выскочила белка, подбежала к сосне и, взобравшись по ее стволу на высоту два метра, остановилась, вопросительно посмотрев на нас, ожидая обычного угощения. Я полез в карман и вытащил орех, запасенный для такого случая. Белка перебралась на горизонтально растущую ветку и, сев на задние лапки, приготовилась принять угощение. Я отдал орех. Катя подошла ближе и как-то осторожно, несмело взяла меня под руку.

— Вот мы и пришли, сказал я, подходя к порогу дома. — Здесь я живу. Прошу вас!

Глава XV

БЕССОННАЯ НОЧЬ И СУМАСШЕДШИЙ ДЕНЬ, ИЛИ ПОПРОБУЙ ИХ ПОЙМИ

Женя плакала. Я засыпал и сквозь сон слышал тихое всхлипывание. Я придвинулся к ней и обнял за плечи:

— Что случилось?

Она дернула плечом, освобождаясь от объятий, и заплакала громче. Наученный прежним опытом семейной жизни, я не стал допытываться причины огорчения, встал и, накинув халат, вышел на балкон. Достал трубку и закурил.

По-видимому, причиной был прошедший вечер. Странно, вроде бы все

прошло хорошо. Женя и Катя будто даже понравились друг другу. Так, бывает у красивых женщин. Это дурнушки обычно ищут у других то, что хотели бы иметь сами. У красивых не бывает места зависти. Впрочем, кто их разберет? Может, я чем-то себя выдал? Кажется, нет! Мы сидели все вместе за столом и я, в основном, говорил с друзьями. Потом Женя вообще увела Катю к себе и я ее больше не видел. Женя вернулась, когда уже все стали расходиться и сказала, что поселила Катюшу в комнате на первом этаже.

Я вернулся в спальню, взял на столике часы, зажег спичку. Было около четырех. Тихонько, чтобы не разбудить жену, снова лег. Но она не спала.

— Я знала, — услышал я ее голос из темноты, — что этим все кончится!

— Чем?

— Не придуривайся! — ее голос звучал зло. — Зачем ты ее привел?

— Ах, ты вот о чем! Привел так привел. Завтра уедет...

— Никуда она не уедет. А если и уедет, то скоро вернется!

— Почему ты так думаешь?

— Ради бога, не притворяйся и не принимай меня за дуру! Я что, слепая? — Она снова начала всхлипывать. — Все вы мужики одинаковые. Только напускаете на себя вид добропорядочности...

— Да успокойся! С чего ты это взяла? И перестань плакать — молоко пропадет! Оленьку нечем кормить будет.

— Не пропадет! Выросли, как у коровы! — и она снова залилась слезами.

В таких случаях лучше не возражать. Надо дать высказаться, не подливая масла в огонь оправданиями и возражениями. Действительно, плач вскоре прекратился, но тема еще не была исчерпана. Я уже примирился с мыслью, что поспать не удастся. Завтра предстоял напряженный день. До рассвета оставалось часа четыре. «Если она уложится в час, до трех еще можно вздремнуть...» Я подумал о Кате. «Спит, наверное, и седьмой сон видит».

— Вот и сейчас ты о ней думаешь!

— Думаю! — признался я. — Думаю, что она давно уже спит, а ты мне не даешь...

— Прости, — она повернулась ко мне спиной и затихла.

Сон, однако, пропал. Я поворочался с боку на бок, стараясь принять удобную позу, но никак не получалось.

— Не спишь? — послышался шепот. Я промолчал.

— Ты не спишь?

— Нет!

— Знаешь, это я во всем виновата!

— А...

— Помнишь ту ночь после сражения? Знаешь, почему я тогда пришла к тебе?

— Ммм...

— Если бы я не пришла, то пришла бы Наталья!

— Да?

— Да! Я ведь не спала в ту ночь на автобазе... И все слышала.

— А!

— Паскевич был уже потом, а сначала... В общем, она считала, что я перебежала ей дорогу, а у нее было больше прав.

— Прав?! — возмутился я.

— Ну, да. Ты ведь подобрал ее на дороге первую...

— И что из этого?

— Как что? Она считала, что вы уже...

— Чушь! Почему любые хорошие отношения к женщине должны кончаться постелью?

— Вы многое не понимаете. Даже самих себя. Мы, женщины, вас лучше понимаем. Может быть, за это вас и любим... Вы, мужчины, иногда смотрите далеко, но часто не видите того, что у вас под самым носом! Вас надо как щенков тыкать носом в блюдечко с молоком, чтобы вы, наконец, сообразили, что вам следует делать!

— Не слишком ли?

— Может быть. А ты знаешь, что девочки из стационара считают тебя импотентом? Они говорят, что я скрываю это потому, что стыдно признаться. И еще говорят, что твоя первая жена ушла от тебя потому, что ты ее не удовлетворял как мужчина!

— Вот как?

— Ты сам знаешь!

— Но разве я один? Алексея они тоже таким считают?

— Алексей реабилитировал себя...

— Это его личное дело.

— Уже с месяц. Он только боится отца. Тот у него старомоден.

— А жена?

— Жене сообщили в первую очередь!

— И что она?

— Проплакала всю ночь и успокоилась! Куда денешься?! При таком «соотношении сил», как говорит Катюша...

— Катюша?!

— Да! Мы с ней обо всем успели поговорить! Она так и сказала — «лучше я, чем какая-то бывшая наркоманка или наложница бандитов». Я с ней согласилась.

— Без меня?

— А что тебя спрашивать? У тебя все на лице написано!

— Не понял...

— А что тут понимать? То, что я согласилась? Да? Я же не дура какая-то. Рано или поздно этим бы все кончилось. Я и так удивляюсь, что ты так долго продержался. Если я удивляюсь, то понятно, что думают другие. Мне даже стыдно было перед ними. Доказывать, что это не так! А потом... Катя, действительно, прелесть. Я думаю, что мы с ней подружимся! Во всяком случае, она лучше других...

— Чего же ты тогда плакала?

— Чтобы легче стало! Я все-таки женщина и должна быть ревнивой!

— Тебе не придется ревновать! И плевать я хотел на то, что обо мне болтают дуры!

— Ну, уж нет! Этого я допустить не могу. Мне совсем не безразлично, что говорят о моем муже!

— Не пойму я тебя!

— А что тут понимать?

Она подвинулась ближе ко мне и я почувствовал прикосновение ее губ. Было уже шесть часов.

Только сидя в вертолете, летевшем к заимке лесника, я вспомнил как заблестели глаза Натальи и жены Алексея, когда в комнату вошла Катюша. Теперь я понимал, что это был блеск удовлетворенного женского самолюбия. Я ведь ничего не знал. Ни про Наталью, ни про Алексея. Да... Наталья тоже хороша. С какой преувеличенной любезностью она стала ухаживать за Катей, как она восторгалась ее красотой и нарядом и, одновременно, расхваливала нашу жизнь, наше хозяйство, нашу обеспеченность всем необходимым. Я вспомнил, что Наталья не бывала у нас и Сашка приходил всегда один.

«Не дай бог, обо всем этом узнает Сашка», — с опасением подумал я. Откровенно, для меня расположение друга было куда важнее, чем все Наталья мира вместе взятые. Зная Сашкино самолюбие, я серьезно опасался, как бы эти женские дразги не положили тень на наши отношения.

— Что такой квелый? Не выспался? — Услышал я в наушниках голос Алексея. «Для тебя бессонная ночь уже в прошлом», — подумал я — Святоша!

а вслух произнес:

— Нет! Все в порядке! Здесь потише, за этой большой поляной будет еще одна, а там уже и — сторожка. Алексей сбавил скорость и стал снижаться. Мы опустились метрах в сорока от дворика избушки лесника. Я выпрыгнул из кабины и направился к ней.

Вдруг ударила автоматная очередь. Я бросился на землю, откатился метров на пять и затаился в траве. Снова ударил автомат. И на месте моего падения взвились фонтанчики земли. Свой автомат я забыл в кабине. Оттуда раздалась ответная очередь, а следом вывалился Алексей и быстро отполз от вертолета, затаившись за бугорком метрах в десяти от меня.

— Лови! — услышал я.

Метрах в двух от меня упал мой автомат. И сейчас же в это место дал очередь противник. Алексей ответил короткой очередью. Этого мне хватило, чтобы дотянуться до автомата и открыть огонь. Мы не видели своего противника. Он бил откуда-то из-за деревянного сарая, постоянно меняя место.

Я подождал, когда он откроет огонь из-за сарая и взял на прицел другой угол. Автоматчик выпустил короткую очередь, затих на время. Я махнул Алексею. Он понял меня и открыл огонь по тому углу, из-за которого только что стрелял наш противник. Я замер, держа на прицеле другой. Вскоре из-за него показалась и тут же скрылась голова. Алексей усилил огонь. Снова появилась голова и ствол автомата. Я нажал на спуск. За сараем что-то рухнуло.

— Вперед!

Мы кинулись во двор. Одновременно с нами из дома выскочила простоволосая женщина и с причитаниями побежала к сараю. Это была дочь лесника. Я ее несколько раз видел, но сейчас забыл ее имя и не мог окликнуть.

За сараем вытянув ноги сидел здоровенный белобрысый увалень. Он стонал, приложив руки к лицу. Меж пальцев текла кровь. Рядом валялся автомат с раздробленным цевьем.

— Встань, дурак!

Тот послушно поднялся. Рана была пустяковой. Щепка разорвала ему щеку и впиалась в нос, пробив правую ноздрю.

— Вот теперь ты будешь совсем красавцем, — пообещал я, извлекая из носа щепку.

— Марийка! — я, наконец, вспомнил ее имя, — сбегай домой и принеси что-нибудь перевязать этого болвана. Мы не ждали такого приема и ничего с собой не захватили.

Марийка перестала причитать и только пристально всмотрелась в меня.

— Владимир Николаевич! Это вы? А мы-то думали...

— Ладно, что вы думали, я, приблизительно, догадываюсь! Ты тащи скорее

тряпку, только почище.

— Сейчас! Сейчас! — Она убежала и тотчас вернулась с большим куском чистой холстины. Я перевязал парня.

— Позже Александр Иванович зашьет тебе щеку. Благодарю, что ты легко отделался! Давно бежал? — спросил я его.

— Ты говори, говори Миша! Это свои! — успокоила его Марийка.

Но Миша не мог говорить. Щека его распухла и он еле ворочал языком.

— Я тебе задам вопрос, ты только кивай или мотай головой. Понял?

Миша кивнул.

— Ты один бежал?

Мотанье головой.

— Двое? Один моложе тебя?

Утвердительный кивок.

— Ты уже здесь с весны? Твоего товарища, что бежал с тобой поймали и расстреляли. Ты это знал?

Парень молчал.

— Ладно, потом разберемся! А где Иван Акимович? — спросил я дочь лесника.

— Да вот-вот должен прийти! Я уже жду его, жду... — Тебе письмо! — Я вытащил конверт и подал ей. Прочтя первые строки, Марийка вскрикнула и кинулась в дом.

Сзади послышался скрип сапог. Это шел лесник. Увидев меня, он прислонил к стене сарая ружье и раскрыл объятия. Нас связывала давняя дружба. Еще с того времени, когда я, будучи только что новоиспеченным кандидатом наук, повадился ездить на озера в отпуск. Я ставил палатку в пятидесяти метрах от озера и, не в пример другим туристам, которые разводили огромные костры, возил с собой переносную печурку. Она стояла на высоких ножках и трава под ней даже не высыхала. Он пришел однажды на дымок, некоторое время стоял и смотрел, как моя жена жарит большого леща. Затем, так же молча, не говоря ни слова, ушел. Он приехал через два дня на мотоцикле и так же, не говоря ни слова, протянул Елене большой целлофановый мешок с подосиновиками. У меня, как говорят, с собой было. Так мы с ним и познакомились. Лесник был неразговорчив. Выпить мог много, но никогда не пьянел. Лес знал, как свои пять пальцев. Где растут белые, где можно наловить раков, на что берет угорь. Словом, живая лесная академия.

Как-то он завез меня на своем мотоцикле на поляну. Я всмотрелся и ахнул. Словно солдаты на параде, стояли белые грибы. Некоторые из них казались просто великанами и, что удивительно, — ни одного червивого.

— Мое место! — пояснил мне Иван Акимович — Тут растёт, — он назвал какое-то растение, я уже забыл его название, — его муха боится.

Жена его умерла, когда Марийке исполнилось десять лет. Осенью и весной — на мотоцикле, зимою — на лыжах он отвозил дочь в школу, пока она не кончила десятый класс и не поступила в техникум.

— А это что? — спросил лесник, увидев забинтованное лицо Мишки и, заметив автомат с раздробленным цевьем, только крикнул, не сказав больше ни слова.

Мы вошли в дом. За столом сидела Марийка с опухшим от слез лицом. Перед нею лежали листки письма. Иван Акимович вопросительно посмотрел на дочь. Та молча протянула ему письмо. Тот повертел его в руках, продолжая так же вопросительно смотреть на нее. Она кивнула ему головой и он начал читать. Читал обстоятельно, не спеша. Кончив читать послание Виктора, он положил его на стол и, помолчав немного, изрек:

— Н-да!

В соседней комнате заплакал ребенок. Марийка вышла.

— Внук? — с тайной надеждой спросил я. Он пренебрежительно махнул рукой:

— Девка! — пояснил, кивая на лежащее на столе письмо, — его!

Миша, услышав это, что-то замычал, энергично стуча себя в грудь кулаком.

— А, помолчи! — строго бросил ему Иван Акимович. — Кто он вам? — имея в виду Мишку, спросил я. — А... — досадливо поморщился лесник, — зять приبلудный!

— А Виктор?

— Кто ж знал, что он живой? Я уж искал его, искал! Где я только не был. Ну, как сквозь землю провалился. Как ушел он, так на второй день повалил снег. Следы-то и потерялись... Вот оно как вышло... И этого жаль, — он показал на дверь за которой только что исчез обиженный званием «приблудного зятя» парень. — Да и Марийка к нему привыкла. Разве баб поймешь! Когда Виктор исчез, два месяца была, а потом хоть бы раз вспомнила...

— А как он?

— Да ничего парень. Работающий. Только глуп. Виктор башковитый был.

Он помолчал, затем вытащил кисет и свернул козью ножку, вытащил огниво. Я чиркнул спичкой. Он прикурил, взял у меня коробок, долго рассматривал его, затем положил, и, как бы отвечая своим мыслям, покачал головой:

— Так надо понимать, что пора сматываться.

Он поднялся из-за стола и направился к двери. Я вышел за ним. На пороге

Иван Акимович окинул сожалеющим взглядом свое надворное хозяйство, крикнул, плюнул себе под ноги и смачно выругался. Я поспешил успокоить:

— Завтра поутру за вами придут три машины. Вы кое-что сможете забрать с собой.

Лесник повеселел:

— А я-то думал, что мы на этой стрекозе. А что, и корову можно?

— И корову, и скот весь, словом, все, что поместится в три ЗИЛа, — заверил я его. — Вы будете жить в Грибовичах. Там уже есть десять человек. И скучно не будет, и места достаточно. Дом себе сами выберете, отремонтировать поможем.

— А как же эти? Как они там... с Виктором... не того?

Я пожал плечами. А что я мог ему ответить? Я обещал Виктору привезти его жену и ребенка. Он ждал. Что я ему скажу? Виктор оставил среди наших женщин недобрую память. Вряд ли найдет замену. Хотя, кто знает!..

В это время в доме послышался шум, крик Марийки и мычание раненого парня. Я посмотрел на лесника. Но он спокойно махнул рукою, дескать, пусть сами разбираются. Минут через пять на крыльцо выбежала Марийка. В руках она держала укутанного в одеяло ребенка, прижимая его к груди правой рукой, а в левой держа небольшой узелок. Увидев нас, она решительно направилась ко мне.

— Ребенок-то... ребенок! — она сделала жест как-будто хотела мне его отдать, но тотчас же прижала его к груди. — Ребенок-то его! Его ребенок! — она всхлипнула. — Как же я теперь, а? Куда мне? — она по очереди смотрела то на меня, то на отца, то на стоящего в стороне Алексея.

Мы молчали.

Я протянул руку Ивану Акимовичу.

— Ну, до завтра! Да смотрите, чтобы ваш «приблудный» не начал стрелять по моим ребятам!

Мы пошли к вертолету и вслед за нами, мелко семеня ногами, то и дело поправляя сбившееся одеяло, поспешила Марийка.

Алексей уже было протянув руку, чтобы взять у нее девочку и помочь забраться в кабину, как она обернулась к дому. У плетня стоял белобрысый парень и смотрел нам вслед. Марийка, выхватив у Алексея ребенка и, бросив узел, с криком: «Ми-и-ша-а!» — кинулась назад.

— Ты слишком долго отсутствовал... — сказал я Виктору на следующий день.

Он ничего не ответил, лишь отвернулся к стене. Он был еще слаб и большую часть времени проводил в постели. Афанасий Иванович кормил его медом и отпаивал какими-то травами.

Глава XVI

СМЕРТЬ БОРИСА ИВАНОВИЧА

— Вы не уехали?

Женя бросила на меня взгляд, полный укоризны.

— Нет. Катюша передала с Борисом Ивановичем письмо.

— Я написала Марии Семеновне, чтобы она приехала сюда и встретилась с вами. Если вы, конечно, не против!

В голосе Кати прозвучало едва заметное удивление и легкая обида. Она посмотрела на Евгению. Та сделала едва заметный успокоительный жест, как бы говоря:

«Все будет в порядке!»

— Не только не против, но сам хотел просить вас об этом, но не успел.

Она ждала еще чего-то. Пауза затянулась. Я почувствовал себя неловко. Евгения вдруг вспомнила, что пора кормить Оленьку и быстро поднялась на второй этаж.

Только сейчас я обратил внимание, что Катя теперь одета в легкий голубой ситцевый халатик, полы которого едва доходили до колен. Ворот был расстегнут. Ее длинные пепельно-русые волосы были распущены и перехвачены широкой голубой лентой.

— Разве вы хотели, чтобы я уехала?

Она подошла вплотную, почти касаясь моей груди. Голова ее слегка откинулась назад.

— Нет! Не хотел! — Мне показалось, что это сказал кто-то другой, стоящий рядом. А может быть я только подумал сказать.

Наши губы встретились. Это было восхитительное и странное ощущение. Казалось, в меня вливается что-то невероятное, заполняющее всего без остатка, разливается по сосудам, мышцам тела, проникает в мозг, подчиняя себе решительно все. Если и есть на свете любовь, то это была она, неся с собой и страсть, и нежность, и дикую неудовлетворенную ярость напряженного тела, и чувство бесконечной благодарности... Кому только? Не знаю! Судьбе? Случаю? Матери-природе, создавшей такое прекрасное разделение сущности человека и вечное стремление к его соединению. Но скорее всего, эта благодарность была именно к ней, к той, которая стояла рядом. Меня вдруг пронзил ужас от одной мысли, что этого могло не произойти или, что она вдруг исчезнет как сон или видение. Я целовал ее шею, плечи, грудь. Халат расстегнулся и упал к ногам. Под халатом ничего не было, было только это тело, прохладное и жаркое, желанное, пугающее своей красотой и

совершенством.

Я подхватил ее на руки и понес в спальню. Дверь почему-то была закрытой. Я, что есть сил, ударил в нее ногой. Дверь затрещала, но не открылась.

— На себя, — услышал я тихий голос.

Проснулся я от того, что меня сильно трясли за плечо. Я открыл глаза. В комнате горел свет. За плечо меня трясла Евгения. Рядом стояла Катя, уже одетая, бледная, с испуганным лицом.

— Скорее вставай! Борис Иванович тяжело ранен!

Забыв, что я совсем голый, я вскочил с постели. Евгения подала мне одежду.

— Скорее! — торопила она меня. — Там тебя уже все ждут!

Площадь у главного корпуса была освещена фарами двух грузовиков. Вокруг них суетились люди. Кто-то схватил меня за руки. Это был Алексей.

— Где Борис Иванович? — спросил я.

— Его отнесли в операционную. Там Паскевич.

Мы поспешили к поликлинике. У ее крыльца стояли люди. В предоперационной Александр Иванович заканчивал мыть руки.

— Что с ним? — спросил я.

— Пулевое ранение в живот. Возможно, повреждена печень. Необходима кровь.

— Группа?

— Четвертая.

— Ну, это уже легче.

— Донор есть.

— Кто тебе будет ассистировать? Может, я?

— У тебя будут другие дела.

Держа руки на весу, он повернулся к операционной сестре. Та надела на него стерильный халат и повязала маску, подала резиновые перчатки.

Борис Иванович лежал на операционном столе. Ему уже дали наркоз. Не обращиваясь, Паскевич велел нам выйти.

— У нас еще двое легко ранены и убита одна из девушек. Из тех, что приехали на подводе, — сообщил Алексей.

— Куда ранены?

— Одного в плечо, но там задеты только мышцы, а у второго — касательное ранение в голову. Так, пустяк, но слегка контузило. Им уже оказана помощь. Как вы думаете, он выживет?

— При таком ранении... При попадании эксцентричной пули в брюшную

полость надежды не остается. Там все разорвано. Удивительно, что его довели живого.

Я осветил фонариком на часы. Шесть утра.

— Через полчаса всем собраться «у камина». Быть и тем, кто ездил с Борисом Ивановичем. Разыщите Николая.

— Я здесь!

— Коля, через два часа чтобы все было готово к выступлению. Возьмем два бронетранспортера. Всем иметь по два запасных магазина и по паре гранат.

— Можно взять танк? Его надо опробовать.

— Возьми!

— Нас обстреляли сразу же, при въезде в село, — рассказал командир группы, сопровождавший Бориса Ивановича в его поездке. — Стреляли из тяжелого пулемета. Первая машина загорелась. Борис Иванович сидел рядом с шофером. Он выскочил и дал команду разворачиваться. Здесь его и прошла очередь. Мы едва успели развернуться, как к нам уже бежали человек пятнадцать: пока подобрали Бориса Ивановича, ранило еще двоих и убило девочку.

— Те, что бежали к вам, были в форме?

— Не разобрал! Все произошло так быстро... Кажется, нет. Хотя, не могу точно утверждать.

— Вы больше ничего не заметили?

— Мне показалось, дальше что-то сильно горело.

— Машин, другой техники не было?

— Улица, на которую мы въехали, просматривалась метров на сто, затем заворачивала.

— Какая длина улицы в вашем селе? — спросил я девушку, пришедшую на совещание вместе с бойцами группы.

— Километра три-четыре... Это та, по которой мы ехали. Другие поменьше.

Я достал карту.

— Посмотри внимательно! Есть ли еще подъезды к вашему селу?

Она некоторое время рассматривала карту и, найдя, наконец, на ней свое село, объяснила:

— Вот тут, — она показала пальцем, — есть съезды с главной дороги на небольшую лесную. Она обходит село с юга и выходит снова на большую дорогу километрах в трех от другого конца села. А здесь топь, и пеший не пройдет.

— Здесь? — Николай ткнул пальцем в место выхода лесной дороги на большую.

— Да.

— Здесь и закроем им выход. Только, что там за дорога?

— Танк пройдет.

— Алексей, как вертолет?

— Нормально. Я его после возвращения от лесника проверил.

— Возьми двух ребят с пулеметами. В бой не ввязывайся. Вспугнешь их, чтобы они ушли из села. Связь по рации.

Дверь отворилась и вошел Александр Иванович. Все смотрели на него. Он молча опустил голову. Мы встали.

— Хоронить будем после возвращения! Саша, останешься здесь. Мы не можем рисковать единственным хирургом! — поспешно добавил я в ответ на его протестующий жест.

— Николай, выдай со склада сотню автоматов с запасными магазинами. Тебе придется, — я снова повернулся к Александру Ивановичу, — организовать здесь с девушками оборону. Это так, на всякий случай. Все мужчины будут участвовать в экспедиции. За исключением подростков. Итак! — я оглядел присутствующих. — Мы не имеем никаких сведений о тех, кто совершил нападение, сколько их и какими средствами они располагают. Но так или иначе, сейчас или в будущем, столкновение неизбежно. Рано или поздно, они доберутся до нас. Я считаю, что надо нанести удар сейчас. Нельзя, во-первых, оставлять безнаказанными их действия, во-вторых, надо опередить противника. Вопросов нет? Тогда всем по местам. Выступаем через пятнадцать минут. Сверьте часы.

Глава XVII СНОВА БАНДА

— Свитязь! Свитязь! Я — Остров! Прием! — послышался в наушниках голос Алексея.

— Остров! Я — Свитязь! Доложи обстановку.

— Свитязь! Консервов три ящика. Макаронов пачек двадцать. Колбасы нет! Мыла около сорока пачек!

Это значило, что Алексей заметил три грузовые машины, двадцать подвод, пушек не было и насчитал около сорока человек.

— Как Николай?

— На подходе. Минут через пять будет на месте.

— Слушай, Алеша, как только придет Николай, посмотри что за мыло? И по плану.

Согласно этому распоряжению, Алексей должен был дать несколько очередей из пулеметов по противнику и отлететь, чтобы наблюдать и корректировать сверху бой.

— Вперед! — приказал я.

Бронетранспортеры двинулись впереди колонны машин, в которых сидели автоматчики.

Со стороны села раздались выстрелы. Это Алексей бил из тяжелого пулемета. Раздался взрыв. По-видимому загорелся и взорвался один из грузовиков,

— Уходят! — послышалось в наушниках.

— Не спеши, — сказал я водителю. — Пусть выйдут из села.

Мне не хотелось вести бой в селе. Спрятавшись в хатах, бандиты могли нанести нам существенный урон. Их лучше было взять на лесной дороге, окруженной со всех сторон топью. Не зная о засаде и не имея представления о наших силах, банда постарается укрыться от преследования с воздуха в лесу. Оттуда легче вести огонь по вертолету.

Я не сомневался, что это банда. Если бы Алексей заметил солдат, он сообщил бы, что найдено туалетное мыло.

Подождав минут пять, мы въехали в село. Нас встретили пустые улицы. Уже в конце одной из них мы увидели стадо коров. Возле него суетились, размахивая палками, люди.

— Давай ближе! — крикнул я водителю.

Бронетранспортер рванулся вперед. Я дал очередь поверх голов. Бандиты бросили коров и побежали. Стадо остановилось и перекрыло дорогу. Я включил сирену. Коровы начали разбегаться и бронетранспортер двинулся дальше.

Впереди ухнула пушка танка. Послышались автоматные очереди, взрывы гранат.

Скоро мы нагнали подводы. Я хотел открыть огонь, но вовремя сдержался. На подводах лежали связанные люди. Между деревьями замелькали фигуры. Я быстро развернул башню и дал длинную очередь. Несколько фигур упало, остальные скрылись за деревьями. Мы подъехали ближе. Возниц возле телег не было.

Под прикрытием бронетранспортеров наши автоматчики высыпали из машин и, взяв под уздцы лошадей, свели телеги на обочину. Прочесывая время от времени заросли пулеметными очередями, мы двинулись вдоль этих телег. Там, среди барахла, мешков, связанные по рукам и ногам, лежали женщины и дети.

Бой впереди, между тем, начал стихать. Еще раз ударила пушка, прозвучала пулеметная очередь, потом все стихло.

Над нами пролетел вертолет.

— Свитязь! — послышался голос Алексея. — Все кончено. Там впереди еще человек двадцать. Их уже повязали!

Я открыл люк и вылез наружу. Ребята освобождали пленников. Сойдя с дороги, я почувствовал, как почва под ногами начала пружинить и еще через пару шагов провалился по колено. Если кто из бандитов и попытался уйти, то недалеко.

Развернуться на узкой дороге было невозможно. Задние грузовики стали пятиться. Затем очередь дошла до нас. Мы постепенно выехали к окраине села. Топь кончилась. Здесь по большому лугу разбрелись коровы. Дорога была достаточно широкой. Мы развернули машины и въехали в село. Следом потянулись телеги. Лошадей, еще не успевших успокоиться от стрельбы, вели под уздцы жители села, развозя подводы по своим дворам. Но большинство их потянулось в центр, на площадь. Туда же под конвоем привели пленных.

Появилась телега, которую вели автоматчики. На ней лежало пятеро наших раненых. Их уже перевязали.

Двое были ранены в ноги. Один очень тяжело. Пуля вошла в бедро, раздробила кость и вышла через пах. Этот раненый был без сознания. Бинты пропитались кровью. Трое других ребят были ранены легко. Одного задело осколком гранаты в лицо, а остальные имели легкие ранения без повреждения костей. Я вызвал Алексея и приказал ему немедленно доставить всех раненых к Паскевичу.

На площадь въехал танк. Из башенного люка вылез Коля.

— Где раненые? — крикнул он мне еще издали.

— Уже отвезли.

— Жалко Ярослава! — сказал он, имея в виду тяжелораненого бойца. — Как ты думаешь, выживет?

— Думаю, да. Рана тяжела, но не смертельная. Он потерял много крови.

— Что, жарко было?

— Да не очень! Ребята сами виноваты. Полезли вперед раньше времени. Мне не надо было вообще брать десант. Справился бы сам.

— Мы не знали, есть ли у них противотанковые средства. Если бы это были военные, то десант не дал бы сжечь тебя.

Разговаривая, мы подошли к толпившимся посреди площади жителям села. Мужчин среди них почти не было, не было и знакомого мне Егора.

— Здравствуйте, люди добрые! — поздоровался я с женщинами.

Те нестройно ответили.

— Что же тут у вас произошло? Где Мария Семеновна? Мне бы с ней поговорить.

В ответ раздался плач, причитания, крики. Потом от толпы отделилась женщина.

— Идемте! Я покажу вам Марию Семеновну!

Я пошел за нею. За нами двинулись остальные. Плач усилился.

Мы прошли метров сто и свернули в боковую улицу. Здесь на окрашенных в зеленый цвет деревянных воротах одного из дворов висел обнаженный труп женщины. Ее раскинутые руки и ноги были прибиты к воротам большими строительными гвоздями. Из распоротого живота вывалились внутренности. В них копошились зеленые мухи.

Я почувствовал, что меня сейчас вырвет. Едва справившись с тошнотой, я круто повернулся и пошел назад. Толпа расступилась.

— За что это они ее?

— Она два часа отстреливалась, пока не кончились патроны.

— У вас разве было оружие?

— Да! Пулемет и несколько автоматов. Но почти не было патронов.

— Откуда оно у вас?

— К нам во время эпидемии пришли солдаты. Их было человек десять.

— И что с ними?

— Поумирали. Они-то и занесли к нам заразу. Ну, оружие осталось. Мария Семеновна велела отнести к ней. «На всякий случай». Вот и случилось.

— Когда это произошло?

— Дня четыре назад. Ох! Что они здесь вытворяли! Страшно сказать!

— А вы кто?

— Я работала здесь зоотехником на птицеферме.

— Дядько! — схватила меня за руку девчонка лет двенадцати. — Зайдите сюда! — Она потянула меня к угловому дому.

— Не ходите! Не надо! — предупредила меня моя спутница.

— Дуже вас прошу! Зайдите! — настаивала девчонка.

Я пошел за нею. После этого мне пришлось зайти еще в три хаты. Не буду здесь описывать, что я там видел.

Разве есть на свете такой зверь, который способен на такую изощренную жестокость, как человек — царь и венец природы? Удивительно! Уму не постижимо! Среди этих людей, творящих зверство насилия, не было ни бывших

нацистов, ни гестаповцев... Раньше это были добропорядочные, казалось, люди. Среди них, возможно, были бухгалтеры, школьные учителя, механизаторы. Откуда все это? Неужели уверенность в безнаказанности срывает все тормоза морали, гуманизма, оставляя только первобытные чувства и желания?

Ко мне подвели двух человек, одетых в форму десантников.

— Кто такие? — спросил я, уже угадывая их ответ.

— Мы из «Армии Возрождения», — ответил один из них.

— Как вы здесь очутились?

Вместо ответа он протянул руки, на кистях которых еще сохранились следы веревок.

— Вы свободны! Однако я прошу вас немного задержаться. Мне бы хотелось немного позже переговорить с вами.

Они отошли и я снова обратился к бывшему зоотехнику:

— Как вас зовут?

— Вероника Сергеевна Шалимова. Можно — Вера!

— Хорошо! Вера, я прошу вас часа через три собрать всех жителей на площади. А пока поговорите с Христиной, так, кажется, ее зовут. Вы ее найдете среди моих бойцов. Это одна из трех девушек, которые шесть дней назад уехали с Егором. Кстати, я его что-то не вижу. Вы его не встречали?

— Нет! Он так и не появлялся в селе!

— Вот как? Куда же он пропал? Ладно, потом выясним. Вы, я вижу, теперь вместо Марии Семеновны? Послушайте Христину и примите решение!

Послышался гул винтов и через несколько минут вертолет сел на площади.

— Ну, как там? — спросил я Алексея, когда он вылез из кабины.

— Когда я вылетел, его уже оперировали.

— Что дома?

— Все в порядке. Девчата, — он рассмеялся, — заняли «круговую оборону».

— Теперь уже ни к чему.

— Да, я сказал им, — он продолжал улыбаться.

— Что ты?

— Паскевич одел генеральскую форму!

— Оперировал-то он хоть не в форме?

— А знаете, кого он взял себе в адъютанты? Светку! Вы бы видели с каким важным видом она выслушивала его распоряжения.

Мы подошли к группе пленных.

— Ну, выродки, кто ваш предводитель?

Толпа пленных зашевелилась и из нее был вытолкнут мордастый мужик лет сорока пяти. Я обратил внимание, что у него на голове сделана укладка. Брюки с напуском заправлены в сапоги на высоком каблуке. На пальцах сверкали два массивных перстня.

— Этот?

— Он! Он ирод! Больше всех зверствовал! Сам прибивал! Ой, люди! — Из толпы выскочила молодая женщина. Волосы ее были растрепаны, — ой, люди! Дочька моя! Що вин з нею зробив! Вбивця! — Она пыталась вцепиться ему в глаза.

Ее с трудом оттащили.

— Пошли! — коротко сказал я.

Предводителя и остальных погнали к воротам, на которых висело тело распятой.

Бандит поняв, что его ожидает, завопил дурным голосом и стал вырываться.

— Давай, напротив, — приказал я. Женщина схватила бандита и потащила, несмотря на то, что он извивался и орал что есть силы.

— Теперь с вами! — обратился я к бандитам, когда толпа отхлынула и мы увидели повисшего на заборе их предводителя. — Сейчас вас будут допрашивать! Если хотя бы у одного будут иные показания, чем у остальных — все вы повисните рядом с вашим атаманом! Ясно? После допроса вас будут судить. Вот эти женщины!

— Алексей! — обратился я к другу, — возьми пятерых ребят и проведи основательный допрос. Вот карта. Мне нужно знать где их гнездо.

Я чувствовал сильную усталость. Две бессонные ночи, бой у сторожки лесника, это сражение. Ноги будто налиты свинцом, в голове звон, во рту сухо.

На площади, перед домом с палисадником стояла скамейка. Я присел, закрыл глаза и сразу же заснул. Спал, наверное, не больше трех минут, как мне показалось, но их вполне хватило, чтобы прийти в себя. Я открыл глаза. Подле меня стояла Вера, держа в руках глиняный кувшин.

— Выпейте молока! — предложила она. Я машинально протянул руку, взял кувшин и сделал глоток. Молоко было теплым. Я не люблю парного молока. Но сейчас оно показалось восхитительным. Силы возвращались. Я огляделся.

— Ваших бойцов мы накормили!

Видно проспал я больше чем показалось.

— Что, они у вас все такие молоденькие?

— Так получилось! Вы нашли Христину?

— Так!

— Добро! Потом потолкуем.

Я встал, подозвал бойца и попросил привести солдат, так называемой, «Армии Возрождения».

— Вы тоже послушайте, — предложил я Вере. Солдат привели.

— Вы извините, что я буду разговаривать с вами сидя, — сказал я, — просто очень устал.

Они переглянулись, но промолчали.

— У меня к вам несколько вопросов. Ответьте мне и можете возвращаться домой. Как вы попали в плен?

— Напоролись на засаду на въезде в село. Нас было десять, осталось двое.

— Вот как? Почему же вы здесь очутились? — я украдкой бросил взгляд на Веру.

При последних словах солдата она насторожилась.

— Мы получили задание сделать перепись населения этого села и установить продналог.

— Каков размер продналога?

Он покосился на Веру, но, встретившись со мной взглядом, ответил:

— Половина урожая и то же самое со скота.

«Сказал правду», — облегченно подумал я. Парень чем-то мне нравился. У него было красивое открытое лицо, тонкий нос, высокий лоб.

— Что еще?

Парень видимо решил говорить правду до конца.

— Мы должны были мобилизовать мужчин в возрасте от 16 до 40 лет и девушек в возрасте от 15 до 25 лет. А также реквизировать излишки скота и продуктов в счет налога за этот год.

— Ясно! А как вы обнаружили это село?

— Его заметили с воздуха еще весной.

— С вертолета?

— Нет! У нас есть два легких самолета. Вертолет на таких расстояниях использовать невыгодно. Слишком много топлива, — пояснил он.

Мне стало все ясно. Самолет, летящий на большой высоте, могли и не заметить. Невольно встал теперь другой, более важный вопрос:

— А наше расположение вы тоже знаете?

Тот усмехнулся:

— Возле Песочного? (он даже правильно назвал озеро).

Признаться, у меня похолодело под ложечкой. Из рассказа Виктора следовало, что силы «Армии Возрождения» значительно превосходят наши. В случае открытого столкновения с обученными и численно превосходящими нас войсками, исход был ясен. Кроме того, во главе этих сил стояли опытные командиры. Я не тешил себя «полководческими» способностями и знал, что любой кадровый офицер даст мне сто очков вперед.

Ситуация резко менялась. Теперь надо как можно дольше сохранить у наших опасных соседей иллюзию о том, что мы даже не подозреваем о их существовании.

Я взглянул на этих молодых симпатичных парней, еще не подозревавших о том, что их ответ в корне изменил их судьбу.

— Мне очень жаль! Обстоятельства требуют, чтобы я нарушил данное вам обещание.

Они нахмурились.

— Я вынужден, — продолжал я, — задержать вас на некоторое время у себя. Скажем, на два-три месяца, а еще лучше — до весны.

По мере того, как я говорил, выражение тревоги на их лицах сменилось улыбками. Один из парней, волнуясь, заговорил:

— Мы тут потолкались среди ваших и, — он бросил вопросительный взгляд на своего товарища. Тот утвердительно кивнул головой, — и сами хотели просить вас не отправлять нас назад! Мы хотим остаться! — И, не дав мне возразить, продолжал. — То, что мы делаем, очень мало отличается от действий только что уничтоженной банды. Разница лишь в том, что произносятся громкие слова, а суть та же!

— А как же воинская присяга? — спросил я.

— Какая присяга? Фикция! Можно присягать народу, но не сумасшедшим генералам, возомнившим себя правительством!

— Многие так думают? Я имею в виду тех, кто там, в части.

— Солдаты — большинство. Насчет офицеров — не знаю!

— Вот что ребята! Мне известно о вашей, так называемой армии, известно также о нравах, царящих там, и порядках, о том, как эта армия грабит и насилует. Это я тоже знаю!

Я помолчал и еще раз внимательно посмотрел на них. Они смотрели мне в глаза.

— У меня к вам просьба. Сейчас на площади соберутся жители села. Вы им расскажете о своей армии все. Договорились?

— Сделаем!

— Тогда у меня все. Вас покормили?

— Да! Спасибо.

Они повеселели и пошли к машинам, где собирались мои бойцы..

Глава XVIII

КОНТАКТ-1

Я шел по берегу моря. Под ногами шуршала галька. Резко и пронзительно кричали чайки, их крик сливался с шумом набегающих на скалы волн. Вода казалась черной, несмотря на яркий свет. Этот свет шел отовсюду. Я заметил, что тени не было. На небе ни облачка. Но куда делось солнце? Откуда свет?

У самой кромки берега на большом песчаном валуне сидел Он. Я не удивился этой встрече. Он ждал меня.

— Привет! — сказал я.

— Привет!

Он сбросил мохнатую простыню и остался в плавках. Плавки были желтые с яркими красными цветочками

— Где ты раздобыл такие? — поинтересовался я, глядя на плавки и крепкие, покрытые густой темной шерстью, ноги. Борис Иванович перехватил мой взгляд:

— Других не было. Не завезли в торговую сеть! А что? По-моему, красивые!

Я хотел войти в воду, но он остановил меня:

— Неходи! Вода радиоактивная!

— А как же чайки?

— А им ничего не делается. Это особые чайки — засмеялся. — Садись! — Он расстелил мохнатую простыню и растянулся на ней, предоставив мне другую половину. Я сел рядом. Борис Иванович повернулся на живот и, подперев голову левой рукой, правой стал собирать гальку и складывать ее в две неравные кучки. Одна из них росла быстро и уже в пять-шесть раз была больше. Он перестал собирать камешки, встал на ноги и, склонив голову набок, залюбовался своим творением. Я тоже поднялся и обнаружил, что Борис Иванович выше меня ростом. Это, впрочем, не удивило меня. Я смотрел на кучки и мне казалось, что камешки двигаются, меняются местами.

— Как тебе нравится? — Он кивнул на кучки.

— Что это?

— Твоя бухгалтерия!

— Не понял!

— Та, что побольше — это убитые тобой, а та, что поменьше — убитые ими.

— Ты имеешь в виду бандитов?

— Да. Ты их так называешь.

— Ты не прав в своих расчетах! — я быстро присел и стал собирать камни.

Рядом с прежними выросли две новые большие кучи.

— Смотри! Это те, которых они убили раньше, а это те, которых бы они убили...

Борис Иванович разбросал ногою одну из них:

— Разве ты знаешь, сколько и кого они убили? Ты их убил за этих, — он показал на маленькую кучку.

— Но разве ты можешь спорить, что, если бы их не ликвидировали, они продолжали бы творить насилия и убийства?

— Хорошо! Пойдем, — он пошел, не оглядываясь. Вскоре донеслись крики и смех. На берегу резвились дети пяти-шести лет. Они со смехом гонялись друг за другом.

Борис Иванович остановился, в его руках появился автомат.

— Вот! — он указал автоматом на детей, — величайшие преступники рода человеческого. Вот те, что поближе — Ленин, Гитлер, рядом с ним — Сталин. Смотри — вон Иоанн IV, которого вы прозвали Грозным, вон — Мао, Пол Пот и прочие. Я собрал их здесь почти всех. Бери автомат и убей их! Каждый из них умрет в детстве и они не принесут человечеству горя. Что же ты медлишь? Убей!

— Но они еще не совершили преступления!

— Так совершат в будущем! Убей!

Я знал, что он говорит правду. Я протянул руку, чтобы взять оружие, но тотчас отдернул ее.

— Я не могу. Это дети!

— Какая разница?! Разве легче убить взрослого за те преступления, которые он еще не совершал?

— Взрослый сам может убить. Он, наконец, сопротивляется. — беспомощно рвался я к истине, которая то появлялась в моем сознании, то исчезала.

— Но они станут взрослыми и будут убивать. Вон, например, Мао убьет сто миллионов китайцев. А что до сопротивления, то разве могли сопротивляться тебе связанные пленные?

— Нет, не могли.

— Вот видишь!

— Но если бы я их отпустил, они бы снова взялись за грабежи, убийства и насилия!

— Взялись бы. Но эти, — он снова направил ствол автомата на играющих детей, которые, казалось, не замечают нас, — когда вырастут, то зальют мир кровью! Какая же разница?

— Не знаю. В твоих словах железная логика. Но я человек! У меня, кроме логики, есть чувства. И мне кажется, что если я убью этих детей, пусть самых страшных преступников в будущем, я убью тем самым что-то несравненно большее! Что — не могу объяснить. Но чувствую, что это так!

— Ну, как хочешь! — автомат в его руках исчез, исчезли, и дети. Берег был пуст.

Он взглянул на меня.

— Ты хочешь еще что-то сказать?

— Я подумал, что убийство этих детей ничего бы не изменило в истории человечества.

— Ты отрицаешь роль личности в истории?!

— Нет, конечно! Но... Как бы тебе сказать... Более важны условия существования этих личностей. Вот возьми катастрофу. Откуда появилось столько насильников и убийц? Ведь они были как личности и раньше, но в других условиях эти качества не проявлялись. Кто был, например, тот бандит, которого распяли на воротах?

— Председателем райпотребсоюза. Ха-ха-ха! Вот ты и поймался!

— Не понял?

— Должность эта... ха-ха-ха, бандитская в своей сущности!

— Ты утрируешь!

— Конечно! Люблю пошутить! Впрочем, он получил по заслугам. Знаешь, как он наказывал свою жену? Он сдавливал ей руками голову. Как давят арбуз. И давил до тех пор, пока она не теряла сознание. Скажи! — он остановился и пристально посмотрел мне в глаза, — ты веришь в Бога?

— Нет!

— А в меня?

— Что значит — верить? Верить — это значит во всем соглашаться. Я же с тобой не согласился!

— Верно! — он опять остановился и снова посмотрел мне в глаза. Я только сейчас заметил, что глаза у него были совершенно белые.

— Послушай! — в его голосе зазвучали неуверенные нотки. — Но человек должен во что-то верить? Пусть не в Бога, ни в, — он закашлялся, — ни в

Черта. Но хотя бы — в будущее, в прогресс, разум и тому подобное! Во что ты веришь?

— Я предпочитаю знать!

— Ох! Человек, человек! — он тяжело вздохнул, — да знаешь ли ты, какой тебе путь уготован?

— Что ж, я готов его пройти!

— Червячок! Тебе придется ползти вокруг «земного шара».

— Буду ползти, пока не вырастут «ноги», потом пойду!

— Ну, допустим, вырастут «ноги», но не потеряешь ли ты от этого счастье?

— Нет, если сохраню чувства,

— Что такое чувства?

— Не знаю! А ты знаешь? — поинтересовался я.

— В том-то и дело, что нет!

Он помолчал потом бросил с некоторой досадой:

— Хотелось бы понять, что это такое!

У меня мелькнула озорная мысль:

— Давай попробуем?

Он удивленно уставился на меня:

— Шутишь?

— Нисколько! Надо иметь линейку с делениями...

В его руках появилась метровая линейка. Он повертел ею и протянул мне:

— Такая?

— Подойдет.

— И что дальше?

— Вон тот валун видишь? — Я показал ему на большой гранитный камень неправильной формы.

— Ну?

— Возьми и при помощи линейки определи его вес! Он рассердился. Бросил линейку в воду. Линейка вспыхнула голубым, ослепительным пламенем и исчезла.

— Ты что? Издеваешься?

Он утратил образ Бориса Ивановича и явился мне в своем первоначальном виде. Я невольно залюбовался его красивым, мускулистым, стройным телом.

— Нисколько! Ты подумай!

— А!!! Понятно! Ты, хочешь сказать, что чувства имеют другую логику, чем разум. Если они вообще имеют логику в нашем понимании, то есть в понимании разума. Понятно.

— Эта еще не все!

— Что же еще?

— А ты подумай!

Он на мгновение задумался и вдруг улыбнулся. Улыбка у него получилась совсем добрая.

— Постой, постой! При помощи линейки я могу, допустим, в принципе, определить объем, этого камня. Так?

Я кивнул.

— Зная удельный вес, я тем самым определю и общий вес камня. Понятно. Следовательно, необходимы какие-то сопряженные величины, понятия! И тогда разум может познавать чувства, а чувства — разум.

Мы пришли на старое место. Мохнатая простыня лежала там же, где ее оставил мой спутник. Исчезли только кучки камешков.

— Послушай, парень! Знаешь, чем ты мне нравишься? Ты не трус. Ты не хочешь попросить чего-нибудь у меня? Я могу!

— Нет!

— Почему?

Мне показалось, что он обиделся.

— Просить у тебя, значит, поверить в тебя!

— А ты не хочешь?

— Нет!

— Тогда спроси о чем-нибудь. Ведь я знаю, что ты хочешь знать!

— Спросить — это то же самое, что просить. Иная информация более ценна, чем материальные блага!

— Ладно! Будем считать, что ты и здесь прав. Но ведь ты знаешь кто я?

— Скорее всего — плод моего больного воображения, сна!

— Ну, ты нахал! — протянул он. — Ты хоть пощупай! — он протянул мне руку.

Я дотронулся до его плеча. Кожа была упругой и прохладной. Под нею перекачивались мышцы.

— Убедился?

— Нет! Свидание во сне не является убедительным доказательством материальной сущности!

— Тебе что, дать и другие доказательства? — он изучающе посмотрел на меня, но, видимо, передумал.

— Ладно! Живи как знаешь

— Постараюсь! Прощай! Мне было о тобой интересно!

— До свидания — он по-сатанински захохотал, — мы еще увидимся, дорогой.

Чайки взмыли вверх и подхватили его крик:

— Дорогой! Дорогой! Дорогой...

— Дорогой! Очнись, дорогой!

Я открыл глаза. Надо мною склонилась Катюша. Я лежал в своей постели. Еще не понимая, где я и что со мною, я обвел глазами комнату. Катюша по-своему поняла мой взгляд и вспыхнула румянцем досады.

— Женя сейчас спит!

И пояснила:

— Ты трое суток не приходил в себя и мы по очереди дежурили у твоей постели.

Я вдруг заметил, что сжимаю ее плечо. Я разжал пальцы, и она, облегченно вздохнув, выпрямилась.

— Ты схватил меня в беспомощности за руку и сильно сжал. Я боялась тебя потревожить. Потом ты начал метаться.

— Что со мною было?

— Александр Иванович говорит, что шок от нервного перенапряжения. Ты внезапно потерял сознание... Еще там... Тебя привезли на вертолете. Милый ты мой! Я так испугалась, когда тебя вынесли на носилках. Думала, что ты ранен!

Она наклонилась и прижалась губами к моей щеке.

В дверь осторожно поскребли.

— Можно войти!

Дверь отворилась и в комнату заглянула Светка. Увидев меня полусидящего в кровати, она радостно что-то пискнула и мгновенно исчезла.

Минут через десять в комнату вошел Паскевич.

— Ну что я говорил?! — торжествующе обратился он к Кате, — через два-три дня все будет в норме! Как ты себя чувствуешь, дружище?

Он взял меня за кисть, щупая пульс.

— Ну! Совсем хорошо. Сегодня еще не вставать! — строго предупредил он,

обращаясь не столько ко мне, сколько к Кате, — бульон и пару сухариков! Можно брусничный сок!

— Позови Алексея! — попросил я.

— Никаких Алексеев! — категорически возразил Паскевич, — смотри за ним, чтобы не вздумал встать!

— Но мне нужно его видеть!

— Все! Разговор окончен!

Я решил отомстить ему:

— А почему ты не в форме?

Фантомас разинул рот и вдруг залился смехом.

— Уже донесли?! Если Одиссей шутит, то дела идут на поправку!

Он вспомнил мою студенческую кличку. Я протянул ему руку:

— Сашка, дорогой мой!

Паскевич снял очки и, часто моргая глазами, стал протирать стекла.

— Откуда у нас курица? — спросил я Евгению, отхлебнув глоток горячего, щедро сдобренного укропом бульона.

— Утром принесла Христинка. Вероника Сергеевна прислала.

— Они что, уже перебрались?

— Я не видела Веронику, но Христина сказала, что еще не все. Но большая часть уже в Грибовичах. Остальные управятся дня за два. Там еще кое-какие дела с оборудованием фермы.

— Им помогли?

— Да! Всем этим занимается теперь Алексей.

— Где он? Мне надо его видеть!

— Он приходил, но Александр Иванович поставил у нашего дома «караул» и никого не велел пускать еще два дня!

— Саша! Что это значит?

— Это значит, что лежи и не рыпайся! Здесь командую я! Хватит того, что ты три дня не приходил в сознание. Пойми, я хирург и в нервных болезнях не разбираюсь. Вначале я подумал, что у тебя инсульт! Но, слава богу, ошибся. Ты просто переутомился. Откровенно, я еще не встречался с подобным. Но в таких случаях самое лучшее лекарство — покой.

— А как там наши раненые?

Сашка помрачнел:

— Ярославу пришлось ампутировать ногу. Остальные скоро поправятся.

— Бориса Ивановича похоронили?

— Вчера!

— Что нам теперь делать? Кто его заменит?

— Ты его в бреду несколько раз звал! — произнесла Евгения.

— Что и говорить! Старик был большой души человек, — вздохнул Александр Иванович, — девчонки ревели на похоронах в три ручья.

Я попробовал приподняться, но почувствовал, что даже это движение дается мне с большим трудом.

— Да! Если бы не он, то наша судьба могла бы сложиться совсем иначе. Может быть, многих из нас уже не было бы в живых!

По-видимому я побледнел, так как Сашка бросил на меня тревожный взгляд и, взяв руку, стал считать пульс.

— Давай-ка, постарайся заснуть!

Он направился к выходу, бросив взгляд на Евгению, которая вышла за ним, но вскоре вернулась, видимо по-лучив от Паскевича инструкции.

Глава XIX МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

На следующий день ко мне, наконец, пропустили Алексея. Сашка не снял караул, но позволил посещения с его, Паскевича, разрешения.

— Ну, рассказывай! — встретил я Алексея.

Несмотря на теплую погоду, я что-то мерз, и Евгения с Катей затопили камин.

— С чего начать? — он вытащил трубку и опасно посмотрел на Катю.

— Кури уж! Кстати, я тоже закурю, Катюша, — обратился я к ней, — дай мне табак, он у меня в левом ящике стола.

Мы закурили.

— Вы меня здорово напугали. Я подошел, чтобы рассказать о результатах допроса, а вы лежите на земле без сознания.

— Ладно! Это можешь пропустить и, вообще, перестань мне «Выкать»!

— Хорошо! Так вот, я допросил пленных, — он достал из кармана карту и расстелил ее на коленях, — вот где их логово, — указал он место на границе между Белоруссией и Польшей, — это от нас приблизительно километрах в ста пятидесяти.

— Сколько их?

— Человек двести. Тех, что входят в банду. Ну, и около пятисот рабов.

— Не понял?

— Самых настоящих рабов. Банда занималась тем, что захватывала в окрестных селах оставшихся в живых людей и заставляла их переселяться в свое расположение вместе с имуществом и скотом.

— И рабы не разбегаются?

— А куда? Вокруг собаки.

— Какое у них оружие?

— Стрелковое. Техники нет. Нет горючего, людей, которые бы ремонтировали технику. За зиму у них сели аккумуляторы и они даже не догадались их подзарядить. Потом они рассуждали, что конный транспорт выгоднее. Поэтому банда приехала на телегах, а машины, которые мы встретили в селе, были отобраны у попавших в засаду солдат.

— Чем они занимаются?

— Пьют, гуляют, насильничают. Остальные работают на них.

— И люди терпят?

— Двоих особо строптивых повесили. Ну, а так, за неподчинение бьют, введены телесные наказания. Привязывают к столбу и бьют кнутом. Недавно насмерть заporоли польскую шестнадцатилетнюю девочку, посмевшую отказать во взаимности главарю банды.

— И кто же он?

— Некий Степан Можиевский. До катастрофы работал не то в милиции, не то в прокуратуре. Толком никто не знает.

— Там что, я не понял, есть поляки?

— Всех понемногу. Поляки, белорусы, украинцы. Как среди бандитов, так и среди рабов. Банда, в основном, состоит из бывших уголовников. Этот Можиевский тоже вроде бы до катастрофы был осужден за должностные преступления и сидел в тюрьме. Там и набрал себе дружков.

— Как далеко они заходили в своих «экспедициях»?

— Белоруссия, Польша, Литва!

— И никто не сопротивлялся?

— Отчего же! В Литве, например, они столкнулись с хорошо вооруженной общиной и ушли, потеряв около двадцати человек. В Польше хуже. Там населения почти не осталось. Иногда встречаются маленькие группы по десять человек. Они, естественно, не могут оказать сопротивления.

— Что сделали с пленными?

— Их судили. Одного оставили в живых. Это мальчишка лет шестнадцати. Он не участвовал в зверствах.

— Потом мне надо будет самому поговорить с ним. Где он?

— Пока под стражей.

— Ладно. Словом, такое дело, Алексей! Соседство для нас неприятное. Но сейчас мы не имеем достаточно сил, чтобы избавиться от него. У меня еще раньше сложился один план. Попробуем его осуществить. Я потом расскажу на Совете. Что там с переселением?

— Дня через два закончим. Сейчас заканчиваем ремонтировать дома в Грибовичах и усадебное хозяйство для скота и птицы. Там еще работы от силы на день.

— Добро! Нам скоро понадобятся люди. Скорее кончайте! Пока еще сухо и не пошли дожди, надо будет посетить воинские склады. Ты не сможешь обучить человек пять управлять вертолетом?

— Почему нет? Конечно можно. Трудно только найти хорошо законсервированные вертолеты. Но попытаемся.

— Как там «десантники»?

— Хорошие ребята! — понял мой вопрос Алексей. — Быстро подружились с нашими. От работы не отлынивают. Кстати, они-то и должны уметь управлять вертолетом.

— Пусть зайдут ко мне завтра.

— Хорошо.

— И вот еще что, Алеша! Надо подумать о том, кто заменит Бориса Ивановича.

— Может быть Вероника? Я присмотрелся к ней. Хозяйственная баба!

— У нее будет много работы по животноводству. Нужен мужик. Как ты думаешь насчет своего бати?

— Я знаю? — неуверенно протянул Алексей. — Надо будет поговорить. Хотя, думаю, что согласится.

— Поговори! В основном, ему надо будет заботиться о состоянии складов. Полевыми работами руководит Наталья, Вера будет заниматься животноводством. А от Петра Тихоновича потребуется только забота о сохранности нашего урожая и других запасов. Техникой занимаешься ты, а оружием — Николай. Да, когда поедете на военные склады, то поищите по лечебным заведениям медицинскую аппаратуру.

— Тогда придется ехать и Александру Ивановичу. Я в ней не разбираюсь.

— Хорошо.

— Когда ехать?

— На следующей неделе. И вот, что! У нас есть женщины, умеющие водить машины?

— Пятеро.

— Маловато. Но возьмешь их. Из ребят могу дать человек пятнадцать, не больше. Положение такое, что даже на короткий срок нельзя ослаблять наши силы. Дело в том, я тебе еще не сказал, что наше расположение известно «Армии Возрождения». Как бы они к нам не пожаловали.

— Я постараюсь управиться в два дня. Максимум — в три!

— Выясни у «десантников» насчет вождения вертолетов и срочно обучи хотя бы еще троих ребят.

— Сегодня же займись этим.

Алексей выбил в пепельницу потухшую трубку. Вошла Евгения. Она принесла Алексею кофе, а мне — стакан брусничного сока.

— Дай и мне кофе! — попросил я.

— Александр Иванович не разрешает!

— Ты все-таки думаешь, что нам придется воевать? — поинтересовался Алексей.

— Кто знает? Надо быть готовыми.

Евгения поморщилась:

— Вас и так мало осталось, мужиков, а вы еще продолжаете стрелять друг в друга. Может быть, пора кончать?

— И то! — поддержала ее Катя, — я вот слушаю вас и думаю, когда же все это кончится? Вроде на Земле и народу не осталось, все еще «гонка вооружений» идет.

— Разве мы против?

— Вы, Катюша, не видели, что делалось там в вашем селе! Иначе бы так не говорили! — Алексей встал и подошел к двери балкона.

— Я проветрю. Мы тут накурили.

— Подождите! — Катя вышла и принесла мне шерстяной плед, — укройся.

— Прости меня! — Евгения подошла ко мне и положила руку на плечо, — я вспомнила тот день, когда мы встретились! Как за мною гнались! Вы правы. Пока существуют такие изверги — надо стрелять. Я сама буду стрелять! И Катя тоже!

— Не знаю. Я не видела всего этого, о чем вы говорите...

— И надеюсь, что не увидишь! А что касается этих банд, то не знаю... Можем ли мы сидеть здесь спокойно, зная, что рядом творятся зверства и насилие над людьми, причем, в самой первобытной форме.

Катя взяла у меня, трубку и, подойдя к камину, выбила пепел.

— Но всем вы не поможете. Сейчас, наверное, всюду творится такое.

— Но есть же такие группы, как наша? Последнее слово, уверен, останется за ними!

Алексей меня поддержал:

— И я уверен! Не может быть, чтобы катастрофа превратила всех людей в насильников и грабителей. Надо искать! Может быть такие группы есть поблизости. Хотя теперь «близость» понятие относительное. Возможно, что тысячу километров в этом отношении надо считать близким расстоянием.

— Надо хорошенько «обыскать» эфир.

— Я начал было налаживать радиоаппаратуру, но текущие дела помешали. Как только появится отдушина, обязательно займусь. К сожалению, я механик, а не электронщик, и мне трудновато разбираться в радиосхемах.

— Алексей Петрович! — Женя многозначительно посмотрела на часы.

— Уже ухожу!

— Завтра в 11 собери Совет. Я приду!

— Если разрешит Александр Иванович, — возразила Женя.

— Разрешит, — рассмеялся я, — и вот еще что: сегодня вечером, когда стемнеет, пришли ко мне «десантников».

— Их не пропустят!

— Я спущу веревку с балкона.

— А если их увидят и подстрелят?

— А что, у моих охранников автоматы? — удивился я.

— Ты что не знаешь Паскевича! Он теперь командующий женской армией.

— Они не вернули оружия?

— Не все. Я, знаешь, не стал с ним спорить. Решил подождать твоего выздоровления.

— Хорошо! Пусть приходят в 23.00. В это время Женя спустится к охране и отвлечет их внимание. А я буду ждать на балконе с веревкой.

— Так от Паскевича можно дожидаться вооруженного государственного переворота! — сказал я, когда за Алексеем закрылась дверь.

— Просто он тебя очень любит! — не поняв шутки, ответила Женя.

— Итак, что мы решим? — спросил я присутствующих, кончив свой доклад о текущем моменте.

— Я думаю, ждать до весны нельзя, — взял слово Юрий, — весной дороги

будут непроходимы и мы не сможем использовать свое преимущество в технике.

— А если в это время нам в тыл нанесет удар «Армия Возрождения»? — возразил Николай.

— Мы будем об этом знать заранее. Но, я надеюсь, что нам удастся оттянуть эти события до следующего года. А если мой план с «десантниками» удастся, то вообще ничего не случится.

— Ты им полностью доверяешь? — спросил Паскевич.

— Да.

— Они согласились сразу? — допытывался Паскевич.

— Нет. Им не хотелось возвращаться. Но потом согласились, что другого выхода нет.

— Не провалились бы? — беспокоенно спросил Алексей.

— Мы разработали для них легенду. Ее надо будет уточнить и подкрепить некоторыми деталями. С ними пойдет еще один парень. Это Миша, тот, что нас встретил автоматной очередью у сторожки лесника. Он укроется с рацией в ближайшем селе.

— Так он, оказывается, радист?

— Да, через него и будем поддерживать связь.

— Когда они пойдут?

— После вашего возвращения. Ты подобрал людей?

— Если мы решили затеять такое, — опередил Алексея Николай, — то я настаиваю, чтобы в экспедицию за оружием было направлено больше людей. Иначе мы не успеем.

— Но мы не можем оголять оборону!

— Пусть едут! — Паскевич торжественно оглядел присутствующих, — в эти дни мы сможем обеспечить оборону силами женщин. Я их уже обучил стрелять и скажу, что многие это делают не хуже мужчин. Не правда ли, Светлана? — обратился он за поддержкой к своему «адыютанту».

— Конечно! Мы справимся! Но, — продолжала Светка, — я хочу заявить следующее... уже на правах Трибуна...

— Говори!

— Я думаю, — Светка сделала паузу, и я заметил, что она бросила вопросительный взгляд на своего «генерала» (Паскевич смотрел в окно), — что такое решение должно быть обсуждено и одобрено общим собранием!

— Стоит ли? — поморщился Алексей, — это военное дело и здесь слово за командующим. Все по закону.

— Я не согласна! Речь идет не о тактике, а о принятии крупного стратегического решения. Вдобавок, рискованного.

— Она права. Так и сделаем, — заключил я. — Действительно, риск велик и каждый должен знать, на что он идет. Оксана! Ты, пожалуйста, доведи до сведения всех, но только в общих чертах, наш план и мы поставим его на обсуждение после возвращения Алексея. Затем, — я обратился к Наталье, — надо составить повестку дня общего собрания. Первый вопрос — принятие в общину новых людей.

— Мы не поместимся в нашем зале.

— Что ты предлагаешь?

— Надо использовать актовъй зал в санатории «Лесная сказка».

— Хорошо. Но приведите его в порядок. Хватит времени?

— Постараемся. Сейчас нет срочных работ.

На этом мы разошлись.

Через полторы недели на поле возле нашего расположения опустились один за другим пять вертолетов, а еще через три дня подошли танки. Их было шесть. Вместе с уже имеющимися двумя это являло внушительное зрелище.

Машины с грузами пришли раньше. Алексею удалось добыть несколько гранатометов и противотанковых ракетных установок. Привезли также два огнемета. Правда, припасов к ним удалось достать немного. Два грузовика были заполнены военной формой и другими мелочами. Привезли еще около пятисот автоматов и два грузовика с боеприпасами. Еще через два дня были пригнаны три бульдозера и четыре цистерны с горючим. Все это разместили в «Лесной сказке».

Я вызвал к себе «десантников».

— Ну как? Сделали снимки? — спросил я их.

Дело в том, что у их командира, погибшего в засаде, был фотоаппарат. По легенде наши десантники вынесли из боя своего тяжелораненного лейтенанта. Когда тот умер от ран, они сняли с него фотоаппарат. Затем они обнаружили наше расположение и «украдкой» сделали несколько снимков. Их засекли, но они успели спрятать аппарат. Руководителю общины, то есть мне, было известно о существовании «Армии Возрождения» со слов попавшего к нам ранее дезертира (Виктора). В связи с этим, Президент общины на словах передал командованию «Армии Возрождения» пожелание жить в добрососедских отношениях и сообщил волну радиоприема, на которой можно было бы вести переговоры. Естественно, о снимках, сделанных «десантниками», президент ничего не знал.

«Десантников» высадят с вертолета километрах в пяти от части. Чуть раньше, в одном из сел будет высажен Миша с рацией. Мы разработали код

радиопередач. Пеленгаторов у военных не было, так что обнаружить нашего радиста они не могли.

На снимках были танки на марше, колонны солдат, площадка с вертолетами, вокруг которых стояли солдаты. В общем, снимки должны были произвести впечатление и удержать командование от скоропалительного вмешательства в наши дела. Вместе с этим, наши «десантники» должны были начать подбивать к дезертирству солдат. Если это удастся, мы вышлем на заранее обусловленные пункты проводников с припасами продовольствия. Дезертирам будет сообщаться меняющийся по цепочке от первого до последнего пункта пароль.

Больше всего мы опасались, что к нам пришлют «инспектора» под видом посланника для переговоров. В этом случае нами был разработан сценарий представления под кодовым названием «Камуфляж». Этот сценарий должен был бы убедить «инспектора» в реальности наших вооруженных сил и их постоянной боевой готовности.

Глава XX

МЫ ПРИНИМАЕМ РЕШЕНИЕ

С первым вопросом повестки дня покончили быстро. Все вновь прибывшие были приняты в нашу общину. Из них был выбран еще один Трибун. Им стала Вера. Она заняла место в президиуме рядом с Оксаной.

Слово по второму вопросу было предоставлено, как мы решили ранее, Алексею. Он кратко рассказал о банде и о той угрозе, которую она представляет. Далее он сообщил, что есть решение Совета, не дожидаясь весны и того, что банда сама обнаружит нас, самим нанести удар и освободить захваченных в рабство людей.

После этого было предложено высказаться всем желающим.

Первой попросила слова Светка:

— Я не пойму, почему мы должны вмешиваться во внутренние дела других?! — начала она. — Во-первых, это противоречит демократическим принципам. Во-вторых, и это более важно, мы и так уже потеряли в стычке с бандой одного человека, всеми нами любимого Бориса Ивановича и, кроме того, у нас пятеро раненых. Ярослав лишился ноги. Кто гарантирует, что в случае вооруженного столкновения мы не понесем еще больших потерь? При этом, потери мужчин, которых у нас и так мало! В банде двести человек! Что мы можем им противопоставить? У нас едва наберется пятьдесят, даже если мы всех пошлем участвовать в этой аванюре. Я предлагаю отвергнуть предложение Совета о вооруженном вмешательстве в дела других общин, вне зависимости от того, какого социального строя они придерживаются в своей организации.

Резкость, с которой выступила Светка, была для меня полной неожиданностью. На Совете она не проявляла такой прыти. Фактически, предлагалось высказать мне недоверие, после чего я, согласно демократическим принципам правления, должен буду подать в отставку и предоставить собранию выбрать себе нового руководителя.

Вторым взял слово Паскевич. Он поддержал Светку и добавил, что в создавшихся условиях он не может гарантировать квалифицированную операционную помощь раненым бойцам:

— У нас нет реанимационной аппаратуры, — добавил он, — из-за этого погиб и Борис Иванович. Я считаю, что мы должны избегать вооруженных стычек с кем бы то ни было, если сами не подвергнемся нападению извне. Нам слишком мало для того, чтобы мы могли рисковать людьми, а в случае поражения — всем нашим благополучием, жизнью и свободой.

Зал встретил заявление Паскевича молчанием.

— Приступим к голосованию? — неожиданно для всех предложила Наталья.

«Что она спешит?!», — я хотел встретиться с ней взглядом, но она не смотрела в мою сторону.

— Больше никто не желает высказаться? — спросила Наталья, обращаясь к залу.

В зале послышался шум, но никто не поднял руку.

— Тогда я ставлю вопрос на голосование. Есть предложение Совета: не дожидаясь нападения, самим напасть и ликвидировать банду.

— Стойте! — раздался сзади голос.

Я обернулся. Это была Вера. Она встала и пошла к трибуне. Я заметил как Наталья и Светка обменялись быстрыми взглядами.

— Люди добрые! Так что же это такое?! — Вера замолчала, справляясь с охватившим ее волнением. — Я вас спрашиваю, что же это такое? Вы хоть знаете, о чем идет речь?! Я бы хотела, чтобы вы посмотрели на то, что эта банда вытворяла, как она измывалась... Вы помните, — она обратилась к ребятам, сидевшим как и раньше, в задних рядах, — вы помните, что вы видели на заборе? Распятую! Так что, вам безразлично, что рядом с вами такое творится? Вот она говорит — не вмешиваться! — Вера повернулась, к Светке и смерила ее взглядом, — не вмешиваться! Рядом с вами убивают, насилуют, вспарывают животы, а она говорит — не вмешиваться! Да люди вы или нет?! Ты, — она повернулась к Светке, — будешь есть спокойно свой кусок хлеба, если рядом с тобою от голода умирает ребенок? Нет? Так то, что ты предлагаешь — еще хуже! Мне стыдно, что я сижу с тобою рядом! Хлопчики вы мои! — она вышла из-за трибуны и склонилась в глубоком поклоне, — до конца жизни не забудем, что вы для нас сделали. Но если кто из вас не хочет помочь сейчас, то пусть остается здесь. Мы, женщины, те, которых вы недавно

освободили, возьмем оружие. Ибо совесть не позволяет нам спать, если мы, которых только что спасли от позора и насилия, будем спокойно сидеть здесь, зная, что рядом другие люди терпят муки!

Она говорила несвязно, но искренне. Я заметил, что когда она кончила, на ее глазах появились слезы.

Она села, но ее место заняла Оксана.

— А ну, все те, кого освободили вместе со мной там, на лесной дороге, и те, кто остался жить только благодаря этому, встаньте! Вы тоже так думаете, как эта... эта...

— Шлюха! — донесся из зала чей-то мужской голос.

— Ну, отвечайте! — потребовала Оксана, — кто еще так думает?! Нет? Хорошо! Садитесь! А вы? — она обратилась к девчонкам из стационара, — вы тоже так думаете, как она? — Оксана кивнула в сторону Светки, — что «моя хата с краю»? А ну, встаньте и скажите всем, что пусть катится все к чертовой матери, лишь бы мне было хорошо, лишь бы меня не трогали. Чего молчите? Я же вас всех как облупленных знаю! У вас только... это самое на уме, так же, как и вашей Светки!

— Не забываетесь! — Наталья встала и возмущенно вперила глаза в Оксану.

— Это не я, а вы забылись! Вы забыли, как вас подобрали на дороге с ребенком. Где бы вы сейчас были, где бы валялись сейчас ваши кости, растасканные голодными псами? И вы сейчас тихой сапой начинаете вести нечестную игру вместе со своим мужем!

Зал ахнул и зашумел.

— Что такое?! — Паскевич поднялся со своего места. — Я не понимаю?!

— А что здесь понимать? Зато я вас прекрасно понимаю! Стыдились бы! И с кем вы связались? С этой, — она презрительно указала пальцем на съезжившуюся на своем месте Светку. — Тут правильно кто-то крикнул из зала! Шлюхой она была, шлюхой и осталась. Здесь Вера говорила, что ей стыдно сидеть рядом. Мне тоже стыдно! И от имени остального Трибуната я требую вывода ее из его состава. Что же касается вас, Александр Иванович, то скажу вам следующее: вы прекрасный хирург, мы все на вас молиться готовы, но ради бога, не лезьте в те дела, в которых ровно ничего не смыслите! Вам захотелось покомандовать? Ну, по красовались в генеральской форме и хватит! Покомандовали бабским батальоном и хватит! Довольно! Зачем вам лезть в Президенты? Да не надо! Не надо! — пресекла она возражения Паскевича, — ваш «адъютант» оказался слишком болтлив!

Зал все больше и больше приходил в возбуждение.

— Дайте мне слово! — поднялся со своего места Олег Зубов, один из двоих трибунов.

Оксана сошла с трибуны, уступая ему место.

— Я тоже поддерживаю предложение Оксаны о замене Светки другой кандидатурой! Но я не об этом! Я, как вы знаете, — он обращался к ребятам, сидевшим на задних скамьях, — был в десанте на танке. Мы тогда потеряли пятерых раненых. А встретились с относительно небольшой группой. Я к чему это говорю? У меня лично не вызывает сомнения то, что бандитское гнездо надо, пока не поздно, придушить! Иначе они нас придушат! Но я хотел бы, чтобы операция была хорошо продумана. Надо считать. Мы имеем чуть больше пятидесяти человек, обученных обращению с оружием. Против нас будет, по крайней мере, двести. Это надо учитывать, чтобы не понести слишком большие потери. Но это вопрос тактики и я думаю, что наш командир, — он повернулся ко мне, — все учтет. Мы ему доверяем! Не так ли? — обратился он к залу.

Зал одобрительно зашумел.

— Что же касается самого принципа, то вот что я вам скажу. — Олег помолчал минуту, собираясь с мыслями, — тут вот Дубинина начала распространяться насчет того, что дескать, нельзя вмешиваться в чужие дела. Это вроде бы противоречит нашей демократии. Чушь собачья! Если и противоречит такое вмешательство чему-то, то, в первую очередь, интересам насильников и грабителей. Им, видите ли, очень удобно такое положение, когда их не трогают на основании принципа невмешательства во внутренние дела. Все беды прошлой цивилизации шли именно из-за этого принципа. Ведь какие красивые слова придумывали: свободу, дескать, нельзя установить насильственно. Скажите, а против кого применяется насилие? Против насильника! А всякое насилие против насильника — святое дело. Воздерживаться против такого насилия — значит помогать насильнику, ждать очереди, чтобы подвергнуться насилию. Насилие — это такая зараза, которую надо выжигать каленым железом до основания, не останавливаясь ни перед чем, жестоко, без всякого сострадания. Да так, что если кому-то взбрело в голову совершить насилие над человеком, чтобы только воспоминание о том, как карается такое насилие, заставило бы его покрыться холодным потом. Я думаю, нам не следует ждать весны или нападения на нас самих. Мы тогда можем оказаться в невыгодных условиях. И последнее. У нас демократия. Но демократией надо уметь пользоваться. Если под видом демократии и под ее покровом начинают плести заговоры, то это может закончиться тем, что от нашей демократии ничего не останется.

После Олега выступили еще двое ребят из наших бойцов, участвовавших в освобождении села. Они, в общем, говорили то же, что и Олег, добавив некоторые подробности из виденного.

Я тоже собрался было выступать, но меня опередил Паскевич. Он, не глядя ни на кого, подошел к трибуне и начал говорить дрожащим от волнения голосом:

— Мне тут предъявили тяжелые обвинения. Я заявляю, что не имел никакого отношения ни к «заговору», как здесь сказали, ни к чему-либо подобному. Поэтому я требую расследования. До конца расследования я слагаю

с себя обязанности члена Совета и вернусь к ним только в том случае, если расследование докажет мою полную непричастность к замыслам этой... — он повернулся к Светке, хотел что-то сказать, но махнул рукой и пошел не на место, а в зал и сел в одном из задних рядов.

Место председательствующей Натальи занял Алексей.

— Я думаю, мы уважим просьбу Александра Ивановича и проведем тщательное расследование. А пока разрешите дать заключительное слово нашему руководителю.

Я поднялся на трибуну.

— Упомянутая банда, — начал я, — представляет не столько непосредственную, сколько потенциальную угрозу нашему существованию. Вот в чем дело. На восток от нас расположена хорошо организованная воинская часть. По моим сведениям там имеется свыше трехсот военнослужащих. Это не бывшие уголовники, а хорошо обученные солдаты, прекрасно владеющие оружием, и во главе их стоят опытные военачальники. Столкновение с ними окончится для нас плачевно. Мы принимаем меры, чтобы свести вероятность такого столкновения к минимуму. Но на это необходимо время. Должен заметить, что социальная сущность организации воинской части, или как она себя называет — «Армии Возрождения», только внешне отличается от социальной сущности организации банды. Подчинение нас этой армией принесло бы то же рабство. Самым отвратительным насилием, — здесь Олег хорошо сказал о нем, я только добавлю несколько слов к его высказываниям, — является организованное насилие. Когда оно вводится в ранг закона, входит в государственную структуру власти. В прошлой цивилизации все банды вместе взятые совершили меньше преступлений, чем само государство. В связи с этим я считаю, что «Армия Возрождения» представляет для нас значительно большую опасность, чем банда.

Почему я настаиваю на немедленном уничтожении банды? Во-первых, рано или поздно она будет обнаружена «Армией Возрождения» и затем последует ее разгром. Казалось бы — это нам на руку. Тем не менее, именно в этом и главная опасность. Допустим, человек сорок-пятьдесят бандитов погибнут во время такого разгрома. Останется еще сто пятьдесят. Что будет с ними? Их мобилизуют и вольют в армию. Таким образом она усилится. Кроме того, в нее войдут еще те, которые сейчас находятся в рабстве у банды. А их там около пятисот человек. Вот вам более чем десятикратное превосходство. Бандиты, попав в армию, будут еще больше разлагать ее. И военная техника у них появится к тому времени. Мы пока имеем преимущество в этом и грех им не воспользоваться. Таким образом, немедленный разгром банды — необходимое условие нашего существования.

Конечно, операция рискованная. Но отказаться от нее или даже повременить — еще больший риск. Вот и решайте!

После собрания я задержался с Алексеем, обсуждая некоторые детали предстоящей операции и вернулся домой около полуночи.

Перед тем как проститься с Алексеем, я заметил, что он мнетя, очевидно, желая что-то спросить.

— Ты в чем-то сомневаешься?

— Как тебе сказать? И да и нет. В общем-то, я полностью согласен с тобою и с тем, что говорил на собрании Олег, но...

— Что «но»?

— Не приведет ли такая позиция подавления насилия насиллием к еще большему насиллию? Может быть все-таки правы те, кто говорит, что нельзя бороться с насиллием насиллием?

— Откровенно говоря, Алексей, мне трудно тебе ответить... Да, может быть и такой вариант. Может быть... Дело не только в том, чтобы бороться с насиллием насиллием, а сейчас я не вижу другого пути, но, главное, выработать своего рода иммунитет к насиллию в отношениях между людьми. Без такого иммунитета, естественно, может случиться то, чего ты так опасаясь.

— Каким образом выработать?

— Нам необходимо утвердить в нашей жизни два понятия: народовластие и чувство собственного достоинства каждого человека, каждого члена общества.

— А ты думаешь этого достаточно?

— Не знаю, но думаю, что эти два условия являются основными. Видишь ли, Алексей, народ в целом не агрессивен, не в его интересах осуществлять насиллие над другим народом.

— Да?

— Да. Потому, что, встав на путь насиллия над другим, он сам теряет свою свободу, вынужден подчиниться твердой власти. Поэтому, Алексей, если народовластие укрепится, то тем самым укрепится и миролюбие.

— Миролюбие и жестокость? Вы с Олегом настаиваете на жесточайшем подавлении насиллия.

— Одно другому не мешает.

— Как знать? Ты думаешь, что в одном и том же теле могут уживаться доброта и жестокость?

— Думаю, что могут.

Алексей с сомнением покачал головой. По-видимому, мне все-таки не удалось его убедить. Впрочем, мог ли я сам сказать себе, что убежден в верности того, что только что говорил Алексею?

— Я уж думала, что мне придется уступить место «первой дамы»

Наталье! — встретила меня Евгения.

— Какая чепуха! Я не верю, чтобы Александр Иванович был в чем-то замешан.

— Следствие покажет! Не будь таким доверчивым. Власть — она всегда власть.

— Господи, о какой власти ты говоришь? Меня больше всего начинает беспокоить, что это кого-то волнует всерьез. Нам нужно думать над тем, чтобы выжить!

Я поднялся в кабинет, куда через несколько минут вошла Катюша.

— Тебя там спрашивают, — сообщила она.

— Алексей?

— Нет, я его впервые вижу.

В прихожей стоял Виктор.

— Извини, что я так поздно. Я не хотел, чтобы меня кто-то видел.

— Входи. Катя, принеси нам, пожалуйста, кофе. И — покрепче! Слушаю тебя, Виктор.

— Мне известно, что вы затеваете очень рискованную операцию.

— Откуда?

— Афанасий Иванович рассказал. У меня есть предложение.

— Давай...

— С бандой легче будет справиться, если у нее в тылу вспыхнет восстание. Необходимо только оружие.

— Оружие есть. Но кто организует это восстание?

— Я!

— Каким образом?

— Я проникну в банду под видом дезертира из армии и войду в контакт с рабами. В нужный момент вы сбросите нам с воздуха оружие.

— Что ж, есть над чем подумать. Но рискованно. Тебя могут заподозрить или, вообще, убить сразу. Ты понимаешь, на что идешь?

— Понимаю. Но разреши мне это сделать. Мне это нужно.

— Понимаю.

— Тогда давай уточним детали.

Мы просидели с Виктором до утра.

Через неделю Алексей протянул мне текст радиogramмы: «Картошка вся

съедена, приступаем к сбору грибов». Это значило, что снимки, доставленные нашими (уже нашими) ребятами командованию «Армии Возрождения» произвели должное впечатление и пока можно не ожидать акций с их стороны. Сбор грибов — означал начало вербовки дезертиров. На связь с нами командование «Армии» пока не выходило. По-видимому, там пока «переваривали» полученную информацию. От Виктора вестей не было.

Французы говорят «ищи женщину» и они тысячу раз правы. Расследование закончило свою работу полной реабилитацией Паскевича. Во всем виноватой оказалась Светка. Она, как выяснилось, по уши влюбилась в нашего хирурга. Этому способствовало и то, что Паскевич поддержал ее сексуальные реформы, «назначил в адъютанты», не говоря уже о том, что был, что называется, красивым мужчиной. Наталья же, раскусив намерения Светки, способствовала их осуществлению. Здесь сыграло чувство соперничества с Евгенией. После памятной битвы на лесной дороге между ними постепенно зрела неприязнь, которую Наталья, естественно, тщательно скрывала. Но разве женщина может что-либо скрыть от другой женщины? Это мы, мужчины, ничего не замечаем и легко попадаемся в расставленные ловушки.

По предложению комиссии Светку, которую собрание вывело из состава Трибунала, направили работать на свиноферму под начало Веры. Это был первый случай наказания в нашей общине. Комиссия, которая теперь преобразовалась в судебный орган и должна будет избираться сроком на три года, определила Светке срок наказания — два года работы на свиноферме разнорабочим.

Свиноферма находилась в Грибовичах. Светку доставили туда, предупредив о «невыезде» под угрозой продления срока. То же собрание постановило вывести Наталью из состава Совета с запрещением участвовать в его работе четыре года.

Паскевич вернулся в Совет. Он сидел теперь мрачный, с печатью глубокой обиды на лице. Мы его старались успокоить, Оксана принесла извинения. Затем мы предложили Александру Ивановичу разработать сценарий будущего камуфляжа. Постепенно он стал оттаивать. Вскоре мы, однако, узнали, что он ушел от Натальи.

— Паскевич не может жить с женщиной, которая скомпрометировала его своим поведением, — заявил он нам.

Жил он один недолго. Спустя три дня после его ухода от Натальи к нему перебралась... Оксана. Вот и пойми после этого женщин!

Наталья после работы запиралась у себя дома и нигде не появлялась. Утром, как всегда, она выходила в поле, но глаза у нее были красные от слез. Мне было искренне жаль ее, но чем я мог помочь? Что касается Жени, то она, казалось, прониклась к Наталье симпатией и чуть ли не каждый день приглашала к себе в гости. Наталья отмалчивалась и приглашения не принимала. Я не сразу понял,

что выражение сочувствия у женщины является проявлением самого утонченного издевательства. Когда я понял, то запретил своей жене так делать.

Между тем, приготовления к предстоящей операции шли полным ходом. Я хотел провести ее еще в сентябре, не дожидаясь октябрьской распутицы.

Мы несколько раз допрашивали пленного мальчишку из банды, уточняя по карте подходы к бандитскому логову. Сама база занимала бывшую помещичью усадьбу, в которой до эпидемии размещались музей, клуб и управление большого совхоза. Рабы жили в полутора километрах в небольшом селе, со всех сторон окруженном пахотными полями и пастбищами. Их почти не охраняли, так как в окрестностях бродили большие стаи собак. Охранялись только пастбища, да и только когда там паслись животные.

Бандиты, если не отправлялись в очередной налет, постоянно находились в усадьбе, пьянствовали, насиловали женщин. В основном, банда состояла из бывших уголовников, которых начало эпидемии застало в местах отбывания заключения. Как ни обидно, но именно эта группа населения пострадала от эпидемии меньше всего. Дело в том, что тюрьмы и колонии были естественным карантинном. Это спасло многих из них. Выбрались они на свободу уже тогда, когда эпидемия шла на убыль. Не поняв поначалу всей глубины разразившейся катастрофы, они некоторое время прятались в безлюдных местах, а когда эпидемия уже закончилась, вышли из своих убежищ и положили начало второй волне террора и насилия. Этот террор, хотя и не носил такого массового и разнузданного характера, как первая волна во время социального шока, вызвала у меня большее беспокойство. Первая волна террора была бесцельным безумием. Теперь же проводники террора ставили перед собой далеко идущие цели. И это крайне опасно. Ибо в случае осуществления этих целей, вся наша история начнет повторяться в самом худшем своем варианте.

Наконец, после долгого ожидания мы получили весточку от Виктора. Операция началась. Позже я попросил его подробно описать свои злоключения. Я привожу его записи здесь почти без изменений, исключив из них только некоторые подробности его пребывания в банде и сцены, которые нельзя читать без содрогания и ужаса.

Глава XXI

«ТРИНАДЦАТЫЙ АПОСТОЛ»

Я приоткрыл люк и выставил наружу палку с белой тряпкой. Выстрелы прекратились. Я еще немного помахал белым флагом и показался из башни.

Из-за ворот вышли трое. Направив на меня автоматы, они подошли на несколько шагов и остановились. Здоровенный детина в потертой кожаной куртке приказал:

— Вылазь!

Я соскочил на землю.

— Иди сюда! Да подними руки!

Я подчинился. Меня обыскали. Убедившись, что оружия нет, они опустили автоматы и подтолкнули меня к воротам.

— Можешь опустить руки, — разрешил старший бандит.

— Закурить найдется?

— Ты гляди на него! Откуда ты такой взялся? — старший порылся в карманах и вытащил сигареты. — Держи!

Мы вошли в большой двор. Там толпились бандиты. Посыпались вопросы, реплики, замечания. Не обращая на них внимания, меня повели к дому.

В роскошно обставленной комнате, больше похожей на антикварный магазин, меня встретил мужчина лет пятидесяти пяти, грузный, с породистым носом и чуть рыжеватыми, тронутыми сединой волосами. Он развалился на тахте, застланной пушистым ковром. Такие же ковры были расстелены на полу.

От меня не укрылось то, что несколько минут назад в этой комнате, по-видимому, царил суматоха. Дверца массивного сейфа у стены была приоткрыта и в замочной скважине торчала связка ключей. На полу валялись осколки большой фарфоровой вазы.

Главарь проследил за моим взглядом, нахмурился, встал, закрыл сейф и положил ключи в карман.

— Ну, с чем пожаловал? — обратился он ко мне.

— Тебе привет, — решив говорить ему тоже «ты», — от Бронислава. Вот он перед смертью прислал на память, — я протянул ему массивный перстень с черным камнем.

Он повертел его в руках.

— Да, это перстень Бронислава. Что с ним?

— Умер на моих руках. Да, вот еще, чуть было не забыл, — я порылся в кармане и достал еще один перстень.

— Ого! — Бандит полюбовался игрой крупного бриллианта.

— Это тоже передал Бронислав, чтоб ты помянул.

— Где он его раздобыл?

Я пожал плечами.

— Так что с ним?

— Напоролся на воинскую часть из «Армии Возрождения». Человек двадцать погибли, остальных взяли живыми.

— Откуда знаешь?

— Так я же участвовал в разгроме отряда Бронислава.

— Ты?!

— На этом самом танке.

— Не понял?

— Что тут понимать? Я давно хотел смотаться, да случая не предоставлялось. Жизнь в армии не сладкая.

— Что за армия?

Я рассказал.

— Ну ладно. Так что случилось с Брониславом?

— Я говорю, что хотел смотаться, да не знал куда. А тут взяли мы ваших, допросили. Я при допросе присутствовал, в охране. Тогда и смекнул, что к чему, и шепнул Брониславу, чтобы он мотал со мною. Он понял. Уходить собрались на моем танке. Он не успел нырнуть в люк, достали очередь. Дальше что? В нашем отряде только мой танк и был. Я развернулся, таранил грузовик и — ходу. Что они мне могли сделать? Отъехал я, значит, километров десять. Смотрю, а Бронислав весь в крови. Перевязал его как мог. Жил он часов шесть. Перед смертью и рассказал, как до вас добратся. Да вот передал кольцо и перстень.

— Тебя не преследовали?

— А на чем? Грузовик я смял. На нем рация была. Пока они там пешком, да на подводах до части доберутся — пройдет еще пять-шесть дней.

— Так что в части пока не знают о твоём побеге?

— Возможно.

— Слушай, а, может, ты сразу скажешь, кто тебя сюда подослал и зачем? Чтоб без хлопот?

— Конечно подослали, да еще в подарок танк приложили!

Бандит некоторое время пристально смотрел на меня, потом рассмеялся.

— А ведь верно! Что-то я не слышал, чтобы шпиона на танке засылали. Значит, говоришь, тебе там не шибко нравилось? Ну ничего. У нас здесь житье вольное, казацкое!

— Как? — он обратился к стоящей в дверях группе бандитов, — зачислим танкиста в наш курень? Вместе с танком?

— То добрэ дило!

— Так ты, хлопче, в технике шось кумекаешь?

— А как же!

— Так ты нам дуже пригодишься. Я вот думаю, — он уже говорил всем, — надо нам технику осваивать. Слыхали все, что он тут рассказывал. Армия объявилась. Так вот, как бы нам эта армия сала за ворот не налила. Как ты

думаешь? — он теперь обращался ко мне.

— Думаю, что может. Танки у них, вертолеты. Нам тоже это нужно.

— А ты сможешь обучить моих вояк?

— Конечно!

— Ну и добро! Надо пошарить там на воинских складах. У нас были грузовики. Но, черт подери, наши хлопцы аккумуляторы посадили.

— Их надо перебирать. А что, у вас нет ни одного шофера или механика?

— Ха! Тут у нас шоферы больше по чужим квартирам и карманам! Нет, такие, что баранку крутить могут, есть! А вот чтобы починить что-нибудь, так хрен! Словом так, парень... как тебя зовут?

Я назвался.

— Виктор значит... Ну, хорошо... Так вот, Виктор, ты посмотри там, что к чему, перебери эти аккумуляторы и потом обучи ребят. Вот «тачку», например, водить твою.

— Одной моей «тачки» будет маловато. Надо иметь хотя бы три танка и столько же вертолетов.

— Так кто будет вертолеты водить? Это же сколько учиться надо?

— Ничего! Нужда заставит — быстро научатся. К лету должны быть готовы, а нет, так надо отсюда сматываться подальше.

— Ты думаешь, к лету сюда пожелуют?

— Обязательно!

Он прищурился.

— А не раньше?

— Может и раньше.

— Ты, я вижу, беспокоишься.

— Как мне не беспокоиться. Вас если поймают, то кого как. Кого к стенке, а кого в солдаты. А меня уж точно к стенке, а то и повесят. Как пить дать!

— И то верно! Слушай! Расскажи-ка ты мне о себе подробнее, — приказал он, делая знак стоящим в дверях бандитам, что они могут идти.

Я рассказал ему всю правду о себе, ничего не утаивая, кроме последних месяцев моей жизни.

Он слушал внимательно, несколько раз переспрашивал фамилии моих бывших «друзей» — уголовников. Оказывается, некоторых из них он знал. Как бы проверяя меня, он спрашивал как они выглядят внешне, по какой статье сидели и т. п.

— Так выходит мы с тобой коллеги! — сказал он в заключение, — только я был раньше прокурором, а ты — адвокатом. Так что, коллеги-противники, —

он засмеялся своей шутке.

— В общем, теория твоя мне кажется верной! — заключил он после того, как я изложил ему те свои доводы, которые приводил Владимиру в памятный день крушения моих планов, — я сам тоже приблизительно придерживаюсь таких же взглядов, — он стал вдруг говорить иным, более культурным языком, не вставляя жаргонные словечки:

— Вы правы, — он внезапно перешел на «вы», — в том, что при данной ситуации общество деградирует до более ранних ступеней своего социального развития. Мы это с вами понимаем. А то, что вам и мне независимо друг от друга пришла идея использовать для этой цели уголовников, подтверждает, что мы с вами выбрали верный путь. Действительно, нам нужны решительные исполнители наших замыслов. А именно такие люди, которые в своей социальной морали как раз находятся на этом исходном уровне. Другие для этого мало пригодны. Пока до них дойдет истина, можно погибнуть в этой заварухе и не создать никакой организации. А организация нужна во что бы то ни стало! Без организации человечество обречено на гибель. А что касается внешнего проявления, то что тут можно поделать? Приходится мириться, да и самому не отставать, если хочешь иметь авторитет среди этой братии. Впрочем, ко всему можно привыкнуть! И вам советую не выделяться. Иначе вас не поймут. Здесь долго не раздумывают! Знаете, — продолжал он, — у меня до сих пор, пока вы мне не рассказали всего и не изложили свои взгляды, было сомнение. Теперь я вам верю как себе, потому что вижу в вас единомышленника.

Сейчас это был совсем другой человек. Это был не простой главарь банды, а мыслящий человек. И от этого становилось еще страшнее. Собственно говоря, это была гиперболизированная копия меня самого, моего короткого, но неизгладимого прошлого. Сгладится ли когда-нибудь оно в памяти? В моей и тех людей, которые были тому свидетелями?

— Сейчас мы с вами перекусим. И еще раз хочу вам напомнить: не удивляйтесь и не выделяйтесь. Будьте как все. Берите пример с меня. Иначе мы с вами быстро окажемся здесь инородным телом! И вот что! Мы с вами культурные люди среди этого сброда. Но свою культуру надо прятать подальше. Вы меня извините, но при всех я буду говорить вам — ты!

— Да, конечно, я понимаю!

— И это еще не все! Вам может быть будет трудно преодолеть себя, но прошу вас это сделать, иначе я не гарантирую вам безопасность. Вы не только не должны вмешиваться, если увидите что-то такое, что вам может не понравиться, но и сами вести себя так же! Это обязательно! Вы меня поняли? Я еще раз вас предупреждаю! Иначе вас могут принять за шпиона и тихо прирезать!

Он мне давал советы, но в них видна была попытка самооправдания. Ему, видимо, доставляло удовольствие снова почувствовать себя на какое-то

мгновение «культурным» человеком, он хотел, чтобы именно так я его и воспринимал: как человека, который ради высшей цели вынужден маскироваться, приспособливаться к окружающим. Может быть это была игра, а может быть, в какой-то мере и правда. Я не смог этого понять. Но в то же время он дал мне ценный совет, не последовав которому, я был бы мгновенно «засвечен».

Степан Можиевский был великолепным артистом. Он умел мгновенно преображаться. Когда я впервые его увидел, передо мной был обыкновенный бандюга, и вдруг эта маска слетела, и на меня смотрели умные, пронизательные глаза. Так что до сих пор я не знаю, который из двух Можиевских был настоящим. Мы еще не раз с ним встречались наедине, и я ловил себя на мысли, что говорю с другим человеком.

Мне приходилось участвовать в пьяных оргиях, которые сопровождались самым гнусным развратом и насилием. Вокруг Можиевского сформировалась элита из двенадцати человек.

— Мои двенадцать апостолов, — говорил он, — ты будешь тринадцатым.

Можиевский не отставал от своих приближенных ни в пьянстве, ни в разврате. Я заметил, что он зорко следит за мной во время таких оргий и постарался не «засвечиваться». Это только Штирлиц мог хранить верность своей советской супруге, не вызывая подозрения у коллег. Я не Штирлиц. Честно говоря, мне до омерзения противно вспоминать свое поведение. Но что делать? Единственное, что доставляло облегчение — это сознание того, что осталось недолго и что этот вертеп насилия и разврата будет скоро уничтожен.

Мне еще не удавалось выбраться в лес, где я спрятал рацию. По-видимому, бандиты не совсем мне доверяли, так как не оставляли одного. Один раз мне удалось посетить крепостное хозяйство или жилище рабов. Обычно там, в самом селе, жил десяток бандитов, которые утром выгоняли людей на работу, охраняли стадо и работающих в поле людей от собак. О том, чтобы уничтожить собачьи городища здесь не додумались. Поэтому каждый день в поле и на лугах слышны были автоматные очереди.

Скота было много: около четырехсот коров, большая свиноферма, в каждом дворе бродили куры. Зерновые уже были убраны и люди теперь выгонялись на сбор картофеля.

При первом посещении мне так и не удалось избавиться от сопровождающих меня бандитов и перебраться хотя бы несколькими словами с работающими в поле людьми. Я обратил внимание, что в поле было сравнительно много мужчин.

— Сколько у вас этих? — поинтересовался я у своих спутников.

— Где-то около шестисот.

— А мужиков?

— Двести наберется.

— Это все?

— Нет, еще в усадьбе. Ну, там больше баб.

— У вас большое хозяйство! — сказал я Можиевскому вечером, когда мы остались одни.

— Я думаю его расширить! К сожалению, все труднее и труднее добывать людей. Километрах в двухстах мы уже всех подобрали.

— И в Польше тоже?

— Да, но там очень мало кто остался. Больше — в Белоруссии. Здесь в лесах много глухих сел.

— А вы не пытались поискать среди них людей с техническим образованием или, по крайней мере, знающих технику? Ведь в селах должны были быть механизаторы.

— Вы представляете как мы их брали? Вы думаете, что они согласятся нам помочь? Лопатой копать — можно заставить, сено косить, пахать. Но попробуй заставить его показать свои знания и умение. Да он в жизни не признается!

— Но полевые работы не легче. Я думаю, что если бы по-хорошему, то многие согласятся работать по специальности.

— Полевые работы... Знаете, как их заставили работать? Не вышел один раз — порка, второй раз не вышел — повесят на площади. Вот и все методы убеждения. Хочешь не хочешь, а на работу пойдешь. После этого как с ними «по-хорошему»? Какая тут может быть ласка? Да если бы они могли, то всех нас живьем бы зажарили. Впрочем, это даже к лучшему.

— Почему? — не понял я его.

— Не понимаете? Если бы не эта ненависть, то мне бы не удавалось поддерживать среди моей шпаны дисциплину. А так, что бы ни происходило здесь, а караульные трезвы как стеклышко и ночью никто не заснет. Понимают, мерзавцы, чем это грозит. Вы смотрели грузовики? — резко переменял он тему беседы.

В усадьбе стояло около десятка грузовиков. Как я и предполагал, аккумуляторы их давно рассыпались. Можно было найти более-менее пригодные пластины и собрать хотя бы один. Я объяснил Можиевскому ситуацию.

— Мне нужны помощники, которые хотя бы немного смыслили в технике.

— Где же я их возьму среди этих воров?

— Все же надо попробовать найти среди наших крепостных или как вы их называете?

Он внезапно расхохотался:

— Колхозниками! Колхозниками! У них даже председатель свой есть!

— Так вот, не может быть, чтобы среди двухсот взрослых мужчин не нашлось ни одного механизатора.

— Кто говорит, что нет? Есть, конечно! Но попробуй его выявить!

— Надо попробовать!

— Ну и попробуйте. Я скажу двоим своим ребятам, пусть поищут.

— Мне хотелось бы самому поговорить.

Он подозрительно взглянул на меня.

— Вместе, конечно, с двумя, а то и с тремя ребятами, — быстро добавил я, — иначе меня могут там просто придушить!

— Вряд ли посмеют, — успокоил он, — но чем черт не шутит! Ладно, я дам команду.

Меня всерьез начинало беспокоить то, что, находясь третью неделю в банде, я не продвинулся ни на йоту к намеченной цели. Где-то в подсознании Можиевского еще гнездились недоверие, и меня не оставляли одного. Надо было как-то выходить из положения. Скоро пойдут дожди и дороги придут в полную непригодность. Правда, это не препятствие для танков и бронетранспортеров, но все-таки...

Можиевский открыл сейф и вытащил переданный мною при первой встрече перстень с бриллиантом. Он покрутил его и подошел ко мне.

— Красивая вещь! Как ты думаешь, — он снова перешел на «ты», — будет ли это когда-нибудь что-то стоить?

— Скорее всего да!

— Я вот тоже так думаю. Сейчас время накопить таких вещей побольше да поценней. Может быть наши дети ими смогут воспользоваться.

— Дети у вас есть?

— Были... два сына...

— Простите!

— Да что там! — он махнул рукой.

— А сейчас?

— Три девки! Есть и четвертая, да я не уверен, моя она или нет.

— Это от разных, конечно?

— А то как же! Вон, — он кивнул вверх, где были комнаты второго этажа, — живут там! Да что толку. Мне бы парня.

— А у кого-нибудь родился парень?

— В том-то и дело, что нет. А что?

Я разъяснил ему ситуацию. Он помрачнел.

— Честно говоря — не знаю.

— Так что же это? Навсегда?

— Вот оно что! А я-то думаю, что это у всех только девки родятся? Тогда выходит, что это все ни к чему...

И моя затея тоже...

— Ну, не так уж категорично. Должно пройти время.

— Время! Мне уже шестой десяток. Когда мне теперь сына ждать? Что я смогу лет через десять — если жив, конечно, буду?

— Останутся дочери.

— Дочери! Дочери! Какой от них толк? Что их ждет? Стать подстилкой, не больше. Ведь если девок будет так много, то и цена им как говорится, рупь за пучок в базарный день! Да-а! Обрадовал ты меня! — он грязно выругался.

— А что тут думать-гадать! — он встал, в глазах у него появился какой то дикий блеск. — Будем жить, пока живется! Хоть поживем напоследок всласть! А? — он толкнул меня кулаком в бок, — как ты думаешь?

— А что тут думать? Раз уж мы остались живы, почему и не пожить всласть?

— Вот это верно. Слушай, а ну, пойдем. У меня тут для тебя подарочек! — он спрятал перстень в сейф.

Мы прошли по длинному коридору, затем спустились по лестнице и еще раз поднялись во второе крыло здания. Здесь я никогда не был. Бросалось в глаза роскошное убранство. Ноги тонули в толстых коврах. На подставках стояли фарфоровые и хрустальные вазы. На стенах висели картины. Двери, выходящие в коридор, были занавешены толстыми шторами. Мне показалось, что за ними слышатся приглушенные голоса.

— Это моя квартира, — пояснил мне Можиевский, — я своих обормотов сюда не вожу.

— Кто же здесь убирает?

— А есть тут три бабы. Ну вот и пришли, — он открыл ключом дверь и мы вошли.

В комнате не было мебели. На коврах лежали шкуры белых медведей и там-сям виднелись разбросанные подушки. Окна были заложены кирпичом, оставляя небольшие просветы вверху. В углу, прижавшись друг к другу, сидели три девочки лет шестнадцати-семнадцати в коротких, едва прикрывающих тело, шелковых комбинациях.

— Уже приготовили, — констатировал Можиевский, — молодец, Семеновна! Свеженькие! Два дня назад привезли. Выбирай любую!

Говорят, человек ко всему привыкает. Казалось, участвуя в оргиях, я уже

должен был быть готовым ко всему и, как говорится, нарастить себе толстую шкуру. Но здесь, когда на меня в упор смотрели три пары расширенных от страха глаз, мне стало нехорошо. Я пошатнулся. Можиевский по-своему понял мое состояние и расхохотался:

— То-то! Люб ты мне чем-то, потому и дарю тебе самое лучшее. Выбрал?

Не помня себя, я не глядя указал рукою на одну из них.

— А у тебя губа не дура! Ну да ладно! Выбрал так выбрал! Я своего слова назад не беру. Можешь забирать. Ах да! — он подошел к двери и закричал:

— Семеновна! Где ты, старая перечница? Иди сюда!

Через пару минут послышалось громкое сопение и на пороге выросла грузная фигура. С большой натяжкой можно было признать в ней женщину. Это была настоящая горилла, с большим мясистым носом и черными густыми усами под ним. Полный портрет довершали массивные плечи и руки с узловатыми пальцами, торчащими из широких ладоней. «Горилла» недовольно уставилась на Можиевского.

— Семеновна, вот эту, — он указал на мою избранницу, — отведешь в его комнату. Накинь на нее что-нибудь. Да предупреди хорошенько, чтобы не брыкалась, а то отдам хлопцам!

«Горилла» шагнула в комнату и, схватив несчастную за руку, потащила ее вон.

— Ты иди к себе, а у меня еще здесь дела. Хочу немного потолковать с ними, — он вытолкнул меня за дверь и я услышал, как щелкнул замок.

Я стоял ошеломленный, еще не придя в сознание от увиденного и от предложения главаря банды. Внезапно из-за двери раздался приглушенный крик.

Бросившись бежать по коридору, я нечаянно столкнулся с подставки хрустальную вазу, но она, упав на толстый ковер, не разбилась. Как в тумане я нашел выход и направился в свою комнату.

— Пан! — услышал я и обернулся.

В трех шагах от меня стояла «горилла». — Пан Виктор, — она оказывается знала мое имя, — не туда. Идемте. Пан Стефан приказал приготовить вам другую комнату.

Она повела меня на второй этаж. Остановилась возле одной из дверей и открыла ключом комнату.

— Вот тут вы будете теперь жить, — пояснила она. За дверью оказалась небольшая прихожая, которая вела в другую комнату.

— Возьмите это, на всякий случай, — она сунула мне в руки какой-то предмет, — может и не понадобится, девчонка подготовлена.

Это была плеть.

— Ну я пойду. Закройтесь, — она протянула мне ключ, — сюда не ходят, но кто знает, может быть по пьянке кто-то забредет и помешает, — она захихикала.

Если кто и подумал сейчас, читая эти строки, что я брошусь душить эту гориллу, потом возьму автомат и начну косить бандитов, а затем сам паду изрешеченный пулями, он ошибается. Ничего этого я не сделал. У меня уже были моменты, когда я мог сорваться и наделать глупостей. Сейчас, как никогда, я ясно понимал, что от моего поведения зависит жизнь и благополучие не только шестисот несчастных рабов, живущих поблизости от усадьбы, но и людей, оставшихся дома. Дома? Я поймал себя на том, что назвал общину, в которой нашел убежище, домом. Смогу ли я так ее называть? Да, если заслужу! Но для этого нельзя быть слабонервным хлюпиком. Нельзя выдать себя! И от моего поведения сейчас это тоже зависит. Если окажется, что я вел себя не так, а старая карга это, несомненно, обнаружит и донесет своему хозяину, я буду разоблачен. «Хорошо, — подумал я, — что они еще не связали меня кровью. Наверное, просто не было случая. А если бы? Смогу ли я тогда все трезво взвесить? Хватит ли нервов? Интересно, Штирлиц, не тот, что в кино, а его реальный прообраз, смог ли он сохранить чистоту рук? Я не говорю — помыслов. Помыслы легче сохранить. А вот руки? Как с ними? За что он получил, например, железный крест и благодарность рейхсфюрера? Вряд ли только за вежливые разговоры с пастором Шлагом».

Я повернулся к девушке...

— Как тебя зовут? — спросил я ее уже позже.

— Ильга...

— Ты что, литовка?

— Да... Ты меня не будешь бить? — спросила она тихо.

— Бить?

Она повернулась ко мне спиной. При свете догорающей свечи ясно были видны полосы на ягодицах и бедрах — следы плети.

— Кто это тебя?

— Старуха. Еще вчера... Там их было двое. Одна держала, а другая била.

— За что?

— Просто так. Это, они говорили, подготовка.

— А эти девочки?

— Их тоже. Ты меня не отдашь потом?

— Кому?

— Всем. Чтобы по очереди... Мне сказала старуха, что если я тебе не понравлюсь, то ты меня отдашь «хлопцам». Я тебе понравилась?

Боже, укрепи мою душу!

— Понравилась! Очень понравилась!

— Я старалась!

— Слушай, ты лучше не говори больше ничего.

Я чувствовал, что разревусь сейчас как мальчишка от стыда и ненависти, чувства неизгладимой вины перед этой хрупкой, еще не познавшей любви девочкой. Мысленно я поклялся, что ни один из бандитов не останется в живых!

Я пишу эти строки, чтобы читающий их понял и оправдал ту жестокость, с которой мы покарали бандитов. Как я теперь понимаю своего друга (надеюсь, он снова им будет), расстрелявшего без всякого сожаления моих бывших приятелей.

— Спи, Ильга, ничего не бойся. Я сделаю все, чтобы ты была... — я чуть было не сказал «счастлива», но вовремя осекся. О каком счастье можно было здесь говорить?

Я нежно погладил ее по голове.

— Я хотел сказать, что постараюсь заслужить, если не твою любовь, то твое прощение.

Я еще раз наклонился, поцеловал ее и почувствовал, что ее лицо все мокрое от слез. Она больше не могла себя сдерживать и зарыдала.

Нет! Теперь я глубоко убежден в одном. Понять, что такое гуманизм, впитать его в себя без остатка можно только, познав всю глубину бесчеловечности, жестокости и насилия. Только, возненавидев насилие, возненавидев всеми фибрами души и всеми клетками тела и мозга, можно выковать в себе действенное оружие против него. Это тяжелое и страшное оружие. Оно требует крепких рук, чтобы удержать его, и холодный разум, чтобы, не задумываясь, применить, когда требуется. «А ты сам? — шепнул мне внутренний голос, — тебя же пощадил, несмотря на то, что ты заслужил смерть. Чем ты отличаешься от Можиевского?» «Но я не делал ничего такого!» «Да, но ты собирался это делать. Тебя бы просто заставили это делать, как заставили сейчас!». «Но сейчас другое дело! Я должен!» «Ищешь оправдание? Но признайся, ты же с наслаждением овладел этим юным телом... Ты сейчас философствуешь, высказываешь свои мысли, можно сказать, похвально, но тогда... тогда у тебя на уме не было никакой философии... Что же ты сейчас лицемеришь?»

Этот мучительный диалог продолжался до самого утра. Голос звучал, он долбил мозг беспрестанно, с садистической жесткостью и злорадством, не давая заснуть. Уже рассвело, когда я на какое-то время забылся в тревожном сне. Я спал и не спал, находясь в каком-то оцепенении. Из него меня вывел резкий стук в дверь. Я быстро оделся и, прикрыв Ильгу одеялом, пошел открывать. У дверей стояла старуха.

— Иди, тебя ждут там, внизу, — и, чуть отстранив меня рукой, вошла в комнату.

По ее виду было ясно, что она получила соответствующие инструкции. Я задержался у двери, ожидая, что будет дальше. Старуха, однако, скоро вышла и, удовлетворенно кивнув головой, закрыла дверь на ключ и пошла по коридору.

Вот как! У нее, оказывается, свой ключ. Что было бы с девушкой и, возможно, со мной, если бы я проявил «рыцарское благородство»? Чем бы все это закончилось? Можиевский, видимо, еще не совсем доверял мне. Почему? Что это? Интуиция или я повел себя как-то не так? Что же все-таки вызывало его настороженность? Он часто присматривался ко мне во время так называемых «коллективных развлечений». Надо следить за собой! А может быть я слишком настаивал вчера на выявлении механизаторов? Сегодня об этом ни слова! Но ведь и ждать больше нельзя! Что же делать?

— Ого! — встретил меня возгласом Можиевский, — по твоему виду не скажешь, что ты провел спокойную ночь! Ну как?

— Она прелесть!

— То-то! — он удовлетворенно засмеялся, — ты отхватил самый лакомый кусочек. А у меня не особенно! Одна решила проявить характер. Но я ей дам возможность проявить его в другой ситуации!

Я догадывался, что это будет за ситуация. Мне вспомнились расширенные от страха три пары девичьих глаз. Было желание схватить чугунную пепельницу и размозжить ему голову.

Дверь приоткрылась, и показалась физиономия «гориллы». Можиевский вышел. Когда он вернулся через пару минут, лицо его выражало удовлетворение.

— Ну так что? Я подумал о нашем вчерашнем разговоре. Пожалуй, ты прав и надо попробовать. Я сомневаюсь, но чем черт не шутит. Если ты найдешь механизатора или техника, обещаю ему все, что хочешь!

— Ты мне должен выделить охрану!

— Не бойся! Я вчера несколько преувеличивал. Разве что нарвешься на психа. Ладно, ладно! — заверил он меня, увидев, что я хочу возразить, — дам тебе двух ребят. Когда начнешь?

— Время не терпит. Летом, как я уже говорил, следует ждать визита «Армии Возрождения». Если к тому времени мы не будем вооружены, то...

— А ты боишься попасть к своим бывшим друзьям?

— Лучше сразу пулю в лоб! — я замолчал, показывая всем своим видом, что мне пришла вдруг в голову мысль.

— Ты что-то сейчас придумал? — не выдержал Можиевский.

— Не знаю, как ты к этому отнесешься.

— Говори!

— Что если нападение на нас произойдет внезапно, до того, как мы будем готовы?

Можиевский молчал, но, видимо, мои слова на него произвели должное впечатление.

— Что ты предлагаешь?

— Мы можем уйти в танке! Ты и я! Тебя уж точно не пощадят, как и меня.

Можиевский посмотрел на меня с явным недоверием.

— А зачем тебе я?

— Что одному делать в этом мире?

Черты его лица снова разгладились.

— Ты прав. Но этот вопрос мы еще обсудим. Давай завтра.

Но на следующий день поговорить не удалось. Можиевский отправился с большим отрядом в очередную экспедицию. Обычно он не участвовал в них. Но на этот раз почему-то решил поехать сам. Его не было пять дней. За это время я тщательно проводил допросы «колхозников». Ко мне приставили двух бульдогов-бандитов, вооруженных автоматами. Я это учел и каждый допрос длился около часа. На второй день мои «бульдоги» начали скучать. Допрос проходил в небольшой комнате бывшего сельсовета. Я специально выбрал такое помещение. В нем было душно и я запретил курить. «Бульдоги» выходили по очереди курить, все дольше и дольше задерживаясь на крыльце, где под охраной еще двух бандитов стояла очередь вызванных для допроса.

Я ждал, когда и второму надоест сидеть рядом и он выйдет, оставив меня одного. Но, вероятно, они получили строжайшую инструкцию не оставлять меня наедине с допрашиваемыми.

Надо было принимать какое-то решение. С самого начала я стал писать «протоколы допроса», предлагая затем допрашиваемому расписаться под ним. Сделал я это для того, чтобы истощить терпение моих охранников. Но страх перед атаманом не позволил им оставить меня одного. Тогда я решился на отчаянный шаг. Один из допрашиваемых, мужчина лет сорока пяти, явно располагал к себе. У него был смелый взгляд. Держался он независимо. Звали его Василий Петрович Кандыба. Это был человек атлетического телосложения. Кроме того, я обратил внимание на его длинные пальцы со следами вьезшегося металла. Несомненно, это был человек с техническими знаниями. Я решил рискнуть. Вместо протокола допроса я кратко изложил на листе бумага мою задачу с просьбой в конце помочь ее осуществить.

— Прочтите внимательно и проверьте, все ли верно я записал, — попросил я, протягивая ему лист бумаги.

Надо отдать должное: он ничем не выдал своего волнения. Кончив читать, он взглянул мне в глаза и четко произнес:

— Я согласен с вами работать. Извините, здесь я немного наврал! — он взял листок бумаги и разорвал его на мелкие части. — Пишите новый.

Он действительно был механизатором. Работал на машинах, комбайнах, знал слесарное и токарное дело.

— На сегодня хватит! Отпустите всех! — распорядился я. — А вы задержитесь.

Конвоиры облегченно вздохнули. Нудная работа кончилась!

— По распоряжению Можиевского, — сказал я охранникам, — этот человек, согласившийся работать с нами, уравнивается в правах с остальными и имеет право свободно посещать усадьбу и свой дом.

Конвоиры не возражали. Мы вернулись в усадьбу вместе с Кандыбой. Вскоре мне удалось с ним уединиться и все подробно обсудить. На всякий случай решили, что я завтра «выявлю» еще трех механизаторов. Так будет надежнее.

Теперь необходимо было выбраться в лес! Отсутствие Можиевского этому способствовало. Поскольку инструкции его вменяли охранять меня во время допросов, то гулять по лесу не возбранялось. Найдя тайник, я отослал сообщение и договорился о координации совместных действий. Здесь же, в тайнике, я взял свой пистолет и заменил автомат. Еще в первый день своего пребывания в банде я обнаружил, что бойки моего автомата аккуратно подпилены. Здесь, в лесу, я лишний раз убедился в этом, произведя пробный выстрел. Как я и ожидал, вместо выстрела послышался лишь щелчок. Забыл ли Можиевский о том, что мое оружие неисправно или же продолжал не доверять мне?

Впрочем, это уже не имело значения. Главное было сделано.

Можиевский вернулся к вечеру следующего дня. Его сопровождал большой обоз и с полсотни верховых. Обоз подъехал к усадьбе. На телегах, вместе с различным имуществом, лежали связанные пленники. Их было не менее ста человек. Среди них — почти сорок мужчин.

Спустя еще час, подгоняемое всадниками, пришло большое стадо.

— Как видишь, мы не теряем времени даром! — похвастался Можиевский, заметив меня в толпе встречающих обоз бандитов.

Пленников освободили от пут и проводили на широкий двор усадьбы. Вслед за этим началась сортировка. Бандиты выхватывали из толпы пленников молодых девушек и отводили в сторону. Временами тот или иной пленник падал на землю от удара дубинкой. Это были те, кто пытался помешать сортировке. Толпа была окружена бандитами, которые держали ее под прицелом. Когда сортировка была закончена, пленных мужчин погнали разгружать подводы. Часть имущества укладывалась у крыльца дома. Остальное, по-видимому, пожитки пленников, оставались на телегах. Затем колонну погнали в село. Вслед за ними ушли обоз с женщинами и стадо.

Возле новеньких уже суетились две старухи. Они осматривали каждую, щупали, заставляли поворачиваться. Отобрали человек пять и увели с собой.

— Остальные ваши! — бросил Можиевский бандитам.

Те довольно загоготали. Мои руки невольно сжали автомат. Еще секунда... «Дурак»! — мысленно обозвал я себя.

— Эй! — крикнул Можиевский своим приятелям. — Подождите до завтра! Сделаем представление! Им это тоже полезно посмотреть, чтобы были послушными.

Бандиты, очевидно, понимая о чем речь, отпустили несчастных, которые сразу же сбились в тесную кучку.

Снова появились старухи и увели оставшихся.

— Ну, чего ты меня не поздравляешь? — спросил Можиевский, подходя ко мне.

— Поздравляю...

— Что так кисло?

— Да нет...

— А, ты думаешь, что всех себе заберу? Ха-ха-ха! — он рассмеялся довольным смехом, — Успокойся, так уж и быть, подарю парочку!

— Спасибо!

— Потом скажешь!

— Откуда эти?

— Да мои хлопцы еще месяц назад обнаружили поселение в Мазовии. Вот только сейчас взяли. А как идет вербовка?

Я рассказал.

— Что, сразу четверых? Ну ты молодец! Как это тебе удалось?

— Пообещал послабление, еду получше... Как ты мне велел. Ну и потом, как бы тебе сказать... В общем, с людьми надо ласковее.

— Слушай! А ты не можешь так же провести вербовку ко мне в дружину? Там есть сильные мужики. Попробуй! Мне люди нужны! Особенно, если учесть то, о чем мы с тобой говорили.

— Попробую.

— Зайдем ко мне, — предложил он.

— Как у тебя идут работы? — спросил он, развалившись на тахте в своей любимой позе.

Он достал бутылку коньяка и разлил по рюмкам.

Я слегка пригубил. Это был армянский, трехзвездочный, самый мой

любимый.

Он выпил свой залпом и громко крикнул.

— Ну так как?

— Аккумуляторы мы перебрали. Теперь два грузовика готовы к работе. Двое ребят занимаются ремонтом трактора. Если удастся, то к весне отремонтируем три штуки.

— Ничего, и на лошадях вспашут. Не это сейчас главное! Надо добывать тяжелое оружие.

— Сколько человек у тебя умеют крутить баранку?

— Ну, человек десять, а то и больше.

— Теперь есть два грузовика. Можно на них съездить на склады и привезти технику. Четверо ремонтников у нас уже есть. Мы их возьмем с собой. Возможно, придется повозиться.

— Добре. Не тяни только с этим!

— Я что? Можно и завтра.

— Завтра нет. Через пару дней. Завтра будет представление!

— А...

— Что же ты не спросишь, какое представление?

— Зачем раньше времени знать? Потом будет неинтересно!

Он зло расхохотался:

— Интересно будет! Обещаю! Ты все-таки не догадываешься?

— Это что? С той девицей?

— Угу!

— Не жалко?

— Надо! Это остальных держит в покорности. Кстати, новеньким как раз полезно посмотреть!

Завтра будет тебе представление! Лишь бы ты не ушел. Как бы отвечая на мои мысли он переменял тему:

— Ты вот что! Танк свой держи наготове. В случае чего мы с тобой должны... Ну, ты сам понимаешь!

— Он у меня постоянно готов. Горючего полные баки. Я его подогнал ближе к окну. В случае чего, могу прямо из окна и — в танк.

— Сколько в него может влезть?

— Чего?

— Человек!

Неужели он хочет взять с собой еще кого-то? Планы мои рушились.

— Пять человек.

— Достаточно! Если нам придется бежать, то не одним же скитаться? А? Прихватим пару баб! У меня тут есть одна из новеньких. Я присмотрелся. Красивая, стерва! Ее приготовят мне завтра. Ты можешь взять свою. Веселее будет.

— Хорошо! Только, не мешало бы сделать где-то в лесу тайных склад оружия и продовольствия.

— Ты говоришь дело. В ближайшие дни этим займемся.

Мне казалось, что последними словами я окончательно развеял его недоверие. Сейчас он мне скажет, чтобы я заменил оружие. Но он молчал.

Ночь эту я не спал, боясь пропустить начало операции. Под утро я разбудил Ильгу.

— Быстро оденься, — велел я, — и делай то, что буду делать я.

Я заранее приготовил для нее спортивную одежду. Не задавая вопросов она быстро оделась. До рассвета оставалось не более получаса. Наконец, до меня донесся гул летящих вертолетов. Я открыл окно и сбросил веревку. Быстро спустился и принял Ильгу.

— Залезай и сиди тихо! — велел я ей, открыв люк башни танка.

Сам бросился к дому. На крыльце уже появился Можиевский в сопровождении «апостолов». Он прислушался. Гул вертолетов раздавался со стороны села. Вскоре до нас донеслись пулеметные очереди и небо озарилось отблеском пожара. Это горел дом охранников. К гулким выстрелам пулемета присоединилась трескотня автоматов. Вскоре они затихли.

— Все!

Кто это сказал, я не заметил. Действительно, в селе все было закончено.

— Теперь пожалуют к нам! — проговорил Можиевский.

— Не думаю, что скоро!

Действительно, вертолеты затихли, видимо, сели. Сейчас там вооружаются бывшие рабы.

— Это почему же?

— Видишь ли, судя по всему, это небольшой десант. Я определил по гулу моторов — три-четыре вертолета. Значит — сорок человек. Скорее всего, они хотят взять нас «малой кровью».

— Не понял?

— Они хотят сберечь своих людей и вооружили сейчас ваших рабов. Если мы быстро ударим по ним сейчас, то сможем их смять!

— Ведь верно. Не надо тратить времени, — забеспокоился Можиевский. — А ну, быстрее! Всех туда!

Апостолы разбежались.

— Я сейчас! Жди меня в танке, как условились! — он скрылся в доме.

Я залез в танк и стал ждать, высунувшись из башни. Мимо меня пробегали бандиты, вооруженные автоматами и пулеметами. Вскоре показался Можиевский. Он тащил за руку девушку.

— Принимай! — крикнул он мне, подсаживая ее на броню танка.

Я подал ей руку и помог забраться в башню. Затем спустился сам и сел, ожидая Можиевского. В руке я зажал конец толстой капроновой веревки, привязанной к крышке люка. В люке появились его ноги, затем живот. Дождавшись, когда его голова будет над уровнем крышки, я с силой дернул за веревку. Тяжелая крышка обрушилась на голову бандита. Он обмяк и свалился вниз. Я закрыл люк и включил фонарик. Можиевский лежал без сознания.

— Свяжите его! — я подал женщинам заранее приготовленные длинные куски нейлонового шнура, — и покрепче.

Заняв место механика-водителя, я включил двигатель. Танк выехал из усадьбы. Впереди были видны бандиты, наступавшие тремя цепями на село. Им навстречу полыхнули очереди тяжелых пулеметов, заставив лечь. Один из «апостолов», увидев приближающийся танк, приподнялся, призывно размахивая рукой.

— Сейчас будет весело! — крикнул я Ильге.

Я остановил танк, перешел в башню и стал смотреть в перископ. Послышался свист снаряда и среди цепей залегших бандитов поднялся слой земли. Затем еще и еще. Со стороны леса, с трех сторон на луг выехали три танка. В воздухе снова появились вертолеты.

Я не успел дать и двух очередей, как все было кончено.

По полю сновали бывшие рабы, приканчивая раненых и собирая оружие. Ненависть их была настолько велика, что они не оставили в живых никого.

Можиевский застонал, приходя в себя. Я включил внутреннее освещение. Он смотрел на меня широко открытыми глазами, не произнося ни слова.

— Сейчас! Тебе будет легче. Представление продолжается! — пообещал я ему, направляя танк к усадьбе. В ее дворе уже стояли бронетранспортер и два грузовика.

На этом записки «тринадцатого апостола» кончаются и слово снова беру я.

Глава XXII РЕШАЙТЕ САМИ...

На исходные позиции мы вышли перед самым закатом. Виктор хорошо разведкал местность и указал в радиограмме удобную поляну для посадки вертолетов в пяти километрах от логова банды. Танки вышли раньше и, когда мы подлетели к месту, были уже в полутора километрах от цели. Следом за нами шли бронетранспортеры и три машины с бойцами. Их я не планировал использовать в бою, так как надеялся, что наш план с Виктором удастся и мы сможем окружить банду на широком лугу между усадьбой и селом. В этом случае в бой вступят только танки и вертолеты. И, конечно, восставшие.

Все дело заключалось в том, чтобы незаметно подвести танки. Прибыв на поляну, мы выслали вперед разведку и стали ждать.

Было уже темно, когда разведчики возвратились. Они вели под уздцы двух лошадей. На одной из них был перекинут через седло пленный. Допрос его не дал ничего нового. Меня интересовало, есть ли еще в нашем направлении посты, но тот заверил, что они на этой дороге были единственными. Двое, сказал он, охраняют дорогу с севера. Но эти нам не мешали.

В назначенное время танки тихо поползли к усадьбе, а мы, выждав еще полчаса, поднялись в воздух. Вскоре мы заметили условные огни — два костра. Маленький, едва заметный огонек в стороне от них, указывал место нахождения сторожевых. Туда сразу же нырнул вертолет Алексея и скоро дом, в котором ночевали стражники, запылал. Предоставив Алексею расправляться со стражниками, мы посадили у костров машины и раздали оружие ожидавшим нас людям.

— Кто из вас Кандыба? — спросил я.

Вперед вышел крепко скроенный высокий мужчина.

— Я!

— Берите людей и встречайте банду. Сейчас они кинутся на вас. Прижмите их огнем к земле. Главное, не давайте уйти в лес!

— Стрелять-то умеете? — выкрикнул из-за моей спины пилот.

— А как же! Все служили...

Рассвело. Мы подняли вертолеты и зависли над местом боя. Из леса показались танки. В одном из них, я догадался, был Виктор, так как он стоял за цепями бандитов. Мы дали по этим цепям несколько очередей, но это уже было лишним. Я глянул на часы. Прошел всего час с момента нашей высадки, а все уже было кончено.

Мы пролетели над усадьбой. Там хозяйничали наши автоматчики. Человек пять разоруженных бандитов стояли под охраной посреди площади.

Мы посадили вертолеты. Лязгая гусеницами, подошли танки. Люк одного из них открылся и из него высунулась голова Виктора. Впервые за прошедшие годы мы обнялись с ним как в прежние времена.

Следом за ним из люка вылезла девушка в синем лыжном костюме. Она что-то пыталась вытащить из танка, но ей, видимо, не хватало сил.

— Ильга, не надрывайся! — крикнул Виктор, — сейчас мы его вытащим.

Ильга соскочила с танка. Вслед за ней вылезла еще одна девушка.

— Это моя жена! — представил мне Ильгу Виктор.

— Поздравляю! А это кто? — спросил я, невольно залюбовавшись подошедшей к нам девушкой.

Она что-то ответила мне на польском языке. Я не разобрал.

— Это Беата! Она из Польши. Вчера только доставили. Они-то и помогли мне связать главаря!

— Так он жив?

— В танке. Пусть ребята его вытащат.

Вскоре перед нами положили связанного по рукам и ногам здорового детину. По-видимому, он только недавно пришел в себя, так как дико вращал глазами, еще не понимая, что с ним произошло.

— Чем это ты его? — спросил я увидев у него на темени огромную черно-багровую шишку.

— Крышкой люка. Рекомендую — Степан Можиевский — главарь банды!

Бандит что-то пробормотал заплетающимся голосом из чего я только понял — «тринадцатый апостол».

— Что он бормочет? Бредит?

— Да нет! Это мое прозвище в банде. Он сам меня так назвал. У него было двенадцать помощников, я стал тринадцатым!

— Ну, добро! Пусть его заберут и держат отдельно от остальных. Мы будем их судить. Вернее, не мы, а их бывшие рабы.

Алексей, который только что подошел, дал распоряжение и бандита увели.

— Просто невероятно! Двести тридцать убитых бандитов, а у нас ни одного раненого! — сообщил мне Алексей.

— А у них? — спросил я, имея в виду восставших.

— У них хуже. Убито трое и семь человек ранены. Причем двое — тяжело.

— Отправьте вертолетом к Александру Ивановичу. Ну пойдём посмотрим, что там делается, — предложил я, направляясь к воротам усадьбы.

Первое, что мне бросилось в глаза — толпа женщин.

Они окружили кого-то и молчали. Это молчание нарушалось только слабым повизгиванием. Я вначале подумал, что там сидит собака. Мы подошли. Толпа расступилась. В центре на земле сидели три старухи. Я еще в жизни не видел таких отвратительных уродов. Во-первых, они были громадного роста. А что до

их лиц, то нельзя было на них смотреть без отвращения.

— Кто это?

— Стражи гарема! — ответил стоящий сзади Виктор. Женщины зашумели. Они говорили все разом, и ничего нельзя было разобрать. Русские, украинские и белорусские слова смешивались с литовскими и польскими. Среди этих слов только одно слышалось явственно: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!

— Что же, они этого заслужили! — жестко произнес Виктор.

— Что за «представление»?

— Потом объясню. Пусть пока их уведут, да присмотрят, чтобы они сами себе что-нибудь не сделали. Лучше всего связать.

Старух связали и увели.

— Успокойтесь! Представление будет! — заверил женщин Виктор.

Мы вошли в дом и Виктор провел меня в кабинет Можиевского.

— Ну, рассказывай! — предложил я ему.

Часть рассказа его изложена в предыдущей главе. Только часть. Потому что бумага бы воспламенилась, если бы на ней было записано все то, что он рассказал. Хотя говорят, что бумага все терпит.

— Так вот в чем заключалось ПРЕДСТАВЛЕНИЕ?!

— Да, как раз сегодня его готовили для одной провинившейся!

— Где это происходило?

— Здесь за зданием есть площадка, закрытая со всех сторон толстой металлической сеткой. Там раньше играли в баскетбол. А вокруг сооружения — ступенчатые трибуны. Теперь столбы с баскетбольными корзинами убрали и поставили большую клетку с собаками. В связи с предстоящим представлением их уже три дня не кормили.

— Какой ужас!

— Все относительно! — послышался голос Алексея. Он неслышно вошел и слышал весь рассказ Виктора.

— Что ты говоришь? Опомнись!

— Не так давно, каких-нибудь две тысячи лет назад, римский народ считал такие зрелища самым лучшим развлечением!

— А ведь действительно, — поддержал его Виктор, — римляне, давшие миру Вергилия и Сенеку, Аврелия, гражданские законы, находили удовольствие в подобных зрелищах.

— Или гадание на внутренностях беременной женщины!

— Перестаньте! — взмолился я. Виктор вытащил из кармана связку ключей и открыл сейф.

— Посмотри, может быть есть какие-нибудь документы.

Виктор начал выкладывать на стол содержимое. Это были шкатулки, коробки.

— Все, больше ничего нет! — сообщил он. Я открыл одну из коробок. Она была доверху наполнена кольцами, браслетами, колье, диадемами. Комната осветилась блеском алмазов и рубинов.

— Зачем это?

— Наверное думал, что когда-нибудь это будет иметь ценность!

Алексей присвистнул.

— Может быть лет через пятьсот, когда появятся вновь товарно-денежные отношения. Не раньше.

— Что мы с этим будем делать?

— Отдадим, как всегда, женщинам. Что же еще?

— Подбери для своих! — предложил Алексей.

— Я в этом совсем не разбираюсь!

— Тогда пусть сами выберут!

— Как хочешь! Сложите пока все в мешок, дома разберемся.

— Ну что? Пойдем посмотрим дальше? — предложил Виктор.

— Веди, показывай, — согласился я и пошел за ним следом.

— Это какая-то антикварная лавка! Вульгарная мешанина роскоши. Посмотри, полотна старых мастеров висят рядом с дешевыми копиями, музейные вазы из саксонского фарфора стоят рядом с изделиями ширпотреба! Но это все меня мало интересует. Где склады?

— Склады в другом месте. Надо идти через двор.

— Пошли. Жаль, что не взяли твоего отца.

— Он здесь!

— Как?!

— Я сам его обнаружил всего час назад. Он пристроился на последнюю машину.

— Почему же я его не видел там, на поляне?

— А он спрятался!

Мы рассмеялись.

— Мне кажется, он входит во вкус своей интендантской должности! — продолжал смеяться Алексей, — он так себя теперь и называет — интендант.

Мы спустились на первый этаж. Нам навстречу бежал Николай:

— Где вы ходите? — накинулся он на нас с Алексеем. — Пожар! Село горит!

Мы выбежали во двор. Из-за кирпичных стен усадьбы сам пожар не был виден, но небо на той стороне горизонта, где было село, заволочло черными клубами дыма. Когда мы вышли за ворота, нам открылась страшная картина. Все село, виднеющееся километрах в двух-трех от нас, было охвачено пламенем и затянуто клубами дыма.

Мы сели в бронетранспортер и помчались туда. Однако доехать не удалось. Путь нам преградило стадо. Скоро мы оказались у него в плену. Коровы обступили бронетранспортер, не позволяя двигаться дальше. Я вылез из люка и встал на броню, надеясь рассмотреть, что там делается впереди. Наконец показались люди, которые гнали скотину.

— Ну что там?

— Все дотла!

— А люди? Дети?

— С людьми все в порядке. Успели выскочить, а вот скотины погибло немало. Имущество тоже почти все сгорело!

— Как это случилось?

— Когда загорелся дом охранников, пламя перекинулось на соседний двор, а там рядом скирда. Дождя уже больше месяца не было! Ветер раскидал скирду... Попало на крыши...

— Гоните скот к усадьбе и собирайте там людей.

— Это я виноват! — начал было Алексей.

— Да причем тут ты? — отмахнулся я с досадой, — просто, в пылу боя не заметили, как пожар стал распространяться.

Меня окликнули. В человеке, позвавшем меня, я с трудом узнал Кандыбу. Одежда его была вся обгоревшая, лицо в копоти, волосы опаленные.

— Люди как? Не пострадали? — снова спросил я.

— Нет. Погибло много свиней и птицы. Хуже всего, что сгорело все сено. Нечем теперь будет кормить скот.

— А зерно?

— Зерно все там! — он кивнул на усадьбу. Ехать дальше не было смысла.

— Надо как-то устроить людей на ночь! — обратился я к Виктору.

— Где-то есть шатры и палатки. Бандиты брали их с собой в набеги. Надо поискать.

— Найди отца Алексея и поищи с ним. Покажи ему склады.

— Я же не знаю его в лицо!

— Алексей тебя познакомит. Давайте, действуйте! Тех, для кого не хватит места в здании, селите пока в палатки. Да возьмите ковры. Здесь их полно! Пусть люди укроются. Ночи теперь холодные. В доме поселите женщин и детей.

— Так их же много, — уточнил Виктор.

— Ну, тех, кому хватит места.

— Надо выставить усиленную охрану скота. Ночью тут разбойничают собаки.

— Скажи Кандыбе. И вот еще что — свяжись с домом. Меня что-то беспокоит! Надо покормить всех наших и быть готовыми в любой момент вернуться. Во всяком случае, танки и бронетранспортеры отправить сегодня.

— А здесь?

— Здесь мы среди друзей!

Весь оставшийся день прошел в суматохе. Поминутно надо было что-то решать. В большинстве случаев это были мелочи, но люди почему-то шли с ними ко мне.

— В конце-концов, у вас есть Кандыба! — не выдержал я, — к нему и обращайтесь.

Мне удалось отдохнуть не более тридцати минут, как в кабинет Можиевского, где я находился, вошли Алексей, Виктор, Николай с Юрием и Петр Тихонович — отец Алексея.

— Ну, что дома? — спросил я Алексея, приглашая всех садиться.

Виктор подошел, достал бутылку коньяка и рюмки.

— После такого дня не повредит по глотку, — пояснил он.

— Дома все более-менее нормально. Раненым уже оказана помощь.

— А что «менее»? — я почувствовал, что он что-то скрывает.

Алексей помялся, переглянулся с Николаем.

— Ну говори уж! — нетерпеливо потребовал я.

— Светлана повесилась!

— Что?!

— Успокойся! Жива! Вовремя вытащили из петли. Сейчас уже вне опасности.

— Я предупреждал... С нею поступили чересчур жестоко.

— Ты имеешь в виду работу в свинарнике? Дело не в этом, — продолжал он.

— А в чем же?

— Паскевич! Девка влюбилась в него по уши, а он после того случая вообще ее не замечает. Вдобавок — работа в свинарнике. После него надо два дня мыться, чтобы исчез запах... Ну вот...

— Ладно, об этом после. Что еще?

— Людей покормили, разместили на ночлег, — заговорил Виктор, — женщинам и детям отвели бывшую казарму. Там достаточно коек. Кому не хватило места, дали ковры. Для мужчин поставили палатки. Наши будут ночевать здесь. Ну и часть женщин тоже. Те, которые здесь были и те, кому не хватило места в казарме. Скот выгнан на луг. Его охраняют. Всю ночь будут гореть костры. Этим занимается Кандыба. Да он должен сейчас подойти.

— Танки и бронетранспортеры уже на марше, — сообщил Николай, — здесь осталось только человек пятнадцать.

— Это я попросил, — вмешался завхоз, — мне нужны люди и водители. Я обследовал склады. Чего здесь только нет! Нам придется возить две недели.

— А все ли нужно? Потом, большую часть надо оставить местным и все продовольствие.

— А они разве не уйдут с нами?

— Не знаю.

— Конечно, уйдут, — Виктор допил коньяк, встал и зашагал по комнате. — Село сторело, жить негде, корма погибли.

— Во всяком случае, они должны решать это сами. Если захотят остаться, то ты, Николай, позаботься, чтобы им оставили достаточно боеприпасов.

Дверь отворилась и вошел Кандыба.

— Садись! — пригласил его Виктор, наливая полный стакан коньяка.

Кандыба взял бокал, понюхал и залпом выпил.

— Уфф! Хорошо! — одобрил он напиток и вопросительно посмотрел на меня и Виктора.

Тот налил ему еще. Кандыба на этот раз отпил небольшой глоток, потом поднял бокал, посмотрел на свет.

— Вообще-то я не пьющий, — пояснил он, — но сейчас выпить просто необходимо...

— Снять напряжение! — подсказал Алексей.

— Ага. Мне до сих пор не верится, что все позади. Я ведь здесь второй год, насмотрелся всего. Хуже фашистов... Вон Виктор здесь три недели побыл, имеет представление... Но всего не видел... Что вы с ними намерены делать? Я говорю о пленных.

— Мы? Ничего!

— Как это так? Вы что, хотите их отпустить?!

— Я говорю «мы — ничего». Это вы будете решать, что с ними делать. Как присудите, так и будет.

— Вот это правильно! И старух этих пусть сами девчата судят.

— Как там со стадом?

— Погибло тридцать коров и около двадцати свиней, почти вся птица. Остальное удалось спасти. Лошади целы.

— Трупы закопали?

— Вот еще! Оттащим к лесу. Там у них свои могильщики будут.

Он замолчал. Потом подошел к окну и раскрыл его.

— Вот послушайте!

Мы прислушались. Издали доносился вой.

— Уже воют!

— Странно... Собаки обычно лают...

— Так то собаки, а эти уже с волками смешались. Страшные звери! Людей абсолютно не боятся. Что им день, что ночь — все одно. Мы когда жили сами, до того как нас взяли бандиты, иной раз из дома выходить боялись. Некоторые из них, ну что твой теленок! Такая одна загрызть может не то что бабу, а и мужика здорового. Вы, я слышал, избавились от них?

— Да! Они нас почти не беспокоят.

— Здесь их полным-полно! Нас чего не стерегли? Попробуй уйти — и километра не пройдешь. Нас как сюда завезли, то их главный собрал всех на площади в селе и говорит: «Мы вас здесь насильно не держим. Кто хочет уйти — пожалуйста, скатертью дорога. Ну а если остаться желаете — то придется делать все, что прикажут!»

Петр Тихонович как-будто что-то вспомнил, вскочил:

— Я сейчас! — сказал он, направляясь к выходу. Вернулся он буквально через пять минут.

— Я вспомнил, что вы ничего не ели, — он положил на стол большой кусок окорока и буханку хлеба.

— А хлеб откуда? — удивленно спросил я Кандыбу.

— Была у нас небольшая пекарня. Да вот, сгорела...

— А вкусное мясо! — похвалил Алексей, — я уже года три не ел свинины.

— Мы тоже. Вы нас как, возьмете с собой?

— Решайте сами. Можете здесь остаться, можете вернуться по домам. Если не пойдете с нами, мы вам оставим достаточно оружия. Если с нами, то можно войти в нашу организацию, а не войдете — будете жить самостоятельно,

поблизости. Словом, вам самим решать!

— А вы как советуете?

— Еще раз повторяю — решайте сами!

— Вот ведь как, — Капдыба покачал головой, — мне уж говорили. И Виктор, и ваши ребята, да все как-то не верилось...

— Что? — не понял я.

— Да порядки ваши!

— Чем же они вам не нравятся?

— Да не в этом дело, нравятся или не нравятся. Нравятся! Непривычно только... Вроде бы каждый себе полный хозяин и в то же время, я вот посмотрел на ваших ребят, дисциплина, скажу, железная. Как это все получается? А наши-то?! Бабы особенно. Говорили: «Чего радуетесь? Тех вот побили, теперь эти вас заберут!» Не все, конечно, так думают, но есть такие.

— Так объясните им.

— Я вот что думаю. Будем мы вместе — никто нам тогда не страшен и эта самая «Армия Возрождения», о которой говорил Виктор. В случае чего — отобьемся. Так что единственный выход — идти нам с вами и жить вместе!

— Но это должны решать все вместе.

— Да это я понял сразу.

Он поднялся. Покосился на недопитую бутылку.

— Что, налить? — спросил Виктор.

— Нет, не надо! Не пил три года, лучше и не начинать теперь. Ну, я пойду, — он забросил на плечо автомат и вышел.

— Ты же говорил, что единственное наше спасение — это присоединение к нам людей, которых мы освободим от банды, а теперь... — Николай смотрел на меня с недоумением.

— Что теперь?

— Да вроде бы так как-то неохотно соглашаешься, чтобы они были с нами. Идите, мол, на все четыре стороны.

— Я так не говорил, во-первых. А во-вторых, пойми ты, наконец, что все должно быть строго добровольно, по осознанному желанию каждого. Только в этом случае человек становится надежным другом. Иначе, если малейшая степень принуждения, то... Сам понимаешь...

— Да все они уйдут с нами. В этом не может быть никакого сомнения, — сказал Алексей, — но теперь уйдут с полным сознанием того, что пошли добровольно, по собственному желанию и без всякого принуждения.

— А если нет? — не сдавался Николай.

— Нет так нет!

— Выходит, мы тут зря проливали кровь?

— Во-первых, мы своей крови не проливали! Во-вторых, ликвидировали банду, которая для нас представляла реальную опасность, а в-третьих, разве освобождение людей от рабства — это что, «зря»?

— Да я ничего! — смутился Коля.

Я посмотрел на часы. Было уже одиннадцать ночи.

— Давайте спать! Завтра день насыщенный. Надо выспаться.

Глава XXIII КОНТАКТ-II

Виктор провел меня на второй этаж и толкнул одну из дверей, выходящих в коридор.

— Не закрывайся на ночь, мало ли что может случиться!

Я зашел в комнату. Фонарь светил тускло. Уже начали садиться батареи, но все же его света было достаточно, чтобы рассмотреть помещение. Это была, очевидно, одна из «гаремных» комнат главаря банды. Кровати не было. Посреди комнаты находилось широкое возвышение, застланное коврами. На них уже были постелены чистые простыни и накинуто одеяло. На стенах, обтянутых материей, висели картины, изображающие сатиров, развлекающихся с нимфами на берегу водоема. Судя по письму, это были работы мастеров середины или конца XVIII века. В комнате не было никакой мебели.

Я разделся и с наслаждением вытянулся на свежих простынях. Усталость давала о себе знать и я заснул мгновенно.

И опять я шел по берегу пустынного моря. Он ждал меня на старом месте. Плавки у него, правда, были теперь другие. Синие с белым поясом, на котором поблескивал миниатюрный золо-тистый якорь.

Завидев меня, он приподнялся и приветливо помахал рукой. На этот раз он не принимал образ Бориса Ивановича и предстал предо мною в своем первоизданном величии.

— Привет!

— Привет! — ответил я. — Зачем я тебе снова понадобился?

Он поморщился как от зубной боли:

— А ты невежлив! Просто так. Разве ты не рад?

— Рад... Но что-то я не слышал, чтобы черт «просто так» беспокоил

человека.

— Фи! Как грубо! Черт! Почему надо обязательно говорить обидные прозвища!

— Прости, я не знал, что это обидно! Просто, у нас так принято тебя называть.

— Вы, люди, всегда были неблагодарны! У меня есть хорошее имя. Почему не быть вежливым в обращении?

— Как же лучше тебя звать?

— Люцифер! Это и красиво, и вежливо.

— Ты сказал «неблагодарные». За что ж тебя благодарить?

— Вот-вот! Вы, люди, молитесь своему папочке, который бросил вас на произвол судьбы и даже отказывается платить алименты. А того, кто вас вырастил и воспитал, признавать не хотите!

— Уж не ты ли?

— А что? Кто дал вам познание? Я! Кто наделил вас самым главным — желанием? Опять я! Чем вы бы были без этого? Выходит, вы всем обязаны мне. А что до происхождения, то не забывайте, что ваш прародитель — Каин, а Каин... — он замолк. — Впрочем, это не моя тайна! Я всегда был корректен с женщинами, как, полагается настоящему мужчине, и не... В общем, я не занимаюсь сплетнями! А ваш папаша? Что он для вас сделал? Выгнал из дома, не дав предварительно никакого образования. Мало того, он вас топил, как котят во Всемирном потопе. Я уж не говорю о чуме и египетской тьме! И за что вы его так любите, а меня, вашего истинного творца и воспитателя, презираете, называете обидным прозвищем?

— Все это чушь. Никто никого не создавал. Образовалась мембрана, клетка, возникла жизнь и так далее.

— Вот-вот! А кто создал мембрану? Я ее создал, а шеф все приписал себе. Разве у вас таких случаев не было, когда открытие делает аспирант, а все заслуги приписывает себе профессор? Сплошь и рядом!

— Что же ты от меня хочешь?

— Да ничего. Просто скучно! Хотелось поговорить с умным человеком. Раньше было легче. Вон сколько их, умников, было, а теперь? Раз-два и обчелся!

— Неужели столько погибло людей?

— А ты как думаешь? Мало того! Вы все еще продолжаете убивать друг друга. Ты знаешь, что сейчас в двести раз меньше людей на планете, чем их осталось после эпидемии. Тут, конечно, не последнюю роль сыграли псы, но и вы сами хорошо приложили к этому руку!

— На что ты намекаешь? На то что мы уничтожили бандитов? Разве мы

поступили несправедливо?

— Справедливо. Не спорю! Но знаешь, по этой справедливости надо было раньше уничтожить всех римлян, ассирийцев, греков, инков, ацтеков... Всех-всех! А если быть более точным, то следовало вас всех уничтожить еще тогда, когда вы ходили с каменными топорами.

— Так ты что, считаешь, что надо было оставить все как есть? Дать бандитам возможность дальше насиловать, убивать...

— Я ничего не считаю! Я просто говорю, что справедливо было бы вас всех уничтожить еще в каменном веке. Если, конечно, исходить из твоего представления о справедливости!

— Что же ты предлагаешь?

— Ничего, — он откровенно зевнул, — решай сам! Если ты тверд в своих убеждениях. Мне даже интересно, что у тебя получится!

— Разве я один такой?

— Вот ты уже спрашиваешь.

— Ладно. Считай, что я ни о чем не спрашивал. Он пожал плечами.

— Как хочешь. А знаешь, я немного вам завидую.

— Интересно?

— У вас есть желания.

— А у тебя их нет?

— Нет, почему же? Есть. Но, как бы тебе сказать? Когда они мгновенно осуществляются, то это становится неинтересно. Вот и с тобой мне интересно потому, что ты ничего не просишь. Другой бы на твоём месте попросил дворец и сорок прекрасных дев. Что еще просить у черта?

— Зачем? Дворца мне не надо, а дев у нас и так слишком много.

— Вот-вот! И что же вы собираетесь с ними делать?

Он расхохотался. От этого хохота вздыбились волны и зашаталась под ногами почва.

— Слишком? Ну нет! Это еще что. Будет еще больше! — он продолжал хохотать. — Ох, не могу! Ну как же вы до этого додумались? Мне, черту, такое в голову не пришло. Дьявольская штучка. Ха! Да, Дьявол по сравнению с вами — невинный младенец! Вы его обогнали, обошли на всех поворотах. Теперь наслаждайтесь. Берите себе жен — десять, сто, тысячу, сколько хотите! Брюнеток, блондинок, рыжих! Ха-ха-ха! Все равно останутся — еще!!!

— Так ты что? Выносишь нам приговор?

— Я? Уволь, приятель. Вы сами. Сами!

— Вот ты и проговорился. Заметь, я тебя не спрашивал. Мы не могли все решить, возник ли вирус спонтанно или его сделали в лаборатории. Выходит — в лаборатории.

— Тебе от этого легче? Но я тебе ничего не сказал, когда говорил — сами. Это еще ничего не значит. Разве вы не создали условия для мутирования микроорганизмов?

— Но этот вирус патогенен только для человека.

— Потому, что человек патогенен для природы. Тебя такой ответ устраивает? Вы что, думали, что природа — это только среда обитания? Какая самоуверенность! Что вы знаете? Улитка переползла с одного листа на другой и думает, что открыла новый континент.

— Так что, выходит, это все — природа?!

— А разве вы — не часть природы? Вот видишь. Логика ответа. Ни да, ни нет. Попробуй сам додумайся. Раз спрашивать не хочешь. Оставайся гордым. Смотри — восходит солнце.

Над морем появился огромный огненный шар. Он был больше, чем привычное дневное светило, но светил не желтым, а красным светом.

— Живи! Я посмотрю, выпутаетесь ли вы из того, что сами себе создали?

Он повернулся ко мне спиной и пошел по берегу. Солнце, если это было солнце, между тем росло в размерах и, казалось, приближалось. Глазам стало больно. Казалось, сейчас оно коснется воды, и море испарится. Не помня себя, я бросился бежать и проснулся. Мне в глаза бил свет. Это горела свеча.

Глава XXIV

«Я ПРОШУ ВАШЕЙ ЗАЩИТЫ»

— Не бойтесь, это я! — тихо произнес женский голос. Свеча поднялась выше и осветила фигуру, стоящую в двух шагах от возвышения, на котором я спал. Я включил фонарь. Лицо и фигура женщины показались мне знакомыми.

— Беата?! — удивился я.

— Да, это я! Я пришла просить вашей защиты, пан Владимир.

— Защиты? От кого? Ваши обидчики сидят сейчас под стражей. Вам нечего бояться!

— Я не о них!

— Вас обидел кто-то из наших?

— Можно я сяду?

— Вид у нее, действительно, был взволнованный. Она вся дрожала.

— Садитесь! Но извините, я останусь пока лежать. Я раздет.

Она опустилась на край возвышения.

— От кого же вы просите защиты?

— Это длинная история. Но прошу вас выслушать меня. У меня, то есть, у моего отца был сосед. Мой отец — фермер, — пояснила она. — Ферма соседа стояла километрах в двух от нас. Сын соседа учился со мною в одном классе. Я ненавидела его, как может ненавидеть мужчину женщина. Он внушал мне отвращение. Я не могла без омерзения смотреть на его короткопалые, покрытые густыми рыжими волосами руки, которыми он каждый раз, когда мы оказывались наедине, пытался обнять меня. Я пожаловалась отцу. Тот встретил Марка, так звали этого парня, и пригрозил пристрелить его, если тот не перестанет приставать ко мне.

Тут как раз началась эпидемия. Мы заперлись на своей ферме. Отец запретил всем нам — моей сестре, брату, матери и мне — покидать ее и встречаться с людьми. Он даже раз стрелял, когда кто-то пытался приблизиться к ферме. К счастью, она стояла вдали от поселений и у нас никто не заболел. Мы жили одни. Когда перестали работать радио и телевизор, мы подумали, что остались одни на целом свете. Раз ночью я услышала стук, а когда вскочила с кровати, увидела, что в окно лезет Марк, а сзади на лестнице стоит еще кто-то и смотрит на меня. Я закричала что было сил и бросила в окно керосиновую лампу. В доме проснулись. Отец выбежал на крыльцо и выстрелил по ним. Они скрылись.

А через месяц нагрянула банда. Отца, мать и брата убили, а меня с сестрой забрали с собой. Мне сказали, что я достанусь главарю банды. Этого главаря мы встретили в дороге, когда нас везли сюда. Как я жалела, что не родилась горбатой и уродливой, как те старухи, которые вчера избили меня плетью.

— Вас? За что?

— О! Не только меня, а всех вновь прибывших! Что-бы заставить девушек быть покорными! Остальное вы знаете. Я, к счастью, не досталась бандиту! Но среди пленных мужчин я узнала Марка. Он, правда, изменился и стал еще более уродливым. Керосиновая лампа тогда обожгла ему лицо. Сегодня он встретил меня в коридоре, схватил за руку и хотел увести с собой. Я вырвалась. Он погнался за мною. Моя комната находится здесь, недалеко от вашей. Я едва успела добежать и захлопнуть дверь. Он стал рвать дверь, но вдруг все затихло. Потом кто-то прошел по коридору. Я услышала голоса мужчин, которые, наверное, спугнули его. Мне стало страшно. Я открыла дверь и прислушалась. Все было тихо. Тогда я взяла свечу и вот я здесь. Я прошу вашей защиты!

— Успокойтесь! Завтра мы найдем этого Марка! Никто не посмеет вас обидеть. Отвернитесь, пожалуйста, я оденусь и провожу вас.

— Не надо! Позвольте, я останусь здесь! — умоляюще произнесла Беата. — Я еще не закончила.

— Пожалуйста, но позвольте мне одеться.

— То успеется! Скажите, — она встала и отошла на три шага, — я красивая?

— Конечно!

— Очень? — настаивала она.

— Очень!

Она удовлетворенно улыбнулась:

— Да, так мне говорили многие.

Она подошла и снова присела на край постели.

— Теперь скажите, могу ли я найти себе мужа?

— Без сомнения. Любой мужчина был бы счастлив иметь такую жену!

— Любой?

— Думаю, что — да.

— А то правда, что у вас женщины сами выбирают себе мужчину?

— Да, так сложились обстоятельства. Женщин намного больше, чем мужчин и, в общем... — я не знал, как мне закончить фразу.

— О! Я то добре знаю! Пан Виктор мне все рассказал. То не имеет значения. Я все понимаю. Я согласна! Женщина должна иметь мужчину-защитника!

— Вы его, несомненно, будете иметь! Вам надо только сделать выбор.

— Я сделала его еще днем!

— Вот как? — несколько разочарованно протянул я, — тогда вам надо было обратиться к избраннику за защитой!

— Я это уже сделала.

— И он что, отказал? Быть не может.

— Пока еще не отказал...

— До сих пор думает? Что за болван?

— То есть вы!

— Я?

— Так! Я прошу вашей защиты! Вы рыцарь и не можете отказать мне! Потом, вы говорили, что любой согласится быть моим мужем...

— Да! Но я уже женат...

— То не имеет значения.

— Послушай, милая моя девочка, если тебе необходима безопасность, то я ее гарантирую. Для этого не нужно жертвовать собой. Для этого необходимы чувства...

— Со стороны женщины они есть!

Она придвинулась ближе, наклонилась, наши губы встретились.

Руки мои невольно обняли ее...

— ...Я есть главный трофей победителя! Это как в сказке: приходит рыцарь, убивает Змея и освобождает прекрасную принцессу. Я — принцесса, ты — рыцарь!

— Послушай, Беата, — попытался я рассеять последнее сомнение, — может быть, все это из-за страха перед Марком?

— Если бы даже Марка не было, я все равно пришла бы к тебе.

— Мы только раз виделись.

— Тогда и решила, когда увидела! Потом мне многое рассказал Виктор и я призналась Ильге. Она мне сказала, чтобы я шла сейчас. Потом, когда ты вернешься домой, это будет поздно. Она мне сказала: «Застань его врасплох. Если он мужчина, то не устоит. А если не устоит, никогда не бросит». Она мувила правду?

— Правду. Выходит, здесь созрел целый заговор!

— Что остается женщинам, как не заговор? — она засмеялась, — теперь все: ты меня не бросишь!

— Ох, и хитрые же вы, женщины!

— Мы всегда были хитрые и остались такими же, как и вы тоже.

— Мы хитрые?

— Нет, я хотела сказать, что мужчины всегда добывали себе женщин силой, а женщины мужчин — хитростью. Ты добыл меня силой и я — твой трофей!

— Где это ты набралась такой мудрости?

— О, у мамы, конечно. Она говорила мне: «Беата, ты такая красавица, что должна выйти за короля!»

— Но я не король! Я такой же, как и все. Меня могут выбрать руководителем, а могут и прогнать!

— Ты король духа!

— Ты начинаешь льстить и говорить неправду. Сознайся, про Марка тоже выдумала.

— Нет. Я шла к тебе, а он меня караулил.

— Ко мне? Ты же говорила — к себе?!

— Я живу со всеми в другом крыле здания...

— Значит, ты солгала?!

— Женщина может лгать, но мужчина не смеет ее в этом уличать! Это не по-рыцарски!

— У тебя, действительно, манеры королевы!

— Я есть полька! — это было произнесено с непередаваемым гонором.

Ох, уж этот польский гонор! Он не похож на немецкий шовинизм или на русское чванство. В нем всегда звучит некая бесшабашная удаль, крайняя самонадеянность, не лишенная благородства, презрение к опасности — в общем, непередаваемый в словах конгломерат чувств, свойственный только этому красивому и храброму народу, обделенному, к сожалению, предусмотрительностью. И именно это отсутствие предусмотрительности, как правило, сводило на нет то, что добывали храбрость и незаурядный талант. Казалось, этот народ никогда не состарится и останется вечно юным, всегда будет совершать подвиги и ошибки, свойственные этому возрасту. А польские женщины? Они собрали в себе все пороки и достоинства своего пола. Ненасытные в любви и тщеславии, коварные настолько, что отцы-иезуиты выглядят перед ними неумелыми учениками, они, в то же время, не раз являли миру образцы верности, добродетели, красоты и благородства.

— Тогда придется сделать тебе королевский подарок, — сказал я, имея в виду одну вещь, найденную в сейфе предводителя банды.

— Ты уже сделал его! — она приблизила губы к моему уху, — ты подарил мне сына!

— Как ты это можешь знать?

— Я это знаю!

— В таком случае, ты, действительно, будешь королевой!

— Так! Я ей буду!

И я ей поверил.

Мы заснули на рассвете. Когда я проснулся, Беаты рядом не было. Я быстро оделся и вышел. Во дворе мне встретился Кандыба. Именно его я и хотел видеть.

— У вас должен быть некий Марк Валигура? — спросил я, пожимая ему руку.

— Не знаю.

— Он такой рыжий, со следами ожога на левой щеке.

— Есть такой! Что он сделал?

— Пока еще ничего, но может. Я прошу разыскать его и привести сюда.

— Будет сделано!

Я хотел его еще что-то спросить, но тут подошел Виктор.

— Не беспокойся! Беата с Ильгой, — сообщил он.

— Ты что, рассказывал ей мою биографию? — упрекнул я.

Виктор смутился:

— Я ничего... Это она... Усиленно расспрашивала... Вместе с Ильгой. Это все — Ильга!

— Это не по-рыцарски! — вспомнил я слова Беаты, — валить все на жену!

— Нет! Правда! Я только потом от Ильги узнал, что она пошла к тебе.

— И поэтому просил не закрывать дверь?

Виктор покраснел. Действительно, быть уличенным в сводничестве — позорно для мужчины.

— Знаешь, — собравшись с духом, произнес он, — я, конечно, виноват. Но втянула меня Ильга. Признаюсь, я так полюбил ее, что, честно говоря, готов исполнить любую ее просьбу.

— А!

— Ты не смейся! Я ее, действительно, безумно люблю!

— С чего ты взял, что я смеюсь? Я рад за тебя!

— Правда? — обрадовался Виктор.

— Конечно, чудак, — я дружески хлопнул его по спине, — значит, они подружились?

— Да! Еще тогда, когда сидели со мной в танке, вместе со связанным Можиевским. Они, знаешь, как сестры. И даже чем-то похожи.

— Разве только тем, что обе красавицы, а так... Ильга светловолосая, а Беата — темненькая. Кстати, ты мне напомнил. У Беаты здесь должна быть младшая сестра Гелена. Ее надо разыскать. Я как раз хотел сказать об этом Кандыбе, но ты перебил меня.

— Я найду его!

— Подожди! Что я тебе еще хотел сказать? То, что произошло сегодня ночью, накладывает на меня определенные обязанности.

— Естественно! На этом и строился расчет, — засмеялся Виктор.

— Спасибо!

— Ты недоволен?

— Не хочу кривить душой: доволен и еще как!

— Так в чем же дело?

— Я не знаю, как на это посмотрят у меня дома. Вернее, хорошо знаю!

— Бог мой! Это стало настолько привычным, что уже не вызывает удивления. Скорее, напротив.

— Да, но я сам еще не совсем привык.

— К этому нетрудно привыкнуть. К чему-чему...

— Погоди веселиться...

— А почему нет? Знаешь, кого ты сейчас напоминаешь? Есть такая сказка про кота, который страшно любил рыбу, но уверял всех, что терпеть ее не может! Чего ты боишься? Скандала? Перетерпишь!

Виктор был прав в том, что я панически боялся скандалов. Особенно, если их устраивают женщины. Кажется, что я легче перенес бы самую страшную зубную боль, нежели крики, слезы и ругань. Если говорить откровенно, то я отчаянно трусил!

— Ну хорошо! — сжалился наконец Виктор, — давай сделаем так: месяц-другой Беата поживет вместе с Ильгой, пока все не утрясется.

— А как она сама?

— Предоставим все это Ильге. Она заварила кашу, пусть теперь и расхлебывает.

Нас прервал Кандыба. Мне показалось, что он чем-то смущен.

— Сегодня на рассвете Валигура ускакал на коне неизвестно куда, — сообщил он.

— Он был вооружен?

— Как все! — пожал плечами Кандыба, — что он натворил?

— Да так, ничего, — пробормотал я, не желая посвящать его в свои интимные дела, — во всяком случае, если вдруг объявится, то задержите его и разоружите. Разузнайте, с кем он дружил.

Глава XXV

СУДИТЕ ИХ САМИ...

— Нет! Ни я, и никто из наших в суде участвовать не будем. Это ваше дело! Судите и, как вы решите, так и поступайте.

Я поднялся, давая понять, что разговор закончен.

— И вы утвердите любой наш приговор? — с сомнением переспросил Кандыба.

— В этом нет необходимости. Во-первых, преступления были совершены по отношению к вам и вам надлежит судить преступников. Во-вторых, вы еще не входите в нашу общину и, следовательно, не нуждаетесь ни в каком одобрении вашего решения.

— Но мы решили присоединиться к вам!

— Этого недостаточно. Теперь вас должно принять собрание общины.

— Ну, это формальность.

— Не формальность, дорогой мой, а принцип. А если принцип сводится к формальности, то тогда со временем он исчезает.

Кандыба усмехнулся:

— Трудновато с привычками.

— Ничего, привыкнете.

— Ладно, я пошел.

— Это все продолжение нашего спора на поляне? — спросил Виктор.

— А ты что, после всего, что видел, продолжаешь еще со мной спорить?

— Не то чтобы спорить... Есть сомнение: удастся ли все это осуществить? Ты же видишь, с чем мы сталкиваемся. Сколько раз пытались переделать человека, переделать его биологическую природу, его страсти, его желания. И что вышло?

— Ты меня не понимаешь! Я не собираюсь переделывать человеческую природу, страсти и желания! Это никогда никому не удастся. Да и не нужно. Просто надо выделить главное в человеке и это главное по мере сил развивать.

— И ты знаешь это — главное?

— Знаю!

— Интересно? — он не скрывал иронии.

— Чувство собственного достоинства. С этого надо начинать. Воспитать его у человека, сделать главной духовной ценностью. Унижение убивает гражданственность, порождает апатию и безразличие...

— Можиевский это прекрасно понимал.

— То есть?

— Я имею в виду его «бабушек». Они предварительно секли захваченных девушек. Постой, постой! Мне сейчас пришла аналогия. Может быть она тебе покажется нелепой. Ведь чем занимались наши бюрократы в семидесятых и в начале восьмидесятых годов? Они, образно выражаясь, «секли», то есть подвергали унижению своими запретами и различного рода инструкциями чуть ли не всю мыслящую часть населения. Это та же экзекуция, унижающая достоинство человека и порождающая апатию!

— Аналогия абсолютно верная. Если помнишь, нашу биологию высекли, как публичную девку, в тридцатых и сороковых годах, после чего она, действительно, стала публичной девкой!

— Начали не с биологии, а с литературы, искусства...

— Вот! Видишь, у насилия очень ограниченная, примитивная, но действенная методика. Перво-наперво — подавить у человека чувство собственного достоинства. Происходит своего рода селекция. Тех же, которые

не поддаются и становятся врагами, уничтожают физически. Остальных превращают в рабов. Понял?

— И в этой простоте — действительность!

— Ты в этом имел возможность убедиться. Вспомни, как вела себя Ильга и какие слова она тебе говорила.

— Не напоминай мне об этом! — он встал и заходил по комнате, — как вспомню ее — покорную, беспомощную... Ее слова «...ты не отдашь меня всем?..», хочется выть от бешенства.

— Вот что бывает, когда переходишь от абстрактной теории к конкретным обстоятельствам...

— Я думал, что ты простил меня...

— Причем здесь я? Ты разберись с собой...

— Мне простить себя трудно. Наверное, это до конца жизни будет преследовать меня. Я видел своими глазами, к чему такая теория может привести!

— Тем не менее она реальна! Даже, пожалуй, реальнее, чем наши планы...

— И это говоришь ты?!

— Знаешь, если я ненавижу ее, это не значит, что я не учитываю ее реальной силы. Дело в том, что мы идем против, если не исторической необходимости, вызванной неизбежной деградацией производства, то против проторенного пути развития. Хотим избежать этих этапов. Надеюсь, что это нам удастся. Но только надеюсь, а не уверен.

— Не уверен, но все-таки взялся?

— Взялся и буду действовать так, пока есть силы.

— Однако, ты кое в чем противоречишь сам себе.

— В чем же? — спросил я, набивая трубку.

— Во-первых, ты унизил меня тем, что напомнил о моем падении, ударил по больному месту.

— Если бы я не считал тебя своим другом, я бы, конечно, воздержался в данной ситуации напоминать тебе.

— А другу, значит, можно? Хотя, спасибо! Ты меня впервые после всего происшедшего назвал другом.

— Другу можно, если друг понимает! Потом, я очень ценю твою способность к нестандартному мышлению. Такие удары по больному месту стимулируют мысль. Я надеюсь, что ты сможешь много чего подсказать нам!

— Ну, после такого объяснения у меня нет никаких претензий, — он широко улыбнулся и я впервые увидел в его глазах блеск, знакомый мне раньше, когда наши споры затягивались далеко за полночь.

— Какие же еще противоречия? — я взглянул на часы.

— Ты спешишь. Может, в другой раз?

— Можно и в другой раз. Тем более, что нас ждут дела, — я направился к двери.

На выходе столкнулся с Алексеем. Он ворвался красный от возбуждения.

— Ты должен немедленно вмешаться! — потребовал он.

— Что случилось?

— Это зверство! Я отказываюсь понимать!

— Сядь и объясни толком.

— Некогда! Идем скорее!

— Я никуда не пойду, пока ты не скажешь, что случилось, — сказал я, усаживаясь в кресло.

— Сейчас только закончился суд и их повели на казнь!

— Кого, их? Бандитов?

— Да! Главаря и старух.

— Ну и что?

— Ты знаешь, к чему они их приговорили?

— Это их дело.

— Нет! Ты послушай. Их сейчас повели на какую то баскетбольную площадку, где осужденных растерзают собаки. И знаешь, как это называется? Представление!

Мы с Виктором переглянулись. Для меня сообщение Алексея не было неожиданным. Я уже догадывался о том, что именно такую казнь изберут для Можиевского и его «горилл».

— Сядь и успокойся, Алексей! У них есть достаточно оснований.

— Какие могут быть основания? Я понимаю — расстрелять, повесить, наконец... Но — так?!

— Месяц назад на этой площадке была растерзана девушка только за то, что оказала сопротивление насильнику, — тихо проговорил Виктор. — А вчера, если бы мы вовремя не подоспели, была бы еще одна такая жертва.

Алексей, пораженный, глядел по очереди на меня и на Виктора, как бы спрашивая, говорим ли мы серьезно или шутим. Наконец, сообразив, что такие шутки не к месту, все-таки попытался возразить:

— Но мы тем самым приравниваем себя к бандитам.

— Ничуть. Никто из наших не участвовал в суде и, надеюсь, никто не пойдет смотреть на казнь!

— Женщины все пошли!

— Это их право. Ты должен их понять. Потом, они еще не члены нашей общины и мы не можем нести ответственность за их действия.

— Ты прячешься за «параграф»!

— Да, прячусь. Тем более, что это иногда удобно. Ты мне лучше скажи, скот отправили? Это сейчас меня больше интересует.

— М-да...

— Нам нельзя быть слабонервными, Алеша. Ситуация не позволяет. Ты мне не ответил: отправили или нет?

— Отправили часа два назад. Сразу, как только решили переселяться.

— Охрана?

— Пятьдесят конных автоматчиков. Думаю, достаточно! — Алексей уже окончательно пришел в себя.

Я задал ему еще несколько вопросов, связанных с переселением людей и перевозкой имущества, как вдруг раздалась автоматные очереди. Мы с Виктором вскочили, но Алексей сделал успокаивающий жест.

— Это там, — сказал он, — все кончено.

Переселение шло полным ходом. Я мог ехать, но решил задержаться на пару дней, хотя, откровенно говоря, в этом не было особой нужды. Просто я хотел побыть еще с Беатой. Там, дома, я не смогу с ней часто видеться.

В кладовых и погребях усадьбы хранилось много копченых окороков, колбас домашнего изготовления, соленое свиное сало. Изголодавшиеся по мясу ребята ели его с жадностью. Это вполне естественно. Большинству из них было по шестнадцать-восемнадцать лет, возраст, когда организм растет и требует мяса. Они ели, отдыхали от еды и снова принимались за нее. На лицах расплзались блаженные улыбки, а глаза светились довольным сытым блеском. Скоро и мы сможем делать такие заготовки. Я также рассчитывал, что со временем немного мяса будет доставлять охота. Ежегодно мы расчищали от собак все большее и большее пространство. В лесах теперь плодилась дичь. На месте мелиорационных каналов появились болота. Они уже кишели утками. Освобожденная от хозяйственной деятельности человека природа начинала восстанавливать свои силы. Сначала воспрянул растительный мир. Придет время и очередь дойдет до животного. Поля поросли многолетними травами. В лесах появилось множество родников, сбегających тонкими ручейками между корнями деревьев к озерцам и болотам. Сможет ли только человек подняться из той пропасти, куда его бросило собственное безумие? А если поднимется, то учтет ли он горький опыт погибшей цивилизации или начнет повторять те же ошибки?

— Грузовики придут только к вечеру! — сообщил мне Алексей, — они немного задержались. Просят не ругать, ребята сильно измучились за эти дни и

встали поздно.

— Ничего, теперь полегче, нас стало больше. Скоро снова возьмемся за учебу.

— Мне тоже станет легче. Здесь оказалось много бывших механизаторов, да и, вообще, людей, которые могут быть с металлом «на ты»!

— Надо переписать их по профессиям. И вот еще что! Там, в Грибовичах, есть здание школы. Оно немного подпорчено, но можно восстановить. Я заметил, здесь много детей. Надо хотя бы к концу ноября начать с ними занятия в школе.

— Начнем, если никто не помешает.

— Не думаю, чтобы «Армия Возрождения» начала против нас действия в этом году. Того и гляди, пойдут дожди, дороги станут непроходимыми. Скорее всего — в конце лета следующего года они проявят себя. Подождут, пока мы соберем урожай. Но, к тому времени мы будем готовы их встретить. Кстати, есть ли вести от наших «десантников»?

— Пока нет.

— Надеюсь, ничего серьезного.

Алексей внезапно рассмеялся.

— Ты что?

— Как тебе пришло в голову послать Виктора на танке?

— Я искал нестандартное решение. Виктор должен был убедить бандитов в необходимости иметь тяжелое вооружение и начать добросовестно учить их с ним обращаться. Это рассеяло всякие подозрения. Он должен был оказаться им крайне полезным человеком. Сначала я хотел дать ему вертолет, но потом решил, что танк более внушительен.

— Как ты думаешь, сколько таких банд есть еще?

— Наверное, много! Это самый примитивный способ организации. Видишь ли, такие банды со временем превратились бы в племена и даже в подобие государств. Так оно, наверное, и будет. В биологическом отношении они для человечества играют положительную роль, так как объединяют мелкие изоляты в более крупные. Тем самым снижается вероятность генетической катастрофы. Их отрицательная роль заключается в том, что такие объединения не могут сохранить научно-техническую информацию и культурные ценности предшествующей цивилизации. Я уже не говорю о насилии, господствующем в их организации.

— Ты сейчас говоришь о них совершенно без ненависти!

— Причем тут ненависть! Я ненавижу насильников и бандитов. Но нельзя не отдавать дань объективности. Банда — это тоже организация. Если хочешь знать, то дружины Ромула или Рюрика были теми же бандами, с теми же

нравами и с той же социальной организацией, что и банда Можиевского. Проходит время, методы забываются, но помнится результат и бывшие бандиты становятся историческими героями. Со временем банда приобретает респектабельный вид, потомки бандитов становятся сенаторами, князьями, герцогами, создается аристократия, классы, государство. Это проторенный путь. Банды начинают воевать друг с другом. Об этих войнах пишут исторические исследования, слагают поэмы. Потом все это изучается в школах.

Ради чего велись эти войны? Ради захвата рабов. Потом, когда место явного раба заменил наемный раб, войны велись ради денег для покупки наемного раба. У нас всю нашу историю сохранялось рабство, пусть замаскированное, но все-таки рабство. Главным рабовладельцем выступало государство. Оно присвоило себе все бывшие права рабовладельцев и, главное — право распоряжаться жизнью раба-гражданина. Посылать его на войну, заточать в тюрьму и т. д. Ну и, само-собой разумеющееся, право присвоения себе труда раба. Таким образом, основой нашей цивилизации послужили бандитские шайки Ромула и Хлодвига, Рюрика и Темучина. Суть одна и та же. От обычных уголовников они отличались лишь своими масштабами.

— Но они со временем трансформируются в правовые государства!

— Одни больше, другие меньше. Но основа остается — завоеванное право государства, как преемника банды, для осуществления насилия над населением. Это насилие теперь носит название управления. Более респектабельно, но суть прежняя.

— Но ведь управление является непременным условием любой организации.

— Самоуправление! Не управление, а самоуправление! И между прочим, этот путь, путь самоуправления был заложен с самого начала, в виде народных собраний, но потом, естественно, заменен на управление.

— Почему «естественно»?

— Ни один народ не может сохранить свою свободу, если будет угнетать другие. При низкой производительности труда и рабстве самоуправление неизбежно заканчивается захватом власти бандой и установлением диктатуры. Между демократией и диктатурой всю историю человечества происходит борьба. Но иногда силы демократического движения использует очередная банда для захвата власти. Что практически у нас и случилось. Во многих странах СНГ перед эпидемией. И история не послужила уроком. Помнишь, ведь Юлий Цезарь был сторонником Гая Мария и стоял во главе демократической партии. Гитлер тоже называл себя социалистом, национальным социалистом, и стоял во главе партии, которая носила название рабочей партии: национал-социалистическая рабочая партия. Лисистрат тоже родился в одежде демократа. Его дружина, вооруженная дубинами, чем-то напоминала штурмовиков Гитлера. Таких примеров в истории слишком много. Таким образом, замена самоуправления на управление всегда осуществляется

при помощи вооруженной банды, а какое название она носит — не столь уж важно! Из уважения к предкам мы вежливо называем эти банды дружинами. В общем, как я говорил, это проторенный путь развития цивилизации, основанной на насилии.

Внезапно нашу беседу прервал дикий вопль.

— Что это такое?

Алексей вздрогнул и хрипло произнес:

— Это вопят несостоявшиеся предки сенаторов и князей. Их тут неподалеку прибили к забору.

Я заметил идущего по двору Кандыбу и подозвал его:

— Сколько они уже висят?

— Да часа два!

— Вы удовлетворены?

— Вполне!

— Тогда кончайте! Пошлите кого-нибудь прикончить. Так на чем мы остановились? Ах, да! Я говорил, что это проторенный путь. Так вот, после такой катастрофы неизбежна глубочайшая дезорганизация общества и бандитские шайки являются отражением процесса начала восстановления организации. Наша же задача состоит в том, чтобы не опускаться до истоков организации, а идти от достигнутого, хотя бы в социально-демократическом отношении. Если нас будет много, то мы сможем победить в этом соревновании. Поэтому в будущем мы будем выявлять такие шайки, освобождать рабов и уничтожать хозяев. Иначе мы потерпим неудачу.

— Итак, террор против террора.

— А разве это не оказалось эффективным в отношении собак? Когда мы перешли от защиты к нападению.

— Но это не собаки!

— Но и не люди! Я не считаю людьми тех, кто пользуется такими методами, как наш знакомый Можиевский. Пойми, Алексей, мира с насильниками не может быть. Если ты видишь насилие и не препятствуешь ему, ты сам становишься его участником. Поэтому террор против террора должен быть еще более беспощадным.

— Как это «еще более»?

— Мы преследуем разные цели. Если террор бандитов преследует цель запугать население и тем самым подчинить его, то наш террор преследует одну-единственную цель — физическое уничтожение банд.

— И ты не испытываешь ни малейшего сострадания?

— Не больше, чем сострадание к вирусу при введении пенициллина

больному.

Наш разговор прервала длинная автоматная очередь. Алексей снова вздрогнул.

— А тебе не кажется, что сейчас мы уничтожили людей, которые, если твоя теория верна, могли быть полезными для общества. Именно они способны, пусть жестоким способом, не спорю, но повести за собой человеческое стадо из пропасти дезорганизации.

— Вот-вот! Стадо! Но сначала они должны будут сделать из людей стадо. А я как раз этому хочу помешать. Пусть люди останутся людьми. Тогда им не нужны будут такие пастыри. Пусть будущая цивилизация будет состоять из гордых, независимых и неуниженных людей.

Глава XXVI ГДЕ ТВОЯ ПАНИ?

Осень в этом году выдалась теплая и длинная. Мы успели отремонтировать дома и расселить людей. Теперь Грибовичи превратились в настоящее село. Открылась школа.

В Совете было семь Трибунов. Трое новых — от переселенцев из усадьбы. Туда же ввели и Кандыбу. Мужик он был умный, прямой и держался с достоинством. Зима началась в конце декабря снежными вьюгами. Снега выпало сразу сантиметров двадцать. Беата прожила вместе с Ильгой и Виктором у пасечника недолго. Все вскоре стало известно. Да и не могло быть иначе. Когда вокруг столько женщин, невозможно сохранить тайну. После устроенного дома скандала, я каждый вечер, покончив дела, садился на своего гнедого жеребца и отправлялся ночевать на пасеку. Виктор с Ильгой представляли собой прекрасную пару и, по-видимому, сильно любили друг друга. О Марийке и дочке Виктор никогда не вспоминал. Я как-то спросил его, но он промолчал.

Такие вечера проходили в беседах и спорах. Спорили, собственно, мы с Виктором. Ильга и Беата слушали молча. Беата уже довольно сносно говорила по-русски, лишь иногда, при волнении, вставляла в речь польские слова. Внешне они сильно отличались: Ильга — светловолосая, с зелеными глазами, с фигурой, в которой девичья хрупкость обещала вскоре смениться дородностью зрелой женщины, Беата — тонкая станом, с темно-голубыми, почти синими глазами, оттененными длинными ресницами, такими же черными, как и ее спадающие густыми волнами волосы. Но это различие, когда они были рядом, чудесно гармонировало, дополняя друг друга, составляя удивительную целостность какой-то высшей красоты и изящества, не оставляя места для обычной в этих случаях зависти. Напротив, в их отношениях чувствовалось взаимное восхищение.

За окном выла вьюга. Тускло светила свеча на столе, потрескивали дрова в печи. Было тепло и уютно. Пасечник Афанасий ложился рано. Сестра Беаты в это время тоже спала.

С каждым таким вечером и следующей за ним ночью я все больше и больше привязывался к этой тонкой, черноволосой полячке. Это была натура страстная и требовательная, неистощимая в своих желаниях и фантазиях. Это увлекало и засасывало. Мы жили с ней в маленькой комнатке наверху, куда почти не доходило тепло жарко натопленной печи на кухне, где мы ужинали и проводили вечера. По утрам в нашей комнатке окошко покрывалось изнутри слоем льда. Но нам не было холодно.

— Ты каждый раз ведешь себя так, будто это последняя наша ночь, — как-то сказал я ей.

— Может и так.

— Почему?

— Катерина очень красивая!

Что я мог ей ответить? Сказать, что меня не тянет в семью — значило бы солгать. Беата своим женским чутьем это понимала. Сколько раз я ловил на себе ее тревожный взгляд.

Как-то вечером Виктор затронул эту тему:

— Помнишь, в усадьбе мы говорили о человеческом достоинстве? Ты еще сказал, что воспитание его — главное условие будущего?

— Помню! Ты мне тогда возразил, что есть два противоречия. Первое мы выяснили, а какое второе?

— Второе? Гмм... Вот ты мне скажи, может ли... — он замолчал.

— Ну говори же!

— Я к чему... — он видимо не мог сформулировать свой вопрос... — словом так, как может быть развито человеческое достоинство вообще, я имею в виду, всего народа, населения, если ущемлено достоинство большей половины человечества.

— Ты имеешь в виду женщин? — понял я его.

— Да, именно! О каком достоинстве женщины можно говорить, если она вынуждена делить мужчину с одной, с двумя, а то и большим числом соперниц?

— Согласен. Но что ты предлагаешь?

Виктор развел руками:

— В этом и беда. Мы понимаем неестественность положения, но ничего сделать не можем. А дальше, наверное, будет еще хуже. Ведь пока рождаются только девочки!

— Я не к тому. Я хочу тебя спросить, если в основу демократии ты ставишь достоинство каждого человека, то возможно ли при такой ситуации построение демократии? Если нет, то все наши потуги в этом отношении напрасны!

— Нет, не напрасны, — вмешалась в разговор Беата, — Владимир имеет в виду, в первую очередь, гражданское достоинство человека. Не так ли?

— Но оно неотделимо... — попытался возразить Виктор.

— Я не окончила. Негжечне, пан Виктор, тщеба даць даме выповедзецьсе до коньца.

— Простите!

— Кобита (женщина — польск.) в вашем сполеченьстве не йест невольница. Она йест владчина свего циала и души! Она може одейсьць и никто йей не затшима! Так?

— Так!

— То трохы компенсуе!

Беата, когда волновалась переставала говорить по-русски или же пересыпала речь польскими словами.

— Дайте мне сказать, — тихо подала голос Ильга, — представьте себе, что наступил голод. Если каждый поделится куском хлеба со своим ближним, разве от этого пострадает демократия?

— Вот как? Ты уже сравниваешь мужчин с куском хлеба.

— Это так, образно.

— А ты поделишься?

— Я? Не знаю. Но, наверное, да.

— Думаю, что тебе не придется делиться ни с кем, — нежно глядя на нее сказал Виктор.

— Кто знает? Разве мы знаем, что будет с нами через год, через месяц и даже через день? Разве я могла мечтать три месяца назад, когда сидела со своими двумя подругами по несчастью в запертой комнате, избитая, униженная, вся дрожащая от страха и отвращения и, в то же время, покорная до омерзения, что вот так буду сидеть вечером со своим мужем за столом и слушать завывание вьюги за окном.

— Не вспоминай об этом!

— Это не забудется никогда... Не правда ли, Беата?

— Так. Николы.

Виктор подошел к жене и нежно обнял ее за плечи:

— Ты только не волнуйся. Тебе это вредно!

Ильга была на третьем месяце беременности и Виктор не отходил от нее,

предупреждая любые ее желания. Недели две назад ей внезапно захотелось клюквы. Виктор ничего не сказал, но на следующий день задолго до рассвета ушел на лыжах. После пяти часов хождения по лесу нашел болото и собрал полную корзинку мороженой ягоды.

Жизнь полна неожиданных противоречий. Вот и Виктор — блестящий адвокат, главарь банды, бесстрашный, искусный разведчик, любящий, нежный муж — и все это в одном человеке. Человек сложен и неповторим. Легче предсказать поступки целого общества, страны, чем одного-единственного человека.

За окном раздалось ржание лошадей и скрип полозьев. Я накинул полушубок и вышел. У крыльца стояли сани, с которых только что соскочил Паскевич. В санях, прижавшись друг к другу, сидели Катюша и Евгения.

— Принимай гостей! — потребовал Фантомас. Тем временем женщины вышли из саней и подошли ко мне.

— Ну, здравствуй! — сказала Катя, подставляя щеку для поцелуя.

Ее примеру последовала Евгения.

— Где твоя пани? — с едва заметной иронией спросила Катя.

Я хотел проводить их в дом, но меня схватил за руку Паскевич:

— Пусть сами разбираются, — шепнул он. На нем был долгополый тулуп, перевязанный красным кушаком, в руках кнут, а на голове пушистая пыжиковая шапка. Ни дать, ни взять — удалой ямщик. Таких пыжиковых шапок мы обнаружили на товарной станции целый контейнер. Но, когда я спохватился зимой и хотел взять себе такую, их уже не оказалось. Все щеголяли в пыжиках, только мы с покойным Борисом Ивановичем ходили в овчинных. Он тоже опоздал!

Сашка, притопывая валенками, ходил вокруг саней и поправлял выбившееся из-под ковра сено. Он молчал. Молчал и я. Стало холодно. Я хотел идти в дом, но Сашка дернул за рукав:

— Не рыпайся!

В доме было тихо. Не было ни криков, ни ругани, по-видимому, все шло в рамках приличия. Прошло еще полчаса. Наконец, дверь раскрылась и на пороге появилась Евгения, а за нею Катя, которая вела под руку Беату. Поначалу я ее не узнал. Этой зимой она ходила в овчинной дубленке и валенках. Теперь на ней была круглая соболевая шапочка с белым пером цапли и такая же шубка. На ногах — сапожки на высоком каблуке. Я вспомнил, что этот княжеский наряд был обнаружен на личном складе Можиевского и тогда я подарил его Беате. Она его берегла, как выяснилось, для торжественного случая. Теперь он представился.

Как мало все-таки я знаю женщин! Беата, оказывается, не сомневалась, что все этим кончится. На сидениях в санях мне уже не было места. Я хотел было

идти седлать коня, но Катя, со смехом схватила меня за воротник и свалила себе под ноги на дно саней.

— Эгей! Залетные! — крикнул Паскевич, щелкая кнутом.

Кони рванули и сани понеслись. Я лежал на дне саней, а эти «бестии», усевшись поудобнее, поставили на меня ноги и так ехали до самого дома.

— Как ты управляешься со своим «курятником»? — спросил я Паскевича дня через два

— Очень просто. Я их оставляю одних и говорю: «Решайте сами. Не нравлюсь — могу уйти. Но, чтобы ругани дома не было слышно. У меня работа нервная, ответственная и дома я должен отдыхать».

Дорогой ты мой Паскевич, если бы золото имело сейчас какую-то цену, то за каждое твое слово можно было бы отвалить целую кучу. Я последовал твоему примеру и с тех пор жил счастливо.

Летом Беата родила мне сына! Это событие взбудоражило всю нашу общину. Появилась надежда. Увы, Беата была, по-видимому, единственной женщиной, которая избежала иммунизации. Причиной этому явилась оторванность фермы ее отца от остального жилья и меры, которые он принял. Может быть, когда подрастет ее сестра, то у нее тоже родится мальчик. Девочке исполнилось летом двенадцать лет, но уже шли пересуды о том, кто будет будущим мужем этой Андрогении, как ее стали называть, т. е. родящей мужчину.

Сыну моему вся община целый месяц придумывала имя, пока не выяснилось, что Беата назвала его Адамом. Адам — значит мужчина. Постепенно польский Адам превратился в русского Андрея. Стоит ли говорить, что его берегли и лелеяли, но мальчик, несмотря на эти заботы, рос крепким и здоровым.

Глава XXVII

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Незаметно пришла весна. Третья весна после катастрофы. В этом году она удалась ранняя и бурная. В апреле мы закончили все полевые работы. Техника, благодаря заботам Алексея и его слесарно-ремонтной бригады, еще не вышла из строя и, наверное, при бережном к ней отношении, послужит нам еще лет пять-шесть.

Собаки почти исчезли из ближайших окрестностей и стада наши паслись без помех. И, хотя у нас уже насчитывалось свыше полутора тысяч человек (из них, к сожалению, только 315 взрослых мужчин), мы уже могли позволить себе заготавливать мясо, если не вдоволь, то, во всяком случае, столько, что его

дефицит в питании не ощущался.

По утрам до нас доносился трубный зов самцов-олений, на полянах паслись могучие зубры, их с каждым годом становится больше. Расплодились лоси, озеро облюбовали утиные стаи. Птиц вообще стало больше. И что особенно радовало, появились ласточки, которые перед катастрофой совсем было исчезли. Их гнезда теперь встречались повсюду, в том числе, под крышами наших домов. Природа постепенно восстанавливала свои силы. Озеро кишело рыбой. Наши рыбаки почти каждый день доставляли на кухню сотни килограммов лещей, угрей и линея. Осенью женщины запасли много грибов. Их сушили, солили. К сожалению, мы не смогли мариновать их на зиму, так как не было ни уксуса, ни сахара, ни специй. Зато засолили десять бочек. На засолку пошли, в основном, зеленушки. Этот гриб высыпает на Волыни в октябре в изобилии. Женщины брали подводы, уходили на целый день в лес и возвращались только к вечеру.

Весной в меня два раза стреляли. Именно в меня, так как больше никто не подвергался нападению. Первый раз все обошлось благополучно. Второй раз подо мною убили коня. После этого случая бойцы два дня прочесывали ближайшие леса, но не обнаружили никаких следов. Я подозревал Марка. По-видимому, он прятался где-то поблизости. Во всяком случае, Беата, когда до нее дошли известия о случившемся, уверяла, что это именно он. Меня перестали с тех пор отпускать одного в верховые поездки. Однако подобных покушений больше не было. Либо он затаился и ждет встречи наедине, либо, убедившись в тщетности своих намерений, покинул наши края.

«Десантники», засланные нами в стан «Армии Возрождения», делали свое дело. В конце марта к нам стали прибывать дезертиры. К началу мая их было уже тридцать человек. Они быстро осваивались в условиях нашей жизни, женились, обзаводились хозяйством. Это были полезные люди и в том смысле, что умели обращаться с оружием. Многие хорошо разбирались в технике.

Кроме дезертиров к нам стали прибывать беженцы из «крепостных хозяйств», которые армия оставляла на месте, облагая налогом. Двум таким хозяйствам мы помогли эвакуировать скот и имущество. Всего за весну к нам переселилось сто двадцать таких беженцев, 38 мужчин и 82 женщины, не считая детей. Основной вопрос, который интересовал переселенцев, — размер натурального налога. Им отвечали, что налог у нас вообще пока не взимается. Нам не верили, пожимали плечами и спрашивали снова. В конце концов, по этому поводу состоялось общее собрание, которое решило, что с частных хозяйств первые три года налог не взимать, а затем ограничить десятью процентами от урожая и животноводства. Наряду с общинным хозяйством у нас стал развиваться и частный сектор — в основном это были новоприбывшие беженцы. Иногда они объединялись для совместной пахоты или уборки. Мы в эти дела не вмешивались. Единственное, что мы неукоснительно требовали — непрямого участия всего взрослого мужского населения в учебных занятиях по боевой подготовке. Эти занятия проходили под руководством бывших

дезертиров, среди которых оказалось два офицера.

Мы прекрасно понимали то, что по числу бойцов и вооружению мы почти сравнялись с предполагаемым противником, но продолжаем уступать ему в искусстве ведения боя и владения оружием. И, хотя до некоторой степени мы могли теперь говорить с противником на равных, мне мучительно хотелось избежать столкновения или хотя бы оттянуть его. Время работало на нас. Из-за дезертирства, которое начинало принимать массовый характер, силы «Армии Возрождения» таяли, а наши — возрастали.

В конце мая к нам переехало сразу тридцать человек во главе с двумя офицерами. Они прибыли на пяти грузовиках с оружием, воспользовавшись тем, что командование послало их в очередную экспедицию. Командовал ими майор лет тридцати семи. Вместе с ними прибыли и семьи офицеров.

У меня с ними произошел долгий разговор. Я не буду сообщать его подробности, скажу только то, что меня заинтересовало и встревожило.

Дело в том, что экспедиция носила теперь несколько иной характер, чем раньше. Если обычно они проводились осенью для сбора налога, то теперь их послали для мобилизации мужского населения в возрасте до 55 лет. Следовательно, наш противник встал на путь тотальной мобилизации, а, значит, готовит против нас акцию.

— Кроме тех шести хозяйств, куда вас направили, вы знаете еще другие? — спросил я майора.

— Знаю. Я собирал там налоги.

— Это большие хозяйства?

— Одно. В нем около 60 человек. В остальных — поменьше: от трех до пятнадцати жителей.

— Вы сможете их объехать и объяснить ситуацию? С вами могут отправиться несколько наших девушек, которым скорее поверят.

— Сомневаюсь. Слишком свежи у них в памяти воспоминания о наших прошлогодних поборах.

— Тогда вот что сделаем: вы повезете им оружие. Да-да... Выслушайте меня до конца. Если вы им дадите оружие, то тем самым завоеуете доверие. Естественно, всех вы не сможете взять на машины, но это и не нужно. В тех хозяйствах, где есть лошади, люди сами смогут добраться к нам. Вы им укажите маршрут, а на полпути их встретят наши.

Майор задумался.

— Пожалуй, вы правы. Лишь бы, получив оружие, они не перестреляли моих солдат.

— На тот случай, если транспорта не хватит, мы вам дадим десяток ЗИЛов.

— Тогда я буду действовать так: сразу же буду отправлять людей, а

оставшимися машинами двигаться дальше.

— В добрый путь!

Майор блестяще справился со своей задачей. Вскоре стали прибывать машины и подводы с беженцами. Большинство из них мы поселили в селе, на берегу озера.

По-видимому, эта акция не осталась незамеченной. Противник, видимо, понял, где находят убежище беглецы, его солдаты и офицеры. Мы вовремя отозвали своих «десантников». Задержись они подольше, их бы несомненно раскрыли. Сразу же после прибытия майора и его спутников, мы послали Мише радиogramму с приказом немедленно возвращаться. Неделю спустя все трое были дома.

У нас не было орденов, которыми можно было бы наградить наших «штирлицев». Поэтому к их прибытию был заколот кабан и разведчики получили огромные шашлыки, которые, после нескольких месяцев питания кашами и консервами, были восприняты с не меньшей радостью, чем медали.

Они сообщили мне, что, несмотря на дезертирство, силы противника даже возросли за счет мобилизации. Расширился и поселок возле воинской части. Теперь там жило около двухсот семейств. Вести эти тревожили. Не вызвало сомнений, что противник усиленно готовится. Вопрос заключался лишь в том, начнет ли противник сразу военные действия или же попытается прийти к какому-то соглашению? На всякий случай мы заминировали все подъезды к нашему расположению и засекретили километров за двадцать от наших границ три поста, снабдив их рациями. На крышах домов были установлены зенитные пулеметы, а в лесу — несколько противовоздушных установок. За ними еще в мае ездил наша трофейная команда. Бывшие «возрожденцы» соорудили на подъездах нечто вроде дотов. У нас, правда, не было ни цемента, ни железной арматуры. Пришлось обходиться кирпичом, который доставляли из Острова, разрушив для этого несколько домов, и известью.

Покидая армию, наши разведчики позаботились оставить после себя замену, которая продолжала начатое дело. Но несмотря на принятые меры, мы все-таки допустили грубую оплошность, которая могла бы обойтись очень дорого...

Самолет вынырнул из-за облаков в полукилометре от корпусов. По всей вероятности он прошел на низкой высоте и появился настолько внезапно, что дежурный расчет зенитных пулеметов не успел дать предупредительную очередь. Самолет сбросил какой-то предмет и скрылся в направлении Острова. Мне потом сказали, что это был легкий одномоторный учебный самолет, способный пролететь некоторое расстояние на бреющем полете. Поэтому его так поздно обнаружили. Сброшенный предмет сразу доставили ко мне. Это был пакет, привязанный к грузу. Внутри пакета находился лист бумаги. Сообщалось, что недавно (явная ложь) крупное воинское соединение Комитета Возрождения, взявшее на себя организацию порядка и восстановление

государственности, случайно обнаружило наше поселение. Посему сообщается радиоволна для связи и обозначено время: каждый понедельник с двенадцати до тринадцати ноль-ноль. Предлагалось (именно предлагалось!) подготовиться к приему представителя Комитета Возрождения. Послание было написано в сдержанных тонах, но, в то же время, чувствовалось, что это послание старшего к младшему и носит характер едва ли не приказа.

— Ну, что вы скажете по этому поводу? — обратился я к членам Совета и Трибуната, собравшимся в комнате «у камина».

— Пудрят мозги! — высказал мнение Паскевич, — почему они не воспользовались сообщенной нами волной, а наводят тень на плетень? Как это понимать: недавно обнаружили?

— Если врут, значит, чувствуют свою слабость, — заметил Алексей.

— Хотят убедить нас, что «десантники» не вернулись к ним после того, как мы освободили их, — поддержал Алексея Николай.

— Какой в этом смысл? — спросил Юрий.

— Смысл в том, что они хотят дать нам естественное объяснение того, почему они полгода назад не вступили с нами в контакт. Такая задержка может быть объяснена нами как проявление их слабости и неуверенности.

Юрий что-то хотел возразить, но я обратился к майору, которого мы пригласили на Совет:

— Ваше мнение?

— Думаю, что командование проявляет неуверенность и даже растерянность. Возник ряд серьезных трудностей. Они стали испытывать большую нужду в сельхозпродуктах. Организация ведения хозяйства не оправдала себя. Участилось дезертирство. Кадровых военных, тех, что были собраны из воинских частей сразу же после катастрофы, осталось не более ста пятидесяти. Остальные солдаты набраны среди гражданского населения. Я уже докладывал вам, что узнал о вашем существовании еще прошлой весной. Осенью сюда хотели заслать команду и включить вас в систему Комитета Возрождения. Но тут пришли двое и принесли фотопленки. Я присутствовал на совещании, на котором обсуждалось, когда захватить вас — осенью или чуть позже. Фотоснимки сыграли огромную роль. Решили подождать, чтобы нарастить силы. Ваших бывших пленных вызвали тогда на совещание и допрашивали. Они рассказали о вашем устройстве и быте. Командующий тогда запретил им об этом кому-нибудь рассказывать. Я, честно признаюсь, не подозревал, что они ваши агенты. Мысль о том, чтобы перейти к вам у меня зародилась еще на этом совещании у командующего. Мне не нравились наши методы, применяемые к населению. Так вот, я думал как уйти, но главная трудность заключалась в том, чтобы вывезти семью. Помог случай. До этого у нас дезертировало тридцать пять человек.

— Тридцать, — поправил я.

— Нет, тридцать пять. По-видимому, пять человек не дошли или нашли другое убежище. Мне кажется, что командование начало подозревать, что дезертиры укрываются у вас. Поэтому они хотят вас ликвидировать, но, предварительно собрав необходимую информацию.

— Какими силами они сейчас располагают?

— У нас — восемь танков. Но дело в том, что нет квалифицированных военных специалистов. Если танки будут укомплектованы экипажами, то очень мало останется в пехоте. Повторяю, мобилизованные из местного населения не внушают командованию доверия. Единственное, что заставляет людей идти в бой, это то, что их семьи остаются заложниками. Кстати, теперь при мобилизации семья вывозится вместе с самим мобилизованным.

— Вот это уже серьезно, — заметил Алексей.

— Можно мне? — Юрий уже давно хотел вставить слово.

— Говори.

— Из текста послания следует, что наши «десантники» даже после побега не раскрыли себя, то есть, они не подозревают, что эти ребята работали на нас. Следовательно, они также и не имеют представления о том, что их посланник, тот, кто придет, будет морочить нам голову, постарается внушить нам, что мы имеем дело с очень крупным воинским соединением. Не так ли?

— Ну? — согласился я.

— Отсюда и надо строить свою стратегию.

— Не стратегию, а тактику. Стратегию мы построили на том, что люди бегут к нам. И, чем больше мы выиграем времени, тем большая вероятность того, что мы в конце концов можем жить спокойно, не опасаясь ни самоиспеченных комитетов, ни различных банд. А тактику мы построим следующим образом. В ответ на их камуфляж мы противопоставим свой. Мы уже говорили об этом. Александр Иванович, вы вместе с майором внесете коррективы в наш сценарий. Надо торопиться! Необходимо как-то оттянуть визит «инспектора». Желательно до осени. Но, если не удастся, то хотя бы недели на три. Мы сначала задержимся с ответом, а потом придумаем еще что-нибудь. Скажем, мой визит к союзникам.

— Союзникам?

— А почему бы и нет?

— Понятно! — по глазам Паскевича было видно, что у него появилась идея, — а что, если эти союзники будут — поляками? Они у нас есть. Мы их оденем в форму и во время визита «инспектора» они «случайно» попадутся ему на глаза.

— Где ты возьмешь польскую военную форму?

— В бумагах Можиевского найдена карта, где обозначены не только товарные, но и воинские склады на территории Польши.

— Успеешь?

— Если дадите вертолеты.

— Как, Алексей?

— Можно попробовать. Горючее пока есть.

— А как со сценарием?

— Он давно готов! Мы его с майором подкорректируем и завтра покажем.

— Договорились.

Я уже хотел распустить Совет, но встал Николай.

— У меня есть предложения. Что, если, как в прошлый раз, вызвать восстание в поселении возле части?

Я глянул на майора. Тот помрачнел.

— Ошибаешься. Это другой случай и люди другие. Мы сделаем все возможное, чтобы избежать кровопролития. И, если сражаться, то только в случае нападения на нас. Но и здесь мы сделаем все, чтобы добиться прекращения огня. Иной противник — иные методы.

Когда мы прощались, я почувствовал, что майор пожал мне руку несколько сильнее, чем обычно.

— Как вы устроились, Константин Михайлович? — спросил я его.

— Спасибо! Отлично. Пока временно в одном из корпусов санатория. Вместе со своей командой. Но, знаете, я присмотрел семье хороший домик у озера. Там есть большой запущенный сад. Я всегда мечтал заняться хозяйством и поселиться где-нибудь на берегу реки или озера...

— Скоро вы получите такую возможность. Вот только закончим дела с соседями. Пока же я вас прошу — не ослабляйте полевые занятия. Надо, чтобы все мужчины были обучены и умели хорошо стрелять.

— Вы им выдали оружие на руки. Как-то это непривычно..

— Дорогой Константин Михайлович, принцип вооруженного народа — это принцип демократии. Если правительство боится своего народа, то на кой черт это правительство?

Майор с сомнением покачал головой:

— И вы рассчитываете, что это удастся?

— Нас пока слишком мало. Мы должны быть постоянно начеку. А пока я приглашаю вас с женой ко мне на чашку чая.

— Спасибо! Непременно будем.

Глава XXVIII

СРАЖЕНИЕ У САМОВАРА

Пожалуй, я совершил ошибку, пригласив майора к себе домой. Жена его, полная женщина, приблизительно одних лет со своим мужем, но выглядевшая значительно старше, едва только в гостиной появилась Катя, сразу же надулась и целый вечер почти ничего не говорила. Ее дурное настроение передалось мужу. Константин Михайлович, пришедший веселым, в приподнятом настроении, сначала оживленно поддерживал беседу, делал Кате комплименты, потом скис, стал отвечать на вопросы невпопад. Катя скоро ушла, сославшись на то, что надо кормить дочку.

— У вас сын? — спросил я, чтобы хоть что-нибудь сказать, хотя все прекрасно знал о его семье.

— Да! Уже скоро будет пятнадцать, — ответил майор.

— Какое счастье, сын, — искренне вздохнул я.

— А у вас только дочь? — оживилась супруга майора.

— Две. И почти нет надежды, что родится сын.

— А у нас мальчик! — в голосе моей гостьи послышались скрытые нотки торжества. Майор, воспользовавшись тем, что супруга отвлеклась, быстро налил себе полный стакан коньяка и залпом осушил его.

— Катя такая молодая и уже две дочери? — пыталась развить тему дама.

— Так уж получилось, — ответил я, не желая вдаваться в подробности моей семейной жизни.

Я заметил, что, когда супруга задала свой вопрос, майор весь напрягся и, только услышав ответ, расслабился и, мне показалось, облегченно вздохнул. Я его понял и еще раз пожалел, что так неосторожно пригласил его к себе домой с супругой.

— Где вы облюбовали себе домик? — попытался я перевести разговор на другую, менее опасную, тему.

— На окраине села, метрах в ста от озера. Там хороший приусадебный участок и большой сад.

Он немного поколебался, затем, чуть покраснев, сообщил:

— Я, вы знаете, давно мечтал разводить индюков. Вам это не покажется смешным?

— Отчего же?

— Интересная птица. Ее надо выходить в молодом возрасте. Здесь только не прозевай. Иначе понос и все. Потом уже все идет как надо... Ах! Вы представляете, какой он в жареном виде? Ни одна птица не сравнится! Лет

восемь назад наша часть квартировала в одном селе. Я снимал комнату у одного хозяина. Какие у него были индюки-красавцы! Генералы, одним словом.

— Ну, начал свою индюшачью тему, — оборвала его супруга, — как будто это кому-то интересно.

— Нет, почему же, это интересно. Я вот только не знаю, есть ли у Веры на птицеферме индюки?

— Есть! — оживился майор, — я уже узнал. Там их около пятнадцати. Мне ваша Вера уже обещала дать на развод, как только подрастет молодняк. Я ведь, знаете, военным стал случайно. Можно сказать, по семейной традиции. Но меня всегда тянуло к земле, к хозяйству.

— Вы что, потомственный военный?

— Да, отец, дед, прадед... Дед, правда, в тридцать седьмом году был репрессирован. Помните, по делу Тухачевского. Бабку мою тоже забрали. Отец чудом выжил, даже потом смог поступить в офицерскую школу и закончил службу в чине полковника. Мне было уже легче.

— Твой дед сам виноват! — вмешалась в разговор супруга, — надо было подписать все, что от него требовалось, и остался бы жив.

Она очевидно, хорошо знала историю семьи моего собеседника.

— Как ты можешь говорить такое, Соня? — с упреком произнес Константин Михайлович, — то, что ты говоришь, противоречит понятию офицерской чести. Да что там — чести любого порядочного человека. Я горжусь дедом. Вы же знаете, как тогда допрашивали?

— Только по рассказам и книгам.

— Да, конечно. Страшные времена...

— Разве сейчас не страшно?!

— Простите? А, да, конечно... Но, знаете — это другое...

— Другое? Ну, я бы не сказал, что оно менее ужасно. Я уже не говорю о зверствах банд. Вспомните свою часть.

— А что? Там было хорошо! — вдруг заметила супруга майора, — питание, правда, было значительно хуже, а так... Я бы не сказала. Во всяком случае, мы жили более-менее. У меня была даже домработница. По крайней мере, мне не приходилось топить самой печь и возиться в золе, как сейчас...

Майор извиняюще посмотрел на меня и встал из-за стола.

— Нам пора. Пока доберемся до санатория, пройдет еще около часа.

— Я отвезу вас.

— Нет, спасибо! Мы пройдемся по берегу озера, подышим воздухом...

— Как хотите.

Я проводил их до тропинки, идущей вдоль берега и вернулся домой

Дома меня ждали. Все трое уже сидели за столом, на котором пыхтел самовар.

— Мы из-за твоих гостей не успели даже попить чая! — встретила меня Евгения.

— Надо было... — начал я и осекся.

— Вот именно! — Катюша смотрела на меня осуждающе, — ты вроде бы и умный человек, а иногда совершаешь поступки глупые и бестактные.

— Что ты имеешь в виду?

— Она имеет в виду то, — вставила свое слово Беата, — что не надо было приглашать в дом майора и его старую каракатицу. Ты бы посмотрел как она рассматривала Катюшу.

— Вы что подглядывали?

— Дверь была открытой.

— Не пойму, что тут такого?

— Он еще не понимает! — всплеснула руками Евгения, — хорошо еще то, что ты не додумался представлять своим гостям нас с Беатой.

— Ох! Не могу! — расхохоталась Катюша. — Я себе представляю, что бы тогда было. Бедный майор! Сейчас он выдерживает такое сражение... Я не удивлюсь, если его супруга потребует немедленного возвращения в часть.

— Туда уже пути отрезаны.

— Ей, видите ли, там нравилось! Домработница, денщик еще, наверное, — вдруг разозлилась Евгения, — там она была пани, а тут самой в золе возиться надо. Я уверена, что она даже забыла, как надо стирать белье. Ничего, научится, — жестко закончила она.

— Жаль только майора. Симпатичный такой, — задумчиво сказала Катя.

— Еще бы! Он тебе такие комплименты отпускал, что нам захотелось войти и получить свою долю. Только тогда бы майор овдовел на следующий день. Ее бы разорвало от злости.

— За что вы ее так ненавидите? Что она вам плохого сделала? — не выдержал я.

— А что ты вообще понимаешь? Тоже мне, психолог, — Евгения совсем разозлилась, — ты бы посмотрел, какими глазами она смотрела на твою жену. Как будто перед нею публичная девка!

— Я что-то не заметил.

— Ты вообще ничего не замечаешь, — она протянула мне чашку чая. — Не слишком крепкий?

— В самый раз. Ладно, мои милые, — постарался я закончить неприятный разговор, — сознаю, что совершил глупость. В следующий раз без вашего согласия никого в дом водить не буду.

Катя намазала хлеб маслом и сверху полила медом.

— Ешь, тебе скоро понадобятся силы, — протянула она хлеб Беате. — В следующий раз — он придет к нам с молодой женой. Вон сколько у нас девчат — красивых, молодых, без мужской ласки засыхают.

— Ты так думаешь?

— Уверена! — она поправила сбившуюся на лоб прядь волос, — все вы, мужики, одинаковые в этом отношении. Да я не упрекаю, — она сделала ленивый взмах рукой, — все в порядке вещей. Раз попал козел в огород, то щиплет капусту, а не бурьян. Что тут удивляться, если капусты много, то зачем ему травка, старая да вялая?

— Ничего! Скоро у нас прибудет мужчин побольше. Девчата выйдут замуж и все образуется, — пообещал я.

— Откуда же они возьмутся?

— Да оттуда же, откуда и майор.

— Дай-то бог. Наш-то козел, — продолжала она, — скоро копыта откинёт.

— Кого ты имеешь в виду? — я почувствовал, что кровь бросилась мне в лицо. Евгения прыснула.

— Успокойся! Не тебя, — засмеялась Катюша, — ты еще ничего, держись, — закончила она под общий хохот, — я имею в виду твоего любимого Фантомаса.

— А что такое?

— Ты его давно видел?

— Сегодня днем.

— Ну ты совсем слепой стал! Посмотри, на кого он стал похож. Истоцился совсем в трудах праведных. Ты хоть пошли его в командировку, чтоб месячишко где-нибудь отдохнул.

Я вдруг разозлился:

— Мне, прошу вас, такие вещи не сообщайте. Интимные дела меня не касаются и, вообще, это не предмет для разговора!

— Вот хорошо, что ты напомнил, — встрепенулась Катя, — насчет интимных и духовных дел. Тут к тебе приходил один поп, хотел очень видеть.

— Поп?!

— Приехал вместе с переселенцами. Хочет получить разрешение на открытие церкви.

— Причем тут я? Пусть открывает! И вообще, чего он ко мне приперся домой? Пусть идет в Совет или Трибунал!

— Я ему говорила. У вас как раз было совещание, но он настаивает на личной встрече.

— Хорошо! Приму его завтра после обеда. Поп-то молодой?

— В том-то и дело что старенький, — Катя засмеялась, — а хорошо быть попадшей. Почет, уважение. Все тебя матушкой величают, ручку целуют. У меня в Киеве подружка была. Не то чтобы мы с ней дружили, а так, просто. Марийкой звали. Лицо — что блин на масленицу. А что вы думали? Вышла замуж за попа. Молодой, красивый. Бородка черная, вьющаяся. Мы тогда всей группой специально в церковь пошли на службу, досмотреть на Марийкиного мужа. А Марийка-то, как она принарядилась, одна шуба чего стоила. Одним словом, матушка-попадья.

— Вот Наталья пусть и выходит за этого попика замуж, — ехидно произнесла Евгения, — будет у нас тогда матушка Наталья!

— За что ты ее так ненавидишь?

— Я? С чего ты взял? Совсем наоборот. Мне ее жалко.

— Я пойду, наверное, спать, — Беата тяжело поднялась со стула.

— Я провожу тебя!

— Не надо, меня проводит Женя.

— Ты не спишь?

— Нет еще.

— А ты заметил, как эта каракатица спрятала под стол руки, когда увидела мое кольцо? Дура, нацепила десяток дешевых перстней.

— До чего же вы, бабы, бываете злыми...

— Мы злыми? — она подвинулась ближе, — ну уж нет. Мы как раз добрые и ласковые.

— Нашла чем хвастаться. Колье, видите ли... Этого добра у нас... Завтра же пошлю майору если не такое же, что-нибудь похожее.

— Пошлешь, пошлешь, — прошептала она, закрывая мне рот своими губами. Это была ее ночь.

— Послушай, ты не ревнуешь? — ни с того, ни с сего спросил я.

Эта тема находилась под негласным запретом. По-видимому, я сегодня должен был совершать одну глупость за другой.

Катюша мгновенно отпустила меня и отодвинулась. Долгое время молчала. Я протянул руку и погладил ее плечо. Она с раздражением дернула им, потом

произнесла каким-то холодным, отчужденным голосом:

— Теперь уже нет. Раньше... но только к Беате. Евгения ведь уже была до меня...

— Милая, прости.

— Да чего уж! Женщина больше способна на компромисс. Она легче выбирает из двух зол меньшее.

Катя долго лежала молча. Чувствовалось ее взволнованное дыхание. Успокоившись, она снова придвинулась.

— Больше ни о чем не спрашивай, ладно?

Я не ответил. Мне вдруг стало до боли в сердце жалко эту молодую красивую женщину, так же как и других, таких же несчастных в своей исковерканной молодости, обманутых в надеждах, обделенных в счастье. Но, что я мог поделать? Лишь только утешаться сознанием своего бессилия что-то изменить. «Ты лицемеришь, — шепнул мне внутренний голос, — ведь ты счастлив?». «Да, не спорю, очень!». «Так чего же ты, о чем задумался? Пользуйся случаем, который подарила тебе судьба!». «Я думаю о том, может ли быть счастлив человек несчастьем других?». «Опять ты за свою философию? Еще не надоело?».

— Ты что, заснул? — в голосе Катюши звучало удивление.

— Нет, милая, — прошептал я, целуя ее плечо. Говорят деньги притягивают деньги. А глупость? Наверное, тоже. Что касается меня, то я заметил: стоит мне сделать одну, как за ней следует другая. Хорошо еще, если вовремя остановишься, а то наделаешь столько дел, что потом хватит на целые годы воспоминаний, от которых кровь приливает к лицу и от стыда чувствуешь, как горят уши.

— Что с вами, Константин Михайлович?! — невольно вырвалось у меня при виде майора, входящего ко мне в кабинет в сопровождении Паскевича.

Лицо майора было расцарапано в двух местах, а под левым глазом, почти заплывшим, красовался огромный лиловый синяк.

— Мне надо было воспользоваться вашим предложением. Я плохо разбираюсь в этих тропинках по берегу озера, свернул не на ту и в темноте напоролся глазом на сук дерева!

— Еще счастливо отделался, Костя!

Паскевич, я заметил это уже давно, после нескольких часов знакомства всем говорил «ты» и называл по имени.

— Потом зайдем ко мне, я тебе сделаю примочку.

Я внимательно посмотрел на Сашку. Может быть, от того, что я его видел каждый день, от меня ускользали те изменения, о которых говорила Катя.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я? — удивился Паскевич. — Нормально! А что?

— Да так, ничего.

Он протянул мне папку со сценарием и, усевшись поудобнее в кресло напротив, стал ждать. Я углубился в чтение.

— Не слишком ли? — я возвратил папку Паскевичу и вопросительно посмотрел на майора.

— Все нормально, — успокоил он меня, — я бы только поместил «инспектора» пока на бывшую базу университета. Интересно, кого же пришлют? Если Голубева — это правая рука Покровского. С ним нужно быть предельно внимательными и осторожными. Это хитрая лиса. Любит прикидываться дурачком, на самом же деле, крайне собран и внимателен.

— У него есть какие-нибудь слабости, особенности?

— Любит выпить. Но знает свою слабость и по-этому воздерживается. Если же выпьет достаточно, то потом теряет контроль и пьет до полного опьянения. Но, я думаю, что, в данной ситуации он не притронется к бутылке.

— Еще что?

— Ну, равнодушен к красивым женщинам. Но, это все такие, кто к ним равнодушен? — майор засмеялся. — Да! Тщеславен. Переживает, что не стал генералом. Это тоже не характерно. Все военные такие.

— Разве сейчас это имеет какое-то значение?

— Для армейских это всегда имеет значение. Тем более, что там еще не поняли всей глубины нашей катастрофы. Покровский носит с идеей восстановления государства, армии. У него даже по этому поводу есть теория, которую он называет теорией опережения развития.

— Опережения чего?

— Других стран. Покровский говорит, что те страны, которые раньше других смогут восстановить армию, будут диктовать свою волю всему миру.

— Серьезно?

— В том-то и дело, что — да! И надо сказать, что поначалу его идеи увлекли многих офицеров. Это еще тогда, когда размеры катастрофы не были ясны. Теперь же над ним посмеиваются.

— А как Голубев?

— Кто его знает? Он редко бывает откровенен. Мне кажется, что его больше всего волнует личное благополучие. Сегодняшнее положение его вполне устраивает. Что будет завтра — не знаю.

— Так вы говорите, что он крайне подозрителен?

— Я этого не говорил, но это так.

— В таком случае вот что! В сценарии можно оставить все почти без изменений, но надо все сделать так чтобы у Голубева сложилось впечатление, будто мы скрываем свои истинные силы, стараемся показать, что мы слабее, чем на самом деле. Вы меня понимаете?

— Вполне. Мысль ясна, а детали додумаем сами.

— Но это надо сделать достаточно тонко.

— Само собой. Только вот что... — майор заколебался.

— Вы хотите что-то возразить? Пожалуйста.

— Дело в том, что, получив такую информацию, Покровский сделает все, чтобы усилиться.

— Это входит в мои планы.

— Не совсем понимаю.

— Во-первых, мы выиграем время.

— Вы хотите сказать, оттянем. Но потом?

— Я все понял, — Паскевич снял очки и протер их стекла.

Это был явный признак, что сейчас он произнесет речь.

— Усиливаясь в военном отношении, Покровский, — Паскевич поднялся и прошелся по кабинету, — вынужден будет ослабить хозяйственную деятельность, которая, как я понял, и так находится в плачевном состоянии. Солдат надо кормить. Не так ли? Следовательно, усилятся поборы с крепостных хозяйств. Это, в свою очередь, вызовет еще больший распад в хозяйстве, что неизбежно приведет к недовольству в самой армии. Учитывая малые размеры системы, это недовольство разовьется в ближайшее время. Я правильно тебя понял?

— Абсолютно. И теперь, поскольку границ не существует, люди будут бежать к нам. Таким образом, пытаясь усилиться, Покровский будет усиливать нас. Причем, я думаю, процесс этот будет идти с ускорением. Если генерал сообразит, в чем дело, то вынужден будет перейти к демократической системе. И, как говорится, на здоровье. Он тогда не будет нам ничем угрожать, и мы с ним станем мирными соседями. Если же нет — то эта организация скоро развалится.

— Теперь мне все ясно! — майор вытащил сигареты в вопросительно посмотрел на меня.

— Курите, — я достал трубку и стал набивать ее.

— При таком положении, — майор протянул мне зажженную спичку, — мы, в любом случае, избегаем вооруженного конфликта.

— Могут быть случайности. Это надо учитывать. У него должна сложиться твердая уверенность в нашем миролюбии, что полностью соответствует истине.

Иначе на нас могут напасть просто из-за страха, рассчитывая на преимущество неожиданного удара.

Майор сделал еще две глубокие затяжки и затушил окурок.

— Многое зависит от окружения Покровского.

— Что оно собой представляет?

— Разные люди. Есть такие, вроде меня, а есть и те, которым все «до лампочки». Лишь бы им было хорошо. Они дорожат теми преимуществами и благами, которыми сейчас располагают.

— Что за блага?

— Питание, обслуживание.

— Ваша жена что-то такое говорила. Домработница, что-ли?

— И не одна. Молодых девушек объявляют мобилизованными для работы в штабе. На самом же деле их используют для обслуживания старших офицеров и их семей. Начиная с полковника все содержат целый штат слуг. Ну, конечно, питание. Солдаты и младшие офицеры едят в основном кашу и консервы. По праздникам дают мясо. Все «деликатесы» поступают на стол высшего командного состава. Это, конечно, не афишируется, но все знают. Пожалуй, ничто так не вызывает недовольства, как этот прискорбный факт. У вас, я тут уже посмотрелся, все питаются одинаково. Разве что мужчинам перепадает больше. Но это и понятно! Они выполняют основную физическую работу. И, вообще, отношения между людьми другие, доброжелательные. Непривычно, но, скажу откровенно, приятно видеть.

— Значит, вам у нас нравится? — Сашка подошел сзади к сидящему в кресле майору и положил ему руки на плечи.

— Конечно, Александр Иванович! Я вот думаю, много ли надо человеку, чтобы чувствовать себя счастливым? Немного любви, уважения, доброжелательности...

— И, в первую очередь, чтобы человек не чувствовал над собой власть другого человека.

— Разве это возможно?

— Стараемся, — я поднялся, давая знать, что совещание закончено.

Ко мне должен был еще зайти Виктор, а потом — Наталья. Я не хотел, чтобы она встречалась здесь с Паскевичем.

— Так я еду сегодня, с Алексеем, — напомнил мне Паскевич.

— Вынужден тебя огорчить! Вместо тебя поедет Николай.

— Что такое?

— Саша, ты у нас единственный хирург. Я не могу рисковать тобой.

Паскевич успокоился. Он очень любил, когда ему говорили приятное,

безразлично, была ли это правда или нет. Но в данном случае его незаменимость не вызывала сомнения. За прошедшие два года Саша подготовил трех человек, которые могли сделать несложные операции, но, естественно, не могли заменить его.

— И, вообще, Саша, ты должен беречь себя и свое здоровье.

Поначалу Паскевич расплылся в улыбке, но потом посмотрел на меня с подозрением.

— Что это ты второй раз беспокоишься о моем здоровье?

— Как же мне не проявлять беспокойство о единственном хирурге, да еще накануне таких событий?

Александр Иванович удовлетворенно улыбнулся и направился к выходу. У самой двери он вдруг остановился, внимательно и, как мне показалось, подозрительно посмотрел на меня, но, ничего не сказав, вышел.

Глава XXIX

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ

— Ты знаешь, что сегодня у нас на обед? — встретила меня Евгения.

Стоял жаркий день. На ней был легкий ситцевый сарафан. Она сняла косынку и тряхнула головой. Волна светлых волос рассыпалась по плечам.

— Не знаю, но голоден как волк.

— А волки едят раков?!

— Ого! Чем же я заслужил?

— Не ты, а Беата. Вчера она захотела раков. И вот сегодня ее соотечественники принесли нам целый мешок. Поляки боготворят ее.

В гостиной посреди обеденного стола стояло большое блюдо, на котором возвышалась гора вареных раков.

— Так это тебе мы обязаны? — я подошел к Беате и поцеловал ее, — как ты себя чувствуешь?

— Теперь уже скоро.

— А где Елена? — я заметил, что сестры ее нет за столом.

— Она пообедала и гуляет у озера с Оленькой, — ответила Катя, — я их только что видела. Играют на песке.

— Как она подросла...

— Она будет красивее меня, — сказала Беата.

— Да, Елена очень похожа на тебя, — согласилась Евгения, — она станет

повыше тебя, уже сейчас, обрати внимание, ноги какие длинные.

— Худощавая...

— Ребенок еще... Я вот тоже была как щепка, — усмехнулась Катя, — были бы ровные кости, а мясо нарастет.

— Ты видел Виктора? — Беата взяла крупного рака и стала лениво его чистить.

— Да, он сегодня заходил.

— Ильга родила?

— Девочку.

— Еще не переехали?

— Дом достроен, идет внутренняя отделка.

— Я скучаю по Ильге. Почему Виктор не хочет переселиться сюда?

— Ты же знаешь. На него до сих пор косятся. Особенно подружки Оксаны.

— Приходил снова этот поп, — Евгения протянула мне большущего рака, — я ему сказала, чтобы зашел часов в пять. Беата, а ты что не ешь? Вчера умирала из-за них!

— Уже не хочется. Пойду, отдохну.

— Подожди-ка, — Катя сходила на кухню и вернулась с блюдом, полным вареников.

— Кто желает?

— После раков? — я поднялся из-за стола, — нет уж, спасибо!

— С черникой!

— Уже поспела?

— Поспевает, ешьте. Что я, напрасно комаров кормила? — обиделась Катя.

— Если с черникой, то устоять трудно...

— Грибы появились...

— Вы в лес далеко не ходите одни.

— Собак же нет.

— Зато есть зубры. У них сейчас телята и, вообще, характер скверный.

— Да нет, мы тут недалеко, почти возле дома.

— А когда будет разрешена охота? — поинтересовалась Евгения, — хочу попробовать...

— Думаю, что осенью можно будет немного поохотиться на лосей и зубров. Но это не женское дело.

— Вот еще! — Евгения надула губы.

— Ладно, что-нибудь придумаем.

— А я бы не могла стрелять в зверей. Мне их жалко, — Катя помогла Беате встать со стула. — Пойдем, милая, я помогу тебе подняться по лестнице.

Попик оказался не такой уж пожилой. Его старила солидная борода с густой проседью и длинные, по самые плечи, волосы. Была на нем поношенная ряса, или как она там называется. Не та ряса, в которой попы отправляют службу, а повседневная, длиннополая одежда, в коей служители божии появляются в миру, ходят по улице, заходят в общественные заведения, если в том имеют нужду, или в дома своих прихожан. На груди у него висел дешевый крест на медной цепочке. Я вспомнил, что среди вещей, захваченных в банде, был массивный серебряный крест. Только вот католический или православный? Я в этих делах не смыслил. На всякий случай шепнул Елене, чтобы она отнесла записку нашему завхозу.

— Как величать вас, батюшка?

Попик сидел погруженный в свои мысли и не заметил, как я вошел. Засуетился, вскочил, отвесил поклон.

— При крещении удостоился имени Серафима.

Он был небольшого роста, сухощав. Я еще раз убедился, что он не старый, ему было не больше пятидесяти.

— Судя по вашему имени, вы потомственный служитель Божий. Не так ли?

— Истинно так! И отец, и дед, и прадед удостоены были духовного сана и я вот, недостойный слуга Божий, по стопам предков своих несу людям слово Господне в час испытаний великих и бедствия народного.

— Семья ваша?

— Вдовец я. Супруга моя, блаженной ее памяти, раба божья Анна лет шесть назад преставилась. Рак. А дочь замужем была, в Чернигове жили. Что с нею — не знаю. Один я остался, как перст на белом свете.

— Ну, вы еще не старый!

— Спаси меня, Господи, от соблазна мирского и плоти алчущей, — он перекрестился, — не о мирской жизни помыслы мои, а о спасении душ заблудших. Великое испытание послал нам Господь и предупреждение последнее. Истоцилось терпение Создателя и решил Он детей своих наказать за непослушание и грехи их тяжкие.

— Что до грехов, то я с вами согласен, батюшка. Грешен человек перед Природою, его питающей и пестующей, и перед самим собой, перед теми, кто жил до него и перед теми, кто еще родится.

— Сие отрадno слышать из уст личности столь незаурядной, — поп явно приободрился, — Господь бесконечен в доброте своей...

— Вы ко мне по делу, отец Серафим? Мне говорили, что вы хотите открыть церковь?

— Да. Хотел получить разрешение у светской власти на открытие храма Божьего в селе Грибовичи.

— Для этого не нужно разрешения. Что касается меня и моего окружения, то мы питаем глубокое уважение к чувствам верующих и никаких препятствий отправлению обрядов культа чинить не будем.

Вошла Елена и протянула мне сверток. Я открыл его и вытащил крест.

— Примите, отец Серафим, скромный дар в знак моего к вам уважения и доброжелательства.

Отец Серафим вознес глаза к потолку и начал шептать молитву. Елена стояла, переминаясь с ноги на ногу, стараясь привлечь мое внимание.

— Ну, что еще?

Я подошел к ней. Она поднялась на цыпочки и быстро зашептала.

— Неси! — разрешил я, выслушав ее.

Она выбежала во двор и тотчас вернулась, неся в руках большой сверток. Я развернул его и перед глазами, сверкая серебром, золотом, расшитыми крестами и узорами, засверкала парадная ряса священнослужителя.

— Вот вам, отец Серафим, для первого торжественного богослужения подарок от светской власти.

Отец Серафим остолбенело смотрел на нее, не решаясь прикоснуться.

— Это же митрополитское облачение! — наконец вымолвил он.

— А вы и будете у нас митрополитом.

— Не удостоен, — возразил поп.

— Ну, как хотите, — я повесил рясу на спинку кресла. По всему было видно, что батюшке очень хотелось примерить ее, но...

— Думаю, — решил я ему помочь, — в церковной иерархии открылось сейчас множество вакансий. Вы можете смело взять это. Знаете, во время сражения, когда убивают командира полка, то его место занимает один из командиров батальона, а место комбата — ротный и т. д. Бывали случаи, когда дивизиями командовали лейтенанты, а полками — сержанты. При этом не ждали утверждения сверху. Это происходило потом. Надо действовать сразу, по обстановке.

— И то верно, и то верно... — быстро заговорил поп.

— Да вы примерьте.

Отец Серафим переоделся и сразу преобразился. Это был уже не заштатный попик из провинции, а высший иерарх церкви. Вид его стал величественен, и мне показалось, что пройдет минута-другая, и он протянет мне руку для

поцелуя. Решив, что все вопросы исчерпаны, я поднялся, чтобы пожелать отцу Серафиму всего доброго, но он, по-видимому, был расположен продолжать разговор. Тон его, однако, стал наставляющим:

— Отраднo видеть, — с едва скрываеmыми нотками покровительства, начал он, — изменение отношения светской власти к духовной. — Может быть, — продолжал поп, — настала пора, чтобы исправить вопиющую несправедливость, которую допустило государство по отношению к церкви.

— Что вы имеете в виду?

— Государство и церковь должны идти рядом, — наставительно произнес мой собеседник. — Отделение церкви от государства нанесло вред обоим. Государство сильно единой духовной сплоченностью. Церковь же нуждается в государстве, как пастырь в посохе.

— Здесь я не могу согласиться, — поспешил рассеять его заблуждения, — во-первых, я атеист в четвертом поколении...

— Это не имеет значения. Святой Константин не принял при жизни христианского учения, но удостоился от церкви высшей почести...

— Вы меня не поняли, отец Серафим. Я хотел сказать, что считаю отделение церкви от государства актом высочайшей справедливости. Государство провозглашает терпимость веры. Если церковь остается государственной, то не может быть веротерпимости. Актом отделения государство проявляет уважение к религиозным чувствам верующих, не ставя ни одну религию выше другой. Вспомните, сколько страданий и крови принесла государственная церковь народам. Костры инквизиции, миллионы замученных мужчин, женщин, детей...

— Это — католическая церковь!

— А разве православная церковь миловала «заблудших овечек»? Вспомните гонения старообрядцев, когда доведенные до отчаяния люди живьем сжигали себя в моленных домах...

— Это все в прошлом... — пробормотал поп, опустив голову

— Прошлое, если оно забывается, становится настоящим или будущим! Человечество — не Господь Бог. Если Господь может простить прегрешения, то человечество никогда не простит церкви ее жестокости и фанатизма, алчности и развращенности ее иерархов. Вы думаете, что это забывается? Нет! История упрямая дама, у нее отличная память. Проходят годы и тайное становится явным. И не только в церковных делах. Церковь часто пугала народ Страшным Судом. Вы знаете, мне кажется, что этот Страшный Суд — это Суд Истории. И от него не уйти никому!

— Если вы так настроены против религии, то почему вы не препятствуете открытию церкви, даже сделали ей подарки?

— Вы меня не поняли. Я никогда, слышите, никогда не был настроен против

религии. Я уважаю чувства верующих, так как, по сути, вера — это идеология, а мой принцип — отрицание насилия в идеологии. Идеологию нельзя уничтожить, нельзя спасти. Она возникает и рушится под влиянием реальности, в зависимости от восприятия ее каждым человеком. Я против насаждения идеологии огнем и мечом, против использования ее в целях создания социальной несправедливости, против исключительных привилегий носителей какой бы то ни было идеологии. Только одну идеологию я не могу воспринимать с терпимостью — идеологию насилия и унижения человеческого достоинства. Против этого я не устану бороться. Вы хотите молиться Богу. Молитесь! Но не смейте мешать другим молиться своему Богу. Будьте терпимы к инакомыслию и пользуйтесь со стороны других такой же терпимостью. Но не призывайте к уничтожению католиков, потому, что они католики, а мусульман — потому, что они мусульмане. Бог есть любовь! Так возлюбите же друг друга и не мешайте друг другу жить.

— Христос учил: «Возлюби врага своего!» Если Бог — любовь, то почему вы так жестоко расправляетесь с врагами своими?

— Вы имеете в виду банду?

— Но они тоже люди!

— Представьте, отец Серафим, что вы идете с женою или дочерью по лесу и на вас нападают волки. Вы что, «возлюбите врага своего», ибо волк — враг и дадите им пожрать своих родных?

— То волки, а то люди!

— А я не считаю их людьми. Чтобы быть человеком, недостаточно иметь тело человека. Надо иметь душу человека. Человек, поднявший руку на человека ради своей прихоти и похоти, теряет право быть человеком. Человек-насильник, убийца — в моих глазах уже не человек. Уничтожая его, я испытываю чувства, сходные с теми, когда уничтожаю волков или одичавших собак.

— Вы хотите искоренить насилие насилием. Но этот путь давно опробован человеком и не привел ни к чему хорошему.

— Я понимаю вас, отец Серафим. Здесь есть большое «НО»! Насилие против насилия применялось для того, чтобы заменить одних насильников другими. То есть, для того, чтобы, уничтожив старых насильников, получить право насильничать самим. Вся история замены одного правления другим представляла такую бесконечную трансформацию.

— А вы думаете, что именно вам удастся этого избежать?

— Во всяком случае, надо попытаться.

— Мне трудно с вами спорить. Вы молоды и облечены властью, я — недостойный слуга Божий, стар и немощен. Я буду молить Господа нашего, чтобы он пощадил народ наш и ниспослал на эту землю мир и свое благословение.

— В добрый час, отче.

Я думал, что поп, наконец, покинет мой дом. Через час я должен быть на Совете, где предстояло заняться хозяйственными делами. Но он не уходил.

— Еще немного, прошу вас!

— Что-нибудь важное? — спросил я, глядя на часы.

— Чрезвычайно! Я хочу сказать о вещах, которые находятся в вопиющем противоречии не только с христианской моралью, но и с моралью цивилизованного общества!

Я понял, куда он гнет.

— Брак, — это величайшее таинство и основа человеческого общества.

— Вполне с вами согласен, отче!

— Но разве можно назвать браком то, что мы видим?! В блуде, истинно говорю вам, в блуде живут люди и в блуде рожают детей своих!

— Вы имеете в виду, что на каждого мужчину приходится по четыре женщины. Разве это наша вина?

— На то воля Божья. Мы должны в час тяжких испытаний сохранить лицо человеческое, восстановить семью, ибо семья — это первооснова общества.

— Все это верно, отец Серафим! Но, куда деть лишних женщин? Что вы предлагаете?

— Христианская церковь имеет большой опыт в этом отношении.

— Интересно.

— Разве в истории нашего народа не было таких времен, когда Родина жертвовала своими сынами во имя свободы и будущего своего народа? Целые села лишались своих кормильцев и женщины впрягались в плуг вместо лошадей. Жены, лишённые мужей, уходили от мирских соблазнов в монастыри для укрепления духа своего в вечной беседе с Богом.

— Ваша идея, отец Серафим, неприемлема по нескольким причинам. Во-первых, жестоко и несправедливо лишать женщину радости материнства. Здесь же скажу вам, что спасение рода человеческого после столь страшной эпидемии состоит в росте его численности. Во-вторых, ответьте мне, кто будет содержать и кормить ваших монахинь, занятых молитвами?

— Миряне...

— Миряне будут кормить своих жен и детей! И это будет справедливо. Ваши же сестры-монахини не смогут прокормить себя, ибо есть труд, который по силам только мужчине. Никто не заставит людей отдавать плоды своего труда в ваш монастырь. Следовательно, вы просто экономически не сможете существовать. В былые времена государство могло выделять монастырям часть своего продукта, теперь же у нас нет ни малейшей возможности. На плечи

мужчин и так легла огромная тяжесть. Наши женщины оказывают посильную помощь своим мужьям, иногда буквально надрываясь на работе. Знаете, — я глянул попу в глаза, надеясь, что он поймет меня, — до катастрофы я мечтал о таком обществе, в котором женщина вообще не будет трудиться, а займется только семьей. Если бы не проклятая гонка вооружений и многомиллионная паразитирующая масса бюрократического аппарата управления, мы, люди, при той производительности труда, могли бы давно создать такое общество. И оно было бы самым справедливым, ибо не может быть социальной справедливости без справедливого отношения к женщине. Самый тяжелый и самый нужный для общества труд — труд женщины-матери не оплачивался и не вознаграждался государством, которое и существовать без этого не смогло бы. Вы можете открывать свой монастырь. Я не буду мешать. Но вы должны твердо себе уяснить, что содержать его вы будете сами.

— Следовательно, от вас никакой материальной помощи не поступит?

— А вы спросите тех, кто сейчас содержит свои многочисленные семьи. Да, многочисленные! У некоторых отцов уже по шесть детей, и это радует. Род человеческий не прекратится. Так вот, спросите у них, смогут ли они выделить вам часть своего продукта, чтобы содержать молящихся монахинь? А что до «блуда», как вы выразились, то я бы просил вас воздержаться впредь от подобных выражений и не оскорблять ни женщин, ни детей, родившихся в таких условиях. Хочу предупредить вас. Прошлой осенью народное собрание приняло закон о достоинстве человека. Публичное оскорбление этого достоинства приравнено к уголовному. За это следует наказание — изгнание из нашей общины. Если вы прибегните к таким словам публично, то любой гражданин общины сможет возбудить против Вас судебное преследование и добиться изгнания. Поостерегитесь быть первой жертвой этого закона!

— Я ничего не знал об этом, — ошеломленно пробормотал поп.

— Возможно, вы прибыли к нам весной?

— Да. Мне никто не говорил.

— Теперь знаете.

— Но простите, как же тогда обличать пороки? Ведь церковь должна бороться с пороками общества.

— Обличайте на здоровье. Но, давайте уточним, что считать пороком. Обличайте ложь, призывайте к справедливости, воспитывайте уважение детей к родителям и любовь родителей к детям, обличайте насилие, несправедливость, проповедуйте заповеди: не убий, не укради, не возжелай жены ближнего, не злословь и еще там какие? Но оставьте интимные стороны жизни. Поверьте, нам самим было трудно принять такое решение. Мораль не рубашка, которую можно снять и одеть новую. Это был болезненный процесс. Я надеюсь, что пройдет время, условия, породившие данные отношения, исчезнут и восстановится привычная для нас мораль. Впрочем, и тогда будет болезненный переход от того, что создалось сейчас.

— Может вы и правы. Не мне судить. Возможно, что Господь наш простит наши вынужденные грехи...

Мне наскучил этот разговор и у меня мелькнула озорная мысль:

— А не кажется ли вам, отец Серафим, что ежели Господь Бог создал такие условия, то он и благословил вытекающие из них отношения?

Он ошеломленно посмотрел на меня, стараясь понять, серьезно ли я это говорю.

— Я, знаете ли, не подумал... — наконец пролепетал он.

— А вы обратитесь к первоисточникам. Где в Старом или Новом Завете вы найдете осуждение таким брачным отношениям?

— Но христианство...

— Я мог бы вам напомнить Авраама, царя Соломона и Давида, но воздержусь. Найдите мне место, где Христос осудил бы полигамию?

— Но святой Павел...

— Святой Павел был потом. У нас тоже были такие продолжатели Маркса, которые на деле извращали его учение. Ученик может развить учение, но может и извратить его. Разве церковь не отвергла учения некоторых последователей Христа? Например, Ария? А возьмите раскол церкви на православие, католичество и лютеранство, я уж не говорю о многочисленных сектах. Все они признают Христа, но каждый по-своему толкует его учение. Вы ссылаетесь на Павла. Но разве Павел — сын Божий? Обратите внимание: Христос был менее категоричен и более терпим, чем Павел. И я скажу вам почему! Христос искал истину, а его ученики — власть. Цели были разные!

— Вы, как сами сказали, атеист, а говорите о Христе с таким теплом и уважением. Странно.

— Ничего странного нет. Христос совершил подвиг и достоин глубочайшего уважения. Он первый сказал: все люди — братья! За одно это он заслужил благодарность поколений. Он призывал к терпимости, говорил; «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо». Так следуйте заветам своего учителя, любите людей такими, какие они есть и будьте терпимы! Потом, отец мой, церковь внушила людям неправильное, примитивное представление о целях Христа.

— Христос — Спаситель!

— Правильно! Но от чего?

— Для жизни вечной!

— Вот вы здесь и извращаете учение Христа. Христос призывал к спасению в человеке его человеческой сущности, над звериным началом, над страстью человека к насилию над своими ближними. Ибо эта страсть и привела к гибели нашу цивилизацию. Помните, он говорил, что легче верблюд пройдет в

игольное ушко, чем богач в царство Божие. Что это значило? Богач, Христос это понимал, в тех условиях низкой производительности труда, был грабителем или вором, ибо грабил, воровал чужой труд. Что делает церковь? Она призывает богатых жертвовать материальные средства церкви, обещая за это спасение. Так?

— Так...

— Но это же призыв: поделись награбленным! И церковь, таким образом, становится соучастницей грабежа, воровства и насилия, ибо пользуется результатом оно! Вы можете опровергнуть это?

Отец Серафим молчал.

— Таким образом, церковь извратила учение Христа превратила его в свою противоположность и, значит, является самым злостным противником христианства.

— Вы делаете столь неожиданные выводы...

— Я? Что вы! Это сделали еще в XII столетии катары в Лангедоке.

По-видимому, я зря упомянул о катарах, так как отец Серафим встрепенулся. Ему очень хотелось подвести мои выводы под какую-нибудь уже известную ересь, осужденную в свое время церковью. Знаний, почерпнутых много лет назад в семинарии, ему хватило на то, чтобы связать катаров с требованием бедности церкви.

— Так вы против богатства?! — едва скрывая торжество, спросил он.

Все теперь укладывалось в готовую схему и можно было спорить. Меня это уже начинало злить.

— Не против богатства, а против паразитизма. И безразлично какого: церкви, государства, чиновников, капиталистов. Я за богатство и против нищеты. Но за то богатство, которое дастся за труд и пользу, приносимую обществу. Причем, пропорционально пользе. Именно пользе, а не затраченным калориям, иначе дворник будет получать столько же, сколько врач, а токарь у станка — больше инженера, который спроектировал этот станок и поднял производительность труда токаря в несколько раз. Но извините меня, это особая тема. Я должен идти.

Отец Серафим поднялся.

— Я подумаю о нашем разговоре. Должен признать, что он произвел на меня впечатление.

— Весьма польщен, — поклонился я, обрадовавшись, что он, наконец, уходит. — А одежду-то возьмите!

Отец Серафим посмотрел сожалеюще на нарядное облачение и покачал головой:

— Благодарствуйте, но...

Не закончив фразы, он вышел.

— Где ты так долго задержался? — встретил меня Паскевич. — Уже час тебя ждем!

— Вел душеспасительные беседы, — серьезно ответил я.

Глава XXX

ПАСКЕВИЧ РАССУЖДАЕТ О СУЩНОСТИ МОРАЛИ

Алексей задерживался. Прошла третья неделя, как он вылетел с группой в тридцать человек, взяв с собой большой запас горючего и десятков аккумуляторов.

— Если найдем транспорт, то часть отряда вернется на нем, — пояснил он, когда его спросили зачем он грузит в вертолеты аккумуляторы.

Первую неделю он регулярно присылал сообщения о ходе экспедиции, но потом связь внезапно прервалась. Такое случалось и раньше. Наши радиостанции постоянно выходили из строя. Специалистов по радиоэлектронике у нас вначале не было вообще и только после того, как к нам из «Армии Возрождения» перебежало несколько человек, знающих радиодело, появилась возможность ремонтировать радиостанции. Но не хватало радиодеталей.

За время отсутствия Алексея к нам перебежало еще несколько человек. Они подтвердили сообщение, полученное недавно от радиста, который заменил Мишу, что командование армии ведет усиленную мобилизацию населения. Ужесточился внутренний режим. Бежать можно было только во время мобилизационных экспедиций. Но командование теперь постоянно меняло состав групп и договориться о совместном побеге было очень трудно.

Наша экспедиция вернулась только к концу четвертой недели. Заканчивался июнь. Сначала прибыли пять вездеходов с грузами, среди которых были так ожидаемые Паскевичем комплекты польской военной формы. Вертолеты прилетели на следующий день, но только два. Третий, на котором был Николай, отсутствовал.

— А где Коля? — первым делом спросил я Алексея.

— Разве он не вернулся? Я отослал его с сообщением три недели назад! М-да...

— Надо срочно организовывать поиски.

— Трасса его полета мне известна, если он, конечно, никуда не отклонился. Вертолет не иголка, думаю, найдем.

— С ним кто-то еще был?

— Нет. Да ты не волнуйся! Сегодня сделаем профилактику вертолетам, а

завтра утром пошлем на поиски.

— Ладно, — согласился я, с трудом справляясь с волнением. — С чем ты вернулся?

— Привез много интересного. Дай только умоюсь и перекушу. Со вчерашнего вечера не ел. Кончились запасы.

— Тогда ждем на Совете.

Через час Алексей докладывал о результатах экспедиции.

— В первую очередь — о причинах задержки.

Он вытащил карту и положил на стол.

— Здесь кружками обозначены очаги сохранившегося жилья. Зеленым — до пяти человек. Синим — до двадцати и красным — свыше двадцати. Как видите, больше всего синих. Расстояние между ними — по сорок-шестьдесят километров. Связи они не поддерживают. Отчасти это объясняется страхом перед собаками. Должен сказать, что их еще очень много. Каждый очаг жилья — это своего рода крепость, обнесенная забором и колючей проволокой.

— Как же живут люди? — удивилась Вера.

— Ну, во-первых, все имеют оружие. Думаю, что выжили те, кто имел оружие. Это — исключительно сельские жители. Боюсь, что население городов погибло полностью. Вначале к нам относились с большим недоверием. Вообще, у меня создалось впечатление, что вступать в контакт с другими людьми поселенцы не имеют желания. Хозяйство ведут примитивное. У некоторых есть лошади, большинство занимается огородами, кое-где — небольшие участки зерновых посевов. В трех хозяйствах есть еще не вышедшая из строя техника. Были мы и в городах. Впечатление, скажу, тягостное. Они разрушаются. Когда пролетали над пригородами Варшавы, заметили пять грузовиков и возле них людей. Снизиться не удалось. Нас сразу же обстреляли. Это единственный случай, когда мы видели большую группу людей. Одним словом, Польша понесла ужасные потери. Катастрофа там была, по-видимому, очень сильной. Мы пересекли всю ее территорию и вклинились в Германию. Вот в этом районе, — он очертил карандашом на карте небольшой круг, — как видите, зеленых кружков меньше, но больше красных. Однако они реже. Впечатление, что населения сохранилось не больше, чем на польской территории, но здесь созданы более крупные изоляты. Кстати, — он оживился, — в одной из них мне сообщили, что где-то к юго-западу существует большая колония, вроде нашей. Каков ее характер — не знаю, но могу точно сказать, что не банда!

— Из чего это следует? — спросил Паскевич.

Алексей пожал плечами.

— Люди, которые мне о ней говорили, по-видимому, бывали там. А банды есть и в Польше, и в Германии. Мы встречали полуистлевших повешенных,

обугленные скелеты, привязанные к столбам проволокой, и...

— Может, без подробностей? — запротестовала Оксана.

— Можно, — согласился Алексей.

— А как там с соотношением? Много мужчин?

— Да так же, как и у нас. Где больше, где меньше. Вот одно только, — он замялся, вопросительно поглядел на меня, как бы спрашивая разрешения.

— Что еще?

— Мы вынуждены были из-за поломки одной из машин пробить четыре дня в такой изоляте.

— Ну и что?

— В общем-то, ничего, но... Словом, там, как бы сказать... Мужчины и женщины не делятся на семьи. Живут все вместе.

— Ты что, подглядывал? — съязвил Паскевич.

— Тут и подглядывать не надо. Самое интересное то, что их женщины спали с моими ребятами, а мужчины — хоть бы что.

— Может, просто побоялись с вами связываться. Сколько их было?

— Трое и восемь женщин. Да нет! Не в этом дело. Это сразу чувствуется.

— А как они между собой?

— Как? Довольно мирно. Вначале мы подумали, что они братья или близкие родственники.

Паскевич весело рассмеялся:

— Есть анекдот.

— Новый? — насмешливо спросил Алексей.

— Старый, с бородой, но для тебя самый новый, — огрызнулся Александр Иванович.

— Про чукчу? — подал из своего угла голос Юрий.

— Про француза. Так вы будете слушать или нет?

— Ну давай, давай! — поморщилась Оксана.

— Это, собственно, не анекдот, а достоверная история. Во Франции, как известно, во время царствования этих самых Людовиков, браконьерство строго каралось...

— Саша, о каком Людовике идет речь? — перебил его Алексей.

— Какая разница? Их там была целая куча. Выбирай любого. Так вот. Поймали раз в лесу браконьера, молодого парня. Веревку на шею и — пишете письма. Да, но тогда во Франции перед смертью спрашивали у осужденного — нет ли причин, по которым его нельзя повесить. Ясно, что причина должна

быть уважительной. Его, значит, и спрашивают об этом. Парень, конечно, отвечает, что нельзя. «Почему?» — удивился судья. «А я, — говорит, — родственник нашему королю! А по закону родственников короля вешать нельзя. Как-никак, а королевская кровь». «Чем ты это докажешь?» — спрашивает судья. А тот в ответ «Ведите меня к королю, он сам признает во мне родственника». Повезли, значит, его в Париж и докладывают королю: «Так и так, Ваше Величество, объявился у Вас родственник, только вот, его чуть не повесили». Королю интересно стало, что за такой родственник? «Давай его сюда», — говорит он своим маркизам.

Привели парня. Король посмотрел на него — вроде бы ладный из себя, да только уж бедно одет. Спрашивает «В каком таком родстве мы с тобой состоим?» — А парень и отвечает: «Во втором, Ваше Величество! Только дайте я Вам это один на один расскажу. Не признаете во мне родственника, то пусть вешают меня». Король отпустил придворных и говорит парню: «Ну, рассказывай!» А тот ему: «Вы, Ваше Величество, спали с маркизой М?» Король почесал затылок, но все-таки вспомнил. «Точно, — говорит, — спал и не один раз». «А муж маркизы, сам маркиз М, живет с дочкой лесничего» «Ну и что?». «А то, что когда маркиза нет, то с ней сплю я. Так что, выходит, Ваше Величество, мы с Вами вроде двоюродных братьев». «Э, да так я со всей Францией в родстве буду!» — рассмеялся король. «Точно так, Ваше Величество! Поэтому мы все Вас так и любим», — нашелся парень. Позвал король придворных и говорит: «Отпустите парня, он, действительно, мой дальний родственник!»

Оксана насупилась и строго посмотрела на Паскевича.

— К чему ты это все ведешь?

— А к тому, что все люди братья по женской линии.

— Очень остроумно!

В последнее время между Оксаной и Паскевичом происходили постоянные стычки. Их «семейное счастье» почему-то дало трещину. Паскевич снял, как обычно, очки и стал протирать стекла. Это был явный признак, что сейчас «последует наказание». Я, поглощенный думами о Николае, не очень следил за развитием дискуссии.

— Ты что-нибудь о Дарвине слышала?

— Только от третьих лиц, — язвительно ответила Оксана. — Я слишком молода, чтобы быть с ним знакома, не то, что некоторые.

— Надеюсь, ты меня не считаешь современником Дарвина?

Оксана пренебрежительно пожала плечами:

— Почем я знаю?!

Сашка покраснел.

— Не обращай на нее внимания, Саша, — примирительно проговорил

Алексей. — Что там ты хотел сказать про Дарвина?

— Дарвин, как вам всем хорошо известно, утверждал, что человек происходит от обезьяны. Во время своего пребывания в Африке и у папуасов.

— Саша, у папуасов был Миклухо-Маклай.

— Маклай был позже, — безапелляционно бросил Сашка, — а сначала туда заехал Дарвин. Ну, не важно, кто был раньше. Важно, кому пришла идея. Так вот, к чему я веду все это? А к тому, что мы, люди, как были грязными обезьянами, так и остались.

— Я в этом не сомневаюсь, — ввернула Оксана. Паскевич демонстративно повернулся к ней спиной и продолжал:

— Я прошу уважаемый Совет обратить внимание на такие факты. Как организована семья у аистов, лебедей? Типичный моногамный брак. Как она организована у оленей, зубров, кабанов и многих травоядных? Полигамия. И было это всегда. Обратите внимание, всегда. Вне зависимости, где живут эти виды и какие внешние погодные условия. Не так ли?

— Так, — согласился Алексей. — Что же из этого?

— Не спеши. Если вы, уважаемые, читали «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, то вы, может быть, помните, что в человеческом обществе присутствовали все виды браков. В самом начале — групповой, потом — полигамия, парный и, наконец, моногамия.

— И что?

— Как, что? У всех форма брачных отношений не меняется и всегда одна и та же, а у человека меняется. О чем это говорит?

— Скорее всего, — подал голос Юрий, — что брак формируется в зависимости от социальных условий!

Паскевич поднял указательный палец:

— Умница! — похвалил он Юрия, — совершенно верно: под влиянием социальных условий. У остальных же видов, лишенных так называемой социальности, устанавливаются постоянные брачные отношения, которые можно назвать первородными или естественными отношениями.

— Допустим! — кивнул головой Алексей, — но причем тут обезьяны?

— А то, что, если человек происходит от обезьяны, то его первородные отношения должны быть такими же, как и у обезьян. А для них как раз характерен групповой брак.

— Ты хочешь сказать, что дезорганизация человеческого общества и разрушение социальных основ способствуют установлению этих самых первородных брачных отношений?

— Совершенно верно! — Паскевич торжествующим взором окинул присутствующих.

— В таком случае, можешь ли ты объяснить причины установления первородных брачных отношений?

— Проще простого. Все исходит из интересов семьи и популяции. Для травоядных, которым не приходится в поте лица своего добывать пищу, выгодно иметь потомство от наиболее сильного самца. Отсюда и известные вам турниры оленей, зубров, кабанов и прочих. Побеждает сильный и дает наиболее полноценное потомство.

— Почему же у хищников это не распространено? Разве им не нужно полноценное потомство?

— У хищников тоже происходит сражение за самку. Но труд хищника тяжел и прокормить многочисленное потомство от разных самок он не может. Поэтому они живут, обычно, парами.

— Ну, а обезьяны? Почему они такие распушенные?

— А здесь тоже прослеживается рациональность. Обезьяны, как вам известно, живут на деревьях. Прыгают они с одного дерева на другое, переселяются с места на место в поисках пищи. Вдруг летит вниз зазевавшийся малыш. Что бы делала несознательная обезьяна, если бы жила в парном браке? Посмотрел самец вниз, видит — не его, ну и думает: «Хрен с тобой, пусть о тебе собственный папа заботится». А так что получается: сорвался детеныш и каждый самец думает: «А не мой ли это сыночек?». И шурух — вниз за ним! Спас, принес мамаше. Вот и вывод — что для выживания популяции обезьян необходим групповой брак. Я популярно объяснил? А теперь с разрешения многоуважаемой аудитории, — Паскевич сдержанно поклонился, снял очки и прошелся по комнате, — я перейду к создавшейся ситуации в человеческом обществе. Что произошло? Обрушившаяся на нас катастрофа привела к дезорганизации общества и отмене всех действующих социальных ограничений на насилие. В этих условиях единственная возможность выжить — формирование изолят, безопасность членов которой может быть обеспечена только коллективной защитой и только в тех случаях, если изолята достаточно многочисленна (если здесь вообще можно говорить о многочисленности), чтобы противостоять нападению. В этом отношении конфликты внутри изоляты чрезвычайно опасны. Людям есть куда уйти в случае конфликта с сотоварищами. А это — распад изоляты, в сохранении которой особенно заинтересованы женщины.

— Это почему же? — спросила Оксана.

— Да потому, милая моя, что в период социального шока и после него женщина является главным объектом насилия. Затем, ты не будешь этого отрицать, женщина обладает более выраженным инстинктом заботы о потомстве. А безопасность потомству может дать только общество, пусть малочисленное и такое примитивное, как изолята, но все-таки общество, в котором существует ограничение насилия. Надеюсь, ты с этим согласна? — Оксана кивнула. — Благодарю! — Паскевич церемонно поклонился ей, надел

очки и стал ее рассматривать, как будто впервые в жизни видел. — В таком случае, я продолжаю. Исходя из вышесказанного, женщина «кровно» заинтересована в сохранении изоляты и избежании конфликтов. Именно она будет инициатором перехода к наиболее адаптивной форме в этих условиях брачных отношений, а именно к групповому браку.

— Не могу с этим согласиться! — вскочила Оксана. — Почему ты приписываешь все это женщине? А мужчины? Я...

— погоди! Слушай дальше. При групповом браке забота о потомстве ложится на всю изоляту. При разрушении изоляты — только на женщину. Следовательно, в условиях изоляты и группового брака вероятность выживания потомства увеличивается по сравнению с условиями изолированной семьи. Женщина рассуждает так: «В любом случае потомство мое. Главное — чтобы оно выжило, а кто является отцом — это уже второстепенное дело».

— Ты всегда приписывал женщинам самые... самые низменные чувства! — Оксана задыхалась от возмущения.

— Вот тебе раз! Ты ничегошеньки не поняла. Я хочу сказать, что женщина всегда является творцом морали. Что такое мораль? Разве это застывшее понятие? Мораль можно определить как некое оптимальное поведение в данной социальной среде. Следовательно, моральные нормы и правила — это вытекающие из адаптации к среде и условиям существования формы поведения. Если среда меняется, то должна меняться и мораль. Правила морали должны быть целесообразны. А цель, в данном случае, одна — выживание! Речь идет не о падении нравов, а об изменении морали, приспособлении ее к новым условиям.

— В таком случае ответь, почему в наших условиях мы не скатились до этого уровня?

— Напомню, что едва не скатились. Если помнишь предложение Светки установить матриархат. А не скатились потому, что мы достаточно большая изолята. Я мог бы сказать, что у нас вполне могли бы сохраниться прежние брачные отношения при более благоприятном соотношении полов.

— Как раз тебя это соотношение больше всего устраивает! — съязвила Оксана.

— Не спорю. Я мужчина и ничто мужское мне не чуждо. Если бы было другое соотношение, то оно устраивало бы тебя.

— Ну это уж слишком!

— Вполне с тобой согласен. То было бы слишком!

— Я не то хотела сказать!

— Перестаньте ссориться, — примирительно произнес Алексей, — ты, Саша, по-видимому, в чем-то прав.

— Не в чем-то, а — абсолютно!

— Ну, не будь столь категоричен. Я с тобою почти согласен, хотя обидно ощущать в себе, человеке, проявление обезьяньего начала.

— А оно никогда не угасало.

— Не понял?

— А то, что это обезьянье начало и групповой брак существовали в скрытой форме всегда! Если бы этого не было, то не было бы венерических болезней, не было бы СПИДа. Природа морали лежит не только в социальных условиях жизни человека, но и в его биологической сущности. При этом социальные условия для достижения внутренней совместимости общества вводят известные ограничения в проявления биологической сущности. Но эти ограничения не всегда эффективны. Можно сказать, что в любой социальной среде и при любом уровне ее развития биологическая сущность всегда выходила из рамок социальных ограничений. А там, где ограничений нет, а именно — в уголовном мире или в мире властителей, там уже преобладает только биологическая сущность. Как в обезьяньем стаде, где сильный самец содержит гарем, предоставляя остальным малопривлекательные, с его точки зрения, остатки. Царь Соломон, Святой Владимир — это те же обезьяны-самцы! Да мало ли таких примеров в нашей истории?

— Пожалуй, есть и самки!

— Конечно! Клеопатра, Екатерина Вторая, Елизавета. Их объединяет то, что социальные ограничения морали, в силу их положения, на них не распространялись. Так что, — заключил Паскевич, — «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива!»

Оксана сидела подавленная.

— Ну, а любовь? — прошептала она.

— Любовь? Разве тот же Соломон, киевский князь Владимир, арабские халифы и турецкие султаны, Клеопатра и Екатерина — начисто были лишены возможности любить? Я не берусь утверждать точно, мадам, но уверен, что царь Соломон испытывал к какой-нибудь из своих жен или наложниц не менее пылкие чувства, чем Ромео к Джульетте. Литература, искусство и философия не только отражали действительность, но больше, кажется, занимались воспитанием общества, часто выдавая желательное за действительное. Не спорю, это сыграло некоторую положительную роль, но, с другой стороны, создавало иллюзию благополучия.

— Так что, не надо было воспитывать?

— Я знаю? Но, если судить по конечным результатам... Вот, пожалуйста, сколько лет воспитывали, а все-таки появились банды, вроде той, что мы ликвидировали в прошлом году. Вот вам эффективность воспитания!

— Тут ты немного противоречишь фактам.

— Интересно каким?

— А мы сами?

— Что ж! Человек многообразен в самопроявлении. Истинная его сущность всегда проявляется в экстремальных условиях.

— Это вы очень верно сказали, — заметил майор. Он сидел до сих пор тихо, не вмешиваясь в спор.

— Хорошо известно, что дружба, возникшая на фронте, в боях, всегда была самой крепкой. Ее так и называли «фронтальная дружба». Я что хочу этим сказать? Там, в боях, под пулями, сразу же становится ясным, кто есть кто. Я понимаю вашу цель. Вы хотите сохранить моральные и духовные ценности. Конечно, те, которые можно сохранить в этих ужасных условиях.

— Не все! Нам придется кое-что переоценить. Но дело не только в моральных ценностях, — мне пришла в голову мысль и я решил ею поделиться с товарищами. — Я хочу сказать о сохранении генетических возможностей человека. Что может нанести нам вред? Как раз то, о чем только что говорили. Малые изоляты и групповой брак. Здесь неизбежны родственные связи. По сравнению с первобытным человеком, наш генофонд значительно поврежден вековым, даже тысячелетним отсутствием естественного отбора. Родственные браки приведут к быстрому внешнему, фенотипическому проявлению генетического отягощения. Поэтому в ближайшем будущем встанет вопрос о росте численности нашей изоляты. Этот рост должен смягчить проявление генетического отягощения. Поэтому, как только окрепнем, мы должны начать процесс объединения разрозненных изолят. Но только на основе добровольности. В другом случае, мы опять скатимся к диктатуре, тоталитаризму социальной деградации. На этом примере мы видим тесную связь социальных и биологических факторов о которой только что говорил Александр Иванович. Ошибка многих мыслителей заключалась в том, что это не учитывалось. Часто социальное рассматривалось отдельно от биологического, а иногда противопоставлялось ему самым вульгарным образом. В своем развитии мы не должны повторять этих ошибок. Мы не будем идеализировать человека, как это делали социалисты-утописты, но и не будем его принижать. Нас ждет много неожиданностей. Но, если мы будем воспринимать реальность как реальность, не ослепляя себя надуманными догмами, то мы всегда сможем вовремя внести поправки в планы нашего развития. Это единственное, что я хочу возвести в догму! Давайте условимся, что насилие над человеком оправдано только в одном-единственном случае, как средство против насилия. При этом антинасилие может не стесняться в средствах его осуществления. Все остальное: вопросы брака, нравственности, организации хозяйства, — все это должно решаться без всякого давления. Я согласен с Сашей, что мораль, по сути дела, — проявление адаптации общества к создавшимся условиям. Следовательно, будем сначала создавать условия более благоприятной жизни, большей безопасности и большего проявления человеческих способностей, тогда мораль сама будет принимать более соответственные формы. Насильственное же насаждение морали, как правило,

приводит к отрицательным результатам.

— Но, если обратиться к истории, — возразил майор, — то вся наша цивилизация построена на принуждении и насилии!

— Может быть поэтому она и погибла? — предположил Алексей.

— Может быть. Видишь ли, если присмотреться к нашей истории, то можно заметить, что человечество в течение веков мучительно искало выход из этого порочного круга, созданного насилием. Возьми мировые религии: христианство, буддизм, ислам, социальные утопии и учения. Все они — ни что иное, как попытки человека найти выход из создавшегося положения. Человечество предчувствовало катастрофу. Отсюда идеи Апокалипсиса, конца света, катастрофы. Это срабатывала интуиция, предчувствие неблагоприятного исхода в результате порочной основы цивилизации — насилия. В чем здесь порочная связь? Для развития человечеству требовалось создание концентрации средств, т. е. неравномерность распределения материальных богатств, создание своего рода градиента. Это общий закон. Движение требует градиента и неравновесия. Но создать такой градиент можно было только изъятием средств у большинства и концентрации их в распоряжении меньшинства. Добавь к этому биологическую сущность человека, его агрессивность и получишь исходные предпосылки создания и развития цивилизации. К сожалению, ни одно общество не избежало этой схемы. Если человеческое общество после случившейся катастрофы изберет в своем развитии эту старую схему, то неизбежен тот же финал. Во всяком случае, он наиболее вероятен.

— В таком случае я поставлю вопрос, — снова возразил майор, — возможен ли вообще другой вариант, без применения этой схемы?

— Откровенно говоря, не знаю. Но надо попробовать найти такой вариант развития, при котором объединение людей возможно было бы без насилия, на добровольных началах. Сейчас это относительно легко, потому что объединение происходит в целях безопасности. Но потом, когда внешняя опасность исчезнет или сгладится, необходимо такое устройство общества, при котором оно будет удерживаться в своем объединении не насильственно, а добровольно. Для этого надо, чтобы выгоды жизни в этом обществе или государстве, значительно превышали затраты на содержание самого государства или системы управления этим обществом.

— Вы хотите сказать, что такое государство должно взимать малые налоги? Но возможно ли тогда само существование государства?

— Возможно.

Я подошел к большой классной доске и взял мел. Эту доску мы повесили давно и часто возле нее разгорались самые интересные споры. Мы чертили схемы, поясняющие наши идеи, спорили над ними. Так было нагляднее.

— Вот посмотрите. Простейшая схема обратной отрицательной связи: А+

=В-. Еще в 1936 году итальянский математик Вольтерра вывел свои знаменитые правила. Плюс элемент (А) он называл поедаемым видом, а минус элемент (В) — поедающим. Эти названия сложились в процессе создания модели обратной связи во взаимоотношениях хищник — жертва. Однако эту схему можно применить к соотношению государство — население. Естественно, государство существует за счет присвоения труда и доходов населения, так же как хищник — за счет поедания травоядных. Одно из правил Вольтерра гласит: «Увеличение степени защиты поедаемых элементов приводит к увеличению количества элементов обоих видов». Это правило справедливо для любой системы с обратной связью, в том числе и для взаимоотношений государства и населения. В этом случае прослеживается явная тенденция между снижением степени обложения налогами населения и общим доходом государства. При больших налогах хозяйственная деятельность населения подавляется и, в конечном итоге, государство терпит ущерб. Возьмите такой пример. В середине восьмидесятых годов разрешили индивидуальную трудовую деятельность. Однако силы, которые противились этому, смогли провести в закон об индивидуальной трудовой деятельности большие налоги. Что из этого вышло? Только после снижения налогов хозяйственная активность населения возросла. Потом то же самое произошло с самофинансированием предприятий. Отчисления от прибыли по разным каналам достигали 60, а то и 90 процентов. Из этого тоже ничего не вышло, пока не снизили отчисления до более разумных пределов. Фактически, большой налог — это то же рабство, так как, в данном случае, человек работает не на себя, а на работодателя. Какая разница для него, кто является работодателем и на что идет его труд, на капиталиста или бюрократа? В этом случае полностью исчезает заинтересованность в труде, и средства, поступающие в распоряжение государства, с каждым годом уменьшаются. Не может быть богатым государство при нищем населении. Нищий человек лишен достоинства, так как нищета — это оскорбление, которому подвергается человек со стороны общества и государства. Лишенного достоинства легче грабить, легче принудить, но невозможно побуждать. Побуждать к творчеству, к хозяйственной инициативе. Такой подданный выгоден не государству, а его верхушке, если она преследует целью свои выгоды, а не выгоды общества.

В истории России сначала Рюриковичи, а потом Романовы рассматривали Россию и ее население не как государство, которому они служат, а как свою вотчину и своих рабов. Поэтому вся история России — это история ограбления ее народа правителями. В этом они преуспели. Крепостное право и самодержавие продержались в нашей стране так долго потому, что население было нищим, ограбленным и тем самым лишенным своего достоинства. Только необъятные просторы страны, да национальная гордость народа спасли нашу державу от различных завоевателей.

Следовательно, если хотим избежать повторения трагедии, мы должны в первую очередь закрепить в нашем обществе основное право человека — право на собственное достоинство. А самое основное — оградить население на

будущее от вторичной нищеты!

— Что такое вторичная нищета? Этот термин я слышу впервые, — спросил майор.

— Мне он только что пришел в голову. Первичная нищета — это нищета от низкой производительности труда, вторичная — от ограбления населения властью. Впрочем, вторичная нищета неизбежно приводит к первичной, так как население перестает трудиться. Тогда уже некого грабить. Это своего рода пассивное сопротивление населения, которое может оказаться весьма эффективным. В этом случае, если государство не изменит в корне свою политику, оно неизбежно погибнет.

Глава XXXI К НАМ ЕДЕТ РЕВИЗОР

Вертолет опустился на площадку в точно указанном месте. Дверца кабины открылась и из нее по очереди выпрыгнули шесть автоматчиков в голубых беретах воздушно-десантных войск. Они построились и застыли на месте. Затем из кабины появилась фуражка с большой тульей, а за ней и ее владелец в мундире с погонами полковника.

Алексей, который с Юрием вышел встречать гостя, обратил внимание на то, что вся грудь офицера была увешана орденами планками.

Полковник мельком глянул на построенный «почетный караул» и направился к Алексею.

— Полковник Голубев, начштаба Комитета Возрождения! — представился он, беря под козырек.

— С благополучным прибытием! — приветствовал его Алексей, протягивая руку для пожатия. — Как долетели?

— Спасибо! Мне поручено передать вашему руководству личное послание председателя Военного Совета Комитета Возрождения генерал-лейтенанта Покровского, — он протянул небольшой пакет.

— Я сегодня же передам его Президенту, — заверил Алексей.

— Когда меня примет Президент?

— Скоро. Дня через три, не позже.

— Но я всего на два дня, — растерянно проговорил полковник.

Алексей огорченно развел руками.

— Весьма сожалею! Но ваш визит не был заранее оговорен. Президент просил передать свои извинения. Он будет эти два дня занят приемом и переговорами с другими делегациями, визит которых был заранее

запланирован. Я обещаю вам, что вы не будете скучать. Вы охотник?

— Разве есть дичь?

— Конечно! Лоси, зубры, кабаны. Есть и олени, но, увы, охота на них пока под строгим запретом.

— Удивительно! Но я не взял с собою ружье.

— О, эта мелочь пусть вас не беспокоит. Сейчас вас отвезут в подготовленную резиденцию. А завтра мы встретимся и обсудим программу вашего визита к Президенту.

Алексей прислушался. С запада донесся гул летящих вертолетов. Вскоре они появились над лесом.

— А вот и делегации, о которых я говорил. Прошу меня великодушно извинить, но я должен оставить вас на попечение этого капитана, — он кивнул на подошедшего в сопровождении двух автоматчиков Юрия.

Полковник направился было к поджидавшей его машине, но остановился и стал всматриваться в вертолеты. Из них вышла группа польских офицеров, среди которых можно было заметить двух генералов. Генералы подошли к Алексею и сердечно с ним обнялись.

Полковник знаком подозвал двух своих солдат и велел им сесть в машину. Дорога шла мимо полей, на которых пасся скот. Полковник попросил остановиться и вышел из машины.

— У вас отличный скот! — одобрил он и спросил удивленно:

— Как вам удалось его сохранить? Разве не было проблем с собаками?

— Мы их уничтожили, — пояснил Юрий — А что? У вас проблемы со скотом? Как же с питанием?

— Мы основательно обеспечили себя запасами. А вот животноводство пока страдает. Не дошли руки. Сами понимаете, были дела поважнее! — он сделал паузу и спросил: — А эти... Поляки... Давно вы с ними общаетесь?

— С прошлого года. Вместе ликвидировали одну банду.

— Вот как? И большая была банда?

— Человек двести пятьдесят.

— Хмм. Крупная... И во что это обошлось?

— Пятеро ранены. Один тяжело.

— Чем же была вооружена банда?

— Автоматы, пулеметы, танк.

— Вы участвовали в бою?

— Пришлось.

Они снова сели в машину и поехали. Дорога свернула к озеру и сузилась.

Из-за поворота выполз танк, а за ним еще три.

— Придется переждать! — с досадой проговорил Юрий, съезжая с дороги в посеvy пшеницы. — Это, наверное, группа Паскевича возвращается, — полувопросительно сказал он сопровождающему их младшему лейтенанту.

— Скорее всего Павлова!

— Вряд ли, Павлов должен быть только завтра, — возразил Юрий, всматриваясь в приближающуюся колонну.

За танками следовали бронетранспортеры, а за ними — колонна из десяти ЗИЛов с солдатами в кузовах. К шести первым были прицеплены пушки. Четыре последних везли на прицепах полевые кухни.

Полковник вышел из машины и с каменным выражением лица смотрел на проходящую колонну. Один раз он не выдержал и, чуть подпрыгнув, попытался заглянуть в кузов одной из проходящих машин. Это было учтено заранее. Поэтому в кузовах автомашин были размещены все наши наличные силы. В первых рядах, сидящих ближе к кабинам, находились женщины, одетые в военную форму. Ближе к борту — мужчины. Машины были крыты брезентом, поэтому рассмотреть можно было только мужчин. Лишь последняя машина была полностью укомплектована лучшими нашими ребятами, Именно она остановилась, из нее вышел капитан. Солдаты, воспользовавшись остановкой, высыпали из кузова, подрамять затекшие от «долгой» поездки ноги. Капитан подошел к Юрию, поздоровался, козырнул полковнику и попросил закурить.

— Что, вымотались? — сочувственно спросил Юрий подавая ему пачку сигарет.

— Ты же знаешь Паскевича! — капитан прикурил сигарету и с наслаждением затянулся. — Пока семь потов не сгонит, не успокоится.

— Чего он так старается?

— А хрен его знает! — капитан зло сплюнул себе под ноги, — генеральский бзик... Ничего! Через неделю отпуск. Представляешь, целый месяц на пляже.

— Если будет погода.

— В августе еще жарко. Лещ берет?

— Начинает! Через неделю как раз полнолуние.

— На червя?

— Слабо. Лучше на опарыша.

Капитан докурил, бросил окурок и, растерев его носком сапога, полез в кабину. Бойцы тоже заняли свои места и ЗИЛ двинулся дальше, вдогонку ушедшей колонне.

За время этого разговора полковник не проронил ни слова. Но, когда сели в машину, как бы невзначай спросил:

— У вас что, введены отпуска для офицеров?

— И для офицеров, и для солдат. У нас в этом отношении демократично, — ответил Юрий и с сожалением вздохнул, — я уже свое отгулял и сегодня третий день на службе. Завидую Мирошниченко: у него отпуск впереди.

— Да, я слышал! Вы тут все заядлые рыбаки?

— Озерный ведь край. Знаете какие здесь угри? С руку толщиной. Так и быть! Я вам пару копченых подарю. Вы когда-нибудь ели копченого угря?

— Не приходилось!

— Ну, тогда вы пока еще не можете представить, что это за деликатес. Раньше, при социализме, его отсюда везли в Москву и Киев на стол партийной номенклатуре. Любили покойнички вкусно покушать!

— Вы их, видно, не особенно любили?

— Обожал! Особенно после Афганистана.

— Н...да! А вы женаты?

— Конечно! У нас все здесь женатые. И офицеры, и солдаты, и фермеры.

— Так у вас тут фермерское хозяйство?

— Да как сказать? Есть фермеры. Есть более крупные объединения... Вот мы и приехали!

Машина остановилась у ворот университетского стационара, которые охранялись двумя часовыми.

— Здесь будете жить, — сообщил Юрий, открывая дверцу автомобиля. — Вам приготовили баньку. Есть желание?

— С превеликим удовольствием! — полковник направился к воротам, но вход ему преградили часовые.

— Извините! Ваше оружие и бинокль, — Юрий протянул руку, — здесь вы в полной безопасности, но уж такой порядок.

Полковник неохотно отдал бинокль и пистолет. Его примеру последовали сопровождающие его солдаты.

В послании Покровского ничего особенного не было. Подтверждались полномочия полковника Голубева вести с нами переговоры о взаимной координации действий. Затем шли несколько вежливых фраз и подпись командующего.

— И это все? — удивился Алексей.

— Как видишь. Взаимную координацию можно понимать как угодно, вплоть до требования о полном подчинении. Голубеву даны указания действовать по обстоятельствам. Это лишний раз говорит о том, что их

представления о нас весьма неопределенные.

— Опасайтесь Голубева! — предостерег майор. — Это очень хитрый и коварный человек. От него трудно скрыть истинное положение дел.

— Бинокль отобрал? — спросил Алексей Юрия. Тот кивнул головой.

— Не протестовал?

— Был недоволен. После встречи с колонной Паскевича притих.

— Что? Произвело впечатление? — самодовольно спросил Александр Иванович.

— Еще бы! Если считать по армейским нормам, то в колонне было не меньше батальона. Да еще некая колонна Павлова, о которой не забыл упомянуть мой помощник.

— Что сейчас делает Голубев?

— Попарился в баньке, поужинал и теперь отдыхает.

— Следите, чтобы он не отправился на самостоятельную прогулку, — предупредил майор.

— За ним присматривают, — успокоил нас Юрий.

— Если он что пронюхает, то мы не сможем его выпустить отсюда.

— Ликвидация Голубева мало что даст, — заметил майор.

— Знаю! Это крайний вариант, к которому не хотелось бы прибегать. В случае его вынужденной ликвидации мы выиграем немного, только время. Пока пройдет расследование, пока мы дадим объяснения, до зимы протянем. А весной мы будем полностью готовы. Вряд ли Покровский решится начать раньше, не располагая необходимой информацией. Завтра Голубева отправьте на охоту, как договорились. Кто с ним идет?

— Лесник, — сообщил Алексей.

— Саша, сверим часы!

— У меня двадцать два пятнадцать! — сказал Паскевич, взглянув на свой хронометр.

— Отлично! — Алексей перевел стрелку часов на минуту вперед.

Полковник держался в седле уверенно. Было раннее утро. Солнце еще не вынырнуло из-за горизонта и небо покрывали темные облака. Кое-где их края начинали светлеть, предвещая скорый восход солнца. Всадники ехали шагом. Впереди на гнедой кобыле — Иван Акимович, за ним на белом с темным пятном на боку мерине — полковник, а замыкал кавалькаду Алексей. Он пообещал проводить их немного и выразил сожаление, что не сможет участвовать в охоте из-за неотложных дел. Между деревьями показалась группа всадников.

— Кто там еще? — удивленно вскинул брови Алексей.

— Это, наверное, Паскевич, — проворчал недовольно лесник и выругался. — Главный браконьер! Вот уж доложу куда надо. Эй! — заорал он, покраснев от злости.

— Не шуми, Акимыч, зверей распугаешь, — попросил Алексей, незаметно подмигивая полковнику.

Тот понимающе усмехнулся и скосил глаза на лесника. Алексей приподнялся в стременах и приветливо помахал рукою всадникам.

— Александр Иванович! — громко позвал он. От группы верховых отделился всадник на высоком вороном коне и поскакал к ним. Лесник покачал головою и отъехал в сторону, ворча под нос что-то невразумительное.

— Привет! — весело приветствовал Алексея подъехавший, приподняв правую руку с висящим на запястье хлыстом.

— Знакомьтесь! Это полковник Голубев, — представил Алексей своего спутника, как положено в этих случаях, младшего по званию — старшему.

— Генерал-лейтенант Паскевич! — кивнул головою Сашка. — Вы недавно прибыли? Я вас раньше не видел.

Полковник слегка вздрогнул.

— Полковник — представитель наших соседей на востоке, — пояснил Алексей.

— А-а, — протянул безразличным тоном Паскевич и лениво спросил:

— Проситесь к нам?

Полковник нахмурился и, искоса взглянув на Алексея, отрицательно покачал головой.

— Ну-ну! — с едва уловимой иронией проговорил Паскевич и тут же переменял тему разговора:

— Что, Акимыч, — крикнул он леснику, — все еще злишься на меня?

Лесник отвернулся и отрешенно махнул рукою, как бы говоря: «ну что с тебя взять!»

— Да, ей богу же, прошлый раз случайно! — начал оправдываться Паскевич.

— Это как же случайно? — лесник пришел в негодование. — Самку от самца отличить не можете? А бабу от мужика отличаете? Или вам и здесь все одно?

Последняя реплика не входила в первоначальный сценарий. Вся эта стычка в лесу между лесником и Паскевичем была задумана только для того, чтобы незаметно познакомить Голубева с нашим «генералом». Однако одна мысль о том, что кто-то может на охоте застрелить лосиху привела Ивана Акимовича в

ярость и он уже понастоящему рассердился на Паскевича. Тем более, что за Александром Ивановичем уже числились некоторые грешки в несоблюдении установленных у нас жестких ограничений в охоте. Отстрел лосей был у нас пока категорически запрещен и вынужденная необходимость совершить «политическое убийство» сохатого ради «высокого гостя» сильно подпортило настроение нашему леснику. И теперь он изливал гнев на Паскевича. Паскевич, сбитый с толку нарушением «сценария», покраснел от незаслуженной обиды.

— Но-но, Акимыч! Не забывайся! — строго прикрикнул он на лесника.

Но Акимыча уже было трудно остановить. Он отпустил еще пару колких замечаний по поводу Александра Ивановича и под конец пообещал пожаловаться на него самому Президенту.

— Жалуйся! — Паскевич оскалил зубы и вытянул коня плеткой.

Тот присел от неожиданности, сделал скачок в сторону, чуть не сбив лесника.

— Вот антихрист! — прошипел тот ему вдогонку. Но Паскевич уже не слышал его и скакал, пригнувшись к гриве лошади. Полковник не спускал глаз с удаляющегося всадника.

— Отчаянный! — восхищенно произнес он. — Как сидит в седле! Видна военная косточка.

— Ну, Александр Иванович — потомственный военный. Он прямой потомок знаменитого графа Паскевича, — сообщил Алексей.

— Что вы говорите?! — воскликнул полковник, — мне надо с ним обязательно встретиться и поговорить. Вы знаете, я ставлю Паскевича в один ряд с Суворовым.

— Вы не преувеличиваете? — засомневался Алексей, который, впрочем, был полным профаном в истории военного искусства.

— Нисколько. Граф был замечательным тактиком, стратегом и даже, я бы сказал, дальновидным политиком. Не его вина, что оружие русской армии накануне Крымской войны оказалось хуже, чем у союзников. Если бы наши ружья били с такой же дальностью, как и английские, Паскевич утопил бы англичан и французов в Черном море как паршивых котят.

— История не знает сослагательного наклонения, — напомнил Алексей.

— К сожалению! Тем более, в настоящем нельзя делать ошибок. Особенно в таких экстремальных условиях, как сейчас. Иногда, казалось бы, мелочь приводит к далеко идущим последствиям. Нам бы с вами объединиться, — начал было полковник.

Но Алексей не дал ему договорить.

— Здесь мы простимся, — он остановил коня, — желаю удачной охоты. Завтра вас примет Президент и вы обо всем с ним поговорите. — Акимыч! Береги гостя! — строго предупредил он лесника. — За своих солдат не

беспокойтесь. Их взяли сегодня на рыбалку. К вашему возвращению будет отличная уха!

Полковник поблагодарил и они расстались. Проехав метров пятьсот, Алексей встретил всадников и кивнул им в сторону, куда удалились лесник со своим спутником. Где-то километрах в пяти к северу ухнула пушка, затем еще и еще. Канонада продолжалась около часа. Затем все стихло. Алексей к этому времени был уже дома.

— Вот я и говорю, — жаловался, между тем, Акимыч полковнику, — ежели ты генерал, то должен своим поведением пример подавать подчиненным. Он покосился на полковника, — ведь верно я говорю? А?

— Конечно! — подтвердил полковник.

— Вот то-то! А то, что получается? Непорядок! Ежели все начнут лосих стрелять, то что будет? Запустение и непотребство в природе. Я вот считаю, что бабу завсегда беречь надо. Какая она не есть баба — лосиная или там человеческая. Баба она завсегда — баба... Хранительница жизни. Вот ты, видно, человек образованный. Скажи мне, когда на Русь татары нападали, чего они с собою назад брали с Руси? Ну там золото и всякое добро. Но не в том дело. Баб они наших угоняли. Для чего? А для того, чтобы корень свой укрепить, а наш подорвать. Или вон я читал в газетах, перед самой этой катастрофой, что повадились к нам ездить всякие там иностранцы, белые и черные... Жениться, значит, потому что русская баба вроде бы самая терпеливая и все вынесет. Я бы, мил человек, этим бы иностранцам... Скажу я тебе: народ, который не бережет своих женщин — хиреет, как олень, у которого глисты завелись в кишках. Красивая жинка это, я скажу, дар Божий. — Лесник на минуту задумался и продолжал:

— Вот Природа... кто она?

— Как кто? — не понял тот.

— Ну кто? Не знаешь? Так я скажу: природа — это женщина и женское ее начало — наипервейшее свойство...

В этот момент до них донесся звук отдаленной артиллерийской канонады. Полковник остановил лошадь и прислушался. Лесник слез со своей кобылы, вытащил кисет и трубку, набил трубку, раскурил и зло сплюнул.

— Это часто? — осведомился его спутник, тоже слезая с лошади.

— А ну их! Малохольные! — с раздражением бросил лесник. — Дорвались, собачьи головы. Теперь всю дичь в округе распугают. Ну чего палить? Снарядов им не жалко, а то что в лесу потом воронок, да деревьев поваленных, — он крепко выругался и дернул за повод ни в чем не повинную кобылу.

Та, не ожидая такого обращения, присела на задние ноги и испуганно

храпнула, брызнув слюною.

— Напрасно вы их так ругаете, Акимыч, — мягко упрекнул его полковник, — солдат надо учить, иначе какие это солдаты.

— Учить? Против кого учить? Да их пахать землю надо учить, а не воздух пакостить. Лбы здоровые, а толку от них никакого. Вместо того, чтобы автоматами играть, к работе руки бы приложили. Вон сколько земли вокруг стосковавшейся. Земля она, как баба, ласку да труд любит. Ну ладно, поехали.

Глава XXXII

КАМУФЛЯЖ. «РАЗРЕШИТЕ ВЗГЛЯНУТЬ»...

Паскевич явно переборщил. В таких случаях, мы, друзья, знающие его характер и любовь к эффектам, говорили: «Фантомас разбушевался». На этот раз он разбушевался всерьез и я стал опасаться, что наш, так хорошо начавшийся камуфляж раскроется. Что за этим последовало бы — не вызывало сомнений. Конечно, не могло быть и речи о подчинении бредовым планам выживших из ума генералов. Мы могли бы переселиться дальше и уйти от столкновения. Свободное пространство позволяло это сделать, но жаль было бросать налаженное хозяйство, припасы. Вооруженное же столкновение неизбежно должно было закончиться нашим поражением, принести большие жертвы.

Кто-то сказал, что полководец должен быть то львом, то лисицей. Нам предстояло рядиться в лисью шкуру, но так, чтобы из-под нее выглядывал львиный хвост. Пусть нас заподозрят в хитрости, коварстве, но только не в слабости! Надо было вести такую игру, в которой наша «сила» обнаруживалась бы противником невзначай, по упущению. Поэтому я с некоторым неудовольствием и тревогой наблюдал за деятельностью Паскевича.

Еще прошлой осенью, когда стало известно о существовании армейской группы и о том, что ее командование засекло наше расположение, мы решили, на случай такой инспекции, использовать для камуфляжа пустующий санаторий «Лесная сказка» и приспособить его внушительное центральное здание под «штаб» или, как говорил Фантомас, под «президентский дворец». Свое место по сценарию я должен был занять там утром.

Уже в седьмом часу под окном раздался гудок автомобиля. За рулем черной «Волги» сидел Вася. Рядом с ним, на переднем сидении, находился Александр Иванович в своей генеральской форме. Два дня назад в Совете разгорелся спор о том, сколько рядов колодок должно красоваться на груди нашего генерала. Учитывая его сравнительно молодой возраст, решили ограничиться тремя, хотя сам Паскевич настаивал на шести.

— После отъезда Голубева можешь надеть хоть двенадцать, — насмешливо предложил Алексей. — А пока терпи.

Паскевич было надулся, но тут же весело рассмеялся. Надо сказать, что он полностью вошел в свою роль и отлично с нею справлялся. Я немного замешкался, одеваясь в свой парадный костюм из дорогой серой английской шерсти.

Евгения критически осмотрела меня с ног до головы и, по-видимому, была не совсем удовлетворена. Она порылась у себя в ящике и подала мне булавку для галстука. В ней сверкал небольшой бриллиантик.

— На, заколи!

— Это еще зачем? — возмутился я.

— Одиссей! — услышал я крик своего друга снизу. В период душевного подъема он всегда называл меня этой студенческой кличкой.

— Ты еще долго будешь? Пора ехать!

Он оказался в дверях.

— Скажи ему, чтобы надел! — потребовала Евгения.

— Слушайся жену, она больше тебя разбирается в таких вещах.

Они еще минут пять крутили меня словно манекен, сменили галстук на более светлый и, наконец, удовлетворенные, решили, что «в таком виде» я уже могу предстать перед инспектором.

Въезд в санатории преградил шлагбаум. Возле него стояли трое солдат с автоматами. У каждого из них было переговорное устройство. Все так, как на охраняемых объектах.

От ворот к главному зданию вела широкая двухкилометровая дорога, по левую сторону которой высились длинные стандартные двухэтажные дома. Раньше в них жил обслуживающий персонал санатория, а часть использовалась для отдыхающих среднего и низшего рангов. Более высокопоставленные гости отдыхали в люксах главного здания. Теперь на углу у каждого дома стоял грибок, возле которого расхаживал часовой. На спортивной площадке у волейбольной сетки, голые по пояс, но, как принято в этих случаях в армии, в сапогах, играли солдаты. Возле кафе сновали сержанты и младшие офицеры. Из дверей магазина то и дело выходили, нагруженные авоськами «офицерские» жены. Далее стояла, готовая отправиться в путь, колонна из пятнадцати ЗИЛов, крытых брезентом, которую тоже охраняли часовые.

На площади у самого штаба стояло с десятков легковых машин, шоферы которых, собравшись в кучку, шпарили анекдоты.

— Ну как? — обернулся ко мне Паскевич.

— Не много ли легковых машин? Такое их число у штаба соответствует, пожалуй, дивизии. А так — довольно натурально. Особенно хорошо ты придумал с «женами». Что они тащат в авоськах?

— Кирпичи, наверное!

— Сколько людей ты задействовал?

— Почти всех.

Мы поднялись на крыльцо и вошли в вестибюль. У входа за столом сидел дежурный лейтенант с красной повязкой на рукаве. На столике стоял телефон.

— А это откуда? — указал я на телефон.

— А тыними трубку. Я снял. Сейчас же послышался женский голос: «Коммутатор!»

— Это главный сюрприз! Но из своего кабинета ты теперь можешь позвонить домой. Сейчас там ставят телефон. Наверное уже поставили.

— Та-а-а-к!

Я еще раз оглядел вестибюль. Лестница, ведущая на второй этаж, была покрыта ковровой дорожкой. По ней вверх и вниз сновали офицеры и девушки с папками в руках. Девушки были одеты одинаково — в черные юбки и белые блузки.

На втором этаже находилась приемная и мой кабинет. Мы вошли. Пол приемной был устлан толстым ковром. У самой двери кабинета, за столом, заставленным телефонами, сидел молодой капитан с аксельбантами.

— Твой адъютант! — представил мне его Паскевич. Тут же поодаль, за другим столом сидела миловидная секретарша и что-то печатала на машинке. В креслах вдоль стен, у окон, завешанных прозрачными шторами, сидело несколько человек в форме и гражданской одежде.

— Это «посетители» на прием, — пояснил мой спутник.

Мы прошли в кабинет, дверь в который предусмотрительно открыл мой «адъютант».

За длинным столом, стоящим торцом к большому письменному, сидело несколько человек в форме. Здесь были наши «поляки» и еще один генерал, лицо которого показалось мне знакомым.

— Кандыба? — наконец узнал я его.

— Никак нет! Генерал Павлов, — ответил он, подавая руку.

— Едут!!! — сообщил вошедший адъютант. Итак, камуфляж вступал в главную фазу. Я сел за стол. «Генерал Павлов» подошел к висящей на стене карте и стал делать «доклад». Его голос, низкий и громкий, должен был приглушенно доноситься в приемную. Зазвонил телефон.

Я снял трубку и услышал голос Алексея.

— Уже пришел?

— Сидит в приемной.

— Я буду звонить, а ты только слушай и отдавай распоряжения.

Я повесил трубку. Мы еще выждали десять минут. Затем «совещание» закончилось и участники его во главе с генералом Павловым покинули кабинет. Вместе ними ушел и Паскевич. Через приоткрытую дверь я слышал как он, словно со старым знакомым, обменялся приветствиями с Голубевым.

Через минуту вошел адъютант. Я кивнул ему головой.

— Президент ждет вас!

Вошел полковник. Я встал из-за стола и, выйдя ему навстречу, сделал ровно три шага, предоставляя ему пройти остальное расстояние.

— Рад вас видеть, полковник! Прошу, — указав ему кресло, я сел напротив, подчеркивая неофициальный характер встречи.

— Ну, как охота? — поинтересовался я.

— Благодарю, прекрасно! Мы убили лося.

— Да, в этом году их стало больше. Вы, — я принял озабоченный вид, — ни в чем не нуждаетесь? Как вас устроили?

— Все очень хорошо. Благодарю вас. Я непременно доложу командующему о теплом приеме, которым вы меня удостоили.

Он явно хотел перейти к делу, но я притворился что не понял намека.

— Как вам понравилось наше хозяйство?

— Я поражен! Прекрасные стада и посевы. Как вам удалось избавиться от нашествия собак?

— Мы их перестреляли.

— Мы их тоже стреляли, но пока особого результата не видно. Возможно, ваш регион меньше пострадал от эпидемии? — бросил он первый камень.

«Тут главное — не промахнуться и постараться утвердить его в этом мнении, но так, чтобы он заподозрил, что я стараюсь это скрыть».

— Как не пострадал? Некоторые районы области понесли большие потери. А у вас?

— У нас тоже, — он хотел мне также внушить мысли о своем относительном благополучии. — Общая беда должна способствовать объединению усилий в восстановлении организации общества.

— Несомненно.

— Что я могу передать главнокомандующему? — теперь он назвал своего начальника уже главнокомандующим, тем самым дав заявку на признание руководящей роли того в предлагаемом объединении.

— Самые добрые мои пожелания!

— Мне поручено договориться с вами о координации действий и уровне взаимных отношений, — решил он, что называется «взять быка за рога».

— Я думаю, мы пока ограничимся взаимным обменом наблюдателей с приданными им средствами связи.

Это был рискованный шаг. Если он согласится, то значит, что наш камуфляж где-то дал трещину. Я внутренне напрягся. Это не ускользнуло от его внимания. Но он принял мое волнение по-своему.

— Решение таких вопросов не входит в мои полномочия.

— Почему? В письме командующего вашей частью подтверждаются ваши полномочия вести переговоры по всем вопросам, представляющим взаимный интерес. Мне кажется, что обмен такими наблюдателями был бы существенным шагом к нашему сближению и со временем — объединению, — демонстрируя свое разочарование, я ликовал.

Полковник побледнел:

— Если это является вашим главным условием, то я доложу командующему.

— Непременно. Постарайтесь его убедить в целесообразности такого шага. Кстати, почему вы не откликнулись на первые наши предложения вступить в контакт?

— Первые? Какие?

— Мы выслали к вам двух ваших солдат, случайно освобожденных нами от бандитов. С ними мы передавали вам волну радиоприема.

— К нам они не дошли. По-видимому, погибли в пути, — солгал полковник.

— Странно. Мы доставили их почти к вашей базе, — добил я его.

Полковник молчал. Я вытащил трубку, набил ее и закурил.

— Курите.

— Спасибо, — он вытащил сигарету и стал разминать ее.

Он явно хотел что-то спросить, но не решался. «Сейчас он спросит про „поляков“», — решил я и поспешил его предупредить:

— У нас есть положительный опыт обмена такими наблюдателями. Это помогает нам координировать свои действия и вовремя применять меры к различным бандам, которых, к сожалению, расплодилось довольно много. Они терроризируют население и, я думаю, что совместные действия против них могут принести существенную пользу в восстановлении порядка. Вы так не считаете?

— Да, конечно. Я обязательно доложу своему начальству о вашем пожелании.

— Непременно. Единственная цель, которую мы при этом преследуем — иметь возможность прийти вам на помощь в случае опасности!

— На какие силы мы можем рассчитывать? — живо спросил полковник.

— Ну, много не обещаю. Сами понимаете, положение тревожное. Но

роту-другую всегда сможем высвободить. Но это, если вы войдете в нашу систему коллективной безопасности, — поспешил предупредить я. — Видите ли, у нас есть обязанности перед союзниками. Без их согласия мы не можем оказывать существенную помощь организациям, не входящим в нашу систему. Это, конечно, связывает руки, но и имеет ряд преимуществ.

— Да, я понимаю, — пробормотал полковник. Я решил добить его окончательно:

— Мы пока еще слишком слабы. Учтите, что три четверти мужчин должны заниматься сельским хозяйством, чтобы прокормить себя, армию и большой избыток женщин, которые, как понимаете, не могут выполнять тяжелую работу. Со временем мы вынуждены будем еще больше увеличить это соотношение, так как в полевых работах все больше и больше приходится использовать конную тягу. В будущем году мы намерены расформировать две воинские части из-за этого. Если учесть еще, что часть молодежи будет учиться в университете, то Вы понимаете, что сверх обещанного я не могу дать ни одного солдата.

— Вы сказали «университет»?

— Ну, это — число условно. Небольшая группа молодежи изучает медицину, технику и агрономию. Надо успеть передать будущим поколениям хотя бы часть знаний бывшей цивилизации.

— У вас и школы есть?

— Конечно. Пока, правда, мы ограничились обязательным начальным образованием. Дальнейшую учебу продолжают только наиболее способные дети.

— Интересно. А можно взглянуть?

— Школу? Пожалуйста. Но сейчас каникулы.

— Ах да, я совсем забыл! Но мне просто хотелось взглянуть. Поверьте, это самое замечательное, что я здесь услышал!

Я взглянул на полковника и поразился. Глаза его смотрели по-другому. Он был абсолютно искренен в своем интересе. Мне даже показалось, что лицо его вдруг стало более симпатичным.

Я нажал кнопку сбоку стола. Появился адъютант.

— Распорядитесь, капитан, чтобы полковнику дали провожатых для осмотра школы и предупредите директора.

Это было непредвиденное отклонение от «сценария», но я был спокоен. Школу мы еще в июне привели в порядок. Заново отремонтировали, снабдили наглядными пособиями, соорудили прекрасную спортплощадку, на которой сейчас, скорее всего, полно ребятишек.

Мне показалось, что в настроении полковника сейчас происходит какой-то перелом и я поспешил этим воспользоваться:

— Сегодня вечером у нас будет небольшой бал. Прошу вас быть моим гостем! — я встал и протянул ему руку.

Он ее крепко пожал и направился к двери. Первая часть нашего сценария закончилась.

Глава XXXIII

«МЫ ЭТО ЦЕНИМ, НО, ПОЙМИ, ЭТО СОВСЕМ НЕ ТО»

В назначенное время все приглашенные собрались в большом зале санатория. Я поискал глазами полковника. Тот стоял возле колонны и о чем-то оживленно разговаривал с Паскевичем. Неподалеку, в окружении «офицеров штаба» стоял «генерал Павлов». Как и было решено в самом начале — одни мужчины были в штатском, другие — в парадной форме.

— Ну, как тебе нравится? — услышал я рядом с собой голос Евгении, — я подобрала самых красивых, как ты велел.

Я обернулся. На ней было плотно облегающее фигуру черное платье, на фоне которого бриллиантовое кольцо выглядело особенно эффектно.

— Ты все-таки лучше всех!

— Благодарю! — присела она в реверансе.

— Обрати внимание, с каким вкусом одеты наши женщины.

— Вижу. Сокровища Можиевского пришлись кстати.

— Это первый наш бал, пусть даже «камуфляжный»! Когда-нибудь мы обязательно устроим настоящий.

— Это так надо?

— Как ты не понимаешь?! Ты пойми, большинство женщин у нас в возрасте от 18 до 22 лет. Что мы видели? Жизнь только начиналась, как разразилась катастрофа. Что нужно женщине? Немного восхищения! Мы три года не вылезали из лыжных костюмов. Утром работа, днем работа и вечером работа. Как это надоело! Хотя бы немного развлечений. Пусть не часто, редко, но, чтобы забыть на время поле, кухню, ферму и прочее. Почувствовать себя женщиной, ловить восхищенные взгляды...

— Ты права, я не подумал об этом. Кстати, почему перестали демонстрировать фильмы? Ведь у нас столько их собрано.

— Это совсем не то. Кроме того, смотреть фильмы стало тягостно. Они вызывают воспоминания о прошлом, о потерянных навсегда близких. Мы их поэтому и перестали смотреть. Лучше не вспоминать. Это страшно. Мы стараемся забыть все.

— И удастся?

— Что?

— Забыть. Мне кажется, что это очень трудно, почти невозможно.

— Женщине легче. Это вы, мужчины, живете и в прошлом, и в будущем. Для нас же главное — настоящее. Мы меньше думаем о том, что будет и стараемся забыть о том, что было. Нам больно вспоминать прошлое, так как в нем остается молодость и страшно думать о будущем, так как там — старость.

Заиграла музыка. Мы закружились в вальсе.

— Наш век короток!

— Почему же? Вы ведь живете дольше нас, мужчин.

— Я не о том. Мы живем всего лет десять-пятнадцать. Это время, когда мы остаемся женщинами в глазах мужчин. Не спорь! Я прекрасно понимаю все. Мы можем пользоваться любовью и уважением со стороны мужчин и позже. Но это не та любовь. В ней больше уважения и мало восхищения. А нам нужно восхищение! Вы любите нас почти как верных жен, как заботливых матерей. Мы это ценим, но пойми, это совсем не то!

— Ты будешь вызывать восхищение еще много-много лет!

— Это ложь, но все равно спасибо!

— Я совершенно искренне!

— Я понимаю! Воспитанный мужчина отличается от невоспитанного тем, что первый умеет говорить женщине то, во что она хочет верить.

— Послушай! Ты такая молодая! Откуда у тебя опыт зрелой женщины?

— Это не опыт. Это врожденные знания. Только мужчины с возрастом набираются опыта. Женщины получают его с молоком матери.

Музыка прекратилась и распорядитель пригласил собравшихся в банкетный зал. К нам подошла Оксана.

— Все в порядке! — сообщила она.

Ей и двум ее подругам была поручена вербовка спутников полковника. Мы решили, что нам не помешает еще одна независимая шпионская сеть, которая могла бы сообщать нам о намерениях командования и способствовать развитию дезертирства. Если работа новой группы будет такой же эффективной, как уже имеющейся, то к лету будущего года в «Армии Возрождения» совсем не останется солдат.

«Скорее бы все это кончилось!» — подумал я с надеждой. Сам по себе я человек глубоко штатский. Военный мундир всегда вызывал у меня смешанное чувство неприязни и насмешки. Из всех войн, которые вело человечество, я признавал только вынужденную оборону от нападения. Все великие завоеватели, начиная от Дария и Македонского и, кончая Наполеоном, вызывали у меня чувство отвращения. Война и армия в конце двадцатого столетия представлялись мне как верх нелепости и маразма человеческой

организации. В жизни нашей общины создался комический парадокс. Паскевич, который обожал военные мундиры и все, что с ними связано, вынужден был во время всех военных операций оставаться дома, я же, в котором все это вызывало отвращение, должен был заниматься организацией боевых действий, стрелять, убивать, карать. Долго это не могло продолжаться. Я чувствовал, что силы мои истощаются. Иногда я сам себя не понимал. Можно ли чувствовать такое отвращение к убийству и насилию и, в то же время быть способным хладнокровно планировать уничтожение двух сотен людей, пусть даже бандитов, и столь же хладнокровно приводить план в исполнение? Хорошо помню, что, оглядывая луг, усеянный мертвыми телами, я не испытывал никакого другого чувства, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы. Как пахарь, оглядывает только что вспаханное им поле. Мне даже в голову не пришло предложить банде сдаться. Странно... Как происходит трансформация человеческой психики? Те же самые бандиты... Ведь когда-то они были детьми... Возможно, ласковыми, как все дети. Имели любящих родителей, сами, наверное, были хорошими отцами. Что заставляет людей становиться убежденными, непримиримыми врагами? Не может быть, чтобы это предопределялось. Какая-то случайная нелепость и все — жизнь пошла по другому пути и назад дороги нет.

Где лежит причина возникающих конфликтов? В индивидуальности или в обществе? Социальная несправедливость порождает преступность. Это так! Но кто создает социальную несправедливость? Сами же люди! Порочный круг. Есть ли выход из него? Невольно напрашивается аналогия с генетическими болезнями. Там, в результате генетического дефекта, возникают порочные круги в извращении обмена веществ и отправления функций. Нет ли в развитии цивилизации такого изначального генетического дефекта?

Глава XXXIV

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТО ЕДИНСТВЕННО ПО-НАСТОЯЩЕМУ ПОЛЕЗНОЕ ДЕЛО, КОТОРОЕ Я СОВЕРШИЛ В СВОЕЙ ЖИЗНИ...»

Человек! Как трудно тебя понять. Я убежден, что значительно легче предсказать поведение общества, целого государства, чем одного-единственного человека. Иной раз кажется, что ты уже предусмотрел все варианты предполагаемого ответного поведения на твои действия, и вдруг — самая неожиданная реакция. Меньше всего ожидаемая, если судить по тому, что тебе об этом человеке известно. Это напоминает игру в шахматы, когда ты, изучив противника, рассчитал заранее все его ответные ходы, ожидаешь одного и... Следует самый неожиданный ход, в результате чего оказывается, что все твои расчеты, вся твоя «модель» летит к черту!

Вот так произошло и у нас с Голубевым. Мы предполагали все, но только не это!

Мы проводили его на следующий день после банкета, данного в его честь и в честь наших «союзников», и рассчитывали, что добились своего. Впечатления, которые он увозил с собой, должны были дать возможность нам выиграть время и год прожить в мирной обстановке. Во всяком случае мы надеялись, что, так называемая «Армия Возрождения» не решится напасть на нас в этом году. А там, как говорится, что Бог даст. Время работало на нас.

Была уже глубокая осень. В конце октября я вернулся из очередного поиска Николая. Мы прочесали всю предполагаемую трассу его полета, с отклонением в сто километров с обеих сторон. Во время полетов мы обнаружили несколько небольших изолят. Многие из их жителей присоединились к нам. Всего — около 60-ти человек. Но были и такие, что предпочитали остаться в изоляции. Как правило, люди были хорошо вооружены. Некоторые не хотели вообще вступать в контакт. В этом случае нас встречали выстрелы. Была надежда, что Николай, если он жив, находится в одной из них. Мы сбрасывали над поселением мешок с запиской и на следующий раз нам позволяли приземлиться. Обычно в таких изолятах, не считая детей, жило 15–20 человек. Они вели примитивное хозяйство на огороженных высоким частоколом или изгородью из колючей проволоки площадях, в основном, занимаясь огородничеством и выращиванием свиней и птицы. Крупного рогатого скота и лошадей почти не было. Несмотря на трудности, они не производили впечатления несчастных людей. Скорее напротив, довольных своей судьбой. Отсюда и негативизм по отношению к непрошенным гостям, в которых подозревали, если не бандитов и грабителей, то «вербовщиков», которые хотят согнать жителей в коллективы с неизбежным начальством. Узнав, что мы не преследуем эти цели, они становились дружелюбнее и охотно отвечали на вопросы. Но Николая среди них не было. Что касается их быта, то мы старались проявлять такт и не лезть с расспросами об интимных сторонах жизни. Но у меня сложилось впечатление, что они принимают самые различные формы. Одна из таких изолят произвела на нас сильное впечатление. Она насчитывала всего десять человек, в том числе троих мужчин, но среди детей были мальчики — одному один годик, другому — два. Мы потратили больше суток, уговаривая жителей этого небольшого поселения, затерявшегося в лесах Белоруссии, присоединиться к нам, но безуспешно. Александр Иванович, который все больше и больше проявлял интерес к нашему биологическому будущему, предложил даже произвести такое переселение насильственно, но его предложение было единодушно отвергнуто. Специальным рейсом мы завезли в это поселение оружие, семена, несколько штук гусей и десятка три кур — в качестве помощи, а также кое-какие предметы сельхозинвентаря. К сожалению, большое расстояние от нас до этой изоляты не позволило передать ее жителям лошадей и коров. Во всяком случае, учитывая ее уникальность, мы взяли эту изоляту под негласный контроль, решив в будущем оказывать ей постоянную помощь

Но, вернусь к Голубеву. Дома, после возвращения из последнего облета, меня ждало письмо. Его принес молодой лейтенант из «Армии Возрождения».

После первых строк я почувствовал, как густая краска стыда начинает заливать мне лицо. Опытный кадровый офицер без особого труда раскусил наш «камуфляж». С тонким сарказмом он указал на наши просчеты и ошибки. Особенно досталось Паскевичу. Меня он, впрочем тоже не пощадил. Но самое неожиданное было в конце письма.

Голубев сообщал, что принял решение помогать нам. Он ничем не объяснял, что побудило его стать на нашу сторону, но, как доказательство его искренности и твердого решения, к письму была приложена карта центральных и западных районов Украины и Белоруссии с отметками сохранившихся очагов жилья. Некоторые из них были перечеркнуты красным карандашом. Устно посланец полковника объяснил, что зачеркнутые отметки указывают очаги жилья, население которых уже переведено в расположение армии. Как вскоре выяснилось, лейтенант был сыном самого Голубева.

— Я должен вернуться как можно скорее назад, чтобы не навлечь на отца подозрение. Советую вам не медлить с эвакуацией населения, так как существует план срочной мобилизации. Отец просил передать, что в дальнейшем он найдет способ связаться с вами, если вы сами не сочтете возможным вступить с ним в связь через людей, засланных в армию. Что они существуют, отец не сомневается. Думаю, что вы, воспользовавшись этой картой, убедитесь в намерениях отца честно сотрудничать.

— Хорошо, лейтенант! Мы доставим вас поближе к части вертолетом. Но меня интересует другое. Если можете, объясните, что побудило вашего отца встать на нашу сторону. Не может быть, чтобы посылая сюда сына, он не дал объяснения своему поступку!

— Отец считает, что «Армия Возрождения» в ближайшее время развалится. С самого начала была сделана ошибка в долговременной стратегии. Он говорил, что после катастрофы могут выжить только два типа организации: либо демократическая, как у вас, либо организация, построенная на самом жестком терроре. Демократическая организация имеет больше шансов сохранить часть культурного наследия прошлого, чем тоталитарная. Больше всего его поразила школа. Скорее всего, она явилась тем толчком, который привел его к принятому решению. Кроме того, у него вызвало симпатию ваше стремление во что бы то ни стало избежать кровопролития. Он прекрасно понимал, что ваша «демонстрация силы» затеяна с этой единственной целью.

Позже, спустя несколько месяцев, когда все было кончено и «Армия Возрождения» тихо и как-то незаметно закончила свое существование, я спросил у Голубева, почему он, приняв решение перейти на нашу сторону, не сказал этого мне во время своего визита, а предпочел, рискуя сыном, отправить письмо. Его ответ был таким откровенным, как и письмо и поражал своей пронизательностью:

— Вы бы не выпустили меня! Это вполне понятно. И я бы не осудил вас. Вы не имели права рисковать. Согласитесь, ведь вы предусмотрели именно такой вариант на случай, если камуфляж закончится провалом.

Я вынужден был согласиться.

— Так вот, — продолжал полковник, — Вы не имели права рисковать, а я, понимая ваше положение, не хотел подвергать риску себя. Самые горячие мои заявления были бы встречены с недоверием. И это вполне естественно. У меня даже не было при себе карты с нанесенными очагами жилья. Да даже если и была, что бы изменилось? Пока бы все проверяли, прошло бы время. Моя задержка вызвала бы подозрения у Покровского. Нет, в любом случае мне нельзя было открываться. Что касается сына, то риска здесь не было никакого. Я его послал в запланированную инспекцию намеченных к мобилизации пунктов жилья. Ни у кого не возникла мысль задержать его и подвергнуть обыску. Хотя и здесь риск был минимальный. Я заранее написал письмо и спрятал в известном нам месте, километрах в десяти от нашего расположения. Если бы сына задержали при выезде из части и подвергли обыску, что само по себе маловероятно, то ничего бы у него не нашли.

— Вы предусмотрительны.

— Я более десяти лет на штабной работе.

— И все-таки многое зависело от случайности.

— Что вы имеете в виду?

— Ну... Появись кто-либо другой на вашем месте...

— Согласен, но только частично. Да, действительно, здесь был небольшой элемент случайности. Ваш камуфляж легко разгадал бы любой профессионал-военный. Он был наивен по существу. Хотя, должен признать, что вы отработали все детали довольно тщательно. И именно эта тщательность, в первую очередь, вызвала подозрения. В естественных условиях всегда имеются элементы беспорядка. У вас их не было! Это, пожалуй, самая существенная ошибка.

Немного помолчав, он добавил:

— Если бы вы в нашей беседе не упомянули случайно о школе, я не вынес бы полного представления о действительных ваших намерениях и целях. После этого случая я задумался и стал еще более внимателен. Вскоре мне стала ясна ваша «идеология». Я тогда понял, что этот путь, если не самый оптимальный, а возможно так оно и есть, то наиболее достойный звания человека. Это не громкая фраза! Кроме того, мне понравилось, что вы внимательно изучаете реальность, приспосабливаетесь к ней, не роняя при этом человеческого достоинства. Но это еще не все! Учтите, я — профессиональный штабист. Покровский недаром сделал меня своим заместителем. Трезво все взвесив, я понял, что если не удастся избежать военного столкновения, «Армия Возрождения» потерпит поражение!

— Вот как?

— От меня не ускользнуло, что среди наших людей уже давно началось брожение, солдаты ненадежны. Мы не смогли решить экономических проблем.

Люди это поняли. Я знал, что информация о вашей общине дошла до личного состава. Скорее всего, через тех двух бывших ваших пленных, которых вы потом подкинули нам. Сначала я сам им поверил. Но, когда они исчезли, а это совпало и с другими случаями дезертирства, то мне все стало ясно. Так что, в любом случае, мы бы проиграли и, чем дольше затягивалась бы эта история, тем вернее обрисовывался грядущий крах нашего предприятия. Так что, трезво оценив обстановку, я пришел к единственно правильному решению...

— Что решил Покровский? Долго ли он будет там сидеть в одиночестве?

— Что делать? Больное самолюбие. Думаю, что уже эту зиму он не выдержит.

— Вы его пригласили присоединиться к нам?

— Да, я передал ему ваше приглашение.

— И что?

— Пока молчит. Но уже не ругается, как в прошлый раз. Когда его тогда разоружили, он наговорил такого, о чем не хочется вспоминать.

— Это ваша заслуга.

— Вы так считаете? Спасибо! — он усмехнулся. — Мне кажется, что это единственно по-настоящему полезное дело, которое я совершил в своей жизни!

Книга 2

ТРАВА НА АСФАЛЬТЕ

Глава XXXV

СОБЫТИЯ МИНУВШИХ ЛЕТ

После окончательного развала «Армии Возрождения» мы смогли больше отдавать сил и времени хозяйству. Нас было около восьми тысяч и еще присоединились все или почти все изоляты в трехстах километрах вокруг. Многие из вновь прибывших селились в самом Острове. Постепенно он снова превращался в уютный и благоустроенный городок. Через год после описанных событий мы открыли там вторую школу, которую решили сделать семилетней. Среди присоединившихся к нам в последние два года были учителя, двое врачей и несколько инженеров. Поэтому университет тоже пополнился слушателями.

Голубев оказался хорошим хозяйственником. Ему принадлежала идея открытия конного завода. Выяснилось, что он понимает толк в лошадях. Среди

нашего солидного табуна он обнаружил бог весть откуда попавшего пятилетнего жеребца ахалтекинской породы, который должен был стать главным производителем будущего конного поголовья. Я говорю «главным» потому, что был обнаружен и рысак, который, как мне казалось, был бы более полезен, если учитывать перспективы нашего сельского хозяйства. Голубев, однако, почему-то отдал явное предпочтение ахалтекинцу, потомство которого мало годилось в упряжку, а тем более — тянуть плуг.

Через год к нам присоединился и генерал Покровский. У меня с ним состоялся долгий разговор, но я так и не составил себе окончательного мнения об этом человеке. Он поселился в отдалении от всех остальных, на берегу озера, и редко появлялся в обществе. Как мне сообщили, жил он одиноко и почти не занимался хозяйством. Бывшие офицеры, из уважения к чину, а может быть из жалости, снабжали его продуктами. Эти подношения генерал принимал как должное. Ну, бог с ним. Мы уже не имели проблем с питанием. Наши поля были тщательно ухожены. На лугах паслись многочисленные стада, на фермах содержались сотни свиней, которых с каждым годом становилось все больше. Мяса хватало с избытком.

Мой старый знакомый майор превратился в заправского фермера. Сбылась его мечта. На его подворье гордо расхаживало десятка три индюков в окружении гарема индюшек. Как и предсказывала Евгения, майор разошелся со своей женой и теперь... Впрочем, это не мое дело. Жена его раза два приходила ко мне с требованием повлиять на своего бывшего мужа и заставить его вернуться. Мне пришлось ей долго объяснять, что власть моя не распространяется на семейные отношения и каждый строит свою семью на добровольных началах. Кажется, до нее это так и не дошло. Мне говорили, что с такими же требованиями она ходила к Голубеву, а затем к Покровскому. Кончилось все тем, что она стала вдруг проявлять религиозное рвение и все чаще и чаще проводить время в обществе отца Серафима. А потом и вовсе переселилась к нему в дом. Это чуть было не подорвало авторитет отца Серафима среди его прихожан, особенно богомольных старушек, которых, впрочем, было немного. Но потом все уладилось. Отец Серафим все-таки не удержался от соблазна и облачился в одеяние митрополита. Он был просто великолепен. Если добавить к этому, что наш служитель божий за год хорошо отъелся и совсем уже не походил на несчастного изможденного старичка, каким он мне показался при первой встрече, то надо сказать, что вид его был довольно внушителен.

Ради любопытства я зашел однажды во время богослужения во вновь отстроенную церковь. Я мало разбираюсь в тонкостях церковной службы, но, как мне показалось, отец Серафим говорил проповедь. Я стоял позади толпы прихожан и он меня, естественно, не заметил. Постепенно до меня стал доходить смысл проповеди святого отца. Речь шла о смирении. О покорности Богу, что само собой разумеется. Против этого я не возражал. Смысл религии, по-видимому, в этом и состоит. Но вот отец Серафим заговорил о покорности светской власти и о том, «что всякая власть от Бога».

— Пригласи отца Серафима ко мне, — шепнул я сопровождавшей меня Вере. — Пусть зайдет, когда ему будет удобно.

Мне не хотелось приходить к нему домой, так как это послужило бы поводом для всяких домыслов.

Отец Серафим пришел на следующий же день.

— Рад вас видеть, отче, в полном здравии! — приветствовал я его.

Отец Серафим с достоинством поклонился.

— Послышав зов властей, поспешил явиться по вашему распоряжению.

— Просьба, просьба, отец Серафим. Я не имею права давать вам распоряжения. Просто я подумал, что здесь нам будет удобнее. Вы ни в чем не нуждаетесь?

— Благодарствуйте. Прихожане не оставляют своими щедротами недостойного служителя божьего.

— Ну и прекрасно! Я вот о чем хотел поговорить с вами, отче. Естественно, ни я, ни мои помощники никогда не будут вмешиваться в дела церкви, пока эти дела не вступают в противоречие с законами и политикой, проводимой правительством общины. Более того, мы воздерживаемся, как вы, наверное, заметили, от пропаганды атеизма и всего того, что может оскорбить религиозные чувства верующих.

— Не могу не согласиться с вами, сын мой! Но меня беспокоил намек. Вы говорили о нарушении законов и противоречии с вашей политикой? Я не чувствую за собой вины и меня этот намек удивляет.

— Сейчас объясню. Но, повторяю, считайте нашу беседу дружеской, неофициальной. Дело в ваших призывах к смирению. Я бы просил вас ограничить область смирения Богом и не призывать верующих к смирению перед властями.

— Разве это приносит вред властям?

— Немалый, поскольку власть заботится о моральных устоях будущих поколений, воспитании у него чувства собственного достоинства личности и приверженности к демократическому образу правления. Призывая к смирению, вы, отец Серафим, даете вексель любой будущей власти, в том числе и власти, построенной на насилии. Я же хочу воспитать такое поколение, которое будет непримиримо ко всякого рода насилию. Надеюсь, вы меня понимаете? Это моя цель. Не уверен, что достигну ее, но стараюсь.

— Все в руках Божьих!

— В человеческих, отец Серафим. В человеческих! Вы обличаете гордыню. Но именно гордого человека, гордого своей свободой и своим достоинством хочу я воспитать с тем, чтобы эти качества были переданы детям и внукам. Только гордый и независимый человек сможет противостоять насилию. Когда я говорю «независимый», я имею в виду и моральную, и идеологическую, и

материальную независимость. Вы, вероятно, заметили, что уровень нашей жизни за последние два года значительно вырос. Этому мы достигли тем, что свели налоги к минимуму. Мы хотим иметь зажиточное население, такое, которому было бы что защищать. Понимаете меня?

— Не совсем! То есть, я согласен с вами, когда вы говорите о повышении уровня жизни и зажиточности населения, но при чем тут моя проповедь о смирении?

— Смирение, отец Серафим, философия нищих! Нищих телом и нищих духом. Если вы сделаете людей нищими духом, призывая к смирению, то их легко будет сделать и нищими материально. Это взаимосвязано.

— Странно!

— Что вам странно, отец Серафим?

— Странно то, что вы, носитель верховной власти, призываете к неповиновению властям...

— Когда-то, отец Серафим, Авраам Линкольн, имя это вам, конечно, известно, сформулировал свою знаменитую триаду законной власти: власть из народа, по воле народа, для народа. Если из этой триады выпадает хоть одна составляющая, власть становится незаконной. Вы же говорите, что всякая власть от Бога. Следовательно, власть вопреки воле народа тоже от Бога и сопротивление этой власти будет незаконным, поскольку противоречит воле Бога.

— Церковь не раз выступала против тирании.

— Согласен с вами, но своей проповедью о смирении и признании всякой власти от Бога церковь способствовала установлению и укреплению тирании. Какого сопротивления незаконной власти можно ожидать от населения, преисполненного смирением?

— Ну а смирение перед законной властью?

— Законная власть не нуждается в смирении. Как раз отсутствие смирения является гарантией законной власти. Ибо, отец Серафим, если власть перестает быть законной, то население вправе и обязано, я подчеркиваю, обязано свергнуть такую власть.

— Перед кем обязано?

— Перед своими детьми. Разве не долг родителей заботиться о счастье детей? И нет большего несчастья, чем лишение свободы. Именно поэтому я против насаждения смирения. Мы гарантируем сохранение свободы и законности власти системой выборов и, главное, вооружением населения.

— Я знаю! Вы раздали оружие. Но не таит это угрозу разгула насилия и кровопролития?

— Видите ли, отец Серафим, насилие и кровопролитие можно осуществить и при помощи обыкновенной дубины. Дело не в том, каким оружием это

делается, а есть ли причины, побуждающие людей к правонарушениям и насилию. Вы живёте здесь уже два года. Скажите, было ли совершено за это время хоть одно преступление?

Священник развел руками.

— Вот видите. А тем не менее, все мужское население вооружено автоматами. Раздав оружие, мы, во-первых, хотели этим самым подчеркнуть свое доверие к людям, во-вторых, создать у них чувство уверенности в защищенности и, наконец, в-третьих, дать в руки конкретное средство защиты от произвола самой власти. Власть, отец Серафим, развращает. Но, когда носители верховной власти знают, что народ может их в любой момент смести и имеет для этого средства, такое положение укрепляет мораль и нравственность самих носителей власти.

— Вы поужинаете с нами, отец Серафим? — раздался голос Кати.

Лицо священника расплылось в улыбке. Они с Катей были знакомы.

— С удовольствием! Наслышан о вашем кулинарном искусстве, — он встал, оправляя рясу.

— В таком случае я вас обрадую. Сегодня у нас на ужин индейка, фаршированная белыми грибами и с брусничным соусом.

— Ох! — только смог произнести отец Серафим. — Грешен, каюсь, чревоугодием. Гореть мне за это в аду.

— А что матушка Софья?

— Не наградил ее Бог искусством сим великим.

Мы сели за стол.

— Может быть рюмочку? — предложил я, — поскольку и монахи ее приемлют.

— Поелику, поелику! — поправил меня отец Серафим, подставляя свою рюмку, которую Катя наполнила коньяком.

За этим занятием нас застал Александр Иванович, который ввалился ко мне в дом в сопровождении Алексея, Кандыбы, Голубева и майора.

Женщины захлопотали, расставляя на столе чистые тарелки, рюмки, ножи и вилки.

— Нашему преподобному пану епископу мое глубокое уважение! — приветствовал Фантомас отца Серафима, высказывая полное невежество в своих познаниях церковной иерархии.

— Митрополиту Песочному и всея Грибовичей, Острова, Озерска и прочия-прочия, — поправил его Алексей, садясь рядом со священником.

Отец Серафим давно перестал обижаться на выходки наших «оголтелых атеистов», которые, впрочем, никогда не носили обидного характера. Между

ними установились довольно дружеские отношения, особенно с Голубевым, который не уступал его преподобию в любви к вкусной пище и хорошему выдержанному коньяку. Как и предупреждал меня майор, Голубев любил крепко выпить. Он обычно долго мог сдерживать себя и не пить два-три месяца, но потом отключался дня на три. Из всех жителей нашей общины только отец Серафим мог составить ему компанию. Остальные почти не потребляли спиртного. Но надо отдать должное, что отец Серафим, разделяя компанию с Голубевым, никогда не напивался. Голубев в этом случае оставался на ночь у священника. Раз я серьезно поговорил с ним на эту тему. Полковник обещал мне больше не пить и, действительно, последний год сдерживал себя.

— Твоя? — указывая на красующуюся посреди стола индейку, спросил Паскевич майора.

— Моя! — ответил тот, приподнимаясь и принимая из рук Беаты тарелку с солидным куском.

— Недохнут? — деловито осведомился всезнающий Фантомас, имея в виду индюшечий молодняк.

— Им надо обязательно давать рубленную крапиву... — начал было майор.

На свою любимую тему он мог говорить часами, если его не остановить.

— Что делает Покровский? — быстро спросил я полковника, чтобы перевести разговор с индюшечьей темы на другую.

Полковник пожал плечами:

— Я с ним почти не вижусь.

— Что же, он один все время?

— К нему часто заглядывают его бывшие офицеры, — сообщил Александр Иванович, который, как вы помните, руководил у нас «службой госбезопасности».

— Разве? — сделал удивленный вид полковник. Я бросил быстрый взгляд на Паскевича и он меня понял. В последнее время мы стали замечать эти участвовавшие посещения. Паскевич, поняв, что продолжать разговоры не стоит, поспешил переменить тему.

— Кстати, я все забываю спросить вас (полковник был, пожалуй, единственным человеком, которому Александр Иванович говорил «вы»), что послужило для вас первым подозрением в камуфляже? Я имею в виду ваше посещение.

Паскевичу, как я уже писал, сильно досталось тогда в письме Голубева.

— Ваши орденские планки, — улыбнулся полковник.

— Вот как?

— Да! Вы там, Александр Иванович, поместили ленточку медали за победу над Германией. Учитывая ваш возраст... — полковник не успел договорить,

как все присутствующие буквально покатались со смеху.

Сашка покраснел как рак.

— А в остальном, в остальном вы были на высоте, — продолжал полковник. — Особенно, когда мы с вами впервые встретились. Помните, как вы гарцевали на высоком жеребце? Ни дать ни взять — генерал Скобелев! Если бы не эта ленточка, — продолжал «добивать» Паскевича полковник, — то я бы, пожалуй, не стал так уж подозрительно присматриваться ко всему, что тут у вас происходило. Мелочь, конечно. Но иногда, знаете... Вы, конечно, помните, что маршал Груши опоздал всего лишь на пять минут и Наполеон проиграл сражение. Мелочь в нашем деле может стать начальным звеном цепи самых непредвиденных событий.

Алексею стало жалко Паскевича, и он примирительно проговорил:

— Ладно, друзья! Все это в прошлом. Пора забыть. Саша, — обратился он к понурившемуся Паскевичу, — тебе что — коньяк, водку?

— Водку!

— Ну так что? — поднял рюмку майор. — Выпьем за прошлое! За нашу цивилизацию, за путь, который прошло человечество в радостях и горе, в мучениях и счастье, за культуру, которую оно создало, за науку, за то, чтобы этот путь не был напрасным и мы смогли его продолжить!

— Нет! — решительно поставил рюмку Кандыба. — За прошлое я пить отказываюсь! Не такое уж оно было хорошее, чтобы... — он замялся, не найдя подходящего слова, — словом, не туда мы шли... И, кто знает, не разразись эта катастрофа, то не случилось бы потом чего-нибудь похуже. После чего на земле нашей не осталось бы ни людей, ничего живого. Не поймите меня, что я радуюсь катастрофе... Нет! Но мне страшно обидно, что мы, люди, носители высшего разума, так глупо, я бы сказал, по-идиотски, вели себя и по отношению к себе самим и по отношению к окружающей нас природе. Мне теперь кажется, что катастрофа — это закономерный финал прошлой цивилизации.

— Нулевой вектор! — вставил свое слово Алексей и пояснил:

— Это когда точка конца движения совпадает с точкой начала. Я хочу сказать, что путь нашей цивилизации оказался именно таким нулевым вектором, иначе говоря, мы пришли к тому, от чего начинали, с той лишь разницей, что теперь мы имеем истощенную природу и загрязненный генофонд. То есть, мы начинаем теперь в худших условиях, чем наш одетый в звериные шкуры предок.

— Будем уповать на милосердие Божее и силы природы-матери нашей, — осенил себя широким знаменем отец Серафим.

— Вы помолитесь, ваше преподобие, — с тщательно скрытой иронией обратился к нему Паскевич, — чтобы Господь Бог снял свое заклятие с чрева жен наших и чтобы они разрешались от бремени младенцами не только

женского, но также и мужского пола!

— Помолюсь, сын мой, помолюсь! — серьезно пообещал священник.

— Помолитесь, святой отец, помолитесь, — Сашка встал и поклонился священнику, — а мы в поте лица своего будем трудиться, дабы молитвы ваши дошли до Вседержителя!

— Вы кушайте, Александр Иванович, — Евгения подложила ему в тарелку еще один кусок индейки, — а то в трудах праведных сойдете с дистанции прежде, чем молитвы отца Серафима дойдут до Господа Бога!

Алексей фыркнул как кот. Сашка застыл с открытым ртом, потом засмеялся, покачал головой и укоризненно поглядел на меня: «Дескать, как ты только позволяешь в своем доме обижать меня?»

— Ты когда-то утверждал, Саша, — напомнил ему Алексей, — что девки у нас рождаются от крахмала. Теперь мяса достаточно! Ешь и «роди богатыря нам к исходу сентября».

— Напрасно смеетесь, — с сарказмом в голосе ответил Паскевич, — как бы плакать не пришлось! Вы понимаете, к чему мы идем? У нас за пять лет родилась масса девочек и всего три мальчика. Тут совершенно верно говорили о генетическом отягощении современного человека. Но это еще не все. При таком соотношении полов в будущем вероятность близкородственных браков еще более усилится! Я дополню твою цитату из Пушкина:

Родила царица в ночь

Не то сына, не то дочь,

Ни мышонка, ни лягушку,

А неведому зверушку.

Вот что ждет нас, я имею в виду тех, кто будет жить потом, лет через сто. Сейчас надо думать, как избежать такого положения. Мы тут с вами радуемся, что разгневанная на человечество природа пощадила нас. А она не пощадила, а только отодвинула свой приговор лет на сто-двести.

За столом воцарилась гнетущая тишина. Еще две минуты назад здесь царило веселье. Теперь все сидели мрачные, отодвинув от себя рюмки и тарелки.

— Я вот еще что хочу сказать и обратить на что ваше внимание, — продолжал Паскевич. — Катастрофа оставила сотую часть процента мужчин на Земле. Что же дальше? А дальше то, что и сейчас число мужчин продолжает убывать. Мы убиваем друг друга с превеликим усердием. Разве не так? Сейчас подсчитаем. Нас было в самом начале человек восемь взрослых и человек пятьдесят детей в возрасте от 16 до 18 лет. Тех, кто мог носить оружие. За это время мы перебили... Сейчас подсчитаю... Так... Банду Виктора... более

сорока, затем банду Можиевского — около трехсот человек. Итого, пусть — триста сорок. То есть, из четырехсот человек осталось пятьдесят восемь. Хороший баланс, не правда ли? Что же дальше? Я думаю, что мы не одни такие и такие же события происходят на всей планете. Иными словами, за пять лет число мужчин, из оставшихся после катастрофы, уменьшилось раз в пять! И вы думаете, что процесс взаимоистребления остановился? Нет, он продолжается и будет продолжаться!

Мне вспомнились кучки камешков, которые показывал мой ночной знакомый. Не имел ли он в виду то, о чем сейчас говорит Саша? Если верить классике, то яблоком раздора всегда служили земля и женщины. Классический пример этому — судьба мужского населения на острове Баунти. На границе XVIII–XIX веков на этот маленький островок высадились мятежники, захватившие корабль, шедший с Таити с грузом хлебных деревьев. Они захватили на Таити женщин и мужчин. Первый конфликт на острове произошел из-за женщин, потом из-за земельных наделов. Кончилось тем, что мужчины перебили друг друга. Остался в живых только один, который и дал начало будущему населению островка.

Теперь у нас избыток и земли, и женщин, а тем не менее мы продолжаем истреблять друг друга. Почему? Почему, даже получив столь грозное предупреждение, как бактериологическая катастрофа, мы не можем остановиться? В чем причина? В XX столетии, а вернее, еще в XIX, мы были уверены, что все наши невзгоды, войны — все это результат социального неустройства. В XVIII веке отцы Великой Французской революции провозгласили: «Мир хижинам, война дворцам!» Союз братских республик, освободившихся от феодализма и монархии. И что же? В XX веке монархия практически перестала существовать, и феодализм заменен был капитализмом. Вспыхнули две жесточайшие войны, унесшие десятки миллионов жизней. В конце XX века мир жил буквально в состоянии пятиминутной готовности начать самоуничтожение. Тогда, как откровение, возникло «новое мышление», провозглашающее примат общечеловеческого. Мышление, основанное на исключении насилия во взаимоотношениях между народами. Но возможно ли исключить насилие во взаимоотношениях между народами, если оно сохраняется внутри самого народа, государства? Может ли быть здоровым целый организм, состоящий из больных органов?

— Забыли люди Бога, а первая заповедь Отца нашего милосердного гласит: не убий! — прервал затянувшееся молчание священник.

— А! — поглощенный своими мыслями отмахнулся от него Алексей, — люди верили в Бога сорок столетий, а в библейского — двадцать. И что? Убивали все сорок столетий друг друга и церковь, между прочим, не отставала от остальных... Не в этом дело!

— Церковь учит милосердию! — не сдавался отец Серафим, — призывает к прощению раскаявшегося преступника. Может быть вам не стоило так жестоко карать заблудших...

— Это кого — бандитов Можиевского? — удивленно переспросил Алексей.

— Да! Если бы они раскаялись. Но вы, как я знаю, даже не пытались их направить на путь истинный...

— Такой раскаявшийся бандит, при удобном случае, отец Серафим, не задумываясь всадил бы нож в спину любому из нас.

— Вот тут ты может быть и не прав, Алексей, — возразил Александр Иванович, — возьми хотя бы нашего полковника.

Он дружески положил Голубеву руку на плечо.

— Ну знаете, Александр Иванович! — вскочил со стула Голубев. Его лицо дышало негодованием. — Прошу не сравнивать... Я этого от вас никак не ожидал.

— Успокойтесь, полковник, прошу вас! — вмешался я. — Саша, немедленно принеси извинения. Это черт знает что! И вы, полковник, простите ему оговорку. Вы прекрасно понимаете, что мы никогда не ставили знак равенства между вашей организацией и бандитами.

Александр Иванович, поняв, что он допустил бестактность, принес свои извинения. Полковник немного успокоился.

— Давайте вернемся к нашему разговору! — начал я, — Ты, Саша, обеспокоен продолжающимися убийствами. Твое беспокойство мы вполне разделяем. Но, чтобы понять явление, надо знать его причину. Не так ли? — я повернулся и вопросительно посмотрел на отца Серафима.

— Совершенно верно! Причинность, то есть, детерминизм, есть основа философии.

— Не совсем с вами согласен, но это не относится к делу. Итак, если отбросить эмоциональные причины, типа «Каин — Авель», «Отелло — Дездемона», то что же является основной причиной убийства? Убийство — это завершающий акт насилия. Цель насилия — присвоение собственности! Подожди! — пресек я попытку Паскевича, хотевшего возразить. — Именно присвоение чужой собственности. Под этим понимается многое. Волк, убивающий овцу, преследует присвоение собственности этой овцы, то есть ее тела. Не так ли?

Главной ценностью человека, человеческого общества является его труд. Это его собственность. Но, чтобы присвоить его труд, надо в той или иной форме заставить человека работать на себя, насильника. А заставить, значит лишить свободы. Поэтому главная цель любого насилия в человеческом обществе — лишение человека права распоряжаться самим собою, лишение его свободы. С этого отправного момента и началась организация человеческого общества на пути исторического развития.

Если бы заповедь Божия говорила бы не «Не убий!», а «Не лишай своего ближнего свободы!» и, если бы человечество придерживалось этой заповеди, то

не было бы ни убийств, ни войн. Но церковь не могла призывать к этому, а человечество не могло этому следовать, ибо это лишало бы человечество возможности развиваться, так как лишение части людей свободы и обращение их в рабов, высвободило другую их часть для интеллектуальной деятельности. Следовательно, Бог, если он существует (простите, отец Серафим), не мог дать людям заповеди охраны свободы, а санкционировал насилие и грабеж, ограничив его благим пожеланием «не убий», которое ни к чему не обязывало. Мне вспомнилось, что Петр I, вводя фактическое рабство в России, передавая помещикам полицейские права над крепостными крестьянами, лицемерно сокрушался, что помещики продавали крестьян на рынках, аки скот. Чего же тут сокрушаться, если сам создал для этого условия? Но это так, между прочим. Итак, на первых порах, да и в последующих этапах исторического развития насилие играло главную роль в организации общественных структур. В виде отнятия свободы и личной собственности на труд, то есть, было замаскированным рабством.

— Так что же? — взволнованно проговорил Алексей. — Замкнутый круг и мы никогда из него не выйдем?

— Сейчас попробуем разобраться. Катя, дай, пожалуйста, шпильку.

Я согнул из шпильки неправильный многоугольник.

— Ты, Алексей, хорошо сказал о нулевом векторе. Что это?

— Нулевой вектор! — ответил Алексей.

— А теперь? — я разъединил концы фигуры и поднял один из них вверх.

— Спираль.

— Именно! Наша задача состоит в том, чтобы превратить нулевой вектор нашего развития в восходящую спираль. Если победят банды, то путь, по которому начнет развиваться общество, будет иметь нулевой вектор.

— Но как и какими средствами? — спросил Голубев.

— Начнем со средств. Их, в основном, два. Первое — мы должны сохранить культуру, культурное наследие, спасти все, что в наших силах. Без этого все наши потуги напрасны. Второе — замена в организации человеческого общества насилия на взаимопонимание. Организация не на принуждении, а на понятии целесообразности. Следовательно, не организация, а самоорганизация, процессы синергизма. Не управление, а самоуправление и самое решительное, я подчеркиваю, решительное и жесткое подавление всяких попыток свернуть на старый путь развития, основанный на лишении свободы и присвоении труда. Мы не избавимся от насилия, если не противопоставим ему еще более жесткое и решительное насилие против насилия. Мы уже здесь говорили с отцом Серафимом и, кажется, согласились, что нам надо воспитать гордое, исполненное чувства собственного достоинства поколение, уважающее свою и чужую свободу. Если нам это удастся, то тогда и исчезнет основная причина убийств, войн. А до этих пор... — я отпустил поднятый конец шпильки и оба

конца соединились.

— Видите? Для того, чтобы эти концы не соединялись, необходимо приложить усилие. Так и нам придется прилагать усилия, чтобы не дать восторжествовать старому пути развития. Катастрофа высвободила и выплеснула наружу самые дремучие, самые отвратительные свойства человеческой сущности. Мы в этом убедились. И, чтобы победить, нам надо быть сильнее. Нам надо стать многочисленнее! На сегодня это главное. Это позволит нам избежать родственных браков и генетического вырождения. Надо искать людей и звать их к нам. Но надо, чтобы они шли к нам добровольно. А добровольно они пойдут только тогда, когда увидят, что вместе с нами им будет лучше жить и в смысле безопасности, и в смысле материального благосостояния, и в смысле сохранения человеческого достоинства.

Я положил шпильку на стол и сел. Некоторое время все молчали.

— Так за что же выпьем? — спросила не проронившая ни слова за весь вечер Беата.

— За спираль! — одновременно воскликнули Алексей и Кандыба.

— За спираль, за Надежду, за Будущее! — поддержали остальные.

— И за духовную сущность человека. За его гордость и терпимость, за великий божеский дар разума и свободолюбия! — в глазах нашего доброго священника стояли слезы.

— Дети мои! — воскликнул он, не стесняясь их, — да будет благословение Божее вашим замыслам и делам великим, ибо веруете вы в силы Добра и Разума, а Бог есть Добро и Любовь.

Глава XXXVI КОНСТИТУЦИЯ

1999 год ознаменовался у нас принятием Конституции. О необходимости создания Основного закона говорили уже давно, но только в январе 1998 года была избрана Конституционная комиссия. Избрание ее проходило по общинам, которых насчитывалось уже шесть.

Комиссия быстро утвердила введенные нами ранее законы и включала их в Конституцию. В том числе статьи о праве на свободный выезд, об охране достоинства и некоторые другие. Все они вошли в главу «О правах человека». Много споров вызвала статья о праве ношения оружия.

Одна из статей декларировала взаимную независимость церкви и государства. Провозглашалась также независимость семьи от государства, при одновременных обязательствах государства по отношению к семье и детям. Государство брало на себя заботу об осиротевших детях. В остальном семья не зависела от государства и была вольна в выборе форм брачных отношений на

основе добровольности. Еще раз подчеркивалось право женщины на выбор и право ее ухода из семьи. Семья, при желании, могла регистрировать свои отношения, при этом выбрать любую форму регистрации: государственную или церковную. Но могла вообще обойтись без этого. В случае распада семьи, дети до 8 лет оставались у матери, по достижении восьмилетнего возраста они сами решали, с кем жить дальше. Эту статью мы ввели, чтобы положить конец начавшимся было в нашей общине конфликтам. Дело в том, что в селе Пище поселилось несколько небольших групп из лесов Белоруссии и Карпат, брачные отношения которых сложились еще до контакта с нами. Обычно в таких изолятах было не более 15 человек. После переселения они сохранили формы группового брака и жили отдельно, не афишируя свои отношения, но и не утаивая их. Некоторые наши жители стали на них коситься. Поскольку те и другие имели в своем распоряжении оружие, то могли начаться конфликты.

Отец Серафим принялся было обличать «распутников», но те оставили без внимания его страстные проповеди. Однажды наш пастырь во главе немногочисленной толпы прихожан, главным образом старух, отправился в Пищу с миссией, результаты которой нетрудно было предположить, если бы она была доведена до конца. В лучшем случае отцу Серафиму накостыляли бы по шее. Когда мне сообщили о затеянном походе, я вскочил на коня и в сопровождении Алексея и Кандыбы помчался, чтобы остановить их.

Мы нагнали шествующих километрах в четырех от Пищи. Впереди толпы престарелых богомолков шел отец Серафим, держа в руках массивный медный крест. Богомолки гнусаво тянули какое-то церковное пение. Вслед за ними бежала толпа босоногих ребятишек, предвкушавших любопытное зрелище.

Кандыба опередил нас метров на сто и, догнав богомольцев, перегородил им конем дорогу.

— Поворачивайте назад, отче! — потребовал он.

— Изыди, сатана! — замахнулся крестом на Кандыбу преподобный отец Серафим.

Как потом выяснилось, наш духовный пастырь был изрядно пьян. Утром, перед службой, он для поднятия духа и красноречия пропустил стаканчик, да еще в дорогу прихватил флягу старки и время от времени прикладывался к ней. К моменту нашей встречи фляга была почти пуста.

Видя решительные действия своего предводителя и не заметив нас с Алексеем, «Христово войско» приступило к активным действиям.

— С нами архангел Михаил! — может быть, я ошибаюсь, и назван был другой небесный полководец, но что фигурировал архангел, это точно, — завопили старухи, обступая со всех сторон всадника.

Они схватили его за ноги и начали стаскивать.

— Ах вы, старые клячи!!! — прежде чем мы успели помешать, Кандыба вытянул двух или трех из них нагайкой.

— Убивают! — завопили богомолки, бросаясь в разные стороны.

Треск кустов в чаще леса еще долго сопровождал ретираду Серафимова войска. Вслед за воинством, подобрав полы рясы, кинулся и полководец. Все это произошло в считанные секунды. Я крикнул Кандыбе, чтобы он задержал убегающего Серафима, так как опасался, что войско его, преодолев растерянность, снова сгруппируется в лесу. Кандыба, нагнав священника, наклонился и, поймав его за ворот и штаны, перекинул поперек седла. Мальчишки разразились восторженными криками.

— Ну как, святой отец, очухался? — час спустя спросил Кандыба сидящего на пеньке мокрого, мелко дрожащего отца Серафима. По-видимому, во всем было виновато жаркое июльское солнце и коварная старка. Мы доставили его на небольшой, закрытый от посторонних глаз полуостров, и несколько раз окунули в воду. Преподобный начал понемногу приходить в себя.

Убедившись, что он вменяем, мы уехали, предоставив ему самому добираться домой, до которого было километра три.

История все же стала достоянием гласности. То ли в этом виноваты были мальчишки, то ли длинные языки старух.

Через два дня у меня состоялся крутой разговор с отцом Серафимом. Он явился сам и заявил решительный протест против, как он сказал, вмешательства государства в дела церкви, что противоречит, подчеркнул он, разрабатываемой Конституции.

— Вы ошибаетесь, отец Серафим, — спокойно возразил я, — речь идет об обычном правонарушении. Только из-за личного расположения к вам я решил вмешаться и тем самым предотвратил грозящее вам судебное преследование. Но должен вас предупредить, что в следующий раз будут применены самые строгие меры.

Отец Серафим опешил. Он шел сюда с явным намерением получить извинения.

— Объясните...

— Охотно. Во-первых, вы были пьяны при исполнении служебных обязанностей. Одного этого достаточно, чтобы лишить вас духовного сана, — я говорил холодно, хотя еле сдерживал улыбку.

Чем-то мне этот священник был симпатичен. Присутствующий при нашем разговоре Алексей тоже принял серьезный вид.

— Я же был в это время не в церкви... — попытался оправдаться отец Серафим.

— Но вы шли по делам церковным. Следовательно, находились при исполнении служебных обязанностей. Если же нет, и вы действовали как

частное лицо, то вам будет предъявлено обвинение в подстрекательстве к насилию, за что минимальное наказание — вечное изгнание. Так вы были при исполнении служебных обязанностей?

Священник опустил голову.

— В этом случае вам будет предъявлено обвинение в нарушении статьи закона о свободе вероисповедания и подстрекательству к религиозной расправе. Мера наказания определит суд. Думаю, что он воспользуется статьей о наказании за подстрекательство к насилию.

— Почему религиозной распри?

— Очень просто. Вы, я думаю, шли в Пищу с намерением обличить порок? Так?

— Истинно так!

— Хорошо! Почему вы решили, что те отношения, которые установились в этих группах, порочны?

— С точки зрения христианской добродетели...

— Стоп! Жители Пищи принадлежат вашей пастве?

— Это язычники окаянные!

— Следовательно, ваши действия — это действия одной религиозной общины против другой. Это уже не только подстрекательство к насилию и религиозной расправе, но и нарушение закона об отделении церкви от государства. Не знаю... Не знаю... Удастся ли мне погасить это дело? Что, если они подадут на вас в суд? — я сокрушенно покачал головой.

— Но они же атеисты! — попытался найти выход отец Серафим.

— Какая разница! Видите ли, атеисты — те же верующие. Только они верят, что бога нет. Разве позволительно запрещать им отправление и проповедь своего культа?

— Но живущие в этом селе предаются разврату! Это же... вопиющая безнравственность. Ее надо пресечь, пока зараза не распространилась...

— Вот здесь я с вами вполне согласен, святой отец! — печально сказал я. — Давайте вместе подумаем, что нам делать.

Священник оживился, но решил подождать и выслушать сначала меня.

— Скажите, отец Серафим, можно ли безнравственность уничтожить при помощи другой безнравственности?

— Не понимаю.

— Как вы, например, думаете, возможно прекратить все то, что имеет место в Пище?

— Запретить! Расселить по разным местам, а особо упорствующих изгнать, — быстро ответил священник.

— Запретить! Расселить! Изгнать! То есть применить насилие?

— А как же иначе?

— Вот почему я вас и спрашиваю: можно ли с безнравственностью бороться при помощи другой безнравственности? Ибо, согласно установившимся в общине представлениям, насилие обретает черты нравственности только при применении его против самого насилия. Следовательно, применив насилие против проживающих в Пище семей, мы совершим нарушение основного и самого главного нашего закона.

И я затрудняюсь предсказать все пагубные последствия этого. Нарушив раз этот закон, мы нарушим и во второй, и в третий раз... С каждым разом это будет даваться нам все легче и легче. Поскольку семьи, которые живут в Пище, основаны на добровольном соглашении и созданы не насильственным путем, я не вижу оснований применять к ним насилие. Закон, отец Серафим, должен действовать без исключения. Если закон начинает толковаться произвольно, то тогда возникает ситуация, когда начинают существовать два закона: один для всех, другой для избранных.

— Но как можно терпеть такое распутство?!

— Видите ли, отец Серафим, человечество терпело это распутство в течение многих веков и тысячелетий. И даже иногда поэтизировало его в художественных произведениях. Почему бы нам тоже не набраться терпимости?

— Не понимаю вас.

— А прелюбодеяния, отец Серафим, — разве это не замаскированный групповой брак? Разве Анна не совершила с Вронским прелюбодеяние, а Онегин не пытался склонить к нему Татьяну Ларину? Я остановился специально на тех респектабельных примерах, которые фигурируют в школьном обучении. Обратимся к Библии. Разве царь Давид не занимался прелюбодеянием с Версавией? А праотец Авраам, не подталкивал ли свою Сару к прелюбодеянию с правителями областей, куда забрасывала его судьба? Кажется, это было с египетским фараоном. Если нет, то поправьте меня.

Отец Серафим молчал.

— Вы не задумывались, святой отец, почему получили такое распространение венерические заболевания, СПИД? Именно потому, что существовал групповой брак. Существовал в скрытой форме, и это как раз наиболее опасно, так как он не локализован в определенной группе, а размыт. Так что, преподобный отче, прошлая цивилизация не отличалась высокой нравственностью, а скорее ханжеством и лицемерием. Давайте же вместо ханжества возьмем себе на вооружение терпимость к слабостям человеческим. Ибо, как учит христианство, человек слаб и ничто человеческое ему не чуждо. А еще сказано: кто не грешен — брось первым камень. Это если говорить с позиции морали. А как биолог, могу сказать следующее: если женщину не

удовлетворит один-единственный мужчина, то ни страх божий, ни геенна огненная не остановит ее. Поверьте мне, это медицинский факт, как говорил Остап Бендер. Вспомните Земфиру и Алеко. Устрашил ли Земфиру кинжал Алеко?

Отец Серафим задумался.

— Ну, так как? — вмешался в разговор Алексей. — Будем резать Земфиру или пусть живет?

Отец Серафим сокрушенно покачал головой.

— Скорблю о греховности дочерей Евиных. Все беды человеческие от оных происходят. Все от Змия проклятого, соблазвившего нашу прародительницу, родившую Каина...

— Вот видите, — живо заметил Алексей, — прелюбодеяние родилось раньше, нежели respectable брачные отношения, и все мы исходим от Каина — плода прелюбодеяния Евы со Змием, ибо законный сын Адама Авель, как мне известно, не оставил потомства. Энох был старшим сыном Каина и прадедом, если я не ошибаюсь, Ноя.

— И если вы помните, отец Серафим, первое убийство на Земле произошло из-за женщины. Речь идет о дочери Евы и Адама, из-за которой возник спор Каина и Авеля.

— Вот о чем я и говорю! — отец Серафим назидательно поднял перст, — все беды человеческие начались с дочерей Евы. В узде их держать надо. В узде! — он внушительно помахал перстом.

— А давайте попробуем, — предложил я, — посмотреть на этот факт с другой стороны. Представим себе несколько иную ситуацию. Что если бы Каин и Авель, как воспитанные джентльмены, предоставили своей сестре право самой решать, кто будет ее мужем? Убийство пришло в мир уже тогда, когда два человека принялись решать судьбу третьего, не спросив его желания. Убийство — это завершающий акт насилия. А Авель и Каин готовили это насилие по отношению к своей сестре, ибо решали ее судьбу «келейно» между собою. Не кажется ли вам, святой отец, что здесь заложен первоисточник зла?

— Я знаю, — склонил голову отец Серафим, — что вы ненавидите насилие и считаете его первоосновой зла.

— Да! Зла и пороков рода человеческого. Вы правы в том, что я его ненавижу. Более того, я скажу, что насилие нецелесообразно. И вот почему. Насилие имеет две стороны. Первая — принуждение. Принуждение к какому-то действию. Но если человека будут принуждать к тому, что он не хочет делать, то, естественно, это вызовет его внутреннее сопротивление и он сделает, скажем, требуемую от него работу, но — некачественно. Во всяком случае хуже, чем если бы он отдал по собственной воле. Видя такое отношение к труду, насильник ужесточает свои требования, но ужесточение требований приводит к еще большему внутреннему сопротивлению насилуемого,

отвращению его к принудительному труду. Поэтому насилие не только безнравственно, но и нецелесообразно.

Вторая сторона — запрещение. Что происходит, когда людям запрещают то, что они считают необходимым и целесообразным? Несмотря на запрет, они делают то, что считают нужным, но тайно, скрыто, подпольно. Не так ли? И поскольку — тайно, то полностью выходят из-под контроля. Порочное в этом случае становится еще более порочным.

Я заметил на камине ручной динамометр. Я дал его отцу Серафиму.

— Попробуйте сжать, — попросил я.

Стрелка динамометра поползла и остановилась на делении 35.

— Ого! — польстил священнику Алексей. — А вы, пан отче, крепкий мужчина.

Тот, довольный похвалой, улыбнулся и попытался сжать прибор сильнее. Стрелка чуть дрогнула, поползла и остановилась на делении 40.

— Хорошо! — сказал я. — Теперь попробуйте удержать стрелку на этом делении.

Через пару минут на лбу преподобного Серафима выступил пот. Стрелка дрогнула, поползла влево, полминуты удерживалась на делении 30, потом сползла до 20. Наконец священник не выдержал и разжал руку.

— Теперь давайте проанализируем наш эксперимент, — предложил я. — Вы совершили насилие над этой системой, заставляя ее производить нецелесообразные с «точки зрения» этой системы действия, приводящие к деформации пружины. Сила противодействия пружины пропорциональна вашим усилиям. И чем больше требования к ней, тем больше сопротивление. Вы разжали руку и, следовательно, прекратили насилие, то есть насилие не доведено до конца. Теперь подумайте, в каком случае насилие могло бы быть доведено до конца, чтобы стрелка динамометра не смещалась? Священник подумал и сказал:

— Если бы я сломал динамометр.

— Совершенно верно! Завершенное насилие, то есть отсутствие сопротивления, возможно только при поломке системы. Теперь представьте вместо динамометра человека. В каком случае будет завершено насилие?

— В случае смерти...

— Физической или духовной. А это — одно и то же. Итак, ни одно насилие по отношению к человеческому обществу не может быть доведено до конца, если мы хотим сохранить это общество. Вы согласны? Вы, конечно, помните, что у нас в семидесятых и в начале восьмидесятых годов под видом борьбы с капитализмом, вещизмом и прочими «измами» была запрещена всякая индивидуальная трудовая деятельность. В данном случае бюрократия совершала акт насилия по отношению к населению. А каков результат? Запрет

привел к извращению. То есть индивидуальная трудовая деятельность продолжалась, но тайно и подпольно. Необходимых материалов, сырья, естественно, в продаже не было. И то, и другое воровали на производствах, стройках. А чтобы скрыть недостаток лимитированного товара, в бетон при строительстве мостов, АЭС добавлялось больше чем положено песка. Воровали кожу, спирт на обувных фабриках. И обувь, которую выпускали эти фабрики, получалась некачественной. Воровали на мясокомбинатах, а в колбасы добавляли больше сои и т. д. и тому подобное. Вот вам подтверждение, что запреты приводят к извращению. Затем у нас начались явления более грозные. Насилие стало ломать людей. Появились нежелание работать, алкоголизм, наркомания. То есть мы были на грани завершения насилия — ломки всей системы. И теперь еще один нюанс. О чем, скажите, вы думали, когда сжимали динамометр?

— Чтобы стрелка оставалась на месте.

— Вот! Вы ни о чем не могли думать, кроме этого. Не только насилуемый зависит от насильника, но и принуждающий намертво привязывается к принуждаемому. Он уже лишен возможности творчески мыслить и не принадлежит самому себе. Истощая насилуемого, он истощает и себя. Оба — и насильник, и насилуемый являются пленниками нецелесообразной системы.

Отец Серафим выслушал меня внимательно. Потом встал, оправил рясу.

— Может быть, вы и правы, — неуверенно проговорил он, — может быть! Мне трудно сейчас вам ответить. Мир так изменился. И все же, как вы относитесь к тому, что происходит в Пище?

— Отношусь, как к прискорбному факту, но вмешиваться в их жизнь мы не будем и Вам не рекомендуем.

— Да чем они вам мешают, отец Серафим? — Алексей тоже встал, подошел к священнику и взял его за руку. — Оставьте их в покое! Пусть живут, как хотят.

— Беспокойный поп! — сделал свое заключение Алексей, когда священник ушел.

— М-да-а... — протянул я, — уж третий раз с ним беседую.

— Ты вроде бы стараешься его переубедить...

— Не столько его, сколько — себя.

— Вот так?

— Именно так. Истина рождается в споре. И если она не выдерживает контраргументов, то, значит, это не истина. Мне этот поп нужен как представитель и выразитель ортодоксальной морали. Беседуя с ним, я ищу слабые стороны в той морали, которую диктует нам реальность. Понимаешь, сейчас такие экстремальные условия, когда наиболее явно можно выявить

первопричину всякого зла, порока... В прошлом эти причины маскировались сложностью человеческих взаимоотношений, запутанностью. Теперь все более ясно. Можно найти концы запутанного клубка. Ты меня понимаешь?

— Мы достаточно долго с тобою живем и действуем рядом. В общем, я согласен. Вернее, всегда был согласен. Меня только отталкивала твоя... Прости, но ты очень жесток. Хотя что я говорю? Ты прав. Я теперь вижу первопричину всякого зла, так же как и ты, в насилии и, может быть... Да нет! Наверное, теперь полностью тебя понимаю и оправдываю. Другого пути нет, если мы хотим создать общество, свободное от насилия...

— И защищенного от него, Алеша! Защищенного!

— Да, защищенного...

— Но, увы, за все надо платить. Создавая такое общество, мы должны быть готовы к тому, что оно станет многообразным. Давай не будем судьями этого многообразия, а предоставим разобраться в нем времени. Нецелесообразное само со временем исчезает. Да у нас и не хватит сил вмешиваться во все стороны жизни. А главное, вмешиваясь, мы можем ошибиться и снова вернуть все «на круги своя».

Описанные здесь события как раз предшествовали созданию Конституционной комиссии. После того, как все статьи Конституции были обсуждены, мы вынесли ее текст на всеобщий референдум. Голосование проходило не по всему тексту, а по каждой статье отдельно. Статьи, не набравшие необходимого числа голосов, либо исключались, либо в них вносились изменения. Потом они снова поступали на утверждение референдума.

Но так или иначе, 15 июля состоялся окончательный референдум. Конституция вступила в действие.

Теперь, в соответствии с нашим Основным Законом, законодательная власть принадлежала Народному Собранию. Каждая тысяча взрослых посылала туда одного представителя. Из двухсот кандидатов было выбрано 48 членов. Исполнительная власть принадлежала Президенту. Президент выбирался на пять лет, и сам уже формировал правительство. Он являлся и главнокомандующим вооруженными силами. Был выбран суд из пяти человек, который должен, кроме того, следить за тем, чтобы ни один из вновь принимающихся законов не противоречил Конституции. Было избрано пять Трибунов. Они избирались пожизненно. Им принадлежало право назначать референдум. Высшая государственная власть принадлежала референдуму. Только на нем могли сместить Трибуна. Но в этом случае референдум назначался Президентом или Народным Собранием. Но и Трибун мог поставить вопрос на референдуме о смещении Президента. Одновременно было установлено, что число должностных лиц, то есть занимающихся только управлением и не участвующих в производительном труде или труде,

приравненном к нему (учителя, ученые и т. п.), не должно превышать полпроцента от числа взрослого населения общины. Особая статья устанавливала право народа на вооруженное восстание, если правительство решится пойти на отмену Конституции или ее изменение без согласия народа.

В случае военного положения вся власть сосредоточивалась в руках Президента. Однако после окончания военных действий назначалось судебное разбирательство действий Президента во время его неограниченной власти. Суд мог оправдать его действия, но мог и признать его виновным. Тогда он подлежал наказанию в соответствии с предъявленными ему обвинениями.

Женщина уравнивалась во всех правах с мужчиной. Однако жена не могла свидетельствовать против мужа, а муж против жены, равно как дети против родителей, а родители против детей. Признание вины обвиняемым не принималось судом во внимание. Адвокат допускался к следствию с момента задержания. Допрос обвиняемого мог вестись только в присутствии адвоката. Функции прокурора передавались пока Трибунам. Только с их согласия и санкции мог быть произведен арест. Все эти законы действовали, конечно, только в мирное время. На время войны их действие приостанавливалось, и всю полноту власти, как уже говорилось, брал на себя Президент.

Устанавливалась также независимость и автономия Высшей школы от государства. Первым ректором нашего университета был избран Виктор. Ректор избирался сроком на три года в том случае, если за него проголосовали две трети Ученого Совета, слушателей университета и младших преподавателей. Университет сам решал, какие ему открывать кафедры, какие дисциплины преподавать. Государство не вмешивалось. Но государство назначало выпускную комиссию и принимало от университета специалистов, определяя качество их подготовки. В зависимости от этого университет получал содержание. Мы рассчитывали, что к 2000 году в университете на всех факультетах будет учиться не менее сорока слушателей.

Особое внимание было уделено начальному и среднему образованию. Мы решили пока ограничиться всеобщим четырехлетним образованием. В течение пяти-шести лет мы на большее не могли рассчитывать. В начальную школу зачислялись дети семи лет. Мы строили программу обучения, учитывая их психологию и особенно яркое воображение, значительно превосходящее воображение взрослых. В первом классе учеба напоминала игры, поощряя развитие фантазии у детишек. Им читали сказки, предлагали самим сочинять что-нибудь подобное и рассказывать своим товарищам. Шутя и играя, они учились читать, писать и считать. Оценки не ставились. Любая выполненная работа или задание заслуживали похвалы. Если ребенок не справлялся с заданием, его не ругали, а давали задание полегче. Постепенно он втягивался в общий ритм. Во втором классе осторожно и постепенно в обучение вводились элементы логики. Учителям вменялось тщательно следить — к какой области знаний проявляет интерес ребенок и — способствовать развитию его интереса. Не было особой беды в том, что по другим предметам ребенок отставал.

Четвертый класс дети кончали со знанием арифметики, природоведения, географии, истории и Конституции. Четкие знания последней были обязательным условием. Наиболее способные продолжали учиться в школе второй ступени. Ее классы формировались по наклонностям учеников, и в соответствии с этим создавалась программа обучения. У нас были классы технического и гуманитарного направлений. В школе второй ступени основной упор делался на воспитание логики мышления. Программа составлялась так, что окончивший школу имел уже достаточно знаний для той или иной практической деятельности.

Наиболее способные поступали потом, в двухгодичный колледж, который профилировался в соответствии с факультетами университета.

Со временем такая организация дала свои плоды. Но вначале были трудности, и главная из них — недостаток в интеллигенции. Однако у нас были книги.

Исподволь, незаметно мы насаждали такой моральный климат, при котором чтение книг стало самым почетным занятием. Мы создали довольно мощный радиоузел и провели от него линии ко всем поселениям, даже установили громкоговорители на полях, где днем работало почти все население. Помимо оперативных сообщений, диктор читал какое-нибудь художественное или научно-популярное произведение. Почти целый месяц читалась «История государства Российского» Карамзина. Затем Карамзина сменил Шекспир, за Шекспиром последовал Гоголь, за Гоголем — Пушкин... Идея эта принадлежала Виктору. Так или иначе, но мы, кажется, хотя и медленно, но продвигались к цели.

Как-то лет через пять после описанных событий я зашел в четвертый класс третьей начальной школы в Згорянах. Мы туда приехали по делам с Алексеем. Шел урок истории.

— Дети, — спросил я, — кто из русских князей нанес первое поражение татарам?

— Дмитрий Донской и воевода Волынский! — хором ответил мне класс.

— Хорошо! А кого из писателей вы больше всего любите?

Поднялся шум. Кто кричал: «Джека Лондона!», кто называл Пушкина, кто Гоголя, а кто и Дюма. Дети читали, и это было главным.

Я обратился к одному из ребят:

— Скажи, что, на твой взгляд, главное в человеке?

Десятилетний мальчуган подумал и серьезно ответил:

— Разум, свобода, достоинство и жизнь.

— Почему ты на первое место поставил разум? — спросил я.

— А как же? — ответил он. — Разум — это главное, без него не будет остального.

— Ну, а жизнь ты ставишь на последнее место. Почему?

— Потому, что без разума, свободы и достоинства жизнь не имеет полной ценности, следовательно, зависит от первых трех, — серьезно ответил мальчик.

— Все так думают?

В классе поднялся шум. Дети начали спорить и на меня уже не обращали внимания. Я вышел.

Каждый из этих мальчишек и девчонок имел свое мнение и не боялся его отстаивать. И, пожалуй, самое главное было то, что мое присутствие их не стесняло. — Они были именно такими, какими я хотел их видеть.

Глава XXXVII

ПУТЧ

Я открыл глаза и тотчас их зажмурил, ослепленный ярким светом фонаря. В висок мне уперся какой-то холодный металлический предмет.

— Спокойно, не шумите, — проговорил тихо, но решительно мужской голос.

Я снова открыл глаза. Луч фонаря отвели в сторону, и я увидел в комнате людей в офицерской форме. Двое стояли у постели. Один из них направил на меня пистолет.

— Тихо встаньте и оденьтесь! — приказал второй, в котором я узнал Покровского.

— Военный переворот? — стараясь быть спокойным, насмешливо спросил я.

— Вы догадливы, — ответил Покровский. — Надеюсь, мы будем удачливее. Думаю, вам не нужно разьяснять сложившуюся ситуацию. Полагаю, что вы проявите благоразумие и избавите нас от необходимости принимать жесткие меры.

Один из офицеров подал мне одежду.

— Старайтесь не шуметь, — попросил Покровский, — нам бы не хотелось тревожить сон вашей семьи.

Меня тихо вывели из дома и повели к зданию главного корпуса стационара. Во дворе бесшумно сновали люди. Однако вскоре послышались крики. Это ворвавшиеся в стационар офицеры арестовали ребят. Входя в подъезд корпуса, я услышал выстрелы, доносившиеся со стороны стоявшего на отшибе домика, где жил Алексей. Прозвучали две-три автоматные очереди, взревели двигатели танков. Уже спускаясь в подвал, я по шуму определил, что танки последовали к Грибовичам.

«Удалось ли Алексею уйти?» — этот вопрос занимал меня больше всего. Кроме меня, его и Паскевича, в стационаре из главных моих помощников никого не было, Кандыба жил в Грибовичах, Юрий был в отъезде.

Итак, военный переворот. «Интересно, — подумал я, — примкнул ли к нему Голубев? Вряд ли. Покровскому известна его роль в разложении и ликвидации „Армии Возрождения“».

Голубев жил в Озерске. Возможно, что его арестовали еще раньше. Меня закрыли в той самой камере, где когда-то мы держали пленного мальчишку из банды Бронислава. Здесь было маленькое закрытое решеткой окошко, выходящее во двор. Постепенно рассвело. Со стороны Грибовичей послышались выстрелы. Ухнула пушка танка, потом еще и еще.

Дверь каморки растворилась, и в нее втолкнули Паскевича. Он был без очков и подслеповато щурил глаза. Судя по свежему фонарю под глазом и по тому, как его грубо толкнули, он сопротивлялся при аресте.

— А, мы уже здесь! — разглядев наконец меня, сказал он и сел рядом.

— Не знаешь, Алексей бежал?

Сашка пожал плечами.

— Что, шеф, финита ля комедия? — спросил он после минутного молчания. — Я тебя предупреждал!

Сашка действительно не раз предупреждал меня о подозрительных хождениях офицеров к своему бывшему командующему. Он даже предложил немедленно арестовать Покровского и наиболее подозрительных офицеров. Я колебался. На аресте настаивал и Кандыба. Однако Алексей категорически возражал.

— Ты можешь предъявить им конкретные обвинения? — спросил он Паскевича. — Нет? Какие же основания для ареста? Мало ли кто с кем видится? Тем более, что эти визиты вполне естественны. Они служили вместе. Не вижу оснований не то что для ареста, но и вообще для каких бы то ни было претензий. Кто с кем встречается — это личное дело.

— Смотрите! — предупредил Паскевич. — Чтобы потом ко мне не было претензий.

Разговор этот состоялся в январе. В феврале я встретился с Покровским. Беседа, как мне показалось, прошла довольно дружески. Покровский сделал ряд ценных замечаний и советов. В частности, он сообщил координаты нескольких крупных поселений, о существовании которых не знал и Голубев. Эти поселения находились от нас километрах в пятистах на левобережье Днепра. Мы хотели войти с ними в контакт уже этой осенью. Единственное, в чем разошлись наши взгляды — о праве населения на владение оружием. Покровский сказал, что это создает взрывоопасную ситуацию и может привести к кровопролитию.

— Как вы вообще решились на это? Живете на пороховой бочке, которая в любую минуту может взорваться. По любому пустяку. Скажем, не поделили бабу или еще что-то. Один выстрел — и все летит к черту!

— До сих пор ничего же не произошло, — возразил я.

— Это может случиться в любой момент. Поверьте, я присмотрелся к вашей организации. В ней много рационального, но вы в любую минуту можете все потерять. Все труды пойдут насмарку из-за одного сумасшедшего или ревнивца.

— Ваши товарищи разделяют это мнение? — как бы невзначай спросил я.

Если бы он мне сказал тогда, что на эту тему у него не было разговора с его бывшими офицерами, немедленно арестовал бы его. Но он спокойно ответил:

— Естественно! Мы не раз обсуждали эту тему и все как один высказывали свою обеспокоенность. Видите ли, вы не первый, кто пытается создать гарантии демократии посредством вооружения народа. Ваши предшественники в конце концов вынуждены были проводить акции изъятия оружия у населения. Если это им не удавалось, то такое правительство неизбежно бывало низложено. вспомните корниловский мятеж. Тогда Временное правительство раздало рабочим винтовки и через месяц было низложено.

— Мы не имеем хорошо известной информации по этому поводу. Во всяком случае, согласитесь, Временное правительство не препятствовало этому, хотя и могло бы, — он говорил спокойно, как бы нехотя, — если хотите стабилизации положения — постарайтесь изъять оружие у населения. Правда, это теперь сделать не так-то просто.

— Право владения оружием закреплено Конституцией.

— Разве вы не контролируете положение? — удивился он.

— Контролирую, пока мои действия совпадают с положениями Конституции и интересами нашей общины. Но, если я вдруг предложу что-то идущее вразрез с этим, то не думаю, что встречу понимание.

— Жаль!

Больше мы к этой теме не возвращались и до сегодняшней ночи не встречались.

Между тем со стороны Грибовичей продолжали доноситься пулеметные очереди и выстрелы пушек. Очевидно, жители оказали серьезное сопротивление. Насколько оно было организованным, покажет будущее. Я не думал, что Покровскому удалось набрать себе много сторонников. Скорее всего, это были приближенные к нему ранее офицеры. Тем не менее, первый раунд он выиграл. Ему удалось заставить нас врасплох и захватить танки, которые фактически не охранялись. Мы были так уверены в своем положении, что около них дежурили только два или три бойца. Мы не ожидали нападения изнутри и спали спокойно, полагаясь на внешнюю охрану, которая

выставлялась в десяти-двадцати километрах от поселений. Они были снабжены рациями и должны были предупредить о появлении противника.

В камеру вошли два офицера и потребовали, чтобы Александр Иванович следовал за ними. Я остался один. Мое внимание привлекли события, происходящие во дворе. На площадь вывели всех ребят, простите, я это по старой памяти, вернее сказать, — мужчин, живших в главном корпусе стационара. Их было немного. Всего человек двадцать. Остальные с семьями переселились в другие места. Кто в Грибовичи, кто в Остров, а кто — на берег озера. Они стояли плотной группой под охраной четырех офицеров, вооруженных автоматами.

На крыльцо вышел Покровский. Он успел переодеться в генеральскую форму. Когда он меня арестовал, то был еще без погон.

— Что это за сброд? — громко произнес он. — Капитан, постройте их!

— В две шеренги становись! — зычно подал команду капитан.

Толпа дрогнула, но осталась на месте. Охранники угрожающе подняли стволы автоматов.

— Кто вы такие, чтобы нами командовать?! — раздался голос из толпы.

Я узнал Мишу Каменцева, бывшего когда-то одним из самых строптивых моих воспитанников. Его отец — инженер одного из крупных киевских предприятий, решил определить сына в нашу школу после того, как Миша связался с компанией хулиганов и был задержан милицией, когда стоял «на стреме» при грабеже киоска. Учился он вначале плохо, не вылезая из «двоек». Но в девятом классе неожиданно подтянулся. У него оказался незаурядный дар художника. Портреты его работы, в том числе и мой, украшали стены нашего «исторического музея». Алексей, помню, потратил несколько часов в одной из наших совместных поездок в Пригорск, чтобы раздобыть ему краски и кисти.

К Мише подскочил один из охранников и хотел ударить его прикладом, но Покровский остановил его.

— Друзья! — обратился он к ребятам. — Должен сообщить вам, что этой ночью вся полнота власти перешла к Военному Совету. Бывшее правительство низложено и арестовано. Причиной, побудившей Военный Совет взять на себя полноту власти, послужила крайне опасная ситуация, сложившаяся в последнее время. Нам грозили анархия, а возможно, и гражданская война.

Он так и сказал — гражданская война! Положительно, этот генерал страдал шизофренией.

— Нам, — продолжал Покровский, — не оставалось ничего другого, как взять на себя ответственность, чтобы предотвратить кровопролитие.

Как бы в опровержение его слов со стороны Грибовичей раздались взрывы. Это были не выстрелы танков, а именно взрывы. Я понял их происхождение.

— Сейчас, — спокойно, как будто ничего не произошло, продолжал

Покровский, — воинские силы Совета заканчивают подавление сопротивления кучки безответственных лиц и вскоре везде будут восстановлены спокойствие и порядок. В эти ответственные минуты я обращаюсь к вашему гражданскому самосознанию и призываю проявить мужество и сознательность, поддержав действия вооруженных сил. Кто, — он возвысил голос, — желает вступить добровольно в ряды вооруженных сил, прошу сделать шаг вперед.

Он выдержал полминуты и добавил:

— Те, кто сейчас запишется в состав добровольцев, в скором времени будет произведен в офицеры. Итак?

Наступила тишина. Потом раздался спокойный голос Миши:

— Генерал! У нас есть встречное предложение.

— Я слушаю вас.

— Извините, генерал, я оговорился, — продолжал Миша, — не предложение, а, если вы позволите, совет.

— Ну, говори!

Генерал приблизился к пленным и, найдя глазами в толпе Каменцева, приказал охранникам вывести его из толпы.

— Я сам, — отстранив охранника, Миша вышел вперед.

— Слушаю тебя! Что ты хотел мне посоветовать? — насмешливо спросил генерал юношу.

— Я бы вам посоветовал немедленно сложить оружие и сдаться властям. То, что вы затеяли — авантюра. Не пройдет и суток, как стационар будет взят. Вы слышите? — он указал рукою в сторону Грибовичей. — Там идет бой. Ваш переворот не удался! Не могу вам ничего гарантировать, но прекращение сопротивления сможет облегчить вашу участь. Еще раз прошу простить меня за совет младшего старшему. Я понимаю, что это не совсем вежливо, но таковы обстоятельства.

Несмотря на свое положение, я почувствовал прилив гордости за своих воспитанников. Никто из них не согласился на предложение генерала, но своим поведением и спокойным вежливым ответом они показали образец выдержки и мужества. Не было обычных в таких случаях, если верить художественной литературе, смелых оскорбительных выкриков, проклятий, бросаемых в лицо ненавистному врагу. Был вежливый ответ и молчание. И это оказалось более внушительным. Покровский растерялся и не нашел что ответить. Некоторое время он молчал, потом махнул конвоирам рукою, чтобы они увели арестованных. Ребят погнали в подвалы. Сквозь толстую дверь своей камеры я слышал шум их шагов по длинному коридору. Затем все затихло. А со стороны Грибовичей продолжали доноситься стрельба и взрывы. Пальба то затихала, то возобновлялась с новой силой и яростью. Мне даже показалось, что она приближается. Во дворе поднялась суeta. Я увидел, как проехало несколько

грузовиков с прицепленными пушками. В Грибовичах, «Лесной сказке» и Острове мы имели склады оружия, о которых было известно только нескольким членам Совета. На этих складах кроме обычных боеприпасов хранились противотанковые ракеты ручной наводки. По всему было видно, что Кандыбе удалось их взять и применить в деле. Стрельба между тем приближалась. Совсем рядом ухнула пушка.

Дверь камеры отворилась, и два офицера пригласили меня выйти. Меня провели на 3-й этаж. В пашей комнате «у камина», где обычно мы проводили свои совещания, в кресле у самого огня, перемешивая кочергой угли, спиной ко мне сидел человек в генеральской форме. Услышав, что мы вошли, он повернул голову, и я узнал... Голубева.

— Вы?! — невольно вырвалось у меня.

— Как видите, — проговорил он, вставая. — Оставьте нас, но будьте поблизости! — приказал он офицерам.

— Вы! — невольно повторил я. — Как вы могли? Пойти на такое бессмысленное дело, предательство!

— Не предательство, а хорошо разыгранный эндшпиль.

— Предательство, да еще двойное. Сначала вы предали Покровского, развалив «Армию Возрождения», а теперь — нас!

— Вот вы меня тоже не понимаете, как не понимал раньше и Покровский. Вы играете в шахматы? Тогда вам должно быть известно такое понятие, как жертва фигуры. Мой переход был ничем иным, как такой жертвой. Как я уже объяснял, мы не могли тогда оказать серьезного сопротивления. И я решил, что нам надо проникнуть в вашу организацию и взять ее изнутри, получив все преимущества вашего развитого хозяйства и соединить его с нашей административной системой и управлением... Как видите, это нам удалось! Мы не собираемся делать каких-либо серьезных изменений. Все почти останется так, как и было. Или — почти так. Вот только для начала изымем у населения оружие. Многое из того, что вы создали, я бы сказал, сделано прекрасно. Меня восхитило то, что вы, несмотря на постигшее нас всеобщее бедствие, создали школы и что-то наподобие университета. Это все останется без изменения и даже будет развиваться.

На протяжении всей его речи я молча смотрел на него. «Кто он? — спрашивал я себя. — Злодей? Авантюрист?» Он наконец замолчал и с усмешкой посмотрел на меня.

— А вы все-таки оказались плохим психологом, — сказал он в заключение.

— А вы — плохим шахматистом! — отпарировал я. — Если не можете отличить митшпиль от эндшпиля! Ваша жертва не привела к цели. Далее последует простой обмен фигур. Ваша партия, можно считать, проиграна. Захватив танки, вы решили, что сможете перевести игру в ладейное окончание, но не учли нашего преимущества в пешках и легких фигурах. И теперь

потеряли, как мне кажется, все свои тяжелые фигуры. Вам грозит мат в два хода.

— Откуда у ваших людей оказались противотанковые и ручные пехотные ракеты?

— Они были всегда.

— Почему я не знал? Ведь я заведовал последнее время вооружением.

— Вы многого не знали...

— Значит, мне не доверяли? — Голубев, казалось, был ошеломлен. — И это после всего того, что я для вас сделал?

— Видите ли, полковник, нам стало кое-что известно о вашей деятельности в «Армии Возрождения». Вы были одним из ее главных создателей. То есть были убеждены в своей правоте. Не так ли?

Голубев кивнул.

— Потом вдруг быстро изменили своим принципам. Я допускаю такую трансформацию, но человек, идущий на нее, должен быть либо гением, либо абсолютно беспринципным. Гений — это тот, кто может зачеркнуть весь свой накопленный опыт и учиться новому, человек, способный преодолеть консерватизм мышления. Я присматривался к вам и считал, да и сейчас считаю вас умным человеком. Но не вижу гения. Я хотел понять, куда вы дели свои старые убеждения. Не получив ответа, мы, естественно, держали вас на неполном информационном обеспечении. Простите!

Голубев покраснел.

— Все равно вы находитесь в матовом положении! Ваш король, то есть вы сами, блокирован.

— И здесь вы показываете себя плохим шахматистом, Голубев. Путаете испанскую партию с сицилийской защитой.

— Не понял?!

— Проще простого. Если бы вы, подобно авантюристам Писаро, имели дело с крайне тоталитарной системой, то достаточно было бы захватить Сапу Инку, и партия была бы выиграна. Вы же имеете дело с демократической системой, где любой из моих помощников может заменить руководителя. Вот и сейчас эту роль выполняют или Алексей, или Кандыба.

Голубев слушал меня внимательно. Затем взял пару поленьев и положил их на раскаленные угли.

— Немного холодновато, — заметил я.

— Вполне естественно, — согласился Голубев, — ноябрь. А вы хорошо это придумали с каминами. Я, знаете, с детства люблю смотреть на пылающие угли в костре и всегда вот мечтал иметь дома камин. К сожалению, так и не удалось построить такой... И все же, — продолжил он, возвращаясь к теме

разговора, — мы используем то преимущество, которое имеем. Кстати.

Он заговорил официальным тоном:

— Я призываю вас способствовать прекращению ненужного кровопролития.

— Я и сам бы хотел, чтобы оно поскорее закончилось, — согласился я.

— Вот и обратитесь по радио к населению с призывом сложить оружие и подчиниться Военному Совету!

— Это бесполезно, Голубев. Меня не послушают.

— Но вы это сделаете?

— Нет.

— Вот как?! Тогда, я очень сожалею, но нам придется прибегнуть к крайним мерам.

— Расстреляете?

— И не только вас. Поймите, мне самому это омерзительно, но слишком серьезное положение и слишком большая игра. Посмотрите! — он подошел к окну.

Во дворе, под охраной трех автоматчиков стояла вся моя семья.

— Я знаю, что вы храбрый человек, но неужели вы не пожалевте свою семью? У нас нет иного выхода! Мы должны воспользоваться любым шансом... Сейчас льется кровь и погибают люди... Мы должны все сейчас взвешивать...

— Я понимаю, — ответил я, — как сложно вам, офицеру, поднять оружие на женщин и детей...

— Не читайте мне морали! Я не меньше вас переживаю. Но, повторяю, у нас нет выхода.

— У порядочного человека выход всегда есть...

— Хватит! Да или нет?

— Я должен подумать.

— Думайте здесь. И поторопитесь. Каждая минута стоит нескольких жизней.

— Хорошо, приведите мою семью сюда.

— Зачем? — подозрительно взглянул на меня Голубев.

— А, новоиспеченный генерал боится безоружных женщин и детей?

— Я ничего не боюсь. Но не вижу в этом смысла.

— Все очень просто. Если, скажем, я обращусь к населению, а оно не послушается меня, сохраните ли вы мне и моей семье жизнь?

— Клянусь честью офицера!

— М-да... Ну, предположим, что так. Но, я не верю в ваш успех. Вы проиграете, и после такого обращения я буду обречен на всеобщее презрение, мне грозит изгнание. Я думаю, что люди сохранят мне жизнь, но подвергнут изгнанию. Поэтому я должен заручиться согласием моей семьи. Если мои близкие пойдут со мною в изгнание, я сделаю то, о чем вы меня просите, если нет — я предпочту умереть... Это мое последнее слово.

В глазах Голубева блеснули радостные огоньки.

— Я вас понял! Откровенно говоря, зная вас, не надеялся...

Он подошел к двери и отдал распоряжение. Минут через пять в комнату привели всю семью. Пристально глядя в глаза Евгении, я стал излагать положение, в котором мы очутились, и то предложение, которое сделал мне Голубев. Евгения вначале смотрела на меня, явно не понимая ничего. Я перевел глаза на пылающий камин и снова пристально посмотрел ей в глаза.

— Нас многое связывает, — не отводя от нее взгляд, напомнил я, — ты помнишь тот день, когда мы лежали рядом в лесу, ожидая друзей Виктора. Тогда я отослал тебя, а теперь прошу остаться.

Я снова посмотрел на камин. Мне показалось, что она поняла меня.

Дверь отворилась, и в комнату вошел Покровский. Это значительно осложняло то, что, я задумал.

— Я принес текст обращения к населению, — сообщил Покровский.

— Подождите, мы еще не решили! Я хочу получить согласие своей семьи, — напомнил я.

— Решайте. Время не ждет.

— Мы должны посоветоваться, — потребовала Евгения.

Когда женщины вошли, Голубев «попросил» меня сесть за дальний угол тяжелого дубового стола, за которым обычно проходили наши совещания, сам же остался по другую сторону, около камина. Там обычно было мое место. Он вытащил пистолет и положил его рядом с собой. Покровский сел неподалеку от меня и протянул текст обращения.

— Почитайте!

Я сделал вид, что читаю. Между тем Евгения перешептывалась с Катей.

— Мы хотим гарантий! — наконец сообщила она.

— Какие именно? — спросил Покровский.

— На тот случай, если вы потерпите поражение.

— Что вы предлагаете?

— Нам необходим грузовик с заправленными баками и грузом всего необходимого, чтобы мы смогли бежать, если сюда вернутся отряды Кандыбы.

— Это исключено. Мы их разобьем.

— Вот если разобьете, то тогда мы останемся! — возразила Катюша. — Мне жаль будет покидать свой уютный дом и скитаться по лесам и болотам.

Я обменялся взглядом с Евгенией. Она на секунду прикрыла глаза.

— Тут нужно внести дополнение в текст, — я протянул Покровскому бумагу.

— Какое? — он взял текст и пробежал его глазами.

— Надо дать гарантии возвращения к демократическому образу правления.

— Зачем?

— Иначе я не согласен. Да и без такого обещания вряд ли что-либо получится.

— Он прав, — поддержал меня Голубев, — обещание надо обязательно дать.

— Понял! — Покровский вытащил ручку и приготовился писать, — как это сформулировать?

— Пишите, — сказал я, вставая и подходя к Покровскому.

— Временное правительство в лице Военного Совета, гарантирует населению, что после того, как исчезнут причины, побудившие...

— Не так быстро, — попросил Покровский. Я взглянул на Катю. Она стояла рядом с Голубевым и, улыбаясь, что-то тихо ему говорила.

— Генерал, — раздался голос молчавшей до сих пор Беаты, — здесь слишком прохладно. Не откажите в любезности, подбросьте пару поленьев.

— Побудившие?.. — переспросил Покровский.

— ...Военный Совет взять власть в свои руки, — ответил я, обрушивая на его голову стул.

В это же время наклонившийся к камину Голубев получил от Катерины сильный удар ногою в зад. Потеряв равновесие, новоиспеченный генерал влетел головой в топку. Подскочившая мгновенно Беата опустила решетку камина так, что плечи полковника очутились зажатыми и он не мог вырваться. Комната наполнилась диким ревом.

Я рванул кобуру Покровского, но меня опередила Евгения. Схватив лежащий на столе пистолет Голубева, она двумя точными выстрелами уложила появившихся на пороге офицеров. Оставив Покровского, я втащил застрывшие в дверях тела убитых.

— Быстро! — крикнул я, задвигая засов двери и пытаюсь придвинуть к ней массивный дубовый стол.

Общими усилиями мы сдвинули его с места и приперли дверь. Я снял автоматы с убитых и кинулся к стоящему в углу книжному шкафу. За ним была маленькая дверь, ведущая на чердак и крышу корпуса. Над этой дверью

когда-то потрудились мои племянники, сварив ее из стальных плит. Между плитами была толстая дубовая дверь. Изнутри, с чердака, дверь запиралась массивными стальными засовами. Мы изготовили ее, когда ожидали нападения «Армии Возрождения». На чердаке хранились запасы оружия, боеприпасов и, в том числе, противотанковые ракеты ручного наведения. Кроме того, мы собирались поставить на крыше вертолет на специально оборудованной для этого площадке, но не успели. Переход на нашу сторону Голубева и развал «Армии Возрождения» сделали эту работу лишней. Я мысленно крепко выругал себя за то, что не довел работу до конца. На чердак вели еще два люка, но и они запирались толстыми стальными плитами.

Пропустив женщин и детей, я вернулся в комнату и, схватив Покровского за шиворот, потащил за собою на чердак. Дверь в комнату уже содрогалась от мощных ударов. Едва я успел закрыть засов, как в нее ворвались мятежники.

Генерал весил не менее восьмидесяти пяти килограммов. Мне стоило больших трудов тащить его по узкой железной лестнице. Оставив его на попечение Евгении, я подбежал к другим входам в чердачное помещение и быстро задраил люки. Теперь можно было перевести дыхание. Генерал тем временем пришел в себя и заворочался.

— Успокойся, — проговорила Женя, стукнув его по темени рукояткой пистолета.

Генерал хрюкнул и снова обмяк. Крышка стационара была плоской, огражденной со всех сторон невысоким барьером. Еще тогда, когда мы готовились к нападению, мы поставили там броневые козырьки с бойницами, несколько спаренных пулеметов и пару передвижных установок для запуска ракет. С крыши как на ладони были видны пушки мятежников. Возле них хлопотала прислуга, ведя огонь по лесу, в котором, видимо, залегли бойцы Кандыбы. Вблизи, у самого берега, горел, чадя черным дымом, подбитый танк.

Пора было все кончать. Я направил установку так, чтобы ракета разорвалась сзади метрах в двадцати от пушки. Когда раздался взрыв, пушкари замерли на месте, крутя во все стороны головами. Я пустил еще одну ракету в тыл другой пушки, стоящей от первой метрах в двадцати.

— Эй! — заорал я в мегафон, который был здесь, среди оружия. — Мать вашу!.. Прекратить огонь, иначе разнесу вас к...

В общем, выражался я довольно непечатно. Кандыба потом говорил, что такого мата он не слышал даже в банде Можиевского. В бою применение такого жаргона оказывало необходимый эффект.

Катя, находившаяся рядом, потом уверяла меня, что ничего не слышала. Она дернула меня за рукав и указала влево. Там стояла еще одна пушка. Обслуживающие ее офицеры разворачивали ее стволом к корпусу.

Я пустил туда ракету, и она разметала всю прислугу, перевернув орудие. Воспользовавшись заминкой, бойцы Кандыбы быстрым броском захватили

пушки и ворвались в стационар. Офицеры почти не сопротивлялись.

К своей радости, среди ворвавшихся на площадь я увидел Алексея. Левая его рука была перевязана. Появился Кандыба и вслед за ним... отец Серафим. В левой руке он держал массивный серебряный крест, тот самый, который я подарил ему при нашей первой встрече. Настроен он был весьма воинственно. Он что-то выкрикивал сбившимся в кучку в центре площади офицерам.

Я крикнул Кандыбе, который, задрав голову, приветственно махал мне рукою, что сейчас спускаюсь вниз, и уже было направился к входу на чердак, как вдруг почувствовал сильный толчок и отлетел в сторону. Тут же услышал сухой треск пистолетного выстрела. Меня толкнула Беата. Я увидел, как она медленно оседает вниз и на ее белой шерстяной кофточке расплзается красное пятно. Стрелял Покровский. Он метил в меня. Прозвучал второй выстрел. Стреляла Евгения. Я держал на руках Беату. Она не дышала. Пуля попала ей в сердце...

Глава XXXVIII

СУД

Из всех смертей самая страшная — смерть бессмысленная. Офицерский путч унес в общей сложности сто десять человек. Из них — двадцать женщин, погибших под огнем танков в Грибовичах. План мятежников, составленный Голубевым, был рассчитан на то, чтобы «жестокими мерами», террором принудить население сдать оружие и привести в покорность. Это рассказал Покровский. Выстрел Евгении только ранил его и сейчас он уже поправлялся. Не буду кривить душой, были моменты, когда мое воображение рисовало самые страшные казни одна другой мучительнее, которым следовало бы подвергнуть убийцу Беаты. И я знаю, что никто бы не возразил против этого. Поляки обожали Беату. Они хотели тут же, когда выяснилось, что Покровский жив, привязать его к четырем коням и разорвать на части и уже приступили к осуществлению своего замысла, но им помешал Алексей. Я в это время был невменяем и не видел, что происходило вокруг меня. Человек слаб. Именно слабость делает его жестоким. Сейчас, много лет спустя после описанных событий, я могу объяснить нашу жестокость при разгроме вооруженных банд. Мы были в растерянности от ужаса обрушившейся на нас катастрофы, и эта растерянность, неуверенность в себе и обусловила те ужасные сцены жестокости и насилия, которыми так богат был этот период. А разве весь опыт истории человечества не свидетельствует об этом? Только слабость и неуверенность порождали жестокость. Неуверенность в правоте порождает террор. Самые жестокие деспоты прошлого от Ивана IV до Сталина были трусливыми, неуверенными в себе. И эта трусость в сочетании с неограниченной властью порождала массовые репрессии. Только создав из страны концлагерь, деспот мог быть уверен в собственной безопасности. Не

является ли это общей закономерностью? Скорее всего, что да! Тогда не противоречу ли я себе? Помню, в первые годы после катастрофы я не испытывал страха, скорее, была необъяснимая собранность, решимость. Тогда почему такая жестокость? В чем причина? Тогда я так и не мог найти на этот вопрос ответа.

Когда после путча я стоял у бесчисленного, как мне показалось, ряда гробов, мною владело одно-единственное чувство — нелепости происшедшего. По-видимому, это чувство разделяли и окружающие меня люди. Даже не было зла на виновников, которые лежали тут же, вместе со своими жертвами. Их должны были похоронить в одной братской могиле. Кому пришла эта мысль? Кажется, Алексею. В таких похоронах был особый смысл. Истинным виновником трагедии было еще не ушедшее в небытие прошлое. Именно оно стало той слепой силой, которая привела к трагедии. Прошлое, которое захотело вернуться.

Среди похороненных в братской могиле не было двух: Беаты, которую похоронили у нашего дома, поставив на ее могиле скромный обелиск, и — Голубева, труп которого вывезли на вертолете и выбросили на съедение псам. Голубев был организатором и главной действующей пружиной в путче офицеров. Он получил то, что заслужил: мучительную смерть и лишение погребения. Пока я был в шоке, вызванном смертью Беаты, всем распоряжался Кандыба. Единственное, во что вмешался Алексей — не дал расправиться с Покровским, которого решили судить. Ждали только заключения Александра Ивановича, который лечил рану генерала. Пуля пробила ему правое легкое и застряла в кости лопатки.

Арестованные офицеры сидели в подвале под замком, и их допрашивала следственная комиссия. Нас интересовало, кто распорядился стрелять из пушки по домам. Как стало известно, захваченные мятежниками танки окружили село с трех сторон, а в само село в сопровождении еще двух танков въехал грузовик с мощным громкоговорителем. Жителей разбудило передаваемое воззвание Покровского, в котором сообщалось о захвате власти Военным Советом и предлагалось немедленно сдать оружие. Иначе, следовала затем угроза, танкам приказано будет стрелять по домам и уничтожить всех, кто попытается уйти, не сдав оружия. Тут же была передана ложная информация, что население Озерска и Острова признало новое правительство.

Алексей успел добраться до Грибовичей минут за пятнадцать до появления в нем танков. Вдвоем с Кандыбой они и организовали оборону. К счастью, склад противотанковых ракет оказался неподалеку. Почти все танки были уничтожены сразу. Последний подбили, когда он отступал к стационару. Возмущение людей было настолько велико, что выскакивающих из горящих машин танкистов тут же приканчивали. Разгоряченные боем люди нестройной толпой кинулись преследовать отступающих. И напоролась на орудия. Наступающие были накрыты первым же залпом и понесли большие потери. Второй залп мог стать роковым, если бы не мое вмешательство.

Среди погибших под снарядами была и Светка — Светлана Шевцова. Она героически сражалась в этом бою наравне с мужчинами. Взбалмошная, несдержанная, вечно одержимая фантастическими идеями, она второй раз проявила незаурядное мужество. В ее маленьком хрупком тельце билось отважное сердце. В прошлом она чуть было не стала наркоманкой, а возможно, и преступницей. Прошлое... Сможем ли мы, оставшиеся в живых после катастрофы, дать когда-нибудь объективную и всеобъемлющую оценку этому прошлому? В нем было все: и величие могущества человека, могущества, которое в конце концов стало причиной его гибели, и глубина морального падения, бездуховность, отчужденность. Жестокие по своей сути законы, делающие из людей преступников, концлагеря, всесилие чиновничьей бюрократии — все это было в прошлом. Может быть, это прозвучит кощунственно, но иногда многие из нас радовались, что все это, как нам казалось, ушло безвозвратно. Так ли это? Разве мятеж не стал попыткой прошлого вернуться вновь? Мы понимали, что судить нам придется не кучку офицеров во главе со взбесившимся генералом, а Прошлое. Именно его мы должны будем приговорить к смерти, чтобы оно никогда не смогло вернуться.

— А все-таки скажите, генерал, — спросил я Покровского, когда Александр Иванович разрешил приступить к его допросу, — какую конечную цель вы преследовали?

— Видите ли, я считал, да и сейчас считаю, что вы упустили неповторимую возможность осуществить вековую мечту человечества: создать на планете единое государство и окончательно покончить с войнами, социальной несправедливостью, то есть — построить коммунистическое общество.

— Через военную диктатуру?

— Конечно! Иного способа принципиально не могло бы существовать.

— Следовательно, сначала диктатура, а потом всеобщее благо? И сколько бы продолжалась эта диктатура?

— Трудно сказать. Возможно, несколько поколений. Нам надо было бы успеть завоевать мировое пространство, то есть создать мощную армию и подчинить себе все остальные народы, которые еще не успели к этому времени создать военной организации. Затем мы восстановили бы промышленность, сельское хозяйство.

— Какими методами?

— Естественно, не без жертв и принудительного труда. Но поймите, другого пути нет и другого такого шанса никогда больше не будет. Разве не стоит ради этого пожертвовать жизнью нескольких поколений, чтобы в будущем тысячи и тысячи возродившихся поколений наслаждались бы покоем и справедливостью. Разве родители не жертвуют, если надо, жизнью ради своих детей?

— Вы видите в этом аналогию?

— Конечно! Старшие — родители будущих поколений. В этой жертве —

великий зов человеческой природы.

— Но вы же создали на своей старой базе фактически крепостное хозяйство.

— А разве не приходится перед прыжком делать два-три шага назад, чтобы разогнаться? Эти меры были временными.

— Из опыта прошлого я знаю, что нет ничего более постоянного, чем такое «временное». Агрессор, когда вводил свои войска на чужую территорию, непременно заверял население оккупированной страны, что это лишь временные меры, которые сразу же прекратятся, как только исчезнут причины, их вызвавшие.

— Вы намекаете на оккупацию Чехословакии? Но мы же вывели оттуда войска.

— Когда? Через сколько лет? За это время сменилось целое поколение. А ведь в Чехословакии начинались как раз те процессы, которые через семнадцать лет «потревожили» и нас. А Афганистан? Это что, также происходило ради блага?

— Но вы не знаете, кто тогда стоял у власти.

— А где гарантия, что при установлении диктатуры у власти не окажутся люди подобного сорта?

— Вы говорите об этом так, как будто сами были участником событий. Сколько вам было лет?

— Немного. Но это не имеет значения. Я сейчас вспомнил сцену, которая, несмотря на трагичность ситуации, может показаться забавной. Отец в эти дни куда-то собирался ехать, и мы с ним отправились на заправочную станцию. Там скопилось много машин. Это чехи срочно возвращались домой. Отец разговорился с одним из них. О чем они говорили, я не помню, но запомнил фразу, которую на прощанье бросил отец: «Я думал, что у вас Гуссы, а оказывается, Гусаки!»

— Ваш отец был, очевидно, антисоветски настроен!

— Отнюдь. Он умер на второй год после нашего вторжения в Афганистан, когда погиб там его старший сын, мой брат.

— Теперь я понимаю!

— Что вы понимаете?

— Ну конечно! Вы озлобились против нашего государства за смерть своего брата, выполнявшего интернациональный долг, и поэтому у вас такое негативное отношение к моим попыткам восстановить государство. Все ясно!

— К сожалению, вы равным счетом ничего не поняли. Конечно, я тяжело пережил смерть брата, нелепо погибшего в мирное время, когда нашей стране никто не угрожал. Разумеется, я испытывал совсем не добрые чувства к тем, кто начал эту войну в Афганистане, так же как и сотни тысяч других братьев,

сестер, матерей и отцов, потерявших своих близких в этой бессмысленной бойне, затеянной выжившими из ума старцами, пропившими на своих банкетах экономику великой страны и спаивавших население. Но это дело прошлого и, надеюсь, прошлого, которое никогда не повторится. Вы же хотели вернуть его. Вы и вам подобные всячески тормозили перестройку нашего общества и, может быть, на вас лежит большая часть вины за все случившееся, за катастрофу, которая обрушилась на человечество, так как именно такие, как вы, стали главным препятствием установления взаимопонимания между народами. А это привело к тому, что общество не успело вовремя отреагировать на надвигающуюся опасность экологической катастрофы. Поэтому на вас лежит вина не только за Афганистан, но и за миллиарды людей, погибших в катастрофе. Вы мешали человечеству объединиться, а если смотреть в корень, то мешали ему просто стать Человечеством. Когда я говорю: вы и вам подобные, то имею в виду не только наших отечественных бюрократов и отечественных солдафонов, простите за грубость, но и те силы, которые были по ту сторону окопов. Окопов, которые вы вместе с этими силами так усиленно рыли, разъединяя человечество на два враждующих лагеря. Сначала я, грешным делом, думал, что причина этому — различие в идеологии, но потом пришел к выводу, что вами руководила не идеология, а самые что ни есть «кухонные» интересы и стремление сохранить привилегии: лучшее жилье, лучшую пищу и тому подобное. И если хотите знать мое мнение, то вы также далеко стояли от идей социализма, как и любая «капиталистическая акула» буржуазного запада, а может быть, еще дальше. Идеология играла роль фигового листка, которым вы прикрывали свою истинную сущность. Принимая вас с Голубевым в нашу общину, мы думали, что вы, наконец, основали свою принадлежность к человечеству, перестали быть «марсианами», но, к сожалению, мы ошиблись. Для вас это было, как признался Голубев, только «жертва фигуры в шахматной игре». Вы подходили к людям, как к шахматным фигурам, и в этом была главная ошибка. Недаром вы были обеспокоены и возмущены правом населения владеть оружием. Вы же не привыкли иметь дело с таким населением, которое имеет средства защищать свою свободу, честь и достоинство. Долгие годы вы управляли людьми, запуганными террором и массовыми репрессиями и, наверное, признайтесь, думали, что этот психологический шок, который вы устроили народу в 30-40-х годах, еще не прошел? Оказалось, что человеческая психика выдержала и восстановилась, как только народ почувствовал свободу. Ваш неудавшийся путч, как ни странно, имел и положительные стороны. Мы вначале думали, что у людей на восстановление чувства собственного достоинства уйдет целое поколение. Оказывается, нет. Это произошло значительно раньше!

— Когда вы находились на моем месте, а я на вашем, я не называл вас марсианином, — обиделся генерал.

— Это правда! — согласился я. — Я не могу пожаловаться на грубое обращение, разве что вы вежливо собирались расстрелять со мной и мою семью... Чья это была идея? Ваша или Голубева?

Генерал промолчал.

— То-то!

— Вы меня расстреляете? Впрочем, что я спрашиваю... После всего... Могут ли я повидаться с женой и дочерью?

— Свидание с близкими вам будет предоставлено после окончания следствия. Что касается расстрела, то наша Конституция не предусматривает смертной казни. Ради вас мы ее не будем вводить. Впрочем, это решит суд. Вы можете быть приговорены к исключительной мере наказания — вечному изгнанию. По Конституции близкие могут последовать за вами.

— И меня просто так отпустят? — недоверчиво спросил Покровский.

— Повторяю, это решит суд. Лично я считаю, что вы не представляете теперь никакой опасности. Но хочу предупредить, вы будете поставлены вне закона. Общество, изгоняя вас, отказывается от мести как общество. Но оно не запрещает мстить тому, кто имеет на это основания. В том числе и мне, как частному лицу. Так что советую хорошо спрятаться. Если я, как Президент республики, не мщу за смерть матери моего единственного сына, то, как отец, я это сделаю, встретившись с вами один на один. Будьте готовы.

Я поднялся и, кинув последний взгляд на ошеломленного Покровского, вышел.

Часовой запер дверь камеры и повернулся ко мне. Я узнал Мишу Каменцева, которого не видел с того самого момента, когда он на площади давал советы Покровскому.

— Миша!

— Владимир Николаевич! — расплылся он в улыбке. — Я только что заступил на пост.

— Я не успел тебя поблагодарить... Ты тогда прекрасно держался.

— А что? Я ему сказал, что думал.

— Вот это-то меня и радует, — я обнял его. — Горжусь тобой, мой мальчик!

— А у нас никто не струсил. Я только раньше других сказал то, что думали все.

— Ты продолжаешь рисовать?

— Краски, к сожалению, на исходе.

— Что-нибудь придумаем. И вот еще что... Продумай, пожалуйста, эскиз памятника погибшим...

— Я уже набросал несколько вариантов.

— Вот и хорошо!

То, что я сообщил Покровскому, не было простой угрозой. Решение это было принято на третий день после похорон Беаты. Узнав, что, согласно нашим законам, Покровскому не грозит смертная казнь, Евгения чуть не сошла с ума от горя. Она кляла себя на чем свет стоит, что не прикончила генерала.

— Я думала, что он уже плох! — плакала она. — Что же теперь?! Я все равно убью его...

Мы ужинали. Место Беаты было пусто, однако ее прибор на столе стоял.

Шестилетний Андрей, на глазах которого она погибла, все еще не приходил в себя, метался в жару, звал мать... Возле него неотлучно находилась Елена.

Надо признаться, что из-за вечного недостатка времени я мало уделял внимания сыну. Хорошо помню, что, возвращаясь поздно домой и застав сына спящим, я каждый раз давал себе слово со следующего дня больше быть с ним. Но, наступал следующий день и... ничего не менялось. Андрей очень любил мать. Он старался предугадать любое ее желание, и если она его просила что-то сделать, он опрометью бросался исполнять просьбу. Лицо его при этом светилось от счастья.

Он сносно владел русским, но с матерью говорил только на польском. И сейчас, в бреду, он звал мать по-польски, называя ее всякими нежными словами. Елена плакала. Я чувствовал, что больше не могу сдержаться, и хотел выйти, но в это время сын очнулся. Я склонился над ним. Его глаза смотрели на меня как-то странно. И тут я услышал такое, что поразило мое сердце, словно осколок гранаты.

— Это все из-за тебя... — шептали мне потрескавшиеся от жара детские губы...

Я внимательно посмотрел в глаза каждому из собравшихся Трибунов. Двоим из них было только по девятнадцать лет. Остальные постарше — от тридцати до сорока.

— Благодарю, что вы сочли нужным посоветоваться со мною до того, как поставить вопрос на референдум. Конечно, каждый из вас может это сделать. И я уверен, что, учитывая сегодняшнее настроение, люди проголосуют за изменение Конституции и введение смертной казни. Но я уверен и в том, что, казнив Покровского, мы тем самым сделаем то, к чему стремился этот генерал. Не удивляйтесь, — продолжал я, увидев на лицах собравшихся недоумение, — сейчас поясню. Признание права государства на убийство и демократия несовместимы. Располагая таким оружием, как узаконенная смертная казнь, государство рано или поздно превращается в тоталитарное. Трудно начать... Понимаете? Потом все легче и легче. Сначала казнь за убийство, затем за другое преступление, менее опасное, скажем, за крупное хищение... Затем уже не трудно скатиться на путь политического убийства, то есть расправы с политическим противником, с инакомыслящими. Вы меня понимаете?

— Но, Владимир Николаевич, — возразил мне один из трибунов, — можно ли оставить фактически безнаказанным, я говорю безнаказанным, так как изгнание в этом случае равносильно прощению, человека, по вине которого погибло столько людей? Морально ли это? Затем, — продолжал он, — разве не уничтожали мы членов разгромленных нами банд? Чем Покровский лучше?

— Согласен, ничем. Но попытаюсь ответить на ваши вопросы. Вы говорите об уничтожении членов разгромленных банд. Что можно сказать по этому поводу? Во-первых, это происходило в бою или сразу же после боя. Во-вторых, тогда мы еще не были сильны и речь шла о нашем существовании. Фактически мы находились в состоянии необходимой обороны, и расстрел бандитов был актом самозащиты. Теперь же положение в корне изменилось. Мы достаточно сильны и можем быть милосердными. Милосердными, главным образом, к себе, а не к Покровскому. Я имею в виду моральную сторону дела. Нет ничего более отвратительного с моральной точки зрения, чем хладнокровное убийство, совершаемое самим государством. Если говорить о вреде, то вред, в первую очередь, наносится морали государства. Вы поймите, я сейчас защищаю не Покровского, а нас самих, нашу мораль и нашу демократию.

— А если, — продолжал настаивать Трибун, видимо, не совсем еще убежденный моими доводами, — если принять казнь Покровского как единичный акт, как исключение, не вводя в закон смертную казнь? Ведь такие случаи вроде бы были в истории.

— И тем самым создать прецедент! Не так ли? Опыт человечества говорит, что вслед за одним исключением следует второе, за вторым — третье и так далее. Пока исключение не становится правилом. Нет! Напротив, воздержавшись от смертной казни сейчас, когда для ее введения, казалось, есть все причины, мы тем самым создадим совсем иной прецедент. Мы должны дать своим потомкам пример сдержанности, правильного восприятия моральных ценностей. Понимаете, мы сейчас закладываем основы морали будущего, и краеугольным камнем этой морали должно быть лишение права государства, а следовательно, и власти, на убийство. Не имея этого права, власть никогда не сможет установить режим террора и репрессий по отношению к населению. И это станет самым главным нашим достоянием.

— Но не приведет ли такая безнаказанность к росту преступности, убийств? — задумчиво спросил присутствующий на собрании Трибун Алексей.

— Дорогой Алеша, если ты помнишь историю человечества, то прекрасно знаешь, что все бандиты и убийцы вместе взятые, разбойники и пираты пролили в течение веков гораздо меньше крови, чем государство. А потом, разве я говорю о безнаказанности?

— Что ты имеешь в виду? — обеспокоенно, как мне показалось, спросил Алексей.

Я хотел ответить, но меня перебил Трибун:

— Правильно! Если мы не можем казнить Покровского, то его надо осудить на пожизненное заключение. Пусть на досуге он поразмыслит о своем поступке.

Остальные Трибуны одобрительно закивали головами.

— Постойте! — вскочил со своего места Алексей, — но это тоже не предусмотрено Конституцией.

— Так введем! — ответил первый Трибун.

— Что введем? — стал горячиться Алексей. — Тюрьмы? А потом концлагеря? Этого вы хотите?

— Подожди, не горячись, — я тоже поднялся и прошелся пару раз по комнате, собираясь с мыслями.

— Послушайте меня, — обратился я к Трибунам, — то, что вы предлагаете, ничуть не лучше введения смертной казни, а пожалуй, даже хуже. Если мы лишаем государство права отбирать у человека жизнь, то почему мы можем дать ему право лишать человека свободы и обращать его в рабство? Ведь это одно и то же! А опаснее потому, что может принять массовый характер. Вспомните 30- и 40-е годы, когда наша страна была покрыта концлагерями в эпоху сталинизма. Может ли быть рабовладельческое государство демократическим? Я говорю о рабовладении на уровне государства. Ведь заключенные — это государственные рабы. Пользуясь правом обращать человека в рабство, государство тогда набрало рабочую силу для строительства дорог, каналов, рудников, для работы на лесозаготовках.

— Вспомнил! — Алексей продекламировал:

Мы раздуваем пожар мировой.

Тюрьмы и церкви сравниваем с землей!

— Так вот, церкви действительно сравнивали с землей, а тюрем понастроили еще больше. Я согласен, что государственное рабство еще страшнее, чем государственное убийство.

— Так что же тогда делать? — недоуменно спросил Трибун.

— А ничего! Действовать согласно Конституции. У нас есть высшая мера наказания — изгнание. При особо отягощающих обстоятельствах — изгнание с объявлением вне закона. Случай с Покровским как раз вписывается во второй вариант. Государство изгоняет его, но не мстит. Однако нет запрета на месть в частном порядке. Со стороны людей или человека, которые пострадали от преступления, совершенного осужденным. Но в то же время ему предоставляется возможность скрыться и даже защищаться, то есть существенный шанс остаться живым. Я бы сказал, даже очень большой. Наказывая человека таким образом, мы не лишаем его надежды. И если он

проявит благоразумие и постарается скрыться, то ему ничего не грозит. В то же время мы не можем лишать близких жертвы преступления на законное удовлетворение.

— В общем, Покровский должен исчезнуть и никогда не появляться в отвергнувшем его обществе. Я так тебя понял? — Алексей вопросительно посмотрел на меня.

Я утвердительно кивнул.

— Какое-то возвращение к рыцарским поединкам! — фыркнул один из Трибунов.

— Не совсем так, а потом... Почему бы нет! — возразил Алексей. — Нашему обществу в последние сто лет не хватало именно рыцарства... В широком, конечно, смысле этого слова. И вот еще что! Если вы помните, то на заре развития демократии, а именно в древней Греции, изгнание было самым строгим наказанием для граждан.

— Так что вы решили? — спросил я начавших было уже расходиться Трибунов. — Будете ли вы назначать референдум по внесению поправки в Конституцию или нет?

— Мы подумаем и сообщим вам наше решение, — ответил один из них.

— Ну что ж, это ваше право. Но предупреждаю — буду бороться до конца и обращусь непосредственно к населению.

— Да нет же, Владимир Николаевич! Вы нас почти убедили, — широко улыбнулся самый младший из них, — мы только хотим еще раз собраться, подумать и осмыслить. Но только сами. Вы слишком давите... Своей логикой и авторитетом. Лично я убежден, что вы правы, но дайте нам возможность самим еще раз все обдумать. Знаете, одно ваше присутствие... Мы привыкли во всем следовать за вами и боимся, что это войдет в традицию... Хорошо, что сейчас вы... А потом придет другой. Не наследует ли он вместе с вашей должностью и ваш авторитет? Вот что опасно!

— Что ж, я согласен.

— Постойте! — раздался вдруг голос.

Я обернулся и увидел Виктора. Он, оказывается, незаметно вошел в комнату во время нашей дискуссии и тихо сидел в углу у кафельной печи.

Все обернулись к нему.

— Я хотел бы внести некоторые уточнения в терминологию. Если разрешите.

— Говори, Виктор, — Алексей подошел к нему.

— Вы вот тут часто применяли термин «государство». Государство происходит от слова «государь» — господин и в своем смысловом значении подразумевает авторитарность. Правильнее говорить «республика», что

означает «дело народное». Так будет точнее. Тем более вы, я хотел сказать мы, — поправился он, — делаем все, чтобы низвергнуть государство и установить республику. Кстати, по поводу твоего примера, Алексей. Покинуть в изгнании республику всегда считалось величайшим несчастьем, а в недалеком прошлом многие считали счастьем получить возможность покинуть государство. Вы не улавливаете разницу? Так давайте называть вещи своими именами!

Суд состоялся в апреле. Покровского приговорили к изгнанию с объявлением его вне закона. Решено было, что он покинет нас в середине мая, когда подсохнут лесные дороги. Остальных участвовавших в мятеже офицеров приговорили к десяти годам ограничения в гражданских правах. Они лишались права носить оружие, но жить остались в своих домах.

Бурную дискуссию вызвало предложение привлечь к ответственности тех офицеров, которые не примкнули к мятежу, но, зная о нем, не предупредили правительство. Дело в том, что у нас не существовало закона о недоносительстве и мы не собирались его вводить, единодушно чувствуя к нему отвращение. Однако вина этих офицеров была очевидна. Предупреди они нас о готовящемся заговоре, можно было бы обойтись без жертв. Поэтому после продолжительного обсуждения и споров решили выразить провинившимся недоверие и лишить их на три года права участия в собраниях и празднествах. На этом все и кончилось. Покровскому разрешалось видеться с семьей, но он по-прежнему оставался до самого отъезда под стражей. Вскоре выяснилось, что его семнадцатилетняя дочь отказывается отправиться за отцом. Жена тоже долго колебалась, но потом решила следовать за мужем. Им выдали лошадь, телегу и непосредственно перед отъездом должны были вручить оружие.

Глава XXXIX

РЕШЕНИЕ

Как уже говорилось, семья знала о моем решении преследовать Покровского, найти его и убить. Вначале и Катя, и Евгения не только были согласны с этим, но и сами настаивали на нем. Евгения даже потребовала, чтобы я взял ее с собою, на что получила категорический отказ.

— Я стреляю не хуже тебя, а, может быть, даже лучше! — настаивала она.

— Вот в этом-то и все дело. Мы встретимся с генералом на равных. Суд приговорил его к изгнанию. Дальнейшее — мое личное, частное дело. В смерти Беаты виноват больше всего я. Я оставил Покровского в живых и его пуля предназначалась мне. Если я не убью его, то не смогу смотреть в глаза сыну. Да и вам тоже.

— А если он тебя убьет?

— Все может быть... Но не думаю.

К этой теме мы возвращались часто, и мне в конце концов надоело.

— Если буду убит, то выходите замуж! — отрезал я.

— За кого? — пожала плечами Катя.

— Мало ли за кого. Хотя бы за Александра Ивановича. Думаю, что такие красавицы не задержатся во вдовах.

— А ну тебя! Здесь не место шуткам.

— А я не шучу. Ждите меня год. Если через год не вернусь, закажите отцу Серафиму панихиду по убиенному рабу божьему Владимиру.

— Нет, я больше так не могу! Ты никуда не пойдешь! — решительно заявила Евгения.

— Не будем больше об этом.

— Нет, будем! И если ты не слушаешь нас, то тебе придется прислушаться к другому мнению.

Евгения осуществила свою угрозу и на второй день после этого разговора ко мне ввалились Паскевич, Алексей, Кандыба, Виктор и еще несколько человек. Вначале они сделали вид, что зашли просто так, на огонек. Катюша и Евгения стали накрывать на стол.

Первым не выдержал Паскевич.

— Послушай, Одиссей, — начал он, как всегда сняв очки и протирая стекла, — ты случайно головой не ударялся?

— Саша! — укоризненно посмотрел на него Алексей.

— Молчать, говорит Паскевич! — прорычал Фантомас.

Лицо его покраснело, а глаза стали метать молнии.

— Пусть выпустит пары, — спокойно сказал я.

— Да, давайте поговорим спокойно, — Алексей поднялся и вежливо, но решительно усадил Паскевича. — Что ты задумал, Владимир Николаевич?

— Ты уже в курсе? — я покосился на Евгению.

— Да! И, к моему сожалению, я узнал это не от тебя. Хотя ты обязан был поставить Совет в известность.

— Есть еще время.

— Так вот, от имени Совета я заявляю, что ты не имеешь права так поступать. Ты — глава Совета и республики, а не частное лицо. Действия твои ограничены должностью.

— Согласен, — наклонил я голову.

— Ну вот, — Алексей торжествующе оглядел собравшихся, — вопрос исчерпан. Давайте лучше выпьем...

Он взял бутылку коньяка и стал разливать по рюмкам.

— У меня есть тост! — поднялся со своего места Александр Иванович.

Он уже вполне успокоился и даже улыбался.

— Подожди, Саша! Дай слово мне, — остановил я Паскевича. — За нового Президента!

— Дело в том, — пояснил я, когда за столом воцарилась тишина, — что я подаю в отставку и прошу Алексея до момента выборов нового Президента исполнять его обязанности. Надеюсь, как частному лицу мне никто не помешает сделать то, что я задумал.

— Видишь ли, Алеша, — я задвинул ящик стола, стоявшего в теперь уже бывшем моем кабинете, и протянул ему ключ, — это как раз тот случай, когда личное входит в конфликт с общественным. Но не всегда побеждает общественное. Случись это лет шесть назад, когда мы находились в крайне неопределенном положении, я бы и не заикнулся... Но теперь... В общем, я вполне спокоен. И потом, незаменимых людей нет.

— Ты совершаешь большую глупость!

— Знаю, Алексей. Но не могу забыть, как смотрел на меня сын. И его обвинение... Что, если лет через двадцать, когда он станет юношей, то будет думать, что отец его струсил, не отомстил за смерть матери. Извини, но уважение сына мне важнее, чем это кресло.

— Боже мой! — с болью вскричал Алексей. — Какую глупость я совершил, когда не дал полякам...

— Ты все сделал правильно...

— Я себе этого не прощу!

— Об этом поздно говорить. Ты выставишь свою кандидатуру?

— Если ты советуешь.

— Конечно.

— Но почему ты отказался рекомендовать народному собранию своего преемника?

— А почему мы громили банды, создали Конституцию и не допустили введения смертной казни?

— Понятно. Когда ты уходишь?

— На вторые сутки после ухода Покровского. Двадцать четыре часа я ему даю. Но не больше.

Я сдержал свое слово и целые сутки после отъезда Покровского не выходил из дома. Сначала я думал преследовать Покровского верхом. Так я имел больше шансов догнать его. Но подумав, я изменил решение и взял легкий фургон. Я не знал, сколько времени займет моя авантюра и хотел иметь надежное обеспечение боеприпасами и зимней одеждой. Я прекрасно понимал, что совершаю глупость. Но бывает, когда все разумные доводы уступают одному укоризненному взгляду ребенка. Именно этот взгляд толкал меня на этот неразумный поступок. Я отказался объяснить народному собранию причину своего ухода. Но многие ее знали. Из всех людей только одна Елена правильно понимала меня. И то потому, что слышала обвинение Андрея. Я зажмурился, и тотчас передо мною снова возникли его глаза. И так каждый раз будет до тех пор, пока я не настигну убийцу и либо буду убит сам, либо убью его.

Оставшиеся до отъезда сутки я использовал для того, чтобы попытаться представить себе действия Покровского. Из стационара вели три дороги. Одна — в Грибовичи. Но, появившись Покровский там, его тут же пристрелили бы. Жажущих свести с ним счеты было достаточно. Вторая дорога уходила в лес и терялась среди болот. Ехать по ней в это время было невозможно. Третья вела на трассу, соединяющую Остров с Брестом. Если Покровский повернет на юг, то неизбежно проследует через Остров. Это равносильно поездке через Грибовичи. Следовательно, оставался один-единственный путь — на север, в Белоруссию. Недалеко от Пищи дорога разделялась. Один путь вел к Бресту через Пищу. Проезд через это село исключался по тем же причинам, что и через Остров и Грибовичи. Наиболее выгодным направлением для Покровского был Брест. На этой дороге была масса съездов. Кроме того, сам полуразрушенный Брест представлял немало возможностей, чтобы затеряться в нем, пополнить запасы необходимыми вещами. Однако Покровский прекрасно понимал, что его предположения будут анализироваться и, разумеется, преимущество будет отдано Брестскому направлению. Поэтому вероятнее всего он направится по берегу реки.

В дороге он наверняка попытается использовать «лисий маневр». То есть оставит где-нибудь телегу с пожитками и вернется назад, чтобы устроить засаду и подстрелить меня. Устроить ее легче всего на узкой дороге вдоль реки. Тем более, что на песчаном грунте хорошо видны следы проехавшей телеги. Видя их, преследователь, как правило, теряет осторожность, и это Покровский несомненно учтет. Где он устроит засаду? Маловероятно, что неподалеку от Пищи. Его выстрел будет услышан. Значит — где-то дальше.

От размышлений меня оторвал Виктор. Он пришел с автоматом и вещевым мешком.

— Ты куда?

Он поставил автомат в угол и сбросил вещевого мешок.

— Туда же, куда и ты.

— Это исключено!

— Знаешь, у меня свои счеты с Покровским. Не забывай, что я был у него в плену почти год. Потом Беата — подруга моей жены и вообще...

— Что вообще?

— Я не собираюсь спрашивать твоего разрешения. Ты теперь — частное лицо! Пойми, мне это не менее важно, чем тебе. Ты хочешь заслужить прощение сына, а я — людей. Если я убью Покровского, они забудут мою вину перед ними.

— Они уже забыли.

— Но не я!

Я посмотрел ему в глаза и понял, что переубедить его будет невозможно. Но тогда менялись условия «игры», по которым я должен был встретиться с Покровским один на один.

Я расстелил на столе карту.

— Как ты думаешь, куда он направится?

Виктор некоторое время молча изучал карту, потом решительно ткнул пальцем в кружок, обозначающий Брест.

— Только сюда!

— Да, — согласился я, — это наиболее вероятно. А что ты думаешь об этой дороге? — указал я на тропу, идущую вдоль Припяти.

Виктор проследил ее направление и неохотно признал:

— Вполне возможно. Хотя вряд ли...

— Почему?

— Километров сто нет съездов. А по тропинкам телега не пройдет.

— Хорошо! Но нам не стоит отправляться вместе. Надо, чтобы каждый выбрал себе дорогу. Тогда он не ускользнет.

— Я выбираю Брестское направление.

— Пусть будет по-твоему, — стараясь сдержать радость, согласился я. — Тогда ты бери мой фургон с припасами, а я поеду верхом. Думаю, что на лесной дороге фургон будет менее пригоден.

У меня созрел план, в который я не хотел посвящать Виктора.

— Смотри, — на всякий случай предупредил я его, — не попадись на «лисю петлю». И, когда будешь проезжать развилку дорог, не высовывайся из фургона. Стрелять Покровский здесь не решится, но может из засады проследить, куда ты направляешься. Не надо, чтобы он знал, что это ты. Отправляйся утром, а я часа на два задержусь. У меня еще есть дела.

После ухода Виктора я написал записку Кандыбе и попросил Евгению передать ее через три дня. Я написал, чтобы тот послал верховых вернуть

Виктора, так как к этому времени Покровский уже будет убит.

Глава XL

В ЛЕСАХ

Дождавшись отъезда Виктора, я оседлал коня, перекинул через седло переметную суму с четырехдневным запасом еды, сунул туда три магазина к автомату, несколько обойм к винтовке и, пользуясь тем, что все еще спали, тихо поехал по дороге, ведущей на север.

Было пять часов утра. Виктор уехал в четыре. Я бросил прощальный взгляд на свой дом и увидел, что в одном из окон на втором этаже зажегся свет. Я прищпорил коня и быстро углубился в лес. Дальше дорога кончалась. На север вели едва заметные тропки, которые, петляя из стороны в сторону, обходили болота. По ним давно никто не ездил и не ходил, и они постепенно зарастали травой и подлеском.

В лесу было пока темно. Еще лет десять назад в нем в это время царил тишина. Теперь лес был наполнен шорохами и какими-то загадочными вздохами. Он казался единым огромным организмом. Ощущение было такое, что он дышит и ворочается во сне, словно сказочный великан перед пробуждением.

Боясь потерять едва заметную тропу, я остановился, решив подождать рассвета. Было прохладно. Я вытащил из-под седла теплый ватник и оделся. Солнце еще не взошло, но, как бы предвещая его восход, резко вскрикнула птица, затем другая, ей ответила третья и вскоре все потонуло в птичьем гаме, который заглушил все остальные шумы. Стало светлее. Я взял коня под уздцы и пошел по тропе.

Прошло еще полчаса. Стало совсем светло. Тропа привела меня на поляну, где расположилось стадо зубров. Огромный бык повернул голову в мою сторону и угрожающе взмахнул хвостом. В этих случаях надо не останавливаться, а продолжать медленно идти, не обращая на него внимания. Любые другие движения, остановка или изменение направления могут привести быка в ярость. К счастью, стадо не загоразживало тропу, и я спокойно прошел, провожаемый тяжелым взглядом вожака.

Вскоре я вышел, как и предполагал, к небольшому лесному озеру, сплошь усеянному утками и гусями. Мое появление было встречено тревожным гогогом, птицы еще не позабыли свой извечный страх перед человеком и подняли суматоху. Лебеди, впрочем, отреагировали на мое появление спокойно. Сказывалось то, что уже давно человек не обижал эту прекрасную белоснежную птицу. Их с каждым годом становилось все больше и больше. Гуси появились только года три назад и еще не решались селиться вблизи жилья. Во всяком случае, у нас на озерах их пока не было. Зато диких уток

расплодилось великое множество.

Буквально из-под ног выскочила рыжая лисица и метнулась в кусты. Конь от неожиданности всхрапнул и присел на задние ноги. Я обошел озеро и, еще раз сверив направление по компасу, снова углубился в лес. По моим расчетам на вторые сутки я должен буду выйти на дорогу, идущую вдоль реки, опередив Покровского по крайней мере на день. Я уже не сомневался, что он выберет именно эту дорогу. Она была единственная, по которой он мог пробраться в свое бывшее расположение, то есть туда, где квартировала некогда «Армия Возрождения». Любой другой путь был во много раз длиннее. Несомненно там, на месте его прежнего жительства, у Покровского припрятаны запасы необходимых в его положении вещей. Возможно, он там и останется. Но если даже он выберет какое-то другое место, все равно завернет туда. В Брест ему, естественно, незачем было направляться. Соглашаясь с Виктором, я преследовал еще одну цель. Покровский, вероятнее всего, постарается узнать, какое направление изберет его преследователь. Если он увидит, что фургон, о существовании которого он знал, направится по Брестской дороге, то решит, что ему в ближайшие дни не грозит опасность.

За озером тропа расширилась, и можно было ехать верхом. По-видимому, ею пользовались звери как дорогой к водою. Лес кишел живностью. То и дело, завидев всадника, в кусты шмыгали косули, с треском уходил в сторону великан-лось. Их, лосей, в последние годы расплодилось великое множество. Зимой они подходили к самому стационару. В этом году мы планировали снять все ограничения с охоты на лосей и кабанов. Кабаны сильно начали нам досаждать, вторгаясь на картофельные поля и огороды.

К вечеру я проехал приличное расстояние и по расчетам должен был к ночи следующих суток выйти к цели. Смеркалось, когда я выехал на большую поляну, где струился прозрачный ручеек. За час перед этим я подстрелил косулю и теперь впервые за целый день почувствовал страшный голод. Собак я не опасался, так как они километров на сто вокруг нас исчезли. Время от времени мы все еще прочесывали местность, но лишь иногда нам попадались одинокие, отбившиеся от стаи псы. Зато появились волки. Их было немного, и хлопот они не доставляли. Поэтому я спокойно стреножил своего жеребца и пустил его пастись па поляне Сам же облюбовал для ночлега место, развел костер. Когда мясо поджарилось, было совсем уже темно. Я поел и, подбросив толстых сучьев в костер, завернулся в плащ и мгновенно заснул.

Мне снилось детство. Я только вернулся домой, весь чумазый после бурной игры в войну. Мать схватила меня за руку и повела мыться. Она наклонила меня над ванной и принялась губкой тереть мне лицо. Противное мыло лезло в глаза, рот, я с отвращением отплевывался, но мать продолжала тереть с еще большей силой. Я вырвался из ее рук и... проснулся. Прямо перед лицом я увидел морду громадного пса. «Еще немного, и он перекусит мне горло», — подумал я, вскакивая на ноги и хватая лежащий рядом автомат. Пес, однако, не отскочил в сторону и не проявлял ни страха, ни враждебных намерений.

Напротив, дружески завилял хвостом. При свете еще не потухшего костра я узнал нашего Шарика — потомка тех щенков, которых когда-то принесли ребята после уничтожения собачьего городища километрах в трех к югу от Острова.

— Шарик! — позвал я.

Пес отрывисто гавкнул, затем метнулся в сторону и вскоре его лай послышался вдали за деревьями. Грохнул выстрел. Я взял автомат, отошел от костра, и затаился во тьме, укрывшись за стволом толстого дуба.

Ждать пришлось минут двадцать. Снова послышался отрывистый лай. Шарик выскочил на поляну, подбежал к костру, покрутился вокруг, без труда нашел меня и снова залился лаем.

— Тихо! — приказал ему я.

Шарик перестал лаять и только слегка повизгивал. Мой конь, о котором я в эту минуту позабыл, вдруг забеспокоился, зазвенел уздой и, наконец, призывно заржал. Ему ответило тонкое ржание кобылы, и вскоре на поляну, освещенную бледным светом луны, выехал всадник. Шарик снова тявкнул. Всадник подъехал к едва тлеющему костру и остановился.

— Эй! Где вы? — услышал я знакомый голос.

— Что случилось? Почему ты здесь? — спросил я, подходя и помогая Елене слезть с лошади. От усталости она едва держалась на ногах, и поэтому мой плащ, расстеленный у костра, оказался кстати.

— Сейчас... Дайте прийти в себя... Я с утра ничего не ела...

Я вытащил из переметной сумы хлеб, разворошил угли и, нанизав на прутья кусочки мяса, приспособил их жарить. Пламя вспыхнуло, отбирая у тьмы все большее пространство, по которому, причудливо изгибаясь, затанцевали тени.

— Ну, так что же случилось? Почему ты здесь?

Елена не ответила. Она протянула руку и, выхватив из костра палочку с еще не совсем дожаренным мясом, стала жадно есть. Вспомнив старую народную мудрость:

«Покорми, потом спрашивай», я не стал ее торопить с ответом, нанизал еще несколько кусков и повесил их над углями. Остатки бросил Шарику, который немедленно ими занялся.

Наконец моя гостья наелась. Я протянул ей флягу с родниковой водой.

— Итак?

— Меня послали за тобой, чтобы ты немедленно возвращался, — запинаясь, сообщила она.

— Понятно. Этот вариант мы сразу отбросим. Давай-ка, девочка, говори правду. Как ты нашла меня?

— Шарик помог.

— Ясно. Дальше...

— Я подумала... — она снова замолчала, не решаясь продолжать.

— Что же ты думала?

— Что тебя, вас, — поправилась она, — могут ранить, и тогда вы один в лесу погибнете.

— Ты с ума сошла. Ты что же, собираешься вместе со мною выслеживать Покровского? Мала еще, и дело не твое. Утром — назад!

— Только вместе с тобою. Во-первых, мне уже семнадцать! Будет этой зимою, — уточнила она. — Во-вторых, Покровский убил мою сестру, а в-третьих, я стреляю не хуже тебя!

— Вот как?

— Да, меня научила Евгения. Я стреляю лучше ее. Она сама мне это сказала.

— Ложись спать. Вот плащ.

— Не надо! У меня там два одеяла. Одно для тебя, — сообщила она, направляясь к своей лошади.

Вскоре Елена вернулась с двумя шерстяными одеялами. Я посмотрел на часы. Было около двух. До рассвета оставалось часа четыре. Можно было выспаться.

— Дома знают? — уже засыпая спросил я.

— Я уехала, когда все спали...

— Час от часу не легче! Тебя там, наверное, ищут. С ног сбились...

— Нет, я оставила записку. Спи! Завтра поговорим! — решительно, словно старший младшему, сказала она.

Утром я заставил Елену отправиться назад и облегченно вздохнул, когда она, наконец, скрылась из виду.

Подождав еще минут двадцать, на случай, если этой взбалмошной девчонке вздумается вернуться, я снова пустился в путь. Можно было не спешить. По моим расчетам, я успевал с большим запасом времени. Поэтому ехал медленно. Тем более, что ветви обступающих тропу деревьев могли запросто сбить скачущего всадника. Через пару лет тропа совсем исчезнет. Леса постепенно превратятся в непроходимые дебри, и человек уже не сможет сделать и шага без топора. Останутся только лосиные и оленьи тропы. Что будет лет через тридцать-сорок? Когда вымрет поколение, родившееся до катастрофы. Сколько еще родится мальчиков? Пока их, рожденных после эпидемии, женщинами, не получившими иммунитет против У-хромосом, можно было пересчитать по пальцам. Чем это все кончится? Какой-то заколдованный круг. Мужчин с каждым годом становится все меньше. Вот и сейчас один из них пробирается

лесом, чтобы убить другого. Бред какой-то. Наркомания убийства. Наркомания потому, что, подобно наркоману, который знает, что каждая инъекция наркотика приближает его к смерти, все равно не может остановиться в своей пагубной страсти. Так и мы, зная, что нас становится все меньше, продолжаем убивать друг друга и тоже не можем остановиться. Может быть, отказаться? Нет! Покровский для меня, да и для всех нас, не только взбесившийся убийца, но и воплощение того проклятого прошлого, которое, как ни странно, чем оно становилось дальше, тем больше вызывало ненависть. Я не мог отделаться от мысли, что убив Покровского, я убью это прошлое. Пожалуй, я не испытывал такой ненависти даже к бандитам Можиевского. Нет, у меня тогда были совсем иные чувства. Скорее, их можно было назвать чувствами санитаря, уничтожающего очаг инфекции. Здесь же было что-то другое, более сильное и даже более реальное в своей опасности... заражения. Наконец я нашел нужное слово. Именно заражения. Мы не могли заразиться идеологией бандитов, но идеи Покровского могли войти в нас незаметно и тогда... Тогда... Я не успел подумать, что же будет тогда, как вдруг сзади раздался знакомый отрывистый лай Шарика, я обернулся и вскоре увидел Елену. Я едва успел схватить под уздцы ее лошадь. Елена была бледна и явно напугана.

— Там, — она указала рукой назад, — люди.

— Какие еще люди? Что ты выдумываешь?

— Не знаю. Их было двое. Это чужие, одетые в шкуры, — она с трудом переводила дыхание, — они хотели меня остановить, но им помешал Шарик. Я успела повернуть Ласточку и ускакала. Они что-то кричали вслед.

— Их было только двое?

— Да! Один почти старик. Другой молодой. Я заметила, что он рыжий... Теперь ты меня не прогонишь?

У меня шевельнулось подозрение, что ее встреча на лесной тропе с незнакомыми людьми — выдумка. Но внимательно посмотрев на нее, понял, что она не лжет. Я взял ее за руку и нащупал пульс. Сердце бешено колотилось, Елена не притворялась. Она действительно была напугана.

— Наверное, бродяги! — поспешил я успокоить ее, — ты не заметила, чем они были вооружены?

— У одного в руках было охотничье ружье, а второй держал палку с привязанным к ней длинным широким ножом. Кажется, штыком.

— Несомненно, бродяги. Наверное жители небольшой, затерявшейся в лесах изоляты. Их нечего опасаться. Скорее всего они напуганы встречей не меньше тебя. На, выпей, — протянул я ей флягу с коньяком.

Елена взяла флягу, сделала глоток и закашлялась. Постепенно она успокоилась, и на щеках появился румянец. Даже если встреча с лесными бродягами выдумка, отсылать ее назад было уже поздно. В любом случае она не успевала вернуться засветло домой. А заставить девушку одну ночевать в

лесу я, естественно, не мог. Делать было нечего.

— Только учти, — строго предупредил я ее, — слушаться меня во всем беспрекословно. И если скажу сидеть тихо, будешь сидеть и не высовываться. Понятно?

— Так точно, командир! — сверкнув глазами, приложила она ладонь к козырьку кефи.

У меня больно кольнуло сердце. Елена была копией Беаты, той самой, которую я впервые увидел после разгрома банды Можиевского. Да и возраст ее был тот же. «Через годик ей замуж», — подумал я. Мне очень хотелось, чтобы ее мужем стал один из моих племянников. Но Николай исчез, а Юрий не проявлял почему-то интереса к этой красивой девушке. Да и Елена была совершенно равнодушна к нему, как, впрочем, и к другим возможным женихам. Как-то об этом зашел разговор. По-моему, его начала Беата. Елена страшно рассердилась и заявила, что обсуждать эту тему не намерена ни с кем.

— Останешься старой девой, — предупредила Беата.

— Останусь, значит, останусь! — ответила она и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

После этого разговора она дулась чуть ли не целую неделю. Было это как раз накануне офицерского путча.

В полдень я подстрелил косулю, и мы сделали привал на поляне, поросшей редкими березами. Собирая для костра сучья, я чуть было не напоролся на громадную гадюку, которая шипя уползла в кусты. Змей теперь в округе расплодилось много. У нас, правда, еще не было случаев укуса людей гадюками, но в лесу в связи с этим приходилось принимать всяческие меры предосторожности. Мы все ходили по лесу в толстых сапогах и старались производить как можно больше шума. Змея, слыша его, заблаговременно уползала. В дальних поездках мы при случае ловили ежей и переселяли их в окрестности стационара, а если находили вблизи ежиные логовища, то всегда оставляли любимые ими лакомства. Поэтому вблизи стационара гадюки почти не встречались.

Глава ХLI РЫЖИЙ МАРК

Последние три километра были самыми трудными. Тропа настолько заросла, что приходилось пробираться, согнувшись вдвое. Лошади в этих условиях были скорее помехой, чем подспорьем. Наконец, я нашел небольшую полянку и велел Елене дожидаться меня вместе с лошадьми. Какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что дорога рядом.

— Разожги костер, чтобы я мог найти тебя, когда буду возвращаться.

Только проверю, нет ли следов от телеги, дождусь темноты и вернусь, — пообещал я.

Я был уверен, что опередил Покровского но крайней мере на несколько часов. Но чем, как говорят, черт не шутит. Мне непременно хотелось убедиться, что он еще не успел миновать место, где я уготовил ему встречу.

Так оно и было. Когда я вышел на дорогу, уже смеркалось. Но все же можно было убедиться, что ее песчаное покрытие нетронуту. Но в каком виде была эта дорога! Вся завалена обломками веток, опавшей листвой. Местами песок зарос мхом, на середине пробивались молодые дубки, торчали зеленые пучки сосенок. Через пару лет дорога исчезнет, порастет молодым лесом, а еще лет через пять никто, глядя на это место, и не заподозрит, что здесь когда-то ездили люди.

Я подождал, пока совсем стемнеет. Вряд ли Покровский решится ехать ночью, не рискуя сломать колеса своей старой телеги. Можно было до утра не ждать, и я вернулся на поляну, где оставил Елену. Хорошо, что она послушалась меня и разожгла костер, иначе в темноте я прошел бы значительно левее. Я увидел среди деревьев отблеск огня, когда уже миновал поляну.

— Ну что? — спросила Елена. — Нет следа?

— Нет. И боюсь, что нам придется проторчать здесь двое-трое суток. Дорога в ужасном состоянии, завалена ветками, упавшими деревьями.

— Ты уверен, что это та дорога?

— Другой нет. За нею — непроходимые болота, которые теперь стали еще более топкими.

— Как все-таки быстро восстанавливается природа.

— Да, лет через сто, а может быть, и раньше, вся земля покроется непроходимыми лесами, которые поглотят даже большие города.

— Неужели все займут леса?

— В сухом климате нет. В нашем же, умеренном поясе, с его частыми дождями, строения быстро разрушаются, если за ними нет ухода. Особенно современные блочные. Они втягивают в себя воду...

— И Москва, и Петербург, и Варшава?

— Они тоже. Особенно Петербург. Достаточно двух-трех наводнений, чтобы дать начало быстрому его разрушению. Меня больше беспокоит другое: склады отравляющих веществ и ядерное оружие. Да и атомные электростанции тоже. Правда, они автоматически законсервировались, но все же... Нет полной уверенности, что из-за какой-то неисправности не начнется ядерная реакция.

— Это страшно?

— Я не физик, не специалист в данной области и ничего конкретного сказать не могу. Возможно, я преувеличиваю опасность, и ее нет. Возможно!

Будем надеяться, что это так! К сожалению, у нас нет ни одного специалиста, который мог бы сказать по этому поводу что-то определенное.

— Я была слишком мала, когда это все произошло, — Елена протянула мне палочку с поджаренным мясом, — кажется, уже готово! Так вот, я тогда не задумывалась ни о причинах катастрофы, ни о ее последствиях. Теперь думаю, почему в катастрофе больше погибло образованных людей, интеллигенции?

— Они же жили в городах. А там эпидемия была сильнее. Ну и насилие, бандитизм... Интеллигенция первая от этого и пострадала. Она, как правило, не способна к самозащите.

— А ты? В том мире ты был ученым...

— Ученым — громко сказано. Просто я занимался научными исследованиями, которые, к сожалению, не удалось окончить.

— Не перебивай... Я хотела сказать, что ты как раз не относишься к неспособным к самозащите. Ты как раз из тех, кто сначала стреляет, а потом кричит: Руки вверх!

— Вот как? Ты считаешь меня жестоким?

— Раньше, когда еще плохо знала, я тебя даже боялась. Я ведь была на том «представлении», когда Можиевского и его старух растерзали собаки...

— Кто тебя туда пустил?

— Я незаметно прокралась и смотрела через забор. Это было страшно!

— Я не назначал им такую казнь.

— Но не запрещал. Хотя мог.

Елена подбросила в костер сухие сучья и замолчала, задумчиво глядя на пламя.

— Ты меня осуждаешь?

— Нет. Хочу понять. Моя сестра тебя очень любила. Она не могла любить злого человека. Я ее хорошо знала...

Я не знал, что ей сказать. Сама, может быть, не догадываясь, Елена затронула самую больную струну моей души, В самом деле, кто я? Вспоминая жуткие сцены кровавых расправ с бандами, я не мог найти себе оправдания... Но и не мог найти альтернативы своим действиям. Иногда мне казалось, что я являюсь слепым орудием кого-то или чего-то и это толкает меня вопреки желанию совершать не свойственные мне действия. Это бесило меня. Действительно, если посмотреть в прошлое, то казалось, что мною руководили почти во всем проявления собственной воли, а обстоятельства реальности. И я будто был в плену этих обстоятельств, не сопротивляясь, не выбирая собственного пути. Если считать принятые мною решения правильными, а оно, наверное, так и было, то я скорее походил не на человека с его эмоциями, страстями, наконец, с ошибками, а на какой-то компьютер, выдающий

правильные решения на поставленную реальностью задачу. Подумав это, я почувствовал чуть ли не отвращение к себе самому.

Я закрыл глаза и почувствовал, как узкая мягкая ладонь Елены коснулась моей щеки и услышал ее голос:

— Успокойся, не переживай.

Я невольно схватил ее запястье и удержал в своей руке.

— Что ты?

— Я чувствую, — тихо сказала она, — что ты пытаешься понять самого себя... До конца... Но этого никому не дано. Если бы мы могли это делать, то жить стало бы неинтересно.

Я посмотрел вверх. На небе не было ни одной звездочки.

— Под утро пойдет дождь, — сказал я, поднимаясь и направляясь к сложенным неподалеку от костра нашим вещам, — надо сделать шалаш. Не хватает, чтобы мы простудились.

Елена подбросила в костер сухих веток, на поляне стало светлее. Я достал топор и принялся за дело. Срубил несколько молодых березок и из их стволов соорудил остов. Потом нарубил веток и покрыл его ими в несколько слоев.

Покровский не появился и на следующий день. Я с рассвета без толку прождал его, спрятавшись в придорожных зарослях, и вернулся на поляну уже в полной темноте.

«Что, если он выбрал другое направление?» Думая об этом, я испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, я твердо знал, что должен убить Покровского и убью. Чего бы это мне ни стоило. Я буду преследовать его. Если не здесь, то в другом месте. Пока не найду и не всажу в него пулю. Но с другой стороны, мне уже не хотелось убивать его. Хотя я знал, что не смогу вернуться домой до тех пор, пока не покончу с ним. Но в то же время испытывал облегчение, что развязка откладывается на день, если он все-таки выбрал эту дорогу, и на неопределенное время, если я ошибся в выборе им направления.

— Возьми завтра с собою Шарика! — посоветовала Елена, помогая мне стянуть промокшую под дождем куртку. Она повесила ее над костром. Дождь начался где-то после четырех дня и лил подряд часа два.

— Да ты разденься и высуши одежду.

Действительно, все мои вещи промокли. Я последовал ее совету. Переодеться было не во что и мне пришлось забраться в шалаш. Там меня ждала приятная неожиданность. Пол его был выстлан толстым слоем травы и покрыт одеялом. Я укрылся и, постепенно согревшись, незаметно для себя заснул. Перед рассветом, одевшись в сухое, я уже было собрался идти на свой пост, как тут меня остановила Елена. Она протянула сверток.

— Здесь еда. Я пожарила, пока ты спал. И возьми с собой Шарика, — напомнила она.

— Зачем?

— Не будет скучно и вообще, на всякий случай.

— Вот на всякий случай пусть он и остается с тобой.

— А мне не скучно. Со мною Ласточка и Алкид.

Алкидом звали моего жеребца. Это был могучий, высокий ахалтекинец, не признававший никого, кроме меня. Я начал приучать его лет шесть назад, когда он был маленьким жеребенком. Кормил его из рук и год назад сам его объездил. Конь настолько привязался ко мне, что, когда я бывал в длительном отъезде, начинал скучать, отказывался от пищи. Летом он пасся в табуне, но стоило мне появиться поблизости, как он издавал пронзительное ржание и, подняв хвост, мчался ко мне. Как-то Александр Иванович, который заслужил у нас репутацию лихого наездника, попытался оседлать Алкида, но удержался в седле не более одной минуты. Хорошо еще, что почва была песчаной. Алкид не забыл нанесенного ему оскорбления и каждый раз, видя Паскевича, угрожающе хрипел, норовя укусить его.

Я вспомнил этот разговор с Еленой потому, что, не прийдя ей в голову мысль отправить со мною в засаду Шарика, все, может быть, сложилось иначе и через два-три дня мы были бы уже дома. Она не послушалась меня. Уже находясь в засаде, я почувствовал, что кто-то шевелится рядом в кустах. Приподнявшись на локтях, я увидел Шарика.

— Шарик, назад! К Елене! — строго приказал я, но пес только посмотрел на меня и вильнул раза два хвостом. Очевидно, он получил строгий приказ хозяйки и теперь добросовестно его выполнял. Я хотел было подняться, взять его за ошейник и насильно заставить вернуться, но тут со стороны дороги послышался характерный скрип едущей телеги. Я замер. Вскоре из моего укрытия стало видно, как по дороге движется телега, запряженная в гнедую лошадку. На ее передке сидела жена Покровского. Я всмотрелся, самого Покровского не было видно. Телега проследовала мимо меня и скрылась за поворотом.

Все ясно, — решил я, — Покровский делает очередной «лисий маневр». Послал жену вперед, а сам притаился в кустах. Интересно, сколько он будет ждать? Час, два? Жена его, отъехав с километр, наверное, остановит лошадь и будет ждать. Что ж, подожду и я. Покровский мог появиться с минуты на минуту. Я замер, забыв о Шарике. Прошло еще полчаса. Вдруг Шарик вскочил. Шерсть на его загривке встала дыбом, и он с рычанием бросился назад, по направлению к нашей поляне. Спустя мгновение до меня донесся крик о помощи. Кричала Елена.

Когда я добежал до поляны, она была пуста. Елена исчезла. Исчезли и лошади. Повсюду были видны следы борьбы. Из-под кучи раскинутых веток — все, что осталось от шалаша, — торчал кусок одеяла. Вдали слышался яростный лай Шарика. Ориентируясь на его голос, я кинулся в чащу леса. Лай собаки удалялся все дальше и дальше. Боясь потерять этот ориентир, я мчался,

рискуя остаться без глаз, не обращая внимания на ветки, которые стегали по лицу. Внезапно я оказался на довольно широкой песчаной тропе, на которой четко видны были следы лошадиных копыт. Вдали слышался лай собаки. Я побежал быстрее. Лай удалялся и вскоре стал почти не слышен. Очевидно, похитители сели на лошадей и у меня не оставалось шансов догнать их. Что, если они свернут с дороги и я потеряю след? От быстрого бега стало сдавать дыхание, и я вынужден был перейти на шаг.

Пройдя еще полчаса, я остановился и прислушался. Лая не было слышно. Внезапно издали донеслось ржание. Я не мог ошибиться, это было ржание моего Алкида. Я остановился и призывно свистнул. Ржание слышалось ближе и ближе, и вскоре навстречу выбежал мой вороной скакун.

— Алкид! Алкид, дорогой мой! — обрадовался я.

Алкид мелко дрожал, глаза его были налиты кровью. Я поймал узду и вскочил в седло. Алкида не надо было подгонять. Словно поняв мое желание, он с места взял в карьер. Ветер засвистел у меня в ушах. Но вскоре я вынужден был сдерживать коня. То и дело над головой проносились толстые ветви, низко склонившиеся над тропой. Где-то совсем близко послышался лай Шарика. Я снял с плеча автомат и поехал медленнее. Лай звучал все громче и громче. Раздался выстрел и вслед за ним визг собаки. Я подумал, что Шарика застрелили, но, как бы опровергая это, лай возобновился еще яростнее. По-видимому, меня отделяло от похитителей не более трехсот метров. Я взял автомат наизготовку, но в это время на меня что-то обрушилось и я вылетел из седла. В первое мгновение мне показалось, что я зацепился за ветку и инстинктивно на секунду закрыл глаза. Когда их открыл, то увидел над собой безобразную рожу, покрытую рыжей шерстью. Нападавший навалился на меня всем телом и схватил руками за горло. Оглушенный неожиданным падением, я упустил момент, и ему удалось сжать мне гортань. На некоторое время мы застыли в напряжении. Он пытался сжать мне горло, впившись ногтями в кожу и упершись коленом в низ живота. Я же, схватив его за запястье, силился развести руки. Так продолжалось с минуту. Он сопел, и изо рта его шел нестерпимый смрад. Маленькие глазки горели злобой. Я чувствовал, что долго не выдержу. Вдобавок его колено причиняло мне нестерпимую боль. Я узнал его. Узнал по тем приметам, которые мне описала Беата. Это был Марк. Левая часть его лица хранила следы ожога. Это он дважды стрелял в меня несколько лет назад. Выходит, он не покинул эту местность, а ждал своего часа. Я отпустил его руки и, вытянув пальцы, с силой вонзил их в глаза Марку. Он дико взревел, выпустил мое горло и, схватившись за глаза, с воем покатился по песку. Прошло не меньше полминуты, пока я смог подняться. Земля шаталась под ногами. Я попробовал позвать Алкида, но из горла вырывался только хрип. Постепенно головокружение прошло. Я подобрал валяющийся на дороге автомат и подошел к Марку, который продолжал выть, катаясь по земле. Улучив момент, я схватил его за руки и оторвал их от лица. Вместо левого глаза зияла кровавая дыра. Правый же выскочил из орбиты и висел на нерве. Марк вырвал руки и, схватив мои, с силой потянул на себя. Забыв, что в руках у меня

автомат, я со всего размаха заехал ему каблуком сапога в челюсть. Послышался хруст, и руки мои освободились от его железной хватки. Я поднял автомат, но тут же опустил его и пошел к поджидавшему меня Алкиду. Только сейчас я заметил, что руки у меня в крови. Казалось бы, что мне пора привыкнуть к виду крови, но эта кровь на руках вызвала приступ тошноты. Я нарвал листьев подорожника, тщательно размял их и образовавшейся кашцей тщательно вытер руки. Только после этого смог сесть на коня. Ехать пришлось недолго. Метров через двести, за поворотом дороги, моему взору открылась следующая картина. Первое, что я увидел, это была привязанная к дереву Ласточка, через седло которой была перекинута Елена. Руки ее были связаны, а изо рта торчал кляп. Шарик заливался хриплым лаем, повернув голову к росшему у края тропы развесистому дубу. Присмотревшись, я увидел спрятавшегося в его ветвях щуплого мужичонка. У подножия дуба валялась старая, выдавшая виды двухстволка.

Первым делом я освободил Елену. Она была без сознания. К счастью, с меня на поясе висела фляга с коньяком. Я разжал ей зубы и влил несколько капель. Через минуту она глубоко вздохнула и открыла глаза. Они постепенно приобрели осмысленное выражение. Жалкая улыбка тронула губы, и она вдруг заплакала.

— Ну, успокойся, девочка! — я легонько похлопал ее по щекам. — На! Выпей еще пару глотков.

Она жадно глотнула два раза и попыталась подняться.

— Лежи! Приди в себя. Все уже позади. Я оставил ее и подошел к дубу. Шарик перестал лаять и только время от времени угрожающе ворчал, лежа у ствола. Бок у него был в крови. Я открыл ружье и вытащил гильзу. Как и предполагал, патрон был заряжен мелкой дробью. Второй ствол был пуст. Видимо это был единственный заряд, которым располагали напавшие на нас бродяги. «Где же автомат Елены? — подумал я. — Почему его нет и почему им не воспользовались?»

— Они не нашли автомат! — сообщила подошедшая ко мне Елена, — им помешал Шарик. Автомат остался в шалаше. Я его держала в траве, под одеялом.

— Они напали на тебя, когда была в шалаше? — повернулся я к ней.

— Да, я зашла за солью. В это время шалаш вдруг обрушился на меня. Они думали, что ты тоже в шалаше, и решили напасть таким образом. А тут раздался лай Шарика. Поняв, что ты не со мною, они заторопились. Меня перекинули через седло Ласточки и повели лошадей лесом на поводу. Затем, выйдя на дорогу, сели на них. Марк...

— Откуда ты знаешь его имя? — удивленно перебил я ее.

— Так звал его второй. Потом я сама догадалась. Беата мне рассказывала про него. Но не это главное.

— А что?

— А то, что он принял меня за Беату. Он назвал меня ее именем.

— Да?

— Он сказал, что я, то есть Беата, не ушла от своей судьбы. Что с детства была предназначена ему, Марку, и теперь буду его покорной рабыней. Он так и сказал «покорной рабыней». Потом он говорил, что будет бить меня каждый раз, пока я не стану языком слизывать пыль с его сапог. Ты его убил?

— Почти... А как случилось, что Алкид вырвался?

— Я хотела тебе рассказать, но ты перебил меня. Когда мы вышли на дорогу, я еще была в сознании. Марк сел сзади меня на Ласточку, а Алкида держал за повод. Старик бежал рядом, ухватившись за стремя. Затем нас настиг Шарик. Марк велел старику сесть на Алкида, чтобы побыстрее уйти от погони. Когда старик взобрался в седло, Алкид встал на дыбы, вырвал повод у Марка. Старик вылетел из седла, а Алкид, почувствовав, что ты идешь следом, помчался назад.

Итак, все прояснилось. Я посмотрел вверх, где в ветвях дуба затаился второй бродяга. Тот стоял на толстой ветви, прижавшись телом к стволу, наивно предполагая, что его еще не заметили.

— Эй! — крикнул я. — Слезай!

Тот остался неподвижным. Я поднял автомат и сделал вид, что целюсь.

— Сейчас! Сейчас! Одну минутку! Подождите! — заторопился бродяга. — Уберите собаку!

— Шарик, сюда! — позвала Елена, присев на корточки.

Пес, скуля, подполз к ней и уткнул морду в колени.

— Бедный ты мой, бедный! — ласково заговорила Елена, глядя его по голове.

Шарик заскулил громче.

Мужичонка тем временем слез с дерева и остановился у ствола, не решаясь сделать шага. Я всмотрелся в его лицо, которое показалось мне знакомым. Это был Егор, которого семь лет назад мы задержали вместе с Катей и ее подружками с тушей убитого лося. Мы еще тогда, после разгрома банды Бронислава, удивлялись, куда он мог исчезнуть. И вот теперь этот Егор объявился в компании с Марком. Что свело их вместе? На нем была куртка из шкуры косули, мехом наружу и такие же штаны до колен. На ногах нечто вроде грубо сшитых индейских мокасин.

Я стал его расспрашивать. Поначалу он не узнал меня, а когда узнал, еще больше испугался. Выяснилось, что Егор подъехал тогда к своему селу как раз в самый разгар бесчинства банды Бронислава. Ошибочно приняв банду за нас, он скрылся в лесу и вернулся в село только через месяц, когда оно опустело и

жители перебрались в наше расположение. Он облюбовал себе один из домов и прожил там два года, пока случайно не встретился с Марком.

— С ним был еще один, — пояснил Егор, — но однажды они ушли, и потом Марк вернулся без него.

— Он тебе ничего о нас не говорил?

— Как же! Рассказывал. Он тогда и сказал мне, что его товарища убили вы.

— Возможно, — согласился я, вспоминая облаву после второго покушения на меня, когда мои бойцы стали прочесывать лес. Может быть, кто-то полоснул очередью по кустам и случайно угодил в напарника Марка.

— И что? После этого Марк жил все время с тобою?

— Да! У него кончились патроны к автомату. У меня еще был запас зарядов к ружью, но все с мелкой дробью. На уток.

— Чем же вы жили?

— С огорода. Да вот рыбу ловили.

— У тебя есть лодка?

— А как же. Баркас да еще маленькая, двухместная. Я рыбак с детства.

Дальше из расспросов выяснилось, что село это находилось почти рядом. Я вспомнил, что стою как раз на той дороге, по которой в те памятные дни прошел наш танковый десант, отрезая путь к отступлению банды. Эту дорогу я пересек два дня назад по пути к месту своей засады, но она в том месте круто сворачивала на юг, обходя болота, и я не обратил на нее внимания. С момента похищения Елены прошло всего полтора часа. Все развивалось в бешеном темпе. Можно было надеяться, что Покровский в это время находится в селе. Я еще мог его догнать.

— Там неподалеку лежит твой друг. Можешь пойти и забрать его, помочь дойти до дома, — уточнил я, чтобы дать ему понять, что Марк жив.

— Какой он мне друг? Ирод настоящий, — вдруг озлился Егор. — Пусть его баба за ним идет, если хочет.

— Какая еще баба?

— А, есть у него одна. Года три назад привел откуда-то. Ведьма!

Дальше выяснилось, что Егор был у Марка фактически на положении раба. Сам Марк не любил трудиться, заставляя все по огороду делать Егора, которого часто бил. Его сожительница тоже нередко распускала руки.

Егор как-то даже пытался уйти от них, но Марк его нашел и основательно избил.

— Ты сможешь удержаться в седле? — спросил я Елену.

— Если ты мне поможешь взобраться.

— Тогда в путь, — я посадил Елену на Ласточку.

— Веди! — приказал я Егору, вскакивая в седло. Тот еще раз опасливо покосился на Шарика и пошел вперед.

Действительно, вскоре мы вышли на окраину села, как раз в том месте, где бандитов встретил танковый десант. Я тщетно всматривался в покрытие дороги, стараясь обнаружить след телеги, но его не было. Покровский еще не покинул село. Это меняло дело. Надо быть осторожным, чтобы не нарваться на его пулю.

— Дойди по поворота, — приказал я Егору, — и посмотри, нет ли там, на площади, телеги. Если нет, то обернись и махни рукой. Если есть, то подойди и заведи разговор с людьми на ней. И смотри мне! — угрожающе добавил я.

— Вот если бы не это село, — подъехал я к опередившей меня Елене, — то мы бы никогда не встретились. Здесь мы узнали о существовании банды Можиевского

— Я знаю, — кивнула головою Елена, — мне рассказывала Катюша. Вон Егор машет рукою

Мы подъехали. Дальше улица шла прямо и просматривалась вся, вплоть до самого въезда в село. Телеги нигде не было видно. Я соскочил с коня и вдруг замер на месте. На песке явно обозначались следы проехавшей телеги. Они круто сворачивали вправо.

— Куда ведет эта улица? — спросил я Егора.

— К реке. Метров триста будет.

— Держи повод, — приказал я ему, — Елена, останься здесь и никуда ни шагу!

Взяв автомат и прижимаясь к домам, я быстро побежал вниз по ведущей к реке улице. Вскоре я увидел телегу и впряженную в нее лошадь. Рядом никого не было. Я стал медленно приближаться. Подойдя ближе, увидел, что телега пуста. Ни людей, ни вещей. Бросив взгляд на реку, я обмер. Вдали плыла большая лодка. Еще минута — и она скроется за поворотом. Я выбежал на мостки, поднял автомат, но тут же опустил его — расстояние было слишком велико. Как жаль, что я забыл в засаде свою винтовку с оптическим прицелом. Преследовать Покровского берегом было невозможно. За прошедшие годы берега превратились в непроходимые болота. Тут я вспомнил, что Егор говорил мне о второй лодке. Я поискал ее возле причала, но не нашел. Пришлось возвращаться ни с чем.

— Мерзавец! — выругал я Покровского, проходя мимо телеги. — Даже лошадь не выпряг. Ну ничего, останется в наследство Егору.

Поднявшись по улице, я заметил, что в окне одного из домов мелькнул силуэт.

— Где твоя вторая лодка? — спросил я Егора.

— Я ее недавно просмолил, но не успел спустить на воду.

— Жди нас здесь, на площади. Мы скоро вернемся, — сказал я ему, вскакивая в седло.

— Где Покровский? — Елена догнала меня и поехала рядом.

— Уплыл наш генерал. Мы сейчас заберем мою винтовку и твой автомат. Потом ты вернешься вместе с Егором домой. Он тебя проводит, а я на лодке попробую догнать Покровского.

— Никуда я возвращаться не буду. Особенно теперь, да еще с Егором!

— Я тебя очень прошу. Будь послушной девочкой, вернись домой!

— Я буду послушной девочкой, — рассмеялась она, — но никуда без тебя не вернусь. Особенно теперь.

— На сей раз это легко сделать. Я просто не возьму тебя в лодку и ты вынуждена будешь вернуться.

— Ты этого не сделаешь! — на глазах Елены показались слезы. — А если сделаешь, то я прыгну в воду и буду плыть за лодкой до тех пор, пока ты меня не вытащишь. Клянусь памятью сестры!

По-видимому, Елена унаследовала от Беаты не только внешность, но и характер. Она как две капли воды была похожа на нее, разве что была выше ростом. Мне кажется, что характер ее был даже несколько жестче, чем у сестры. Беата, например, неохотно садилась в седло. Эта же с детства как сумасшедшая скакала верхом, несколько раз падала, но никогда не жаловалась на ушибы и ссадины. Она, кроме того, прекрасно плавала и хорошо стреляла.

— Ты понимаешь, что будешь мне обузой, — решил я действовать с другого конца.

— Что ты сказал?

Я повторил, но невольно опустил глаза под ее пристальным взглядом.

— Ты не умеешь врать. Будем считать, что ты этого не говорил, а я не слышала, — она внезапно рассмеялась.

— Ты чего? — не понял я.

— Так, потом скажу! — крикнула она и пустила Ласточку вскачь.

Вернувшись, мы застали Егора стоящим на площади. Но он был не один. Рядом с ним стояла довольно внушительная и грузная особа лет сорока-сорока пяти и угрожающе размахивала перед самым его носом руками. Егор пятился, прикрывая лицо локтем. Особа была так увлечена своим занятием, что не заметила, как мы приблизились.

— В чем дело, барышня? (Елена фыркнула от смеха), — спросил я, подъезжая к ней почти вплотную.

От неожиданности «барышня» отпрянула от коня и, потеряв равновесие,

плюхнулась задом на дорогу. Но тут же вскочила и, отбежав шагов на пять, посмотрела на меня. Я заметил, что под массивным носом — густые черные усы.

— Где мой муж? Куда вы его дели? — спросила она неожиданно тонким голосом.

— Я ей объясняю... — начал было Егор, но я остановил его знаком.

— Там у причала стоит телега с лошадьёю. Возьмите ее и поезжайте по этой дороге. В полутора километрах отсюда вы найдете Марка. Он слегка поцарапался и не сможет сам идти.

Не дожидаясь ее ответа, я тронул жеребца и поскакал к причалу. Вслед за нами, радуясь, что наше возвращение избавило его от жены Марка, заспешил Егор.

— Вот что, Егор! — я прижался лицом к голове моего верного Алкида. Елена уже сидела в лодке. — Отведешь сейчас же коней в наше расположение. Дорогу ты туда, надеюсь, помнишь? И смотри, головою мне за них ответишь. Садись на Ласточку. Она смирная. В Грибовичах найдешь Веронику Шалимову. Да ты ее знаешь. Она заведует там птицефермой. Расскажешь ей все. Она найдет тебе посильную работу. Ты понял меня?

— Все сделаю, — обрадовался Егор. — Как же, как же. Я хорошо знаю Веру! Если бы я знал... А Катя как? Жива?

— Жива, Егор, жива. Скажешь ей, что мы живы и здоровы. Ну, поезжай, не медли.

Я подождал, пока Егор взобрался на Ласточку, и подал ему повод своего Алкида.

Глава XLII ВНИЗ ПО РЕКЕ

В своей жизни я делал немало ошибок. Однако они не были проявлением глупости. Теперь же... Меня можно было понять, если бы я застрелил Покровского на месте... Никто не осудил бы меня, как не осудили, если бы это произошло и позже. Но добиться освобождения Покровского и кинуться догонять его, чтобы убить или самому быть убитым? Этому трудно было найти объяснение. Теперь я не мог отказаться от своего плана без того, чтобы не выглядеть смешным в глазах окружающих. Правда, утешало присутствие Елены. Если она пошла со мной, — рассуждал я, — значит чувствует мою правду. Если бы ее не было со мной, скорее всего я, может быть, и отказался бы от своего плана и вернулся домой, встреченный скрытыми насмешками.

Узкий рыбацкий челнок был явно перегружен. Вода плескалась у самого борта. Но грести по течению было легко. Досаждали лишь комары. Даже

Шарик, который сидел на носу, тихо повизгивал. Берега представляли собой сплошные топи. Пристать фактически было некуда.

Покровского я рассчитывал догнать до темноты. Елена поместилась на корме, держа наготове автомат. Я же, сидя на веслах, лишь время от времени мог поглядывать вперед. Река была пустынной.

Стало темнеть, появились первые звезды, взошла луна. Похолодало. Я бросил весла и повернулся, чтобы достать ватник и дать его Елене. И тут я увидел баркас. В тот же миг я почувствовал удар в левое плечо и лишь затем услышал автоматную очередь. Елена вскочила и, рискуя свалиться в воду, открыла ответный огонь. Я, схватив винтовку, старался поймать в оптический прицел баркас. С него уже не стреляли. Елена сменила магазин и снова открыла огонь. Мне показалось, что над бортом баркаса появилась голова Покровского, и я плавно нажал спуск.

В оптический прицел было видно, как Покровский приподнялся над бортом и тут же исчез. Стало тихо.

Только сейчас я почувствовал боль в плече. Рука вся была липкой от крови, но, к счастью, сохраняла подвижность. Кость, видно, не была затронута.

— Тихонько подгрей к баркасу! — попросил я Елену.

Когда до баркаса оставалось метров тридцать, я почувствовал, что лежу в воде. Наша лодка тонула. Вероятно, пули Покровского прошили ее корпус.

— Мы тонем! Давай быстрее!

До баркаса оставалось метров десять, когда наша лодка осела еще глубже и зачерпнула воды. Стараясь не опрокинуть ее, я соскользнул в воду и, подплыв к корме, стал толкать ее к баркасу. Вскоре лодка ткнулась носом о борт стоящего поперек течения судна. Это было последнее, что я помнил.

Не могу представить себе, как Елене удалось вытащить меня из воды и спасти большую часть нашего имущества, оружие. Я провалялся в беспомощности трое суток. Рана воспалилась, начался жар. Когда я очнулся, был яркий полдень. Немилосердно пекло солнце, хотя Елена устроила надо мной нечто вроде навеса. Я огляделся. Она поняла меня:

— Его жена тоже погибла... Было темно... Ей следовало бы лечь на дно баркаса...

Я закрыл глаза, давая ей понять, что все понял. Только спустя еще два дня я настолько окреп, что мог выслушать ее рассказ и говорить сам. Покровского убил я. Моя пуля попала ему в переносицу, и он умер мгновенно. Жена же его была вся изрешечена пулями. Когда Елена вытащила меня на борт баркаса и осмотрелась, то обнаружила ее сидящей на корме лодки. Елена внезапно почувствовала страх и не могла притронуться к телам убитых. Так мы и плыли целую ночь по течению реки: я без сознания, а она наедине с трупами. Только на следующий день она превозмогла себя и сбросила трупы в воду. Тело Покровского сразу же пошло ко дну. Труп его жены долго не хотел тонуть и

несколько часов сопровождал баркас, время от времени ударяясь о его корпус.

Баркас был тяжел и рассчитан на три пары весел. Ни Елена, ни я, ослабевший после ранения, справиться с ним не могли, и его несло по течению. К счастью, Покровский оказался запасливым и, очевидно, планировал путь по реке. В лодке оказались переносная жаровня, изрядный запас провизии и несколько бутылок красного вина.

Только на пятнадцатый день после нашего вынужденного путешествия я сделал попытку сесть на весла. Но, увы, вскоре выдохся. Мне удалось развернуть лодку носом против течения, но дальше, несмотря на мои и Еленины усилия, она не сдвинулась с места. Нужно было искать место высадки. Я даже не знал, где мы находимся. Мы плыли мимо затопленных и разрушенных деревень.

— Как долго это будет продолжаться? — Елена приподняла марлевую накидку, закрывающую ее лицо от комаров, и вытерла пот.

— Пока мы не найдем устье притока.

— Я не об этом. Сколько еще берега реки будут таким вот болотом?

— Трудно сказать. Думаю, сейчас берега многих рек вот так заболочены. Во всем виноваты плотины. Перед тем как их прорвать, вода залила берега. Почвенные воды повысились. Отсюда и болота. Хотя, думаю, лет через шесть установится равновесие, и реки войдут в берега, а пока... Представляю, что сейчас делается по берегам Волги.

— Ты там был?

— В детстве... Уже после того, как ее перегородили плотинами. Отец мне рассказывал, что раньше вдоль берегов тянулись заливные луга. Трава там была чуть ли не в рост человека... Когда с пастбищ возвращались стада, они шли часа два... Столько было скота. Потом, когда луга исчезли, скот порезали. Кормить было печем... В общем, наделали великих бед великие стройки. Исчезла рыба. Кто-то подсчитал, что урон от затопления лугов был гораздо больший, нежели прибыль от орошаемых земель.

— Но теперь все восстановится?

— Не знаю. В Каспий вместе с водой прорванных плотин теперь должны войти миллиарды тонн грязи... Не приведет ли это к гибели его обитателей? Словом, что ни делает дурак, все он делает не так.

— Ты это о ком?

— Да так... Любимая поговорка отца... Он часто повторял ее, когда по радио и телевидению сообщалось о таких великих стройках. Ты знаешь, он мне рассказывал, что если бы до революции кому-то пришлось в голову рубить кедры, то местные мужики его забили бы до смерти. А у нас за три-четыре десятка лет свели на нет все кедровые леса, испоганили Ладогу, надругались над Байкалом...

Глава XLIII «МЕХОВЫЕ КУРТКИ»

— Смотри! — прервала меня Елена, показывая вперед.

Шарик, до этого времени дремавший на носу баркаса, вскочил на ноги и яростно зарычал.

Я оглянулся. Прямо по курсу нам наперерез двигались три лодки. В каждой из них было человек по пять. Вдоль правого берега тихо крались еще две, отрезая нам путь к отступлению. Я бросил весла и схватил автомат. Елена уже держала свой наготове.

— Ложись на дно! — сказал я ей, быстро перебираясь на нос, — кажется, будут стрелять.

Когда до лодок оставалось метров тридцать, я послал в воздух очередь. Выстрелы подействовали. Лодки сгрудились посреди реки, сидевшие в них люди стали совещаться. Наш баркас сносило прямо на них.

— Эй! — крикнули с лодки, — кто вы?

— Потерпевшие крушение... и вообще мирные люди... А вы кто?

— Мы тоже мирные. Здесь живем! — последовал ответ.

— Пропустите нас! — потребовал я.

— Стрелять не будешь?

— Не буду!

Лодки начали расходиться, а баркас продолжал плыть по течению.

— Эй! — снова раздался крик. — Туда дальше нельзя.

— А что такое?

— Вы не найдете выхода на берег. Кругом болота. Вас разнесет в щепки, когда будете плыть через плотину.

— Держи-ка их на прицеле, — тихо сказал я Елене, садясь на весла.

— Я могу высадиться здесь?

— Давай, нам не жалко!

— Только без фокусов! Показывайте путь.

Вход в устье притока был незаметен. Я бы его наверняка принял за очередную заводь гниющей воды. Вскоре берега этой «заводи» стали уже, показались сухие участки берега. Лодки направились туда. Я причалил в метрах тридцати от наших провожатых. Понимая мои опасения, они не делали попыток приблизиться. Мы с Еленой взяли два рюкзака, наполнили их

провизией и боеприпасами. Мне пришлось взять еще винтовку с оптическим прицелом, третий автомат, бывший у Покровского. Общий груз был внушительным. Немного подумав, я вытащил у генеральского автомата затвор и, широко размахнувшись, швырнул его в реку. Затем забросил и сам автомат. По моим расчетам, идти придется километров триста, а если учитывать различные препятствия, то и все четыреста.

— Подойдите кто-нибудь, — позвал я, обращаясь к стоящим неподалеку людям.

Один из них двинулся к нам. Одет он был в самодельную меховую куртку без рукавов на голое тело и латанные-перелатанные джинсы, заправленные в меховые чулки.

— Все это и баркас, — я кивнул на оставленные вещи, — мы отдаем вам.

— А вам не жалко?

— Все равно мы всего не утащим, а идти придется долго. Километров триста с гаком, если не больше.

— Вы что, так и пойдете?

— А что делать?

— Может, зайдете в поселок?

— Я бы зашел. Да опасаясь, — откровенно признался я.

Мой собеседник понимающе кивнул:

— Да, прошли времена, когда человек мог не опасаться человека.

Я вытащил пачку сигарет, закурил сам и предложил собеседнику. Около ста ящиков таких сигарет мы вместе с Алексеем вывезли несколько лет назад с табачной фабрики. Он взял сигарету, жадно затянулся, но тут же закашлялся.

— Что, нет табаку?

— Пытались выращивать, но не то семена были испорчены, или другое, но ничего из этого не получилось.

— А как тут... собаки не досаждают?

— Житья от них нет! Особенно первые годы, но потом немного стало меньше... Хотя... И сейчас скот без охраны выпустить нельзя. Что будет дальше — не знаю. Заряды уже кончаются... — сказал он и тут же спохватился, поняв, что сболтнул лишнее незнакомому человеку.

— Можете меня не опасаться, — успокоил я его, — мы живем в полном достатке, так что нет причин нападать на вас.

— А много вас?

— Несколько десятков тысяч.

— Что? — удивленно воскликнул он. — Тысяч?! Как же вы уцелели?

— Сначала было немного, потом к нам присоединились другие. Теперь у нас несколько поселков и город. Мы называем это республикой. Даже школы есть и университет.

— Вы это серьезно?

— Вполне!

— Ну, тогда вы не должны так просто уходить. Я вас очень прошу, задержитесь хотя бы на день. Разрешите представиться: Владимир Иванович Мухин, в прошлом хирург, работал в Москве.

— Выходит, мы с вами коллеги, — мы еще раз обменялись рукопожатием.

— Вы знаете, мы вас вначале приняли за разведчиков... Есть тут такие... Рыскают, грабят, убивают, насилуют. В прошлом году вот так же приплыли на лодках... Хорошо, что еще мы тогда имели заряды к винтовкам и автоматам... Еле отбились, но потеряли человек двадцать...

— Вот как! Нам тоже не раз приходилось встречаться с бандами, но эти встречи всегда заканчивались для бандитов плохо. Нас ведь много, да и оружия хватает.

— Нас здесь меньше. Около трехсот, включая детей и женщин... Я вас очень прошу, задержитесь хотя бы на день. Мы потом вас проводим до прямой дороги. А так вы сами будете блуждать среди болот.

— Ну как, Елена, остаемся? — обернулся я к своей спутнице, которая, несмотря на мирный характер нашей беседы, держала оружие наготове.

Она пожала плечами, предоставляя мне решать, как поступить.

— Ну хорошо! — решил я после некоторого раздумья, — Пожалуй, на сутки мы можем задержаться.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Мухин.

— Я придержу Шарика. — Елена взяла собаку за ошейник и повела ее к баркасу.

Нескольких слов Мухина было достаточно, чтобы настороженное выражение лиц его товарищей сменилось дружелюбными улыбками. Меня окружили, забросали вопросами. Я постарался в немногих словах удовлетворить их любопытство. Сами они были в большинстве своем беглецами из самых разных мест, где их заставала эпидемия. Некоторые пришли сюда с семьями. Другие потеряли родных и близких во время всеобщей паники и неразберихи и уже здесь, на месте, обзавелись новыми семьями.

— Везде одно и то же, — печально подвел итог Мухин, — полная дезорганизация, паника, насилие... Особенно это ужасно выглядело в Москве. Я чудом уцелел, хотя и потерял семью. Некоторые улицы были сплошь заваленные трупами. Когда все кинулись в повальное бегство, на улицах образовались пробки. Все смешалось — толпы людей, потоки автомашин... Крики матерей, потерявших в общей давке детей, выстрелы, вопли

раздавленных... Ко всему этому добавьте начавшиеся пожары. Обезумевшие люди попадали в ловушку между горящими и рушащимися зданиями, метались в поисках выхода...

— Надо было переждать в квартире...

— Я так и сделал. Но сколько можно просидеть без воды, пищи, без освещения, с забитой канализацией. Да и оставаться в квартире было опасно. Начался разгул бандитизма, насилия. Бандиты взламывали двери, убивали, насиловали. Двумя этажами выше убили родителей, изнасиловали четырнадцатилетнюю девочку и выбросили ее из окна пятого этажа на улицу. Мне кажется, что вся мерзость, накопившаяся в людях за тысячелетия, освободилась и выплеснулась, не встречая преград...

Глава XLIV

ЕЛЕНА

Третий день я нахожусь в поселке. Мне разрешают свободно ходить по нему, но за ограду не выпускают. Поселок окружен высоким забором из заостренных кольев. По бокам этого квадрата стоят деревянные сторожевые вышки, на которых постоянно дежурят часовые, вооруженные охотничьими ружьями, заряженными жаканами. В поселке десятка два больших, похожих на бараки домов, в каждом из которых живет несколько семей. Две трети всей площади поселка занимают огороды. Тут же находятся помещения для скота — десятков трех коров и пяти лошадей. Их каждый день под охраной пяти человек выводят за ограду на выпас. Небольшая нива, около ста гектаров, находится в двух километрах от поселка, и там же рядом еще гектаров десять огородов. В общем, поселение это напоминает старинную славянскую крепость. Дома сложены из толстых бревен, в которых прорублены узкие окошки, такие, что в них не пролезет даже голова ребенка. В случае нападения каждый такой дом превращается в крепость. Меня поселили в одном из них, выделив маленький отсек, отделенный от соседних тонкой деревянной перегородкой. В соседнем живет Мухин.

Елена исчезла. В самый последний момент, когда я собрался идти в поселок, она решила остаться ждать на баркасе. Я отдал ей свой автомат. Уже отойдя от берега, увидел, как она направила баркас на середину реки и там поставила его на якорь.

Во главе небольшой общины жителей поселка стоял совет старейшин, где главную роль играл бывший учитель истории сельской школы Василий Степанович Шумский. Это был крепкий мужчина лет пятидесяти, с густыми черными волосами, сквозь которые пробивалась седина. Встретил он меня настороженно, долго и подробно расспрашивал, время от времени задавая вопросы, словно пытаюсь поймать на противоречии. Мне это не понравилось, и

я так и сказал ему:

— Послушайте, Василий Степанович! Меня не устраивает тон нашей беседы. Я пришел с самыми дружескими намерениями и получил от ваших товарищей заверение в безопасности. Если вы мне не доверяете, то разрешите откланяться.

— Не горячитесь! — остановил меня Шумский, — поймите правильно. Время такое, что каждый новый человек может оказаться врагом, если не сейчас, то в будущем. На мне лежит ответственность за доверившихся мне людей. Вы вот говорите, что у вас большая организация. Могу ли я быть уверенным, что эта организация не проявит к нам враждебности? Ваши слова? Но что стоят слова в наше время? Вы теперь знаете, чем мы вооружены, сколько нас, что мы имеем. То есть располагаете полной информацией. А что имею я? Только рассказы.

— Но позвольте, я же не напрашивался. Ваши люди предложили мне сначала высадиться на берег, а потом посетить поселок.

— Опытный и умный разведчик именно так и поступил бы.

Я ничего не мог возразить.

— Ну вот видите, — заметил он мое замешательство, — у меня нет другого выхода. Сейчас сюда доставят вашу спутницу...

В это время дверь дома распахнулась, и в нее ввалилась ватага людей в меховых куртках.

— Ну что? — встретил их вопросом Шумский. — Где женщина?

— Она не захотела к нам идти, — ответил один из вошедших.

— Надо было привести силой!

— Так она не подпускает. Палит из автомата и грозит, что пришьет каждого, кто приблизится.

— Я требую ее привести! — нахмурился Шумский.

— Вот походи и приведи, если ты такой храбрый. И еще она сказала, чтобы вот его немедленно освободили.

— Вот так? — хмыкнул Шумский. — Ну, ничего, померзнет, через пару дней сама прибежит.

Ночи в последнее время были действительно холодные. Стоял конец сентября, и по утрам на почве были заморозки.

— Вы меня извините, я не предполагал, что так получится, — встретил меня Мухин, когда я вышел из дома Шумского. — На собрании я буду настаивать, чтобы вам предоставили свободу.

На следующий день на собрании жителей поселка Мухин тщетно требовал отпустить меня, ссылаясь на то, что я пришел по его приглашению,

добровольно.

В совещании участвовали только взрослые мужчины. Позже я понял, что, несмотря на кажущуюся демократию устройства быта поселка, женщины были в нем совершенно бесправны. Вся работа в огородах выполнялась ими. Работа мужчин заключалась лишь в охране поселка и сопровождении женщин, если тем приходилось работать на огородах за оградой. Ну и пасти скот, конечно. Женщины же выполняли всю тяжелую работу.

Мухин, которому я высказал все, что думал по этому поводу, только беспомощно развел руками:

— Знаете, а ведь в сущности большинство из них хорошие и добрые люди. Но поймите, сама обстановка располагает к огрублению нравов. Семей фактически нет. Люди сходятся, расходятся — никто этому не придает значения. Ни один мужчина не может с уверенностью сказать, что ребенок, который родился у его сожительницы — его ребенок.

Этот разговор произошел поздно вечером, на вторые сутки моего заточения. Мухин зашел ко мне за перегородку и принес бутылку мутной жидкости.

— Не хотите выпить? — предложил он, ставя бутылку на пол, так как стола в моей камере не было

— Самогон?

— Он самый.

— Нет, благодарю вас, не хочется.

— Ну, так и я не буду, — он поднял с пола бутылку и сунул ее в карман куртки.

— Вообще, страшная гадость, но за неимением других «культурных» развлечений... Что остается? Выпивка и бабы!

Где-то, видимо, в соседнем отсеке, послышались звуки глухих ударов и вскрики женщины.

— Это Гальченко! — перехватил мой взгляд Мухин. — Привел к себе молодую девчонку лет шестнадцати-пятнадцати... Кажется Марийку. Или нет... А, неважно! Она его не хочет, вот он ее и бьет...

— И что, никто не заступится?

— Ха! Сами такие. А потом, это запрещено!

— Не понял.

— Вступиться за женщину, если у нее какие-то недоразумения с мужчиной... Что, удивлены? Я и сам удивлялся, а потом понял, что иначе нельзя. Нас всего здесь пятьдесят мужиков. Что будет, если мы перегрываемся из-за баб? Знаете, как бывает?... Слово за слово, и пошло-поехало. Сначала словом, а потом кулаком, ножом... А кто будет защищать тех же женщин, если нападет банда? Вы можете выйти на улицу, взять за руку любую женщину,

сказать ей: «Пойдем» — и она безропотно должна подчиниться.

— Ну, а если она любит другого? — возразил я, хотя ситуация в поселке была мне ясна.

— Кого это интересует? — горько усмехнулся Мухин. — Вы знаете, я иногда ловлю себя на кощунственной мысли: хорошо, что мои жена и дочь погибли... Вот и ваша жена... вряд ли вы смогли бы здесь защитить ее от насилия. Кстати, интересно, где она сейчас? Баркас сегодня утром нашли, но ее в нем не было.

— Послушайте, Мухин, помогите мне бежать!

— Я бы, — Мухин понизил голос до шепота, — и сам бежал бы вместе с вами. Но видите, как вас охраняют. Разве что месяца через четыре, весной, когда бдительность сторожей притупится.

— Это исключено! Елена не сможет в лесу пережить это время. Если вы серьезно хотите отправиться со мной, я согласен. Может быть, у вас есть еще один или два надежных товарища, тогда мы смогли бы справиться с охраной...

— Я уже думал об этом. Более того, я за эти два дня переговорил чуть ли не со всеми, кому можно доверять. Где там! Никто не хочет...

Глухая ругань мужчины и плач женщины за перегородкой прекратились, и теперь оттуда были слышны скрип досок и тяжелое сопение.

— Обломал-таки, — Мухин, кряхтя, поднялся. — Пойду спать!

Утром меня разбудили сильные удары в дверь. Я вскочил и открыл засов. На пороге стоял Шумский и еще двое мужчин.

— Идемте со мной! — приказал он тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

Когда мы вышли из барака, нас окружила возбужденная толпа. Послышались угрожающие возгласы. Ничего не понимая, я посмотрел на Шумского:

— В чем дело?

— Сейчас поймете. Пропустите нас!

Люди посторонились, образуя узкий коридор. В конце его на подстилке из шкуры лося лежал человек. Когда я подошел поближе, то увидел, что у него точно посередине лба зияет пулевое отверстие. Кровь вокруг уже успели вытереть. Убитому было лет тридцать.

Как потом выяснилось, рано утром пять человек охраны, вооруженные охотничьими ружьями, погнали на пастбище скот. Пастбище примыкало к лесу. Едва только кони и коровы разбрелись по лугу, как прозвучала автоматная очередь, а потом из лесу донесся голос Елены. Она потребовала, чтобы охранники оставили скот, а сами немедленно возвращались и передали, что если через час я не буду освобожден, то из поселка больше никто не выйдет.

Один из пастухов крикнул ей в ответ грязное ругательство и сказал, что ее сейчас поймают и коллективно накажут. Не теряя времени, он первый побежал туда, откуда донесся голос. Но пробежал только пять шагов. Елена действительно стреляла не хуже меня.

Сейчас же толпа требовала немедленно повесить меня на воротах.

— Повесить мы его успеем, — пытался успокоить разбушевавшихся людей бывший школьный учитель, — вот только поймаем его дамочку и повесим обоих, чтобы им не скучно было.

Сквозь сомкнувшиеся вокруг ряды «меховых курток», расталкивая их локтями, протискивался Мухин.

— Послушайте меня! — закричал он. — Если мы его повесим сейчас, до того как поймаем, если вообще поймаем, его жену, то как мы выйдем через ворота? И что будет с нашим скотом? Эти, — он указал на стоящих поодаль пастухов, — бросили стадо и теперь неизвестно, что с ним будет. Пусть вернутся и пригонят его сюда.

— А ведь верно! — спохватился Шумский. — Струсил перед одной бабой. Идите и пригоните стадо.

— Пойди сам, если такой храбрый, а нам подставлять лбы под пули не хочется, — огрызнулся один из них. — Твоя затея была задерживать этого!

Несмотря на критическое для себя положение, я с интересом ждал, что ответит Шумский.

— Нам, — продолжал говорящий, — этот человек ничего плохого не сделал. Напротив, пришел сюда, потому что доверял...

— Так он же шпион! — возразил Шумский.

— А, у тебя кругом шпионы! — напирал парень. — Вот теперь что мы будем делать без молока? Коровы наши тютю!

— Найдутся твои коровы! — огрызнулся Шумский.

— Вот пойд и поищи! Генерал нашелся тут командовать!

— А что? И пойду!

— Пойди, пойд!

— Не испугаюсь. Но смотри, я с тобой разговор не закончил.

Шумский направился к воротам. Не доходя до них несколько шагов, он остановился, снял с плеча двухстволку, переломил стволы и, убедившись, что они заряжены, приоткрыл ворота и выглянул наружу. Немного помедлив, он вышел. Прошел он не более десяти шагов. Раздался выстрел. Парень, споривший с Шумским, подбежал к воротам и выглянул наружу.

— Готов! — обернувшись, крикнул он.

Одновременно с этим прозвучал второй выстрел и часовой, стоявший на

вышке, повис на перилах. Трое остальных на других вышках спешно покинули посты.

— Три!.. — прозвучал в наступившей тишине голос Мухина.

Ему никто не ответил. Все молча смотрели на висящего вниз головой часового.

— У нее снайперская винтовка, — пояснил Мухин, ни к кому не обращаясь. — Похоже, что эта дамочка не успокоится, пока не перестреляет остальных. Так что будем делать?

Тот парень, который полчаса назад пытался накинуть мне петлю на шею, возбужденно заговорил:

— Надо с противоположной стороны подкрасться к лесу... Определим, откуда стреляет, окружим и уничтожим. Надо только ее отвлечь.

— Вот ты и будешь отвлекать, — отмахнулся от него Мухин. — Ничего из этого не выйдет. У нее там собака. Она не даст незаметно подойти. А как стреляет эта дамочка, мы уже убедились. Так что будем делать? — спросил он снова.

— А вот что! — мужчина, повздоривший с Шумским, ясно теперь претендовал на его место.

Он подошел ко мне и решительно отстранил державших меня за руки поселян.

— Вот что! — продолжая он. — Иди-ка ты отсюда к едреной матери! И скажи своей, чтобы она перестала стрелять и убиралась с тобой подальше. Передай, что если попадется к нам в руки, с нее живьем сдерем шкуру, а тебя посадим на кол. Понял? — Он взял меня за руку и подвел к воротам.

— Подожди, Степан! — окликнули его сзади, — а как со скотом? Пусть отдаст скот.

— Отдаст! Куда она его денет?

— Ой! Не говори! А что если со злости перестреляет коров? Что тогда?

— Пошлите со мной людей, и пусть они пригонят скот, — предложил я.

— Я пойду! — тотчас откликнулся Мухин.

Глава XLV

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Ну, что бы ты без меня делал? — уже который раз спрашивала Елена.

Тема эта для нее была неисчерпаема и доставляла, думаю, огромное удовольствие. Разговор каждый раз начинался с этого вопроса, потом она

развивала свою мысль дальше, выводя новые нюансы и идеи.

— Пропал бы! — всегда отвечал я.

Она удовлетворенно хмыкала. Мы покачивались в седлах. Впереди ехал Мухин, который отлично знал эти места и сейчас стал нашим проводником. Елена не только не отдала лошадей, но еще потребовала за коров выкуп в виде седел с полной сбруей и запаса провизии на месяц пути. Она пояснила посланцу поселян, что это отчасти плата за баркас и имущество, находящееся на нем, а отчасти законный ее трофей. Мухин не вернулся в поселок и передал сопровождающему его товарищу, что он уходит с нами. Елена тут же соответственно увеличила размер выкупа. В противном случае, пригрозила угнать весь скот. Требуемое было доставлено на опушку леса.

— Пропал бы!

— То-то! А ты не хотел меня брать. Помнишь, как ты меня гнал. Учти, мужчина без женщины беспомощен. Это не человек, а пол-человека. Он теряет цель.

Это было что-то новое в ее рассуждениях.

— Ну-ну, интересно, значит — цель теряет?

— Я хочу сказать, что назначение мужчины — служба женщине. Только когда рядом с ним женщина, он становится мужчиной.

— Естественно! — рассмеялся я.

— Я не об этом, — покраснела Елена. — Понимаешь, это трудно объяснить словами. Но я это чувствую. Я подумаю, как это сформулировать...

— Подумай, подумай. Тогда и объяснишь мне, — снова рассмеялся я, невольно любясь ее лицом, так похожим на лицо Беаты.

Елена за месяц нашего странствования превратилась в настоящую женщину. Мне показалось, что даже подросла. Она была, как я уже говорил, повыше своей сестры, и я вынужден признать, что красивее. В ней не было, правда, той женской томности, я бы сказал, тепличности, чем отличалась Беата. Елена кипела энергией. Движения ее были быстрыми и точными, хотя сохраняли присущую женщине плавность. Может быть, весь наш образ жизни, постоянная готовность к опасности сделали свое дело. Но это была та женщина, с которой можно было и делить домашний очаг, и ходить, как говорится в этих случаях, в разведку.

«Интересно, как она будет выглядеть в наряде Беаты?» — вспомнил я соболью шубку и шапочку с пером белой цапли. Я видел этот наряд на Беате только раз, когда за нами к леснику приехали Паскевич, Евгения и Катя. Как это было давно! А кажется, только вчера, после разгрома банды, ко мне ночью вошла перепуганная, так мне во всяком случае тогда показалось, молодая полька. Как там дома? Наверное меня и Елену уже перестали ждать, думая, что мы оба погибли. Мне захотелось скорее домой. Успеем ли добраться до начала

холодов?

Шел десятый день пути. Впереди было еще дней двадцать. В воздухе летали белые мухи, когда мы закончили свой путь. Темнеть стало рано.

Никем не замеченные, мы подъехали к дому и спешили. В окне первого этажа, в гостиной, горел свет. Я открыл дверь своим ключом, и мы вошли. Все мое семейство сидело за столом. Уютно пыхтел самовар.

Первым увидел нас Андрейка. Широко открыв глаза, он секунду смотрел на нас, затем бросился Елене на шею.

— ...Мама... мамочка...

Я почувствовал, как комок подкатывает к горлу... Мне не хватило воздуха... Андрей повернулся ко мне, и улыбка осветила его личико.

— Папа...

Не помня себя, я схватил сына и прижал к груди... Он простил меня...

— Тебе покрепче? — услышал я спокойный голос Евгении.

Она держала в руках мою любимую большую голубую чашку и вопросительно смотрела на меня. Может быть, мне показалось, но я заметил в ее глазах слезы.

Глава XLVI КОНТАКТ- III

И опять передо мною берег моря, освещенный лучами невидимого солнца. Угрюмые гранитные скалы, как всегда, — не бросали теней, пронзительные, неприятные крики чаек резали слух.

Мой знакомый дьявол сидит, ожидая меня, на большом валуне. Я его узнал, несмотря на то, что он принял теперь другой образ. Его высокое мускулистое тело слегка прикрыто плащом неопределенного цвета. Плащ кажется то белым, то голубым, то вдруг принимает черный цвет с едва уловимым красным опенком.

«К чему эти дешевые эффекты?» — невольно подумал я. Он красив, этого нельзя не признать. Красив дьявольской мужской красотой, в которой одновременно чувствуется и сила, и ум, и коварство, и благородство. Его черные, с матовым отблеском волосы ниспадают на плечи.

— Привет. Давненько мы с тобой не видались! — говорит он, вставая с валуна и делая шаг мне навстречу.

— Привет! — как можно любезнее ответил я. — И сам я удивляюсь. Подумал вдруг, что ты решил меня оставить в покое.

— Ты много хочешь! — он протянул руку, она была холодна как лед. — Должность у меня такая — присматривать за всем... Эксперимент-то еще не закончен. Как дальше пойдет реакция? Знаешь, в дьяволе всегда сидит ученый! А вот наоборот — реже.

Я промолчал, не зная, что ответить.

— А ты меня пытался обмануть! — продолжал он.

— Не понял?

— Ты говорил, что ни во что не веришь. Предпочитаешь знать.

— И что?

— Как что? Ты веришь! Веришь в человека! Какая разница, во что решил ты верить. В бога, черта, разум? Вера — это предопределение. Я-то думал, что найду в тебе нечто, чего нет в других.

— А!

— Что — а?

— Ты не логичен. Я не верю, а действую. Чувствуешь разницу в понятиях? Я действую сообразно реальности. Причем тут предопределение?

— Но ты имеешь цель?

— И что?

— Ты веришь, что ее достигнешь?

— Отнюдь. Да, я хочу достичь ее. Но реальность нередко меняет условия. «Хочу» и «Верю» — разные понятия! Если же мозг одурманен верой, то к цели я буду идти, как робот. Метода не по мне! Предпочитаю знать!

— А я вот замечаю, что ты говоришь одно, а делаешь другое...

— Вот как?

— Ты пытаешься создать идеальное общество. На этом не раз ломали шею «мудрецы» и поумнее тебя. Когда-то и доктор Фауст пари проиграл... А с ним и душу!

— Насколько помню — нет! Поэт писал, что ангелы ее спасли.

— Ну это враки! Что черту в руки попадет — считай пропало.

— Так Гете — врал?!

— Конечно. Разве цензура могла допустить мою победу?

— Да, ты Фаусту поставил хитрую ловушку. Достичь идеала — значит остановить движение. Идеал — уже не идеал, если достигаешь его. То, что вчера было правдой, сегодня — ложь. Если не понять мудрости этого парадокса, значит застыть в понятии идеального, цепляться за все нарастающую массу лжи, топтаться на месте, тонуть в ней, имея миражи вместо цели.

— Значит, предлагаешь идти вперед? Кого же возьмешь с собой в дорогу? Человека? Этот сосуд мерзости! В нем — зависть, злоба, лицемерие, ханжество, пошлость, угодничество, низость, коварство...

— гордость, благородство, жажда познания, доброта, способность к самопожертвованию во имя правды, любовь, разум... И еще — терпимость, милосердие... Но и то, о чем ты говорил, тоже есть.

— М-да... Вот все думаю, что же вы, люди, взяли от меня, а что — от Бога?

— Вот и разберитесь со Всевышним.

— А людям что — неинтересно?

— Мне — нет. Только в детстве интересно, на кого ты похож: на маму или папу. А потом уже интереснее — на кого похожи твои дети. В них — наши планы, надежды, будущее людей...

— Будущее? Хочешь, я покажу его тебе?

—ловишь на слове?

— Однако ты упрям.

— Кстати, и это качество можешь внести в тот же список.

— В твой или мой?

— Пожалуй, в оба.

— Напрасно упрямисься. Я искренне хочу помочь...

— А я не менее искренне отказываюсь.

— Гордец. Перед кем заносишься? Ведь я могу тебя, как букашку,

— Можешь, не спорю. Но сила — не признак ума. А ведь ты ученым был, Геспер...

— Когда-то я не был чертом, и между людьми и мной царило полное согласие. Я всегда хотел помочь им. И сейчас...

— Знаю, ты и сейчас дал нам шанс...

— Разве все ты знаешь?..

— И не хочу!

— На что же ты тогда надеешься?

— Только на разум!

— Свой, что ли? Или... коллективный?

— Не только. На твой тоже.

— Вот как?

— Конечно. Если ты нас погубишь, чем, в сущности, станешь сам? Ты нами

познаешь себя...

— Дерзишь. Ну-ну! И чем кичишься? Разумом! И как же он вам служит? Чем вы отличаетесь от тех, кто в этой мутной луже жрет друг друга? Те жрут и спят, а вы еще воспеваете это пожирание, вместо того, чтобы искать выход из порочного круга...

— Ты о чем?

— О чем?!!! Да ты только посмотри на то, что вы зовете культурой! Гомер... Что он воспел? Убийства и совокупленья... Разум... Итог его деятельности — пустыни, отравленные реки, моря, дыра в ионосфере... Не кажется ли тебе, что Природа наделила вас им по ошибке? Или я говорю неправду?

— Правду! Наша жизнь полна страданий из-за ошибок неокрепшего нашего Разума. Мы ищем, мечемся, порою сея зло...

— Не поздновато ли с поисками? Как видишь, доискались...

— Да, вполне возможно, что мы и погибнем. Знаешь, как гибнут дети, не справившись с болезнью. Собственно, человечество еще в детском возрасте. А дети творят порою зло, даже не понимая всей тяжести своих проступков. Но потом они взрослеют...

— Боюсь, что вы уже не успеете повзрослеть...

— Возможно, ты и прав...

— О, ты еще не знаешь, в чем я прав!.. Вот ты, например, уверен, что Правда сильнее Силы...

— Да, уверен. Как и в том, что Правда Человека лишь часть Всеобщей Правды Мирозданья...

— Эж, загнул... Какое дело Мирозданью до ваших мелких дрызг? Однако самомненья тебе не занимать. Пойми, человек, ваше бытие — лишь случайный эпизод в жизни Мирозданья.

— Не скажи. Мы носители Разума. А это — вершина развития материи, которая так стремится постичь себя...

— А!

— Послушай, Геспер. К чему этот тон? Ты начал разговор, я тебя не звал. Могу уйти.

— Иди.

— Что идти? Проснусь, и все. Ты исчезнешь.

— Просыпайся. Давай, что медлишь?

— Не могу.

— Правильно. Без моего разрешения еще никто не прерывал со мной разговор.

— Угрожаешь? Да, ты можешь уничтожить меня. Но разве это страшно?

— А муки?

— Они исчезнут вместе с жизнью. Есть нечто более страшное: муки совести. Нередко мы передаем их в наследство поколениям, которым бывает стыдно за дедов, отцов. Вот это нельзя ничем смыть, а значит, нужно стараться избежать...

— Ладно, не обижайся... Что ты там говорил о Правде?..

— Будто ты не понимаешь? Не можешь же ты отрицать, что только трезвый разум может воспринять четко реальность.

— Ха-ха! Вспоминаю, как один мой знакомый, напившись, принял своих детей и жену за чудовищ, перебил их. За это боги обрядили его в женские одежды...

— Теперь давай поставим на место Геракла целое общество...

— Обществу нужно выпить целое море...

— Да, но море лжи! Ложь не хуже спиртного дурманит мозг...

— Но причем здесь Мирозданье? Это проблемы вашего строя. Как говорят: ваши внутренние проблемы.

— Все просто. Одна ложь плодит другую. Вот например, наука — с одной стороны, окно о мир космоса, с другой — часть культуры общества. А если общество отравлено ложью и не может реально воспринимать действительность?

— Понимаю — искажается и представление о Мироздании.

— Да, начав однажды лгать себе, мы уже не можем видеть мир таким, какой он есть на самом деле. И взаимодействуем не с истинным миром, а с его искаженным образом. Разумеется, получая соответствующие результаты. То есть реакцию Природы.

— Вот как? Может, ты скажешь еще, когда это все началось?

— Я же говорю, когда мы начали лгать себе...

— Лгали вы всегда, со своего рожденья...

— Зачем так беспощадно?

— Как же иначе? К себе я должен быть беспощаден... Я — это Ты, вы все, ваше отраженье, то, что вы накопили в себе на своем пути. Но это только часть истины...

— Не понял?

— Знаешь, человек, ребенок нередко бывает прав там, где взрослый совершает ошибку...

— Ты о чем?

— Все о том же. Когда-то, на заре цивилизации, люди лучше понимали Природу, древний человек был разумнее вас нынешних. Конечно, эти знания были интуитивные. Он ощущал себя частью Природы, частью Общего, принимал ее как Разумную Систему. А вы отрицали Разум там, где он не был похож на ваш...

— Постой, не хочешь ли ты сказать, что Природа разумна?

— В вашем понимании — нет! Чтобы понять ее Разум, вам нужно было подняться выше в своем развитии. Теперь же...

— Поздно?!

— Понять друг друга?

— Да!

— Откуда мне знать? Я, повторяю, только ваше отражение. Сколько раз я пытался соединить обе своих сущности, открыть вам глаза. Где там! Пылали костры инквизиции, открытые тайны вы обращали себе во зло...

— И нет больше ни шанса?

— Не знаю. Сказал тебе, не знаю! Начало Злу дали вы... Теперь и пожинаете его плоды... Ищите Путь, Надежду... в себе ищите. Все зависит только от вас...

г. Львов 1987–1988 гг.

Редакция рукописи произведена в апреле 1992 года.